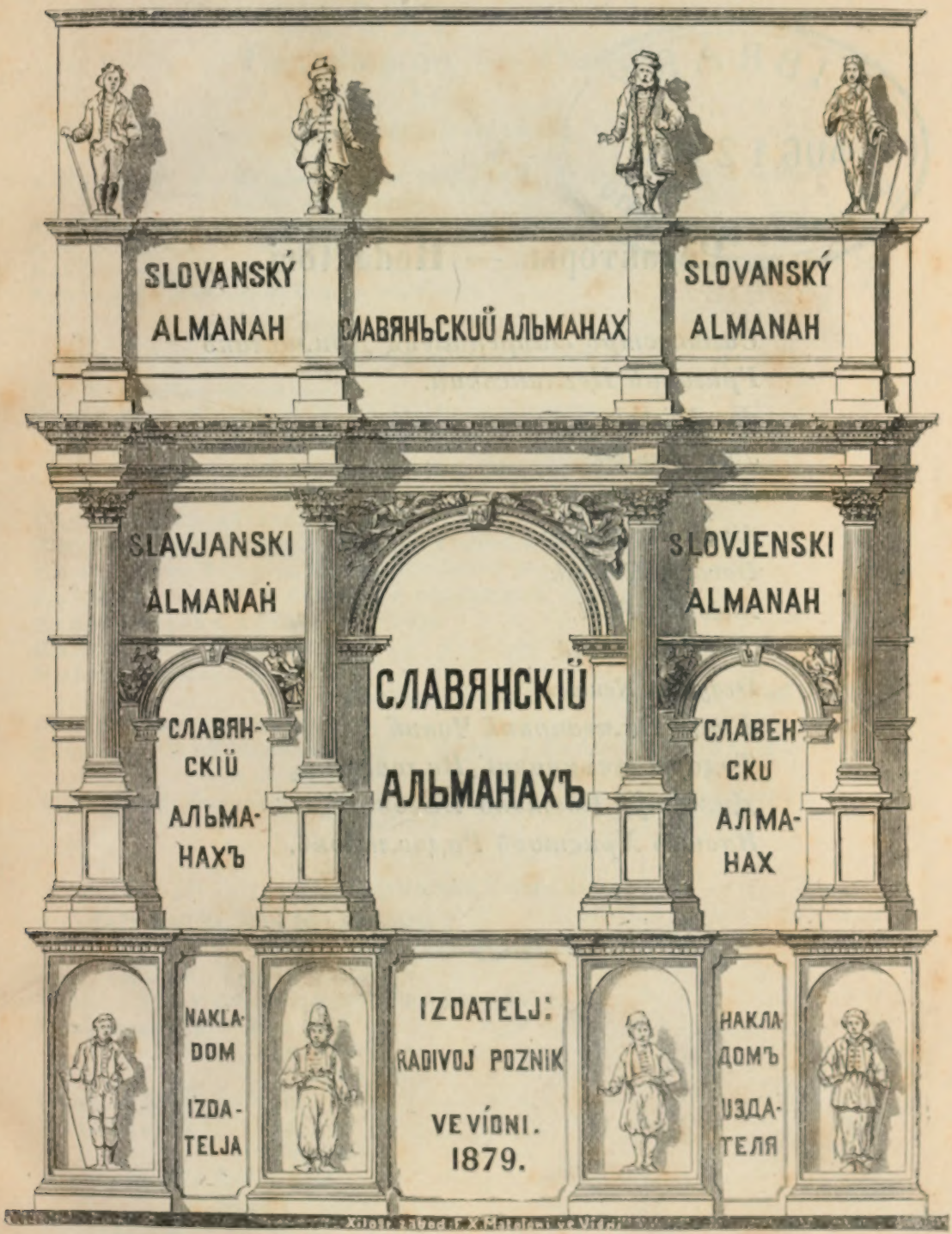
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00050567 7

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/slavianskialmana00drim

5/12/66

(11)


SLOVANSKÝ ALMANAH
СЛАВЯНЬСКИЙ АЛЬМАНАХ
SLOVANSKÝ ALMANAH
SLAVJANSKI ALMANAH
SLOVJENSKI ALMANAH
СЛАВЯНСКІЙ АЛЬМАНАХЪ
СЛАВЯНСКІЙ АЛЬМАНАХЪ
СЛАВЕНСКУ АЛМАНАХ
NAKLADOM IZDATELJA
IZDATELJ: RADIVOJ POZNIK
VEVÍONI. 1879.
НАКЛАДОМЪ ИЗДАТЕЛЯ

PG
520
S5

Редакторы. — Redaktori.

Сильвестръ Лавреншіевъ Дрималикъ
Григорий Цеглинський.
Jan Máchal.
Josef Penížek.
Jozef Burjan.
Alexander Pavlík.
Davorin Hostnik.
Radoslav Pukl.
Josip Brunšmid.
Dragutin Neuman.
Јован Симеоновић Чокић.
Тодор Стефановић Виловски.
Димитръ Костовъ Вачовъ.
Василъ Христовъ Радославовъ.

Содержаніе. — Obsah.

I. РУССКІЙ ОТДѢЛЪ.

	Стр.
Благовѣщенскій Т. К.: Падшимъ героямъ 1877—1878. Къ Пруту. Дора. Утромъ.	3
Когда легковѣренъ	64
Бѣлиловскій Ц. А.: Разлука солдата (из 1877 года). Пѣсня жнеца. Годъ 1877	8
К. Ф. И.: Пѣснь	10
Павловичъ Александръ: Пѣснь	12
Хамходера Николай: Голосъ изъ Россіи	13

II. ВІДДІЛ МАЛОРУСЬКИЙ.

Цар М.: Народні обряди весільні	74
Млака Данило: Думки I. II. III. IV. Весна-чарівниця	67

III. ODDÍL ČESKÝ.

	Str.
Drahorád-Hradištský Pavel: Skalní vrabec. — Chci žít!	152
Heyduk Adolf: Česká sláva. — Východ slunce. — Bůh	123
Hudec Jan: Památce Karlově. — Lesní pohádka	154
Koukl Antonín: V den srbské neodvislosti. — V plesu	153
Krásnohorská Eliška: Svobodě	121
Máchal Jan: O ráji	156
Mokrý Otakar: Ze žalářů	141
Matka. Hekata. Sběh. Tribun lidu. Císař.	
Penížek Josef: Na přívoze	130
Sládek J. V.: Z bludné družiny. — Zasni. — Pochováno. — Addagio.	
Svit mi má hvězdičko. — Ty má domovino	149
Vrchlický Jaroslav: Večer ve žních. — Té jež čítá Apokalypsu.	
Mizící loď	126

IV. SLOVENSKÝ ODDIEL.

Bansell Koloman: Napomenutie	189
Čierne oči švárnej devy	201
Cimrák Ján: Život v Tatrách	186
E. † P.: Vplyv potravín na rozplemäňuvanie	189
Graichman J.: Abas Šach	184
Peter Velký	203
Sylvestrova noc	205
Hroboň S. B.: Sloboda	188
Hviezdoslav: Vatra	177
Púť ducha	122
Klimo M. M.: Žial sokola	187
Mladík vyšších vzletov	202
Tisovský S. K.: Staroba	205
Zoch Ivan dr.: Príspevok k dokázaniu vzdelanosti starých Slovanov	282

V. SLOVENSKI ODDEL.

Str.

Cimperman Jos.: Gazeli I. II. 213
Eržén Viktor: Hitra proména 254
Nis Vodoran: Obup 215
Pajkova Pavlina: Pervi križ na turškem polju 210
Pesjakova Lujíza: Rožno cvetje 214
V dan vernih duš 252
Podgornik France: O pismenih jezikih na sploh in občeslovanskem literaturnem jeziku posebe 216
Sterlè A.: Potoku 255
Zbašnik Fr.: Pozdrav slovanskim dijakom 209
Triolet 253
Medailon, noveleta 257
X.: Kitica. Primula 251
Sonet 256

VI. HRVATSKI ODIO.

C.: Da tebe nije 319
K.: Tartufov unuk. Komedija u 5 činah 267
L.: Tko? 320

VII. СРПСКИ ДЕО.

Стр.

Марковић Паја: Сиротица 324
Слика из српског живота 327
Симеоновић-Чокић Јован: Котва 323
Стефановић-Виловски Тодор: Један листак из српске приповедачке књижевности 335

VIII. БЪЛГАРСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Вачовъ Д. К.: Неволно пѫтуване 364
Радославовъ В. Хр.: I. Съ Богомъ! II. Тъмничари. III. Въ тъменъ облакъ. IV. Недей вече. V. Въ тъмна нощь. VI. Любезній друже! VII. Кой би казалъ. VIII. Съпь. IX. Отлѣтѣте. X. Ето и на истокъ 353

Подписчики. — Predplatitelji 383
Важнѣйшія поправки. — Hlavní opravy 393
Славянскія азбуки. — Slavjanske azbuke 394

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ.

Предисловіе.

Предлагаемый сборникъ долженъ дать читателю образцы всѣхъ славянскихъ языковъ.

Въ томъ, что намъ не удалось вполнѣ осуществить наше желанье, виновата невозможность привлечь къ участію въ сборникѣ представителей всѣхъ племенъ славянскихъ. Тѣмъ не менѣе, издавая его въ свѣтъ, мы надѣемся содѣйствовать распространенію знакомства съ языками славянскими, упроченью духовнаго единенія и взаимнодѣйствія Славянъ.

Если наша книга и цѣль ея выпуска встрѣтятъ одобренье, то, быть можетъ, намъ удастся въ будущемъ превратить ее въ ежегодное изданье и пополнить существующіе теперь пробѣлы.

Иди-же въ свѣтъ, первая славянская книга, иди, напутствуемая нашими благожеланьями во всѣ страны, гдѣ подъ широко развинувшимися отраслями славянскаго племени раздается славянское слово! Будь встрѣчена всюду съ такимъ-же привѣтомъ, съ какою любовью мы тебя выпускаемъ!

Нашимъ героямъ

1877—1878.

Стан орловъ — храбры Россіи чада —
Прилетѣли ко стѣнамъ Цареграда,
И Цареградъ низко гордымъ челомъ
Отдалъ поклонъ — и стихъ пушечный громъ!

Ужъ стануллъ миръ по трудахъ тяжкой брани:
Врагъ въ пухъ разбитъ, ликуютъ всѣ Славяне,
И храбрый Россъ съ вѣнцомъ на головѣ
Идетъ назадъ къ драгой родной странѣ.

Онъ исполнилъ подвигъ святый гигантскій,
Глубокъ Дунай, крутой хребетъ балканскій,
Жажда и гладъ, пуля и ножъ враговъ
Не вздержали геройскихъ молодцовъ.

Они идутъ . . . . . и родина святая
Къ нимъ рамена на встрѣчу разтворяя
Съ любовію уже ихъ къ серду жметъ
Своихъ дѣтей, свою надежду — цвѣтъ.

О здраствуйте любезные ребята!
Бѣдный шалашъ и пышная палата
Празднуютъ днесь счасливый вашъ возвратъ,
Всѣ нынѣ вамъ: урра, урра! кричатъ.

Счастливые, ваши счастливые съ вами,
Но тамъ, увы! предолгими рядами
Лежитъ покосъ косой войны скаленъ
И не росой, но кровью орошенъ!

Далеко тамъ за водами Дуная,
И гдѣ Балканъ на гробы воззирая
Избитыхъ чадъ съ горя покрылся мглой,
Тамъ не одинъ русскій лежитъ герой.

За снѣжными верхами и Кавказа
Подъ стѣнами Ардагана и Карса,
Гдѣ Баязетъ Ерзерумъ и Игдыръ
И тамъ въ землѣ спитъ русскій богатырь.

Не тщетно вы драгой лишились жизни:
За крестъ святой, царя и за отчизны
Дражайшу честь, за свободу Славянъ
Кровь русская лилась съ тысящей ранъ!

Съ вашихъ могилъ растетъ ужь цвѣтъ свободы.
Ожили вновь прибитые народы,
Они уже раны лечатъ и боль,
„Братня любовь" святый былъ вашъ пароль.

Покойтесь же святымъ покоемъ мира,
Не въ силѣ васъ воспѣть разстройна лира,
Не силенъ я сказать запретъ слезамъ,
И голошу: вѣчная память вамъ!

Т. К. Влонскій.

Къ Пруту.

Гляжу изъ берега на любый мой Прутъ,
Хрустальныя воды его какъ бѣгутъ,
Свободно весело волны за волнами
Цвѣтущими мчатъ ся долой берегами.

Лазурное небо себя зритъ въ тебѣ
Мой другъ ты любезный, по чистому днѣ,

Твоемъ серебренны плотички пеструшки
Весело рѣзвятся и строятъ игрушки?

О чемъ надъ тобою во юные дни
Такъ часто думалъ я, Богъ знаетъ и ты,
Тому мнѣ отрадно сидѣть надъ тобою
Мечтать любоваться твоею волною.

Какъ въ прошлое время будутъ ли онять
Небесныя искры мнѣ грудь согрѣвать,
Иль ужъ мои думы на вѣки пропали
Какъ волнушки Прута въ синѣющей дали?

Т. К. Блонскій.

Дора.

Горы мои горы,
Предвѣчные боры,
Верхи полонины
Яры и лощины!

Вы братъ и сестрица:
Лысакъ Маковица[1])
Пробоя[2]) вы скалы
И Прута кристалы.

Дора моя Дора!
Подъ лѣсомъ у звора
Зелена долинка
Ручей и хатинка.

Мнѣ — скажу неложно:
Мѣнять невозможно
Васъ сестры и браты
За грады богаты.

1) Лысакъ Маковица — горы.
2) Пробой, такъ называется водопадъ Прута въ Дорѣ.

Дворцы тамъ соборы
Казармы конторы
Палаты пріюты
Тюрмы тамъ и путы.

Тамъ шумъ и арава
И воздухъ — отрава
Тамъ душно, неволя
Душѣ нѣтъ раздолья!

Въ горахъ такъ природно,
Такъ легко, свободно,
Бьетъ сердце живѣе
Паритъ духъ смѣлѣе.

Какая, о, радость:
Бросить града гадость
Гулять по вершинамъ
Лазамъ полонинамъ!

Отсюду зритъ око
Далеко, далеко . . . .
Отсюду дорога
До неба, до Бога.

Всѣ хлопоты свѣта
Боль вражьяго гнета
Тогда забываешь
Весь міръ обнимаешь.

Горы мои горы,
Вы Бога притворы
Здѣсь вѣкъ доживалъ бы
Здѣсь и — умиралъ бы!

Т. К. Блонскій.

Утромъ.

Я вышелъ изъ избы въ садъ, сверканье звѣздъ блѣднѣетъ,
Восточный сводъ небесъ отъ зорева алѣетъ,
Проснувшись солнышко ужъ за горой взошло,
Повѣялъ ранный вѣтръ мнѣ свѣжестью въ лицо.

Мнѣ любо, любо, ахъ! пошелъ гулять я лѣсомъ,
Но онъ еще покрытъ синявымъ занавѣсомъ,
Чуть чуть лишь солнышка златобагряный лучь
Проскользялъ черезъ деревъ тѣнистыхъ мракъ дремучь.

Краемъ пути торчатъ на лѣво и на право
Ели столѣтныя такъ гордо величаво
Будто готически колонны къ небесамъ
Казалось мнѣ что я вступаю въ божій храмъ.

Всюда молчаніе. — Въ верху лишь надомною
Слышу какъ деревя говорятъ межъ собою,
Я таинственный ихъ протяжный слышу шумъ
И погружаюсь весь въ напѣвы чудныхъ думъ.

О чемъ толкуете вы букн и елицы
Моихъ родинныхъ горъ стройныя красавицы,
Про любыя мечты вашихъ причудныхъ сновъ
Иль дѣла давныя минувшихъ ужъ годовъ?

Иль вы рыдаете, что бѣдные потомки
Вашихъ давныхъ друзей до нищенской котомки
Взялись и въ свѣтъ бредутъ, что глохнетъ ужъ напѣвъ
Надъ плесами рѣки прекрасныхъ лѣсныхъ дѣвъ?

И вамъ не долго быть; торговцы подрубаютъ,
Одотнутъ вамъ главы, и кожу посдераютъ,
Повяжутъ цѣпью въ плотъ и пустятъ васъ водой,
И гдѣ вамъ быть тогда — лишь знаетъ Богъ святой!

Рѣзвѣе, вѣетъ вѣтръ, мои подруги ели
На участь жалкую рыдая зашумѣли,
Съ вѣтвей ихъ падаетъ алмазная роса,
Алмазная роса — ихъ горести слеза.

Т. К. Клюшкій.

Разлука солдата (изъ 1877 года).

Завтра ужъ иду въ походъ я,
Въ землю вражску воевать
Ахъ, но мнѣ вѣдь кто-то будетъ
Слезы грусти проливать.

Ты одна, моя милая,
Будешь плакать, ты одна
Платокъ бѣлый вышивая
У открытаго окна.

У ручья плакуча ива
Съ поникшей главой стоитъ.
Грустно мнѣ теперь и сердце
Мое сжалось и болитъ.

Попадетъ меня тамъ пуля,
Засядетъ въ груди моей;
И безъ слезъ, меня не зная,
Загребутъ среди степей.

Какъ про смерть мою узнаешь,
То ты, милая, но мнѣ
Будешь слезы неутѣшно
Проливать на единѣ.

Барабанъ зоветъ къ разлукѣ . . .
Твою рученьку мнѣ дай.
Перестань-же, другъ мой, плакать!
Не забудь меня . . . прощай!

Если тамъ, подъ вольнымъ небомъ
Вѣчный сонъ судьба пришлетъ,
То пусть на моей могилѣ
Незабудочка цвѣтетъ.

Ц. А. Бѣлиловскій.

Пѣсня жнеца.

Прекрасна нивушка весной,
Покрыта зеленымъ ковромъ,
Когда весна цвѣты съ собой
Несетъ, бросая ихъ кругомъ.

Но чудно въ жатвенной порѣ,
Когда зрѣлъ, колосъ золотой
Предъ нами на полѣ въ жарѣ
Тяжелой клонится главой.

Когда самъ — двадцать уродилъ
Хлѣбъ, что крестьянинъ въ рубежахъ
Съ надеждой сладкой положилъ
На плугомъ вспаханныхъ поляхъ . . .

У конъ возы весь день стоятъ;
На нихъ хлѣбъ, даръ небесъ кладутъ,
На возахъ дѣвушки сидятъ,
А молодцы пѣшкомъ идутъ.

Нашъ хлѣбъ ѣдимъ мы подъ возомъ;
И веселъ всякъ изъ насъ и радъ.
Къ вечерѣ нашей тутъ кругомъ,
Въ травѣ кузнечики трещатъ.

Ахъ, баринъ, ты не надсмѣхайсь,
Что груба ужъ рука моя!
Она всю кормитъ, вѣдь признайсь,
Страну, и князя, и тебя!

Глянь, воинъ, на кровавый мечъ,
И на косу, на серпъ простой! .
Что больше стоитъ: твой вѣнецъ,
Иль мой вѣночекъ полевой?

Молчишь? Мы правы? Ну такъ дай
Намъ миръ, спокой и тишину!
Нашъ трудъ — работу награждай, —
И мы прокормимъ всю страну.

Ц. А. Бѣлиловскій.

Пѣснь.

Долго ахъ долго мы жили въ неволи
Въ кайданахъ ужасно столѣтья минали
Долго ахъ долго на батьковской роли
Мы сѣяли слези и слези сбирали.

Долго ахъ долго грудь наша хранила
Весь западъ отъ страшной татарской навали
Но наша хоробрость и Божая сила
Ворожи загоны разъ кождый вспинияли.

И знаетъ насъ Штамбулъ — и Вѣна и Парижъ.
Гдѣ наша кровь льялась за вѣру и волю —
И всюды высоки могили увидишь —
Якужъ мы для себе здобыли днесь долю!?

О дармо росила кровь нашу землицю
Мы волѣ и долѣ еще не здобили —
Даремно возносимъ до Бога десницю
И молимъ: побѣды дай Боже и силы!

Ф. И. К.

Годъ 1877.

Гуркутятъ опять гарматы,
Кровь тече рѣчками,
Вже опять палаютъ хаты,
Села съ хуторами,
За що, за що кровь людская
Льется такъ? кто виненъ?
Скажѣтъ менѣ, якъ кто знае,
За що Сербинъ гине?

Сербинъ гине, Сербинъ гине
У крови калюжахъ,
Свѣтъ дивится и не спине —
Ему се байдуже!
Рѣжутъ Сербовъ и мордуютъ
Всѣхъ на ихнёмъ полѣ
Роспинаютъ и катуютъ
За те, що въ неволѣ
У турецкой, въ кайданахъ
Жити не умѣютъ . . . .
Рѣжутъ Сербовъ Мусульманы,
Степы червонѣютъ. —
Ой реве Дунай широкій
Стогне, заливае,
Береги свои высоки
И зелени гаи:
Розливается: прибула
Въ него кровь людская,
Червонѣти воды стали
Быстрій Дуная.
Небо хмурно, лѣсы голи
Трупомъ степъ покрыло
И могила въ сербскомъ полѣ
Росте за могиловъ.
Съ горъ гарматы все палаютъ
По семъ, по томъ боцѣ
Гинутъ Сербы, пропадаютъ,
Съ ними и Черногорцѣ.
Бейся Сербо, бейся брате
Бейся въ чистомъ полѣ!
Лучше, брате, пропадати,
Чѣмъ жить у неволѣ!

Ц. А. Бѣлиловскій.

Пѣснь

на простонародномъ нарѣчіи округа Маковицкаго, въ шарышскомъ комитатѣ въ Венгріи.

Арія: Lépa naša domovina

Прелюбезны русски дѣти
Якъ голубки, якъ горлички
Наши милы драги цвѣты
Братичкове и сестрички
Нуже скоро ся сбирайте
Бо ужь часъ до школы ити
„Царю небесный“ спѣвайте
Духъ прійде насъ утѣшити.

Въ школѣ учитеся дѣти
Чести, вѣры и мудрости
Чловекъ мусится учити
Отъ дѣтинства до старости.
Бѣда слѣпымъ людямъ жити
Не знаютъ собѣ спомочи
Мы хочеме провидѣти
Боже! будь намъ на помочи.

Будь намъ Боже на помочи
Дай истину познавати
Отварь русскимъ дѣтямъ очи
Хотятъ Бога прославляти.
Дай намъ здравля, дай намъ силу
Къ науцѣ волю, охоту
Потѣшь родиноньку милу
Нашь русскій народъ сироту.

Нуже любезны сынятка
До школы ся понагляйте
Голубоньки соколятка
Учтеся, насъ утѣшайте.
Безъ науки бѣдни руки
Всядый мусится трапити
Безъ мудрости, безъ науки
Бѣда на томъ свѣтѣ жити.

Ноже дѣти наши любки
Силу духа розвивайте
Якъ гирлички, якъ голубки
Весело намъ гуркотайте,
Про васъ цвѣтутъ милы цвѣты
Съ нихъ якъ пчелки медъ сысайте
Якъ мурашки вы дѣточки
Непрестанно работайте.

Александръ Павловичъ.

Голосъ изъ Россіи.*)

(Посвящается вѣнскимъ студентамъ.)

„Wer die Macht zweier Völker mit einander vergleichen will, der muss nicht allein ihre Elemente geistiger und körperlicher Stärke, sondern ganz vornehmlich auch ihre Geneigtheit beachten, jene Elemente zu [illegible] zusammenwirken zu lassen".

Roscher. System der Volkswirthschaftslehre.

I.

Судя по объявленіямъ, Редакція настоящаго сборника поставила цѣлью своего изданія взаимное литературное ознакомленіе славянскихъ племенъ. Намъ русскимъ, въ особенности нельзя не сочувствовать возникновенію изданій съ подобнаго рода цѣлями. Свѣжо еще въ памяти у всѣхъ, до какой степени врасплохъ захватила насъ послѣдняя война. Оказалось, что въ нашей литературѣ разробативались вопросы по славянству главнымъ образомъ археологическіе. Въ печати и обществѣ ходили крайне неопредѣленныя понятія о современномъ гражданскомъ и политическомъ бытѣ славянскихъ племенъ запада. Спеціалисты по славяновѣдѣнію если и обращали вниманіе на этомъ предметъ, то лишь такъ сказать мимоходомъ, и можно указать лишь на крайне ограниченное число русскихъ книгъ и статей, вышедшихъ до войны, въ которыхъ-бы эта сторона вопроса разсматривалась болѣе или менѣе серьезно и съ знаніемъ дѣла. Даже во время войны мы

*) Внимая на объективность, которую хочетъ сохранить издатель, принятъ тоже и этотъ „Голосъ" къ печати.

черпали наши свѣдѣнія изъ нѣмецкихъ да англійскихъ авторовъ. Словомъ, въ смыслѣ нашей подготовки къ обсужденію запутаннаго восточнаго вопроса, война нагрянула на насъ какъ снѣгъ на голову. Правда, мы могли ее предполагать заранѣе, но это нимало не измѣняетъ существа дѣла, это не можетъ служить опроверженіемъ того, что мы не знали ближайшимъ образомъ даже тѣхъ, за кого пришлось проливать столько крови. Наша литература откровенно признала это печальное обстоятельство.

Поэтому нѣтъ ничего страннаго, если скептически настроенный человѣкъ спроситъ себя: „да не была-ли эта война чистымъ недоразумѣніемъ? Всѣ эти крики и вопли, всѣ эти іереміады, направленныя противъ турецкихъ порядковъ, — не было ли все это такою-же страницей нашей жизни, какъ и памятное для всѣхъ увлеченіе спиритизмомъ? Или, если даже мы въ самомъ дѣлѣ имѣли чистыя и благородныя намѣренія, если мы, русское общество, негодовали на турецкіе порядки, то не послужили-ли эти намѣренія, это негодованіе пирмой для людей, выступившихъ на сцену съ намѣреніями и планами, какихъ вовсе не имѣло въ виду русское общество, которое выражало сочувствіе и одобрительно выслушивало іереміады журналистики? Не былъ-ли сыгранъ фарсъ тамъ, гдѣ русское общество думало видѣть великую драму борьбы за попранную свободу?“

Въ виду несомнѣнныхъ жестокостей, внѣшнимъ образомъ вызвавшихъ войну, въ виду неисчислимыхъ страданій, претерпѣваемыхъ жертвами турецкихъ порядковъ, такіе вопросы, какъ вышеприведенные, могутъ показаться слишкомъ хладнокровными, пожалуй даже циническими. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, наблюдающій со стороны за катаклизмами, спорадически выступающими на сценѣ русской жизни, человѣкъ, котораго эти катаклизмы не захватываютъ всецѣло, не касаются его непосредственно, такой человѣкъ можетъ довольно основательно возразить на эти вопросы: „Чего-же вы хотите? Почему вы недовольны и какъ будто раскаиваетесь? Зачѣмъ вы поднимаете вопросы, которые могутъ лишь усилить горечь не вполнѣ удавшагося дѣла? Все таки часть дѣла сдѣлана. Остальное предоставимъ будущему, быть можетъ очень близкому. Если не удалось сдѣлать всего, то вѣдь это не основаніе отрицать благо уже сдѣланнаго“.

Такъ могъ-бы возразить человѣкъ, посторонній для внутренней русской жизни, человѣкъ, который выключалъ-бы эту жизнь изъ своего разсмотрѣнія, человѣкъ, который однимъ словомъ слѣдилъ-бы за событіями внѣшнимъ образомъ и основывался-бы лишь на видимыхъ со стороны фактахъ. Съ своей точки зрѣнія этотъ человѣкъ былъ-бы правъ. Но въ томъ-то и дѣло, что для насъ, русскихъ, невозможно стоять на этой точкѣ зрѣнія, если-бы мы даже и желали этого. Нельзя потому, что наши внутреннія отношенія не позволяютъ этого, потому, что мы должны-же принимать во вниманіе эти отношенія. А разъ что мы примемъ ихъ во вниманіе, — вопросъ усложнится до высокой степени и будучи правильно поставленъ, предстанетъ предъ нами совсѣмъ въ неожиданномъ видѣ. Поэтому-то именно теперь необходимо высказаться, именно теперь необходимо выслушать мнѣнія, какія могла вызвать послѣдняя война. Мнѣнія эти по необходимости будутъ очень разнообразны. Заграничному человѣку, напримѣръ, довольно трудно стать на ту точку зрѣнія, на которой по необходимости принужденъ стоять русскій мыслящій человѣкъ. Ничего не значитъ, если эта точка зрѣнія можетъ показаться неутѣшительной: это только будетъ доказывать, что факты, вызвавшіе именно такую точку зрѣнія, сложились также неутѣшительно. Поэтому, повторяю, изданія, предпринятыя съ тою цѣлью, съ какою предпринято настоящее изданіе, не могутъ не возбуждать особеннаго интереса и сочувствія особенно съ нашей стороны, потому что никому быть можетъ не приходится рѣшать столько тягостныхъ вопросовъ, какъ намъ.

Волею или неволею, мы, русскіе, выступили въ послѣднихъ событіяхъ главными дѣятелями. На насъ были устремлены взоры всѣхъ, — полные надеждъ или подозрительнаго и ревниваго вниманія. Въ настоящее время наступила минута спросить себя: оправдали-ли мы надежды? Или-же всѣ подозрѣнія и ненависть, то хроническое недовѣріе, которое ясно замѣтно въ отношеніяхъ къ намъ со стороны западно европейскихъ правительствъ, тѣ филиппики противъ насъ со стороны многихъ органовъ европейской прессы, — или все это имѣетъ свою долю серьезнаго основанія? Безъ сомнѣнія, если приписывать все это казнямъ нашихъ враговъ тайныхъ и явныхъ, то такихъ вопросовъ и задавать незачѣмъ. Но въ

томъ-то и дѣло, что для насъ немыслимо успокоиться на такомъ рѣшеніи, какъ оно ни просто. Въ самомъ дѣлѣ: почему-же у насъ столько враговъ тайныхъ и явныхъ? Если мы въ самомъ дѣлѣ преслѣдовали цѣли чистой гуманности, если мы искренно желали свободы угнетеннымъ народамъ, если мы выступили на сцену единственно въ цѣляхъ этой свободы, то вѣроятно-ли, чтобы Европа поэтому была недовольна, подозрѣвала насъ? А такъ какъ отрицать подозрѣній невозможно, то не слѣдуетъ-ли отсюда, что мы въ нашихъ стремленіяхъ къ свободѣ народовъ дѣйствовали такъ, что намъ можно было приписать совершенно противоположныя цѣли? Въ самомъ дѣлѣ, какъ-же объяснить это недовѣріе, а подчасъ и ненависть къ намъ? Чѣмъ объяснить, что послѣ окончанія войны нами недовольны сами славяне? Кто же виноватъ во всемъ этомъ? Мы-ли, русское общество, мы, которіе служили орудіемъ въ рукахъ тѣхъ, что заправляютъ русскою жизнью по своему произволу, или-же мы вовсе не виноваты, или-же мы можемъ указать пальцемъ на тѣхъ, кто взялъ на себя инициативу всего дѣла?

Такіе вопросы могутъ показаться запоздалыми и безполезными. Но это не такъ. Отъ укорененія того или иного рѣшенія этихъ вопросовъ въ русскомъ общественномъ сознаніи зависитъ будущее направленіе нашей внутренней жизни. А то или иное направленіе нашей жизни тѣснѣйшимъ образомъ переплетается съ многочисленными интересами родственныхъ намъ племенъ.

Такъ какъ существуетъ предположеніе, что журналистика служитъ выразительницею общественнаго мнѣнія, то естественнѣе всего поискать отвѣта на вопросы именно въ русской журналистикѣ. Просматривая русскія газеты и журналы за все время послѣ войны, легко найти множество признаній, касающихся частныхъ фактовъ, признаній, въ которыхъ обличаются признаки глубокой неурядицы, въ которой было русское общество до войны и въ которой застала насъ война. Мы мало были готовы къ тому, что случилось впослѣдствіи. Общество не выражало ясно и опредѣлительно своихъ намѣреній и желаній. Если-бъ у него и были опредѣлительныя намѣренія и желанія, то, говоря по правдѣ, оно и не могло ихъ выразить въ литературѣ. Значитъ, съ этой стороны у насъ царило недоразумѣніе, потому что какъ

иначе прикажете назвать такого рода обстоятельство, когда величайшій шагъ народной жизни рѣшается помимо народа, когда является безразличнымъ, что думаетъ, чего желаетъ народъ? Я не говорю, чтобы русскій народъ или, лучше сказать, русское общество (такъ какъ нашъ народъ мы знаемъ очень мало) не сочувствовало мѣропріятіямъ правительства, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ. Я только утверждаю, что русское общественное мнѣніе не высказалось на этотъ счетъ опредѣленно да и не могло высказаться. Если даже считать литературу отголоскомъ общественнаго мнѣнія (а у насъ это очень дурной, невѣрный отголосокъ), то тогда бросится въ глаза фактъ, что очень многіе органы нашей прессы ясно говорили, что веести войну для насъ неразсчетливо. — Далѣе изъ литературныхъ признаній мы можемъ усмотрѣть, что тѣ же язвы, которыя парализовали наши дѣйствія въ періодъ крымской войны, остались въ очень мало измѣненномъ видѣ и до сей поры; особенно интересны въ этомъ отношеніи наши интендантскіе порядки. Можемъ мы далѣе видѣть, что при началѣ войны у насъ повидимому не было никакого опредѣленнаго плана военныхъ дѣйствій, что обошлось намъ во много тысячъ человѣческихъ жизней. Необдуманно и безъ поддержки значительной силы занимали мы турецкія земли и должны были отступать, оставляя такимъ образомъ ни въ чемъ неповинныхъ болгаръ, „братушекъ“, какъ мы выражались, на месть туркамъ. Но вѣдь это еще не рѣшаетъ вопроса. Нѣсколько болѣе разъясняютъ его дальнѣйшія разоблаченія нашихъ органовъ. Оказывается, напримѣръ, что наше отношеніе къ болгарамъ вовсе не похоже было на отношеніе освободителей къ освобождаемымъ, что, напротивъ высшее административное наше начальство относилось къ „братушкамъ“ скорѣе какъ къ побѣжденному племени. Разсказываютъ, напримѣръ, что плеть была самымъ дѣйствительнымъ орудіемъ административныхъ воздѣйствій на „братушекъ“, что вообще г. г. русскіе администраторы довольно усердно спрягали глаголъ knuten, чѣмъ едва-ли могли расположить къ себѣ не только болгаръ, но и всѣхъ интеллигентныхъ людей вообще. Словомъ сказать, освободители мы были крайне незавидные и такъ сказать въ нѣкоторой степени сомнительнаго свойства. Всѣ эти и подобные факты намѣтила русская журналистика, очень болѣзненно намѣтила,

такъ какъ даже этого она не могла высказать совершенно прямо. Будемъ благородны ей и за это. Но вѣдь все таки вопросъ отъ этого еще не вполнѣ уясняется. Слѣдовало-бы ожидать какихъ либо болѣе прямыхъ указаній, которыя-бы совершенно освѣтили дѣло и представили его въ надлежащемъ видѣ. Этого не случилось, что впрочемъ и не зависѣло отъ прессы. Но здѣсь началось разногласіе, чрезвычайно интересное для характеристики современной русской газетной и журнальной литературы.

Дѣло въ томъ, что въ современной Европѣ вы нигдѣ не встрѣтите такихъ гнусныхъ цензурныхъ порядковъ, какіе царятъ у насъ совершенно свободно. Мысль, маломальски непріятная почему-либо для правительства, не можетъ имѣть надежды на выраженіе. Самые архаическіе, можно сказать допотопные карательные и предупредительные порядки составляютъ нашу цензуру. Для людей запада можно представить лишь съ нѣкоторымъ усиліемъ мысли, что означаетъ второе или первое предостереженіе, что означаетъ пріостановленіе газеты за „вредное“ направленіе. Кто разбираетъ, въ самомъ ли дѣлѣ направленіе вредное? Судъ? Нѣтъ, безотвѣтственная администрація, судья въ собственномъ своемъ дѣлѣ. До чего доходитъ азіатскій произволъ администраціи, видно, напримѣръ, изъ того, что она не исполняетъ даже своихъ собственныхъ распоряженій. У всѣхъ свѣжо еще въ памяти, что, напримѣръ, „Русское Обозрѣніе“, пріостановленное на шесть мѣсяцовъ только, былъ совершенно прекращено, рѣшительно безъ всякаго законнаго къ тому повода, такъ какъ по истеченіи срока редакторъ, не успѣлъ еще выпустить ни одного нумера. Въ провинціи редактора газетъ страшно враждуютъ съ цензорами, такъ что дѣло доходитъ иногда до дуэли. Такимъ то образомъ прессѣ остается или молчать, или предаваться безконечной оргіи лицемѣрія. Общественное мнѣніе не имѣетъ возможности высказаться въ важнѣйшихъ вопросахъ нашей внутренней жизни. Честные органы должны довольствоваться темными, несмѣлыми намеками и хорѣть въ тихой агоніи, среди невозможныхъ условій литературы. Напротивъ, органы, не имѣющіе за собою никакого опредѣленнаго мнѣнія, рѣшаютъ вопросы вкривь и вкось, пресмыкаются или фантазируютъ, лепечутъ дѣтскую нескладицу или поютъ дивирамбы, рыдаютъ и выкрикиваютъ „ура“. Это ка-

кой-то безсмысленный содомъ, гдѣ нѣтъ ни складу, ни ладу. Честные же органы, повторяю, въ важнѣйшихъ вопросахъ, отъ которыхъ зависитъ наше будущее, принуждены молчать или отдѣлываться намеками.

Такимъ образомъ наша журналистика можетъ взять себѣ девизомъ извѣстную змѣю индійской миѳологіи. Кто хочетъ составить себѣ какое либо мнѣніе о нашихъ неурядицахъ, особенно, если онъ человѣкъ постороннiй, тотъ долженъ довольствоваться лишь намеками. Эти намеки могутъ его навести на мысль, что мы, при настоящихъ вопіющихъ несообразностяхъ нашей внутренней жизни, не можемъ имѣть притязаній на устроеніе другихъ: намъ самымъ нужно устроится сначала; что если даже внѣшнимъ образомъ наши попытки къ насажденію древа свободы и удадутся, то это самое древо, если мы будемъ за нимъ ухаживать при настоящихъ нашихъ порядкахъ, засохнетъ и захиреетъ съ тоски; что если даже намѣренія членовъ русскаго общества чисты, если ихъ сочувствіе непритворно, то они, члены русскаго общества, никакъ не могутъ сказать этого относительно тѣхъ, что стоятъ надъ ними, что распоряжаются ими по произволу. Произволъ исключаетъ довѣріе. Кто хочетъ, чтобъ вѣрили, тотъ долженъ вести дѣло на чистоту, открыто. Кто же распоряжается жизнями и имуществомъ не нуждаясь въ опросѣ, въ совѣтѣ, въ свободно выраженномъ мнѣніи, тотъ рискуетъ сдѣлаться предметомъ презрѣнія со стороны всѣхъ благомыслящихъ людей. На такія мысли можетъ навести печальный и унылый тонъ нашей честной прессы, желающей для русской жизни свободы и избавленія отъ гнета нестерпимой реакціи. Но такихъ мыслей пресса прямо не выражаетъ и не можетъ выразить. Она остановливается на полусловѣ. Большая заслуга съ ея стороны то, что она по крайней мѣрѣ твердо настаиваетъ на важности для насъ рѣшенія именно внутреннихъ вопросовъ. Это сдѣлалось уже общимъ мѣстомъ нашихъ честныхъ органовъ. Они указываютъ на тѣ вопросы, на которые возможно указать. Но на важнѣйшіе вопросы указать нельзя, и пресса молчитъ. Это великая заслуга, такъ какъ ничто не мѣшаетъ ей пѣть дифирамбы. Но разумѣется охотники до этого нашлись.

Эти охотники на первый взглядъ могутъ показаться людьми, довольно сурово и отрицательно относящимися къ

къ нашимъ порядкомъ. Эти охотники нерѣдко указываютъ, что то другое нехорошо, даже очень нехорошо. Неуказывать нельзя, такъ какъ фактъ рѣжетъ глаза. Но они дѣлаютъ одну капитальную ошибку, отчего фонъ русской жизни рисуется совсѣмъ въ невѣрныхъ краскахъ. Дѣло въ томъ, что эти охотники, эти „органы общественнаго мнѣнія“ всѣми своими рѣчами всячески стараются замазать ту щель, которая расколола русское общество на двѣ части и которую никакими силами замазать нельзя. Щель слишкомъ велика и замѣтна. Въ нашемъ обществѣ царитъ расколъ. Одна часть общества, и вѣроятно громаднѣйшая, чувствуетъ на себѣ лишь невзгоды настоящихъ порядковъ и разумѣется недовольна ими. Другая, наоборотъ, благоденствуетъ, такъ какъ всякая политическая реакція должна же кому-либо приносить ближайшую выгоду. Эти представители реакціи въ настоящее время сильны, но сравнительно они весьма немногочисленны. И вотъ органы втораго сорта силятся доказать, что эти прихвостни и столпы реакціи суть краеугольный камень русскаго общественнаго зданія, а что если въ этихъ столпахъ и прихвостняхъ замѣчается кое-что архаическое и даже нестерпимо безобразное, то это мелочи, вовсе не важныя, а въ концѣ концовъ эти столпы и прихвостни воплощаютъ въ себѣ лучшія идеи нашего вѣка. Газеты втораго сорта именно грѣшатъ тѣмъ, что смѣшиваютъ разнородныя понятія, а не настаиваютъ на росчлененіи ихъ или по крайней мѣрѣ не называютъ вещи собственными именами. Оттого въ литературѣ втораго рода царитъ величайшая путаница, неслыханный сумбуръ понятій. Отрывки изъ свободныхъ мнѣній сплетаются съ хламомъ оффиціальной нелѣпицы, и въ литературѣ господствуетъ величайшее лицемѣріе. На ложку правды приходятся бочки лжи. Лгутъ безпощадно, неутомимо, потому что если не лгать, то языкъ прилипнетъ къ гортани, что весьма даже неудобно. Лгутъ и не каются. Разительнѣйшіе факта обходятся какъ неудобные. Въ фактахъ сомнительныхъ отмалчиваются или отдѣливаются нечленораздѣльными звуками. А вообще ликуютъ и кричатъ „ура“. Но до какой удивительной несообразности доходятъ наши цензурные порядки, видно изъ того, что даже эти невинные, эти почти нѣмые, мурлыкающіе и мычащіе органы довольно часто подвергаются административнымъ взысканіямъ. Во истинну, можно сказать:

своя своихъ не познаша! Среди этихъ вилянiй, пресмыкательства, оффиціальной лжи, дѣтскихъ фразъ и грубаго заушенья, среди всѣхъ оргiй шовинизма и нелѣпицъ яко-бы національнаго политиканства, среди этого столпотворенiя, этихъ допотопныхъ окаменѣлостей, покрытыхъ лакомъ новѣйшаго издѣлiя, среди всего этого разврата общественной мысли администрацiя умудряется отыскать нѣчто, что необходимо искоренить. Такого рода вещи почти невозможно понять. Вѣдь эта газетная ложь, газетное лицемѣрiе просто усыпляетъ общественную мысль, отдаляетъ ясную и твердую постановку общественно политическихъ вопросовъ. За что-же караетъ администрацiя? Но истинѣ, кого судьба желаетъ погубить, того сдѣлаетъ напередъ безумнымъ. Иначе трудно объяснить.

Есть у насъ и органы, третьяго сорта. Они создали себѣ промыселъ изъ восхваленiя реакцiонныхъ поползновенiй. Это литература политическаго доноса. Подвиги этой литературы проходятъ черною лентою черезъ нашу жизнь начиная съ 63 года. Несомнѣнно, что отчасти мы должны благодарить эти органы за всѣ тѣ прелести жизни, которыми наслаждаемся теперь. Литература эта сравнительно не слишкомъ обширная, но, какъ говорится, „хорошо освѣдомленная".

И такъ, кто сталъ-бы искать полнаго и безпристрастнаго выраженiя руководящихъ началъ нашей жизни и нашего общественнаго мнѣнiя въ литературѣ, тотъ былъ-бы принужденъ довольствоваться намеками. Кромѣ намековъ, онъ могъ-бы встрѣтить ложь и оффиціальное лицемѣрiе, приправленное букетомъ доноса.

II.

Прочитайте братья Славяне наши газеты и журнали за послѣднее время. Вы найдете тамъ множество разсужденiй по финансовому вопросу, по крестьянскому, аграрному вопросу (который, кстати сказать, надвигается у насъ мрачною тучей). Вы найдете множество благоразумныхъ и либеральныхъ совѣтовъ, которые, если-бы были исполнены, вѣроятно улучшили-бы наше положенiе.

Но хроническiй недостатокъ всѣхъ этихъ совѣтовъ тотъ, что они даются совершенно такъ сказать безнадежно,

что они не указываютъ на основное условіе, при которомъ эти совѣты могли-бы имѣть силу. Такимъ образомъ эти совѣты представляютъ самое простое переливанье изъ пустаго въ порожнее. Въ самомъ дѣлѣ: какой смыслъ будутъ имѣть совѣты, если я буду давать ихъ человѣку, который, во первыхъ, можетъ безнаказанно не слушать этихъ совѣтовъ, который, во вторыхъ, по своему хроническому упорству, косности и неспособности, даже не можетъ оцѣнить всей доброжелательности моихъ совѣтовъ, который, за всякое болѣе откровенное слово, разражается противъ меня административными карами, безсмысленнѣе которыхъ трудно себѣ что-либо представить?

Однако-же, въ послѣднее время, благодаря многочисленнымъ такъ называемымъ „политическимъ преступленіямъ", выдвинулся отчасти на сцену нашъ внутренній политическій вопросъ, основной вопросъ, безъ рѣшенія котораго мы не можемъ шагу ступить дальше, а не то что освобождать другихъ.

Какъ отнеслась къ этимъ „преступленіямъ" публицистика? Воспользовалась-ли она ими, чтобы поставить вопросъ прямо, откровенно?

Какъ я сказалъ выше, публицистика стоитъ въ заколдованномъ кругѣ. Для твердой постановки этого вопроса она не имѣетъ никакой возможности. Но тогда лучше отдѣлываться молчаніемъ или намеками, но не уступать ни капли, не смягчать рѣзкости вопроса ни на одну іоту.

Такъ многіе и постарались сдѣлать. Они прямо намекали, что „политическія преступленія" лишь тогда могутъ исчезнуть или уменьшиться, когда измѣнится нашъ политическій строй, когда правительство перестанетъ опекать насъ, перестанетъ давить насъ ежеминутно, стѣснять наши мысли, подавлять наши благороднѣйшія намѣренія, губить наши молодыя силы. Дальше намековъ дѣло не шло и не могло идти.

Но такъ ли поступала публицистика втораго сорта?

Къ сожалѣнію, нѣтъ. Правда, и она какъ-будто сознавала, что „преступленія политическія" суть продуктъ нашей гнилой, застоявшейся политической системы. Но признала-ли она этотъ фактъ искренно, безповоротно? Нѣтъ, наоборотъ, мы видимъ далѣе массу виляній, недомолвокъ, переплетенныхъ съ оффиціальнымъ лицемѣріемъ. Эта пресса лицемѣрно

возмущалась результатами, не указывая тутъ же на причины, которыя совершенно необходимо должны были вызвать и будутъ вызывать эти результаты. Эта пресса по временамъ юродствовала и издѣвалась тамъ, гдѣ нужно было плакать или молчать. Величайшій катаклизмъ, приближающійся въ русской жизни, вырывалъ у этой прессы часто шипящіе звуки ненависти, лицемѣрные возгласы оффиціальнаго патріотизма. Тѣ, что не побоялись цѣною своей жизни пальцемъ указать на наши кровавыя, гноящіяся раны, на наши вѣковыя болячки, — тѣ подвергались со стороны этой прессы презрѣнію, издѣвательствамъ, всѣмъ адамъ и чистилищамъ лицемѣрной декламаціи, не постыдившейся изливать передъ всенародными очами потоки грязной клеветы и подлаго доноса. Карликъ издѣвался надъ Антеемъ, Терситъ надъ Ахилломъ, Калибанъ надъ Аполлономъ! Обдѣленный судьбою идіотъ презрительно скалилъ зубы и указывалъ пальцемъ на смѣлаго и искренняго мыслителя, который не хотѣлъ дальше влачить свое существованіе въ позорѣ, склонять свою шею подъ ярмомъ реакціи. О, Господи, Господи! За что-же мы дожили до такого позора, что тѣ, которые должны были поддерживать насъ, науськиваютъ на насъ административныя кары? За что же такъ безпощадно играетъ нами исторія? За что всю свою жизнь влачимъ мы среди лицемѣрія, пустоты, трусости, идіотизма, позора? О, русская пресса извѣстнаго подбора! Пусть припомнятся тебѣ твои лицемѣрные вопли въ тотъ день, когда ты станешь въ еще болѣе безъисходное положеніе, чѣмъ теперь!

До какого неслыханнаго лицемѣрія доходила эта пресса, видно, напримѣръ, изъ того, что настоивая на необходимости изучать причины нашихъ „политическихъ преступленій", она не осмѣлилась твердо указать хоть на тотъ фактъ, что у насъ гражданинъ, особенно если онъ интеллигентный, не имѣетъ перваго права всякаго свободнаго гражданина, — права на судъ! Интеллигентнаго гражданина у насъ хватаютъ, садятъ въ тюрьму или ссылаютъ куда-нибудь на сѣверъ, проводятъ его по всѣмъ чистилищамъ тюремныхъ замковъ, кутузокъ, пересыльныхъ тюремъ, путешествій съ жандармами, крѣпостныхъ казематовъ, поднадзорности полиціей, житья въ неизвѣданныхъ захолустьяхъ, вдали отъ всякихъ умственныхъ центровъ, вдали отъ всякаго общенія съ жи-

выми людьми. Это называется административной ссылкой. Ссылаютъ безъ суда, по простому произволу. Сосланный называется преступникомъ. Съ нимъ обращаются какъ съ преступникомъ. Кто рѣшилъ, что онъ преступникъ? Администрація, т. е. судья въ своемъ собственномъ дѣлѣ.

И на этотъ-то примитивный фактъ пресса побоялась указать, отдѣлываясь безсмысленными и лицемѣрными фразами. Она, видите-ли, разыскивала причины „политическихъ преступленій". Она лицемѣрно, подлымъ образомъ пѣла пѣсню: „законы существуютъ, слѣдовательно ихъ необходимо исполнять, каковы-бы ни были эти законы". „Да побойтесь вы Бога! Развѣ можно признавать законъ, который отнимаетъ у гражданина право быть судимымъ? Вѣдь даже разбойники, воры, убійцы, грабители судятся. А у насъ „политически подозрительный" человѣкъ не можетъ надѣятся на судъ. Его судятъ развѣ изъ жалости, тогда, когда все равно ему не остается надежда. Если-же судъ его оправдаетъ, его все равно сошлютъ какъ обыкновеннаго вора и мошенника. Что-же это за законъ такой? Вѣдь это насиліе, терроръ! Вѣдь это вѣчное осадное положеніе? Или вы забыли, что даже юристы признаютъ право сопротивленія, когда нѣтъ гарантій свободы, когда отказывается гражданину въ элементарнѣйшихъ правахъ? Вѣдь въ учебникахъ даже приводится законъ, который такъ формулированъ англійскимъ кодексомъ: natural right of resistance and self-preservation, when the sanctions of society and laws are found insufficient to restrain the violence of oppression. А какой еще искать намъ violence of oppression. И гдѣ законы, которые гарантировали бы насъ отъ произвола и насилія! Развѣ можно отрицать справедливость великаго принципа: Nullus liber homo aliquo modo destruatur, nisi per legale judicium parium suorum aut per legem terrae? А что-же это за lex terrae, который-бы сталъ отрицать право гражданина на судъ.

Это одна изъ безчисленныхъ сторонъ нашего внутренняго вопроса, быть можетъ болѣе всего знаменательная и потому заслуживающая того, чтобы остановиться на ней подальше.

Посторонній человѣкъ можетъ довольно беззаботно возразить на это словами великаго поэта: Was verschmerzte nicht der Mensch? Vom Höchsten, wie vom Gemeinsten lernt

er sich entwöhnen, denn ihn besiegen die gewalt'gen Stunden. Но намъ нельзя смотрѣть такъ на эти вещи, для насъ невозможно кидать взоры на наше болото à vol d'oiseau. Къ намъ скорѣе можно обратиться съ слѣдующими словами того-же великаго поэта:

„Ihr seid gemeine Männer nur; doch denkt
Ihr nicht gemein, ihr scheint mir's Werth vor andern,
Dass ich ein traulich Wörtlein zu euch rede —
Seht! Fünfzehn Jahr' schon brennt die Kriegesfackel,
Und noch ist nirgends Stillstand. Schwed' und Deutscher!
Papist und Lutheraner! Keiner will
Dem andern weichen! Jede Hand ist wider
Die andre! Alles ist Parthei und nirgends
Kein Richter! Sagt, wo soll das enden? Wer
Den Knäul entwirren, der, sich endlos selbst
Vermehrend, wächst?"

„Er muss zerhauen werden", рѣшаетъ поэтъ послѣдній вопросъ. Какъ-же дѣло устроится у насъ? Къ чему мы идемъ и что насъ ожидаетъ впереди? Мы не знаемъ. Мы не можемъ этого знать. Мы знаемъ лишь то; что теперь намъ чрезвычайно какъ нехорошо.

III.

Нѣмецкіе юристы различаютъ шесть родовъ государства. Существеннымъ признакомъ новѣйшаго государства признается то, что оно имѣетъ въ своей основѣ идею права. Это такъ называемое Rechtsstaat. Различаютъ, три вида Rechtsstaat-a: демократію, аристократію и монархію. Не станемъ спорить противъ такой классификаціи, которая и неважна. Спросимъ себя: что-же означаетъ такъ насываемое полицейское государство, Polizeistaat? Куда отнесть его? Какой уголокъ въ классификаціи отведемъ мы для него? Ужъ не признаемъ ли мы, что это лишь извѣстная система опеки, которая можетъ имѣть мѣсто во всѣхъ родахъ правоваго государства?

Если мы, русскіе, станемъ воображать себѣ, что живемъ также въ правовомъ государствѣ, а не въ деспотіи (и безъ сомнѣнія, нельзя-же думать, что мы живемъ въ чистой деспотіи, это было-бы несправедливо сказать), если мы станемъ

воображать это, то придется сознаться, что наше Rechtsstaat есть въ большой мѣрѣ именно Polizeistaat. Признакомъ нашего государства-Януса является то, что нѣмецкая газета назвала tyrannische Willkühr der Polizei, тираническій произволъ полиціи (нашъ органъ, который привелъ въ своемъ обозрѣніи эту фразу нѣмецкой газеты, не осмѣлился даже перевести ее на русскій языкъ). Это наша краса, наше дѣйствительнѣйшее орудіе, наша слава, это наше восьмое чудо свѣта. Мы его ниоткуда незаимствовали. Это свое, родное. Эта застарѣлая болячка особенно сильно давитъ насъ въ эпохи политической реакціи. Поэтому теперь она придавила насъ съ удвоенною силой, съ небывалою злобой, которая прикрывается лицемѣрною ширмой „государственной необходимости", знаменитаго Staatsraison-а нѣмецкихъ фюрстовъ XVIII. столѣтія. Спрашивается: неужели благо государства требуетъ такихъ оргій произвола и грубаго, безсмысленнаго насилія, какія у насъ разыгриваются чуть не ежедневно? неужели дѣло государства не дискредитируется, неужели даже дѣйствительно честные дѣятели не станутъ смѣшиваться съ нечестными, если вездѣ будутъ царить такія неслыханныя злоупотребленія, какія царятъ у насъ?

Въ самомъ дѣлѣ, судите сами, читатель.

Если вы человѣкъ состоятельный и съ свободнымъ временемъ, садитесь скорѣе на пароходъ и минуя Норвегію высадитесь въ Колѣ, городѣ, который стоитъ на берегу Ледовитаго Океана. Дальше вамъ нужно путешествовать на оленяхъ. Я совѣтую вамъ сначала держаться близко берега. Посѣщайте по пути города, проѣзжайте черезъ Архангельскъ. Мезень, Холмогоры, пока, черезъ неизмѣримыя тундры, не доберетесь до Пустозерска (сомнѣваюсь, чтобы вы могли совершить такой подвигъ). Поѣзжайте отсюда немного на югъ и снова затѣмъ поворачивайте на западъ, совершая параллельную прежней дугу. Посѣщайте по пути города и деревни, въ которыхъ помѣщается становая квартира, центръ волости. Опишите такихъ дугъ нѣсколько. Изслѣдовавши Архангельскую губернію, проѣзжайте по Олонецкой, Вологодской, Вятской, Пермской, Костромской. Я вамъ скажу, что это чрезвычайно длинный путь, потому что пространства эти громадныя. Не забудьте-же посѣщать города и волости.

Подъѣзжая къ городу или волости, спросите прежде всего: нѣтъ ли тутъ „политическихъ ссыльныхъ". Вездѣ или почти вездѣ вамъ отвѣтятъ: какъ не бывать? Что-вы? Помилуйте! Вамъ скажутъ, что есть и даже очень много. Въ иныхъ городахъ вамъ насчитаютъ хоть десятокъ. Въ волостяхъ вы встрѣтите по одному.

Что-же это за удивительные и таинственные „политическіе" ссыльные? И почему они должны насъ интересовать?

Это нетрудно объяснить.

Вы, читатель, безъ сомнѣнія слыхали о нашихъ политическихъ процессахъ-монстрахъ. Это такого рода процессы: въ средѣ нашей молодежи, по преимуществу студентовъ различныхъ заведеній, часто образуются кружки. Цѣли этихъ кружковъ бываютъ очень разнообразны. Иногда это просто производительныя и потребительныя ассоціаціи, куда примыкаетъ и неучащаяся молодежь. Иногда это кружки самообразованія. Иногда въ этихъ кружкахъ идетъ дѣятельная выработка общественныхъ и политическихъ идеаловъ. Случается, наконецъ, что кружки задаются какими либо практическими цѣлями. Большею частью это бываетъ пропаганда въ народѣ и среди интеллигенціи извѣстныхъ соціальныхъ и политическихъ идей. Такого рода кружки сравнительно весьма рѣдки, по весьма понятнымъ причинамъ. Обыкновенно эти послѣдніе кружки сначала разрабатываютъ среди своихъ членовъ извѣстныя идеи, условливаются относительно многочисленныхъ и запутанныхъ вопросовъ науки и жизни. Безъ сомнѣнія, разработка этихъ вопросовъ идетъ живая, некрепкая, но остается только разработкой. Обыкновенно въ періодѣ этой разработки такіе кружки распадаются или отъ разногласій, или отъ недостаточной зрѣлости членовъ для осиленія великихъ общественныхъ вопросовъ. Это явленіе совершенно понятно, если припомнить то ничтожное количество свѣдѣній и еще менѣе ничтожный навыкъ къ методическому, систематическому и упорному мышленію, тотъ не твердый навыкъ къ осиленію простѣйшихъ проблемъ, который получаетъ воспитанникъ нашихъ учебныхъ заведеній, съ ихъ гнилою, пропитанною ядомъ лицемѣрія педагогическою системой. Итакъ, какъ я сказалъ, кружки эти распадаются въ періодъ разработки вопросовъ. Члены распавшагося кружка или погружаются въ самонаблюденіе, начинаютъ самообразовы-

ваться, или поступаютъ въ какой-либо иной кружокъ, задающійся менѣе широкими цѣлями, или, наконецъ, остаются навсегда особняками, зондерлингами. Я сказалъ, что кружки послѣдняго рода распадаются въ большинствѣ случаевъ. Но бываютъ исключенія. Случается хорошій подборъ членовъ, болѣе или менѣе солидарныхъ и развитыхъ. Это одинъ случай на сотни, быть можетъ тысячи. Въ этомъ рѣдкомъ случаѣ кружокъ начинаетъ преслѣдовать извѣстныя, твердоопредѣленныя цѣли Большею частью члены кружка расходятся по фабрикамъ и деревнямъ, гдѣ знакомятся съ народомъ, объясняютъ своимъ знакомымъ простѣйшія задачи политической экономіи, задачи, которыя западный рабочій можетъ превосходно узнать изъ книгъ.

Обыкновенно на этомъ дѣло останавливается. Неопытные и увлекающіеся юноши большею частью ведутъ дѣло слишкомъ горячо, слишкомъ неосторожно. По доносу, большею частью вслѣдствіе собственной неосторожности, этихъ юношей хватаетъ полиція. Такой простѣйшій повидимому случай поднимаетъ на дыбы все мѣстное начальство Приспособленная спеціально къ этому дѣлу полицейская администрація начинаетъ допросы, поиски, вызываетъ доносы, отыскиваетъ переписку, производитъ множество обысковъ, днемъ и ночью. Никто несвободенъ отъ обысковъ. Всѣхъ, кто хотя въ малѣйшей степени прикосновененъ къ дѣлу, всѣхъ, съ кѣмъ изловленный субъектъ имѣлъ хотя какія-либо болѣе близкія отношенія, хотя-бы въ этихъ отношеніяхъ не было ни капли чего-либо подозрительнаго, — всѣхъ этихъ людей хватаютъ и безъ всякихъ формальностей, безъ всякихъ строгозаконныхъ причинъ, словомъ, sine ambagiis, — сажаютъ въ тюрьму. Такого рода беззастѣнчивость объясняется конечно лишь какой-то необъяснимой паникой, которую наводитъ человѣкъ, подозрительный въ политическомъ смыслѣ.

Какъ-бы то ни было, ихъ садятъ въ тюрьму. Слѣдствіе тянется годъ, два и три, часто больше. Матеріалы все накопляются да накопляются. Всѣ маловажныя письма, всѣ незначительные поводы влекутъ за собою арестъ нѣсколькихъ человѣкъ. Это дѣла совсѣмъ выходящія изъ ряду. Тутъ не соблюдается человѣческій смыслъ, тутъ презирается совѣсть, тутъ попирается законъ, права, всѣ элементарнѣйшія требованія справедливости. Если вы „политическій преступ-

никъ" и у васъ есть жена, — она непремѣнно будетъ посажена въ тюрьму. За что? Не за то-ли, что она виновна въ вашихъ яко-бы „преступленіяхъ"? Но вѣдь часто она и знать ничего не знала и во всякомъ случаѣ не дѣлала ничего подозрительнаго. Но это ничего не значитъ въ глазахъ всполошившагося начальства. Она ваша жена, и этого достаточно. И вотъ она, невинная, какъ голубь, чистая, какъ ангелъ, хватается грубыми руками жандармовъ и садится въ тюрьму, въ одиночное заключеніе, замѣтьте. Она не можетъ видѣть ни своего мужа, ни братьевъ, ни сестеръ, ни отца, ни мать. Она погребена заживо. И вотъ она сидитъ въ казематѣ годъ, два и больше, пока-дѣло не будетъ представлено на судъ. Послѣ того она, ни въ чемъ невинная, должна или раздѣлить судьбу мужа, т. е. большею частью отправиться въ Сибирь на вѣчныя времена, или-же испытать всѣ муки административной ссылки, если судъ найдетъ вашу жену рѣшительно ни въ чемъ неповинной.

Та-же судьба, что испытала вашу жену, испытываетъ большею частью вашихъ братьевъ, сестеръ и болѣе близкихъ вашихъ знакомыхъ. Тутъ-то и начинается настоящее раздолье-для прокуроровъ и жандармовъ. Здѣсь то они ухищряютъ всѣ возможныя и невозможныя средства, чтобъ привлечь къ дѣлу возможно большее число лицъ. Здѣсь-то они напрягаютъ всѣ силы своего подлаго, лакейскаго ума, чтобъ опутать сѣтью формальной улики всѣхъ, — виновныхъ и невиновныхъ, причастныхъ къ дѣлу и вовсе непричастныхъ. Здѣсь-то захватываются цѣликомъ тѣ невинные кружки первыхъ двухъ сортовъ, о которыхъ упоминалось выше. Кого хватаютъ и сажаютъ въ казематы? Кого губятъ физически и морально? Молодежь. Эта оргія произвола въ сущности не иное что, какъ систематическое истребленіе молодежи. Это дневной, очевидный для всѣхъ разбой и убійство. Это легальная рѣзня, гдѣ жертвой, невинной жертвой является цвѣтъ нашего юношества, наша отрада и надежда, наше воплощенное будущее, наши сыновья и дочери, наши братья и сестры. Это погибаетъ все лучшее, на чемъ съ отрадою отдыхаетъ взоръ. Мы смотримъ на это въ совершенномъ столбнякѣ. Наши нервы притупились, потому что это зрѣлище видимъ ежегодно, чуть не ежедневно. Каждый часъ мы видимъ возлѣ себя тѣхъ, кто производитъ эту бойню молодежи, мы пожи-

маемъ имъ руки, мы улыбаемся имъ въ лицо. Мы привыкли. Великое слово-привычка!

Пусть отсохнетъ моя рука, если я написалъ хотя одно слово неправды.

И вотъ цвѣтъ нашего юношества, наша подрастающая интеллигенція сидитъ въ казематахъ, въ одиночныхъ заключеніяхъ, исхудалая, блѣдная, голодная. Сколько тутъ губится молодѣхъ силъ, сколько тутъ скопляется ненависти, сколько умираетъ людей, виновныхъ въ чемъ либо ничуть не болѣе насъ съ вами, читатель, — про то и сказать невозможно. Это можно лишь вообразить, когда во время суда, года черезъ два, черезъ три послѣ вчатія дѣла, мы узнаемъ, что десятки подсудимыхъ уже не существуютъ въ семъ лучшемъ изъ міровъ. Поставьте себя на мѣсто матери, поставьте себя на мѣсто отца этихъ отошедшихъ отсюда юношей, — и вы поймете наше положеніе.

А слѣдствіе все продолжается да продолжается. Сѣть формальной улики охватываетъ все большее число людей. Тюрьмы переполняются. Нѣтъ мѣры произволу.

Что это означаетъ? Это значитъ, что подготовляется обвинительный актъ. Что это за обвинительный актъ? Это chef-d'oeuvre въ своемъ родѣ, это наше девятое чудо свѣта. Впрочемъ, вы можете прочитать эти акты. Они печатаются. Если вы не расхохочетесь въ припадкѣ истерики при чтеніи ихъ, то значитъ вы удивительный человѣкъ.

Вѣдь это такого рода дѣло. На предварительномъ слѣдствіи хватали людей безъ разбора. Теперь въ этихъ людяхъ нужно разобраться, нужно раздѣлить ихъ на категоріи. Были принесены кипы документовъ, нужныхъ и не нужныхъ, важныхъ и неважныхъ. Все это нужно прочитать и перечитать. Все это нужно свести въ систему, нужно придать этому логическую стройность. Это египетскій трудъ, невозможный для цѣльнаго и честнаго человѣка. Предпринимать такой трудъ значитъ брать на себя отвѣтственность за безбожныя убійства. Вѣдь людей хватали во всѣхъ концахъ обширной русской земли. Хватали какъ попало, на томъ основаніи, что „тамъ разберутъ“. Теперь они, этотъ навазъ, это мясо, эти жертвы усердія, этотъ цвѣтъ нашего юношества, — теперь они сидятъ въ казематахъ. Не вѣчно-же имъ сидѣть. Нужно съ ними что-либо дѣлать, не то даже совѣстно какъ-то.

Прокуроръ составляетъ обвинительный актъ. Онъ бѣдняга, думаетъ совершить египетскую работу. О, если-бы прослѣдить по косточкамъ весь процессъ прокурорской мысли въ это время, — да вѣдь это было-бы величайшее въ мірѣ литературное произведеніе!

Этому египетскому труженику нужно соединить несоединимое, слить во едино химическіе разнородные элементы. Ему нужно уловить небывалую связь между Одессой и Петербургомъ, между Енисейскомъ и Брестъ-Литовскомъ, между Колой и Петропавловскомъ. Онъ долженъ мысленно связать Берлинъ съ Вѣной, онъ долженъ мысленно прокатиться въ Парижъ, онъ долженъ искать „корней и нитей" тамъ, гдѣ не можетъ отыскать ихъ никакое воображеніе, будь это воображеніе Шекспира. Ему, словомъ, нужно отыскать гигантскій заговоръ, громадную сѣть конспирацій, ему нужно отыскать вѣтви этого заговора по всей Россіи. Онъ долженъ объявить, что отечество было въ нѣкоторомъ смыслѣ въ опасности, и что онъ, египетскій труженикъ, несчастное орудіе чужой воли, что онъ, этотъ пигмей — гигантъ, эта мумія, этотъ дьяволъ въ человѣческомъ образѣ, это воплощеніе извращенной человѣческой совѣсти, — ему нужно объявить, что онъ въ нѣкоторомъ смыслѣ спасъ наше великое отечество.

И вотъ онъ составляетъ обвинительный актъ. Смотрите на него, любуйтесь на этотъ любопытный монстръ, созерцайте это чудо натуральной исторіи!

Однако-же, есть невозможное и для великаго, est modus in rebus. Изъ сидящихъ въ тюрьмахъ есть такіе, которыхъ никакія силы человѣческой фантазіи, никакія насилія надъ здравымъ смысломъ и совѣстью не могутъ поставить въ связь съ возникшимъ процессомъ.

Что-же? Выпускаютъ-ли этихъ людей на свободу? Даютъ-ли имъ подышать на свѣжемъ воздухѣ и полюбоваться высокимъ сводомъ лазурнаго неба? Говорятъ-ли имъ: „Мы васъ продержали такъ долго въ тюрьмѣ совершенно по ошибкѣ. Извините насъ. Вы свободны." Говорятъ-ли имъ это?

О, нѣтъ, съ ними поступаютъ гораздо проще. Ихъ выводятъ изъ тюрьмы, садятъ въ кибитку и везутъ, далеко везутъ, за тысячи верстъ. Куда это везутъ этихъ несчастныхъ, измученныхъ, обезсиленныхъ, разбитыхъ, идіотизированныхъ въ одиночномъ заключеніи юношей? Ужъ не домой-ли?

Вы ошибаетесь. Ихъ везутъ въ административную ссылку. Ихъ, которыхъ не судили, потому что нельзя было судить, везутъ въ ссылку, наряду съ ворами и извѣстными мошенниками. Кого они убили, кого ограбили, какую основу потрясли? Что они украли?

Никого и ничего. Но они „участвовали“ въ политическомъ процессѣ. Слѣдовательно, они-люди „неблагонамѣренные“. Слѣдовательно, они люди „подозрительные“. Слѣдовательно, они „преступники политическіе“. Слѣдовательно, они стоятъ внѣ закона. Слѣдовательно, они не имѣютъ права быть судимыми. Слѣдовательно, ихъ, шельмъ и безбожниковъ, нужно послать въ административную ссылку. Они хуже воровъ и разбойниковъ.

Поняли вы теперъ, читатель, что означаетъ слово „административная ссылка“? Уразумѣли вы весь смакъ этого изумительнаго для нашего времени обычая? Этотъ обычай выгодно отличаетъ насъ передъ вами, братья славяне, передъ всей Европой. Мы можемъ хвалиться этимъ обычаемъ. Это, видите-ли, свое, родное.

Когда вы будете путешествовать такъ, какъ я вамъ посовѣтовалъ, то въ ряду другихъ административныхъ ссыльныхъ вы найдете множество такихъ, о которыхъ я упомянулъ только что. Спросите ихъ: васъ за что сослали? Они вамъ отвѣтятъ: а развѣ-же мы знаемъ? Вы спросите: да какъ-же такъ? Вѣдь это позоръ и поношеніе! На это они отвѣтятъ: ахъ г. иностранецъ, не удивляйтесь пожалуйста. Nil admirari у насъ. Все это у насъ очень просто. Вотъ, напримѣръ, представьте себѣ, что вы обѣдаете и мечтаете о небесныхъ миндалахъ. Вдругъ является жандармъ, ведетъ васъ въ тюрьму, запираетъ за вами дверь, съ маленькимъ-маленькимъ отверстіемъ вверху, изъ котораго за вами наблюдаютъ. Вотъ вы, г. иностранецъ, сидите въ вашемъ одиночномъ заключеніи годъ, два, три. Если вы живы еще, то можете дождаться, что васъ посадятъ на кибитку и отвезутъ въ Колу, Мезень или Пустозерскъ. Вотъ вы и готовы, г. иностранецъ. Вы превратились въ политическаго преступника. Вы стоите внѣ закона. Словомъ, вы административный ссыльный.

Вы, читатель, не удовлетворитесь такимъ отвѣтомъ. Вы спросите: да послушайте! Долго вы сидите здѣсь? Быть можетъ о васъ забыли. Что-же это такое, Господи! Тогда

вашъ собесѣдникъ отвѣтитъ вамъ: о г. иностранецъ! Вы слишкомъ наивны. Нѣтъ, обо мнѣ не забыли. Но мнѣ еще рановременно возвратиться. Понимаете, рановременно. Я сидѣлъ годъ, два, вотъ я досиживаю третій годъ. Я болѣнъ и безсиленъ. Я пропащій, погибшій, несчастный человѣкъ. Мнѣ остается немного времени до смерти. Я просилъ, чтобъ отпустили мою душу на покаяніе. Но мнѣ отвѣчали: рановременно. Да, именно voilà le mot! Рановременно! — Однако-же, возвратимся къ прерванному разказу.

Обвинительный актъ конченъ. Приглашаютъ адвокатовъ, назначаютъ судъ. Вы можетъ быть воображаете, что это судъ присяжныхъ? Вы ошибаетесь. Это „особое присутствіе правительствующаго сената", а это громадная разница.

Встаетъ прокуроръ и читаетъ свое знаменитое издѣліе: „О противуправительственной пропагандѣ въ Имперіи."

Оказывается, что русская земля была въ опасности. И отъ кого-же? Отъ этихъ блѣдныхъ, обезсиленныхъ людей, которые съ такимъ унылымъ видомъ сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ. Да и какъ имъ не быть унылыми! Вѣдь они присутствуютъ при финалѣ позорнаго фарса, при послѣднемъ актѣ пасквильной комедіи. Ихъ обвиняютъ и защищаютъ. Судъ выслушиваетъ съ глубокомысленнымъ видомъ. Да вѣдь это позорное, нахальное лицемѣріе. Вѣдь судьба этихъ блѣдныхъ, обезсиленныхъ людей рѣшена напередъ!

Адвокаты говорятъ много и краснорѣчиво, хотя не слишкомъ смѣло. Но все-же говорятъ. Они объясняютъ, до какой степени беззаконно велось все дѣло, до какой степени безсмысленны улики прокуратуры. Они указываютъ на то, что вѣдь обвиненые вынесли длинную агонію одиночнаго тюремнаго заключенія, что треть обвиняемыхъ умерла въ заключеніи. Они прямо смѣются надъ прокуроромъ, когда тотъ начинаетъ идіотически объяснять, что обвиняемые должны понесть не только кару закона, но еще должны будутъ отвѣчать на страшномъ судѣ (!). Они указываютъ на ни съ чѣмъ несообразныя обвиненія въ „хулѣ противъ славимаго во единой троицѣ Бога".

Но къ чему весь этотъ громъ адвокатскихъ рѣчей? Это вовсе лишній аксессуаръ. Все дѣло заключается въ прокурорскомъ краснорѣчіи, которое даже одна русская газета назвала „сомнительнымъ".

Фарсъ сыгранъ. Занавѣсъ опущенъ. Актеры сорвали парики и вымыли лица. Остальное дѣло администраціи.

Администрація выжидаетъ окончанія суда, какъ звѣрь въ циркѣ нѣкогда выжидалъ свою жертву.

Вотъ онѣ, жертвы. Это она, измученная, обезсиленная молодежь.

Горе тѣмъ, кого не осудили! Горе и тѣмъ, кого осудили. Но второе горе иногда бываетъ меньше перваго.

Какъ такъ? Очень просто. У насъ все просто.

Дѣло въ томъ, что иногда обвиненныхъ приговаривали лишь къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ ареста. Бывали случаи, что этимъ арестомъ дѣло оканчивалось. Человѣкъ выходилъ на свободу, то есть, на относительную свободу, именно подъ надзоръ полиціи, очень назойливый надзоръ.

Но горе тѣмъ, кого не осудили. Ихъ тутъ-же, у зданія суда хватали, садили въ кибитку и везли. Куда?

Въ административную ссылку.

Да за что-же? Помилуйте! Вѣдь это разбой!

Какъ за что? Да вѣдь они „участвовали“ въ политическомъ процессѣ. Слѣдовательно, они „политическіе преступники“.

Пусть еще будутъ благодарны, что ихъ судили. А если ихъ оправдали, то что за важность! Нѣтъ, нѣтъ, необходимо отправить ихъ, шельмецовъ и безбожниковъ, въ административную ссылку.

И ихъ отправляютъ. Да какъ! Массами, большою гурьбой, безъ разбора. Ихъ отправляютъ умирать медленною смертью въ захолустьи административной ссылки.

Зачѣмъ тутъ лишнія слова? Вѣдь это фактъ! Это фактъ, извѣстный каждому русскому мальчику, но особенно русскимъ матерямъ. О, русскія матери! Кто изчерпаетъ море слезъ, которыя вылились изъ вашихъ глазъ? Кто изслѣдуетъ глубину вашей скорби?

Не станемъ говорить объ этомъ. Это можно лишь вообразить себѣ въ тѣ минуты, когда душа раскрывается для сочуствія, когда сердце дѣлается способнымъ биться для чужаго горя.

Итакъ, читатель, вы путешествуете по русскимъ селамъ и городамъ. Не забудьте вы вести списокъ политическимъ ссыльнымъ, такъ какъ русское общество не знаетъ,

сколько у него политическихъ ссыльныхъ. Оно какъ будто и не заботится объ этомъ. Вѣрно лишь то, что мы не имѣемъ оффиціальныхъ отчотовъ о числѣ административныхъ политическихъ ссыльныхъ. Это наша тайна. Мы сами боимся, стыдимся нашей тайны Она должно быть рѣжетъ намъ глаза, потому что не можетъ не рѣзать нашихъ глазъ такая возмутительная по нашему времени несправедливость. Однако-же мы поживаемъ себѣ довольно спокойно. А число административныхъ ссыльныхъ все увеличивается да увеличивается. Какъ это дѣлается, о томъ будетъ рѣчь ниже.

„Sagt, wo soll das enden? Wer
Den Knäul entwirren, der, sich endlos selbst
Vermehrend, wächst?

* * *

Что-же однако это за административные ссыльные? Каковы условія ихъ жизни?

Обыкновенно для административныхъ ссыльныхъ губернія, куда ихъ имѣютъ сослать, назначается еще на мѣстѣ, откуда они высылаются. Послѣ долгихъ странствованій по безконечнымъ пустынямъ, послѣ основательнаго ознакомленія съ тюрьмами, кутузками, пересыльными замками, мнимый „политическій преступникъ“, въ непремѣнномъ сопровожденіи двухъ жандармовъ или солдатъ, въ случаѣ, если жандармовъ оказывается недостаточно (въ нашей жандармской странѣ случается и такой казусъ, потому что слишкомъ много ссыльныхъ), — мнимой преступникъ пріѣзжаетъ въ губернскій городъ. Продержавши его, преступника, въ различныхъ канцеляріяхъ, отводятъ его въ тюрьму, „на казенную квартиру“. Здѣсь онъ ожидаетъ, пока не будетъ опредѣлено, въ какой именно уже уѣздный городъ выслать его. Такимъ образомъ изъ тюрьмы мнимый преступникъ переходитъ въ руки уѣзднаго исправника, высшей полицейской власти въ уѣздѣ. Въ полиціи мнимый преступникъ обязанъ дать письменное обѣщаніе, что не станетъ отлучаться за черту города, что будетъ представлять всю свою корреспонденцію на прочтеніе исправнику, что не будетъ заниматься преподаваніемъ уроковъ. Послѣ этого мнимаго преступника выпускаютъ изъ полиціи на улицу: иди молъ и не грѣши.

Вотъ вы на улицѣ. Предположите, что теперь зима. Васъ схватили неожиданно и отвезли въ той одежѣ, въ какой вы были въ моментъ ареста. Если вы передъ тѣмъ сидѣли въ тюрьмѣ, то навѣрно вы человѣкъ больной, измученный. Кромѣ того, вы человѣкъ бѣдный. Когда вы были въ университетѣ, средства къ жизни доставляли вамъ занятія уроками. Вы не обучались никакимъ ремесламъ. Словомъ, вы обыкновенный интеллигентный человѣкъ, какихъ въ Россіи тысячи.

И вотъ васъ оторвали отъ вашей среды, вывезли какъ зачумленный товаръ изъ вашей родины, измучили, оскорбили и наконецъ-наконецъ выгнали на улицу какъ паршивую собаку. Если вы больны, ступайте въ больницу, Къ счастью, тамъ васъ примутъ. Если вы слабы и безсильны, можете лечь у полиціи отдохнуть. Вѣроятно, вамъ никто не помѣшаетъ. Если вы голодны, поищите въ карманѣ денегъ. Если у васъ денегъ нѣтъ, никто вамъ не препятствуетъ умирать съ голоду. Предположите, что у васъ нѣтъ ни отца, ни матери, что вы сирота. Что вамъ дѣлать? Куда дѣваться? Гдѣ приклонить главу?

Чешская пѣсня гласитъ, что „словянъ све братри вшуде ма". Хорошо, если въ захолустьи, куда васъ выслали, есть вашъ „братъ", то есть, такой-же ссыльный какъ и вы. Ступайте къ нему. Онъ навѣрное поможетъ вамъ, если только это въ его силахъ.

Кто вы такой? Вы называетесь административнымъ, „политическимъ" ссыльнымъ. Вы человѣкъ опасный. За вами зорко слѣдитъ полиція день и ночь. Вы подъ надзоромъ. Съ вами рѣдко кто захочетъ имѣть сношенія, такъ какъ это весьма и весьма небезопасно. Вы что-то запрещенное, вы зачумленный человѣкъ. Вотъ кто вы такой.

Будемъ однако справедливы. Если вы подадите формальное прошеніе, вамъ, послѣ долгихъ проволочекъ, станутъ выдавать „кормовыя" деньги. Если вы человѣкъ изъ непривилегированнаго сословія, вамъ будутъ выдавать 1½ рубля, а если вы „привилегированный", вамъ будутъ выдавать 6 р. въ мѣсяцъ. Вамъ не позволяютъ заниматся трудомъ, къ которому вы привыкли. Но за то вамъ даютъ „кормовыя" деньги. Да и нельзя не давать. Иначе вы могли бы умереть съ голоду.

И вотъ вы живете въ административной ссылкѣ, за тысячи верстъ отъ вашей родины. Хорошо, если вашъ исправникъ не слишкомъ крутаго и строгаго нрава. Но вообразите, что онъ именно крутаго нрава. Это бываетъ.

Поймите, что вы во власти вашего исправника.. Онъ можетъ сдѣлать съ вами что пожелаетъ. Если-бы ему понравилось заморить васъ въ кутузкѣ, онъ можетъ сдѣлать это какъ нельзя легче. Вы вздумаете жаловаться? Но вѣдь ваши жалобы не пойдутъ изъ города. Ихъ перехватятъ на почтѣ Всѣ ваши письма перехватываютъ на почтѣ. Что изъ нихъ можетъ не понравится исправнику, то обыкновенно уничтожается.

Вотъ что называется административной ссылкой.

Все-ли это? Нѣтъ. Въ рукахъ исправника есть еще одно чудное средство: это высылка мнимаго преступника въ волость, т. е. въ деревню, въ мертвое и пустынное захолустье.

Какъ это дѣлается? Очень просто. Исправникъ сносится письменно съ губернаторомъ, и васъ, безъ суда, безъ разбирательства, словомъ, безъ объясненія причинъ везутъ въ захолустье. Это называется умерщвлять par simple ordre d'administration. Это наше девятое чудо свѣта.

Нужно знать, что такое наша деревня на сѣверѣ. Это не нѣмецкая и не австрійская деревня, гдѣ вы легко найдете газету, прочтете новую книгу, можете поговорить и погоревать съ понимающимъ васъ человѣкомъ. Нѣтъ, это совсѣмъ другаго сорта вещь. Тутъ идетъ вѣчная, неутомимая, безпощадная борьба за существованіе, борьба съ холодомъ, болѣзнями. Тутъ административный произволъ разыгрывается съ небывалымъ безстыдствомъ. Это наша несчастная, забитая деревня, гдѣ половина жителей завидовала-бы судьбѣ итальянскихъ lazzaroni, судьбѣ французскихъ нищихъ. Это нѣчто, угнетенное бременемъ налога, изнывающее въ путахъ недоимки, гибнущее въ позорѣ невѣжества.

И вотъ васъ высылаютъ сюда. Хорошо, если вы человѣкъ твердо установившійся, вполнѣ развитой умственно, всесторонне разработывавшій нѣкогда, на школьной скамьѣ, многочисленные вопросы, которые заѣдаютъ нашу жизнь своею нерозрѣшенностью. Если это такъ, вы быть можетъ найдете въ вашемъ захолустьи много предметовъ достойныхъ наблюденія и изученія. Но держите ваши наблюденія и изу-

ченія втайнѣ. Это пока мертвый и безполезный балластъ, котораго вы не можете сообщить другимъ. Быть можетъ онъ вамъ пригодится впослѣдствіи.

Но вѣдь въ большинствѣ случаевъ это вовсе не такъ. Въ большинствѣ случаевъ административные ссыльные народъ молодой, неустановившійся, слабый, неопытный и главное разбитый нравственно и физически. Эти молодые люди съ самыми лучшими надеждами уже успѣли перегорѣть на огнѣ разбитыхъ ожиданій, уже успѣли испытать всѣ униженія и оскорбленія ликующаго произвола, они вынесли на своихъ исхудалыхъ шеяхъ весь гнетъ торжествующей реакціи. Можете-ли вы ожидать, что эти молодые люди, по большей части схваченные со школьныхъ скамей, — можете-ли вы ожидать, что эти молодые люди будутъ неустанно идти впередъ въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи, будутъ крѣпнуть характеромъ, возвышаться духомъ, учиться уважать идеалы и презирать неправду? Если вы на это надѣетесь, то вы должны предполагать, что русская молодежь какое-то чудо. Но она вовсе не чудо. Она по просту добрая, благородная, благонамѣренная въ лучшемъ смыслѣ молодежь, какъ всякая молодежь, — французская, австрійская или итальянская.

Что-же это такое? Какъ назвать это?

Вѣрнѣе всего будетъ назвать это систематическимъ истребленіемъ молодежи, систематическимъ отупленіемъ, идіотизированіемъ нашей подростающей интеллигенціи. Это рѣзня, это человѣческая бойня. Спросите каждаго русскаго, заключается-ли въ этихъ словахъ хотя капля преувеличенія, хотя крупица лжи. Если этотъ русскій человѣкъ честный и искренній, онъ вамъ скажетъ, что это сущая, неподкрашенная дѣйствительность.

Зачѣмъ васъ, измученнаго и разбитаго морально человѣка, держатъ въ ссылкѣ? Какія цѣли у этого безстыднаго, безсовѣстнаго и безотвѣтнаго произвола?

Догадывайтесь сами.

Сколько здѣсь гибнетъ людей, сколько здѣсь впадаетъ въ тихое умопомѣшательство, про то и сказать невозможно.

Если ссыльный потерялъ одно легкое, если его захватилъ злой недугъ, можетъ случиться, что его переведутъ на югъ или даже отпустятъ домой.

Кого отпускаютъ домой? Мумію, мертвеца. Большею частью это уже человѣкъ, потерянный для нашего общества, человѣкъ, заживо отошедшій въ лучшій міръ. Онъ живетъ, движется. Но не прикасайтесь къ нему. Вамъ будетъ отъ этого больно.

Измучивши, выжавши всѣ соки, умертвивши, оставляютъ-ли этого человѣка въ покоѣ? Нѣтъ, онъ числится между подозрительными, онъ находится подъ неусыпнымъ надзоромъ полиціи.

Почему? Зачѣмъ? „Да вѣдь онъ „участвовалъ", да вѣдь онъ „былъ сосланъ", да вѣдь это шельма и безбожникъ, государственный преступникъ, измѣнникъ отечеству и т. д.

Вотъ это называется административной ссылкой.

„Долго-ли она продолжается?

Судите сами. Если вы, ни въ чемъ неповинный человѣкъ, пробудете въ ссылкѣ годъ и попросите, чтобы смиловались и освободили васъ, вамъ отвѣтятъ изъ Петербурга: рановременно. Пробудьте еще годъ, — и васъ быть можетъ куда-нибудь переведутъ, но быть можетъ также отвѣтятъ: рановременно. Та-же исторія можетъ повториться и дальше, впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Чѣмъ руководствуются, когда рѣшаютъ вашу судьбу? Это неизвѣстно. Это тайна. Напрасно вы будете просить. Они безжалостны. Зачѣмъ имъ ваше несчастіе? Вѣдь вы уничтожены, вѣдь вы уже человѣкъ ни для кого неопасный. Вы однимъ словомъ живыя мощи, двигающіяся мертвецъ. Зачѣмъ имъ ваши кости, ваши несчастные останки, вашъ скелетъ? Зачѣмъ имъ вы? Незачѣмъ. Вѣдь дѣло сдѣлано. Вѣдь человѣкъ уничтоженъ.

Все равно, читатель. Рановременно. Поймите вы это слово: ра-но-вре-мен-но.

IV.

Не такъ давно, именно въ эпоху сербской войны, воспитанники нашихъ гимназій съ увлеченіемъ распѣвали слова пѣсни:

„Тамъ жены и дѣты въ позорѣ, слезахъ,
Несчастья оковы на сербскихъ сынахъ!"

То было хорошее время. Насъ охватила минута чистаго увлеченія, теплой симпатіи. „Добровольцы шли при громкихъ крикахъ одобренія. Такія минуты рѣдко случается испытывать обществу, и мы потомъ очень и очень охладѣли. Охладѣли потому, что нельзя-же постоянно думать о чужихъ страданіяхъ и забывать свои. Пусть на сербскихъ сынахъ лежали и несчастья оковы, и рабства позоръ. „Да у насъ то, у насъ что за лимоны и апельсины разцвѣтаютъ въ зеленѣющихъ рощахъ! Какъ мы обозначимъ наше собственное положеніе? Не пора-ли наконецъ приступить къ леченію своихъ ранъ, къ ампутаціи своихъ ноющихъ болячекъ?

Чешская пѣсня гласитъ: „Праго, Праго! Праго мати! Закрыемъ те, сынове!“

Великія слова, святыя слова! Но развѣ-же у насъ нѣтъ своей Праги, которую должно отстаивать сыновьямъ? Сыновьямъ!

Да вѣдь сыновья наши — это наша мартирологія.

Да, именно мартирологія. Это слово самое подходящее

Когда вы, читатель, будете путешествовать указаннымъ выше способомъ, когда вы будете посѣщать деревни и города, то знайте, что тамъ гніютъ наши сыновья, знайте, что это мученики нашей внутренней неурядицы. Это наша живущая, воплощонная мартирологія.

Спуститесь южнѣе. Объѣзжайте города. Поживите въ нихъ, наблюдайте, изучайте. Васъ поразитъ затхлость, мертвое затишье нашей жизни. Здѣсь вы найдете удушливую атмосферу задавленной мысли, вынужденнаго молчанія, боязливыхъ слезъ, неизвѣданныхъ страданій. Вы найдете, что надъ каждымъ городомъ виситъ дамокловъ мечъ. Вы услышите какіе-то неясные намеки, темный и боязливый говоръ. Вы узнаете, что многія семейства не досчитываются своихъ сыновей, дочерей, братьевъ, сестеръ. Вездѣ, на каждомъ шагу вы встрѣтите ясные признаки, очевидныя жертвы нашей мартирологіи.

Мы находимся въ осадномъ положеніи. Мы изображаемъ собою крѣпость, которую со всѣхъ сторонъ окружаетъ врагъ. Мы не въ силахъ бороться и даже не хочемъ бороться. Мы живемъ въ осажденной крѣпости.

День за днемъ, часъ за часомъ изъ нашей крѣпости исчезаетъ одинъ, два, десятки человѣкъ. Гдѣ они? Мы не зна-

емъ. Надо думать, что они въ административной ссылкѣ. Слѣдовательно, они стоятъ внѣ закона? Да, они стоятъ внѣ закона? За что-же? А развѣ-же мы знаемъ за что? Неизвѣстно, за что. Безъ объясненія причинъ. Просто, безъ причинъ.

Извѣстно, что за границей есть русская эмигрантская литература. Разными путями доходитъ она и до насъ, жителей осажденной крѣпости. Чѣмъ она страшна? Кому она желаетъ зла? Для кого она наконецъ опасна? Развѣ-же не очевидно для всякаго, что она не всегда едина въ своихъ мнѣніяхъ, что она служитъ отголоскомъ слишкомъ различныхъ по своимъ принципамъ фракцій и партій. Если намъ удается читать ее, то значитъ-ли это, что мы всецѣло проникаемся ея мнѣніями? Развѣ у насъ нѣтъ ни малѣйшаго критическаго смысла? Развѣ мы идіоты? Развѣ мы дѣти, которые нуждаемся въ заботливыхъ дядькахъ? Да, заботливые дядьки воображаютъ, что мы дѣти. Они тщательно оберегаютъ насъ отъ „тхетворныхъ" вліяній эмигрантской литературы. Если у васъ найдется одинъ листокъ, одинъ ничтожнѣйшій экземпляръ изъ этой литературы, — горе вамъ. Vae legentibus! Вотъ нашъ національный девизъ. Мы дѣти. Намъ нельзя читать всего, чего мы ни пожелаемъ. У насъ есть садовникъ, который съ удивительною, отеческою заботливостью ухаживаетъ за нашимъ умомъ. Vae legentibus! Найдись у васъ запрещенный листокъ — и вы несчастный человѣкъ. Васъ продержатъ долго-долго въ крѣпости и затѣмъ или отошлютъ въ административную ссылку, если не удастся смастерить какого-либо процесса-монстра, или-же выпустятъ на „относительную" свободу.

Спрашивается: съ чѣмъ это сообразно? Гдѣ здѣсь человѣческій смыслъ, гдѣ здѣсь совѣсть, стыдъ, гдѣ здѣсь чья-либо выгода?

Если-бы эмигрантская литература не преслѣдовалась, если-бы за чтеніе ея не ссылали, то отъ этого дѣло нимало не измѣнилось-бы. Жизнь текла-бы такъ-же спокойно, какъ теперь, съ тою разницей, что не было-бы столько невинныхъ и безполезныхъ жертъ.

Для кого опасная эта литература? И не гораздо-ли опаснѣе преслѣдовать ее? Вѣдь честный человѣкъ не боится того, что о немъ станутъ говорить. Онъ честный человѣкъ,

и всѣ это знаютъ. Если кто-либо станетъ распускать про него ложь, она ему, честному человѣку, нимало не повредитъ. Напротивъ, солнце правды станетъ еще свѣтлѣе отъ контраста.

Итакъ, если мы видимъ въ государствѣ ярое, безпощадное преслѣдованіе мысли, мы должны заключить, что или государственная власть сама усомнилась въ своей честности, потеряла вѣру въ правоту своего дѣла, утратила нравственный компасъ и теперь летаетъ безъ весла и кормила по бурному морю произвола и насилія, — или-же мы должны объяснять все это недоразумѣніемъ, архаическими воззрѣніями на общественные вопросы, хроническою неспособностью усвоить себѣ новѣйшія идеи вѣка, примкнуть къ этимъ идеямъ, переработать себѣ ихъ въ плоть и кровь.

Мнѣ кажется, что второе объясненіе будетъ въ значительной степени болѣе подходить къ истинѣ, съ одною впрочемъ поправкой. Именно, эта неспособность понять идеи вѣка, неспособность уразумѣть свои прямые интересы и выгоды осложняется какой-то паникой, какой-то трусостью передъ наплывомъ новыхъ идей и наростаніемъ новыхъ потребностей.

Мы всегда жили подъ опекой. Мы всегда сидѣли въ осажденной крѣпости. Но зачѣмъ же намъ изучать исторію, если она не преподаетъ намъ никакихъ уроковъ? Зачѣмъ намъ исторія, если мы не способны понять, что то, что могло имѣть мѣсто во время Татарскаго ига, во время борьбы съ Литвой и Польшей, во время нѣмецкаго террора, — что все это какъ-то даже неприлично для 1878 года, что это просто невыгодно, неразсчетливо для самой государственной власти. Если исторія доказываетъ что-либо несомнѣнно, то это именно то, что никакія ухищренія администраціи, никакія оргіи насилія не могутъ атрофировать нарождающихся потребностей. Исторія намъ доказываетъ, что слишкомъ сильно натянутыя возжи опеки надъ народомъ въ концѣ концовъ лопаются, и самонадѣянный возница летитъ подъ копыта лошадей, подъ колеса несчастной колымаги, которая управлялась такъ неблагоразумно, такъ неразсчетливо.

Факты на лицо. Съ начала XVIII столѣтія европейскія идеи, получая по милости администраціи нѣкоторый доступъ въ нашу осажденную крѣпость, вдругъ ни съ сего ни съ того

начинали быть подавляемы. Мы второе столѣтіе живемъ между волнами медленныхъ акцій и бѣшеныхъ реакцій. Съ нами шутили, заигрывали, намъ давали чуточку отвѣдать сладкаго плода свободы мысли, чтобъ потомъ всячески терзать и калѣчить насъ за то, что мы смаковали этотъ плодъ съ такимъ увлеченіемъ, съ такимъ восторгомъ. Сколько мы вынесли мученій, какіе претерпѣли издѣвательства, какіе понесли потери, то можно представить себѣ съ превеликимъ трудомъ. Не было мѣры произволу, не было границъ насилію. Терроръ прошолъ черезъ нашу сознательную исторію широкой, о, какой широкой лентой.

И что-же? Потеряли мы вкусъ къ свободѣ мысли и слова? Потеряли мы способность различать сладкое отъ горькаго? Правду отъ неправды? Добро отъ зла? Нѣтъ. Факты на лицо. Наша мартирологія доказываетъ это какъ нельзя лучше. Съ опасностью для свободы и даже для жизни наши юноши, наша подрастающая интеллигенція читаетъ свободное слово. Неужели ничего не доказываетъ этотъ бьющій въ глаза фактъ? Неужели ничего не значитъ это удивительное упорство, этотъ неослабѣвающій интересъ къ чтенію? Какъ-же объяснить это, если не дѣйствительною потребностью? Но развѣ благоразумно стараться искоренить дѣйствительную потребность, развѣ не выгоднѣе пойти съ готовностью на встрѣчу ей, стараться удовлетворить ей возможно полнѣе и лучше? О, Геркулесовы столбы человѣческаго неразумія, о, великая бездна человѣческаго отупѣнія и самонадѣянности! Спросите каждаго мало-мальски развитаго русскаго человѣка — что онъ вамъ скажетъ? Скажетъ-ли онъ, что ему страшна свобода мысли? Скажетъ-ли онъ, что она можетъ поколебать власть, правительство, ниспровергнуть троны? Нѣтъ, онъ этого не скажетъ, потому что онъ знаетъ, что свобода мысли укрѣпляетъ хорошее правительство, научаетъ уважать либеральную, желающую добра подданнымъ власть. Онъ знаетъ, что лишь нерозумное упорство, самонадѣянное коснѣніе въ средневѣковыхъ идеяхъ дискредитируетъ, позоритъ власть, дѣлаетъ ее посмѣшищемъ всего свѣта, устроиваетъ изъ нея притгу во языцѣхъ!

Все это азбучныя истины для русскаго интеллигентнаго человѣка. Но власть, вопреки собственнымъ интересамъ, не желаетъ слушать голоса этихъ истинъ. На кого-же она

надѣяться можетъ послѣ этого? Имѣетъ-ли она послѣ этого право ожидать къ себѣ любви, уваженія?

Признаюсь, это было-бы весьма странно. Какъ можетъ внушать уваженіе человѣкъ, который, желая долго жить, губитъ себя очевиднымъ для всѣхъ образомъ, собственноручно? Который истребляетъ тѣхъ, съ кѣмъ долженъ идти за-одно? Который ненавидитъ своихъ лучшихъ совѣтниковъ? Который собственноручно копаетъ себѣ яму, не желая сдѣлать ни малѣйшей уступки? Вѣдь это дѣтское упорство, вѣдь это старческое, разслабленное неразуміе!

А между тѣмъ мысль идетъ своей дорогой, потребности растутъ, не находя удовлетворенія. Да какъ не расти имъ? Вѣдь говорятъ, что въ шестидесятыхъ годахъ мы далеко шагнули въ области мысли. Развѣ этотъ шагъ могъ исчезнуть безслѣдно? Развѣ могъ безразслѣдно исчезнуть разцвѣтъ нашего самосознанія? Нѣтъ, это было немыслимо. Дѣло лишь въ томъ, что этотъ токъ чистой ключевой воды остановила плотина политической реакціи. Теперь идетъ ясная и ужасающая борьба, ужасающая потому, что при этомъ гибнетъ множество молодыхъ силъ, гибнетъ тихо, безъ громкихъ криковъ и фразъ. Зачѣмъ они гибнутъ, эти силы? На нашъ позоръ, на наше поношеніе, на наше горе въ будущемъ. Это такъ сказать Продово избіеніе ни въ чемъ неповинныхъ младенцевъ. Это безпощадное, безсовѣстное истребленіе живыхъ человѣческихъ силъ. Это милліоны подвиговъ баши-бозуковъ, опричниковъ, застрѣльщиковъ, сикаріевъ, подлыхъ, безсовѣстныхъ, безжалостныхъ убійствъ. Это насмѣшка надъ стыдомъ, совѣстью, честью. Это профанація. Стыдъ и позоръ!

V.

Если вамъ, читатель, по вашей спеціальности приходилось производить опыты надъ растеніями и животными, то вы знаете, что дерево, встрѣтивъ на пути препятствіе, уклоняется въ сторону, но все-же продолжаетъ расти, пока наконецъ не дойдетъ до предѣла своего роста и не начнется упадокъ, разложеніе. Вы знаете, что ростеніе, лишенное солнечнаго свѣта, утратитъ свой окрашивающій пигментъ, сдѣлается блѣднымъ, прозрачнымъ, больнымъ. Небезъиз-

вѣстно вамъ и то, что если сбрить съ живаго кролика шерсть и обмазать его кругомъ лакомъ, то несчастное животное черезъ нѣсколько дней умретъ. Все это факты необходимые, и вы можете предсказать ихъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Не тоже-ли случается иногда въ обществѣ?

Извѣстно, что мысль, полученная отъ извѣстнаго внѣшняго импульса, стремится выразиться въ дѣйствіи, стремится сама произвесть импульсъ на другіи предметы. Эти три термина взаимно другъ друга дополняютъ, они связаны неразрывно. И такъ, если вы станете стараться, чтобы мысль, которая составилась въ человѣкѣ совершенно, необходимо и естественно, — если вы станете стараться, чтобы эта мысль такъ и осталась мыслью, чтобъ она не пыталась выразиться въ дѣйствіи, чтобъ она была мыслью инертною, бездѣятельною, пассивною, — если вы станете пытаться сдѣлать это, то какъ вы думаете, — можете-ли вы достичь своей цѣли? Нѣтъ, не можете. Это было бы все равно, какъ если-бы вы хотѣли бороться съ закономъ природы. Вы можете дать ему слегка иное направленіе, но вы не въ состояніи уничтожить силъ, которыми располагаетъ природа. Мысль также имѣетъ свои законы. Итакъ, если вы будете поставлять препятствія на пути ея естественнѣйшаго выраженія, она пойдетъ по окольнымъ путямъ, но уничтожиться не можетъ. Возможно, что она останется въ потенціальномъ состояніи, но скорѣе она пойдетъ по окольнымъ путятъ, ища удовлетворенія.

Я говорилъ выше, что у насъ мысль задавлена, несвободна. А между тымъ думать есть о чемъ. Масса несправедливостей, которыя насъ угнетаютъ, не могутъ не вызывать мыслей отрицанія, протеста. Все это законно и понятно. Но вотъ наши мысли подавляются. Мы можемъ искать побочныхъ путей. Такъ, напримѣръ, въ нашемъ обществѣ царитъ полицейскій произволъ. И вотъ въ обществѣ являются протесты противъ произвола въ видѣ убійствъ и другихъ насилій. Не станемъ стоять здѣсь на точкѣ зрѣнія абсолютной справедливости. Припомнимъ впрочемъ разсужденія Дюринга о мести*). Несомнѣнно лишь, что это явленія чрезвычайно естественныя и понятныя. Они не должны возмущать

*) Dühring, Werth des Lebens. Breslau. 1865. Ueber die transcendente Befriedigung der Rache. S. 222 und 59.

насъ. Насъ должны возмущать вызвавшія ихъ причины. Конечно, если мы станемъ объяснять ихъ „испорченною и порочною волею", то это даже весьма удобно, но вѣдь объяснять такъ это можетъ лишь идіотъ.

Факты на лицо. Кто не помнитъ дѣла Засуличъ? Кто забылъ убійства въ Петербургѣ, въ Кіевѣ, въ Одессѣ? Этого забыть невозможно. Это слишкомъ ужасно, ужасно потому, что показываетъ до какой высокой степени достигъ интеллектуальный гнетъ въ нашемъ обществѣ, до какой степени попрана свобода личности и мысли. Кто не помнитъ ужасающихъ подробностей процесса Засуличъ? Кто забылъ, какъ безпощадно и невинно преслѣдовали эту дѣвушку? Кто не бѣсился, кто не проклиналъ, слушая эти разсказы о безпричинныхъ утѣсненіяхъ ни въ чемъ неповиннаго существа?

Засуличъ была оправдана. Вся мыслящая Россія ликовала. Это былъ слишкомъ рѣзкій фактъ, это слишкомъ ясно дало понять правительству, что его система стоитъ ниже всякой критики, что это позорящая, презрѣнная, подлая система. Что-же, послушала власть этого голоса? Нимало. Администрація желала вырвать Засуличъ изъ рукъ восторженныхъ петербуржцевъ, чтобы отправить въ административную ссылку. Къ счастью, этого не удалось. Несмотря на это, власть не постыдилась кассировать приговоръ присяжныхъ и опредѣлить новый судъ надъ несчастной жертвой притѣсненія. Это неслыханное, безстыдное, позорное нахальство не возбудило ни малѣйшаго протеста ни съ чьей стороны.

Измѣнилась-ли послѣ этого система? Ни мало. На другой день послѣ оправданія Засуличъ были высланы 30 кіевскихъ студентовъ въ административную ссылку, да 120 было разослано съ жандармами по домамъ. Фактъ поразительный.

Система, говорю, ни мало не измѣнилась. Начались извѣстныя убійства. Кто были убійцы, — неизвѣстно. Быть можетъ это были совершенно изолированныя личности. Ничего неизвѣстно.

Какъ-же воспользовалось русское общество этими фактами? Дало ли оно замѣтить, что оно понимаетъ причины этихъ фактовъ и не желаетъ болѣе, чтобы эти причины продолжались? Нѣтъ. Оно воспользовалось этимъ для акта грязнаго лицемѣрія. Оно воспользовалось этимъ, чтобъ выразить свои вѣрноподданническія чувства.

Зачѣмъ въ адресахъ Государю сказано было, что Россія „процвѣтаетъ“? Не былъ-бы Государь болѣе благодаренъ, если-бы ему прямо указали на наши болячки? Во всякомъ случаѣ, не было-ли бы это болѣе честно и сообразно съ дѣйствительными отношеніями? Я думаю, что это такъ. Если-же общество не признаетъ нашего положенія ненормальнымъ, то тогда какъ объяснить ликованіе по поводу Засуличъ и унылую тишину по поводу казни Ковальскаго? Что-же, развѣ это была комедія, зудъ въ рукахъ, которыя хлопали, судорога въ горлѣ, когда плакали? Вѣдь значило это что-нибудь.

Единственное объясненіе этой видимой непослѣдовательности можетъ быть то, что адресы къ Государю выражали лишь одну сторону чувствъ, охватившихъ общество, чувствъ безпредѣльной скорби по поводу нашихъ внутреннихъ язвъ, но что въ адресахъ не указывалось на то, что общество понимаетъ хорошо наши язвы и желаетъ ихъ уничтоженія. Да и вообще трудно въ оффиціальныхъ адресахъ ожидать выраженія мнѣній мыслящаго общества. Адресы писались земствами да дворянствомъ. Это плохой выразитель общественнаго мнѣнія. Тутъ скорѣе можно ожидать разгула лицемѣрія, чѣмъ слова правды. Такъ оно и вышло. Но все таки намъ окончательный выводъ не измѣнится. Все таки очевидно, что даже тѣ, кто могъ-бы выразить свои мнѣнія, побоялся выразить ихъ и предпочелъ лицемѣрить. А быть можетъ все это просто слѣдствіе непониманія важности минуты, непониманія связи и взаимодѣйствія различныхъ факторовъ общественной жизни.

Какъ-бы то ни было, приходится сознаться, что даже оффиціальные представители нѣсколькихъ классовъ общества не съумѣли стать на высотѣ своей задачи, высказали нетвердость, шаткость мысли, показали себя людьми древняго образа мыслей, — или-же нарочито продали общество.

Выводъ печальный въ высшей степени.

Какъ отнеслась литература извѣстнаго сорта къ тому-же факту, было говорено выше. Сказать однимъ словомъ, это было сплошное, подлое лицемѣріе, льстивая и презрѣнная ложь, отвратительное низкопоклонничество. Не забыть никогда этихъ науськиваній, этихъ чуть не доносовъ, этой идіотской иронія, которую изрыгали листки нашихъ газетъ извѣстнаго сорта. Но окончательный выводъ — сумбуръ поня-

тій, безсмысліе, непониманіе важности минуты, трусость и лицемѣріе-лицемѣріе безъ конца. Словомъ, полное отсутствіе идей, полный упадокъ мысли и чувства.

Вотъ этимъ-то упадкомъ идей, этимъ пониженіемъ интеллектуальнаго и моральнаго уровня, этимъ измельчаніемъ интересовъ характеризуется наше современное положеніе.

Оно и понятно. Въ нашу реакціонную эпоху лучшія силы, лучшія идеи не могутъ находить себѣ примѣненія въ важнѣйшихъ областяхъ жизни. Посмотрите на молодежь. Куда она стремится изъ университета? Тѣ, которые остаются незатронутыми администраціей, идутъ главнымъ образомъ въ медики, потому что это сравнительно независимое поприще, гдѣ почти не приходится унижаться и подличать. Еще меньше идетъ въ юристы, а меньше всего въ учителя, на педагогическое поприще. Удивительно сказать, что на нашихъ историко-филологическихъ факультетахъ собираются всѣ больные духомъ или тѣломъ, всѣ нервные и слабые, разбитые люди, которые или готовы равнодушно переносить всякія невзгоды и неправды и молча терпѣть весь цинизмъ нашей средне-образовательной системы, касающейся гимназій, — или которые вовсе не имѣютъ въ виду никакихъ твердо-намѣченныхъ нравственныхъ цѣлей. Странно сказать, но справедливо, что филологъ-студентъ считается между другими студентами чѣмъ-то страннымъ, слегка смѣшнымъ, слегка презрѣннымъ и вообще чѣмъ-то гетерогеннымъ, инороднымъ, не-студенческимъ. Это совершенно понятно впрочемъ. Вѣдь эти юноши-филологи въ большинствѣ случаевъ принуждены служить орудіемъ народнаго оглупѣнія посредствомъ нашей безсмысленной классической системы, позаимствованной у нѣмцовъ, но принесшей у насъ ни съ чѣмъ несообразные плоды. Выходитъ неученіе, не учебная система, а позоръ и поношеніе учебной системы. Словомъ, это нѣчто тенденціозное, лицемѣрное, предназначенное служить мнимо-государственнымъ цѣлямъ.

Такимъ образомъ, наши лучшія силы, наши богатѣйшіе таланты, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій, или падаютъ жертвами административнаго террора, или избираютъ поприще дѣятельности слишкомъ узкое и одностороннее, а часто и не слишкомъ почтенное. Высшія-же общественныя

функціи исполняются или людьми, воспитанными въ частныхъ, привилегированныхъ заведеніяхъ, съ ихъ затхлымъ духомъ и аристократическими поползновеніями, — или-же людьми вовсе необразованными.

Такимъ образомъ мы стоимъ на мертвой точкѣ. Свѣжія и энергическія силы отливаютъ отъ общественной дѣятельности, обставленной невозможными условіями. Полуобразованность, бездарность и рутина царитъ вездѣ. Для лучшихъ силъ нѣтъ прямаго исхода.

Спрашивается теперь, можно-ли при такихъ условіяхъ надѣяться, что жизнь будетъ идти правильно, что на нашемъ пути не будутъ ежечасно возникать тормазы, которые станутъ очень сильно задерживать наше развитіе? Можно-ли ожидать, что насъ не постигнетъ общее нравственное разложеніе, когда интересы измельчаютъ, когда уже не придется сотнями губить молодежь въ казематахъ и въ захолустьяхъ ссылки? Не придется ли намъ горько каяться, что мы такъ мало дорожили нашими молодыми силами, что мы такъ безпощадно и необдуманно старались подавлять и истреблять ихъ?

Нѣкоторые недоброкачественные симптомы разложенія замѣчаются уже и теперь. Въ самомъ дѣлѣ, что-же означаютъ всѣ эти процессы Гулакъ-Артемовской, Ковальчуковой, всѣ эти безчисленныя и позорныя разхищенія общественныхъ кассъ? Что означаютъ тѣ многочисленные факты подкупа правительственныхъ лицъ, которые выяснились даже въ процессѣ Гулакъ? Что означаетъ эпидемія взятки, которая снова разцвѣла у насъ съ удивительною интенсивностью? Что означаетъ произволъ, который такъ сильно угнетаетъ насъ? Что означаетъ развитіе спекуляціи, биржевой игры? Что означаетъ наша удивительная отсталость и особенно наше архаическое упорство, наша неспособность къ всестороннему обсужденію общественныхъ вопросовъ, вялость нашихъ идей, мертворожденность нашихъ проектовъ? Что означаетъ все увеличивающееся да увеличивающееся высокомѣріе и неспособность власти, которая никакъ не хочетъ помириться съ идеями вѣка, не хочетъ понять, что не въ ея силахъ совмѣщатъ въ себѣ всѣ высшіе и благороднѣйшіе интересы общества, которая не желаетъ дать обществу никакихъ гарантій отъ произвола, которая, словомъ сказать, не

желаетъ понимать, что ея сила, ея престижъ, ея почотъ заключается въ уваженіи со стороны всѣхъ элементовъ общества, коего часть она составляетъ, сообразно желаніямъ котораго она призвана служить? Власть не желаетъ уступать, не желаетъ понять, что интересы общества всегда впереди, а не назади, что общество съ большею готовностью станетъ поддерживать новыя, а не старыя идеи и порядки. Власть намѣтила себѣ мнимаго врага въ обществѣ и неутомимо, безчеловѣчно истребляетъ его. А зачѣмъ? Почему? Единственно по своему неразумію, по своему старческому упорству которое никогда никому не приносило пользы. Власть не хочетъ понять, что если она никого не станетъ обижать, то и ее никто не обидитъ; она не хочетъ откровенно признать, что ея настоящее хозяйничанье есть сплошная обида, сплошная несправедливость. Подумаешь, сколько вредитъ человѣчеству упорство и неразуміе. Нѣтъ средствъ этому неразумію доказать, что оно именно неразуміе, а не глубокая и тонкая мудрость. Скажите ей это, и она прославитъ васъ измѣнникомъ, врагомъ Россіи, врагомъ общества. А литература извѣстнаго сорта начнетъ умилительно звонить въ унисонъ. Скажите власти, что есть-же наконецъ мѣра въ дѣлахъ, есть границы терпѣнію человѣческому, — и она объявитъ васъ преступникомъ, врагомъ Россіи, шельмой, безбожникомъ, извергомъ. О, неразуміе, о, лицемѣріе, о, бѣдное, жалкое, убійственно-жалкое непониманіе!

Что-же означаютъ всѣ эти явленія? Ужъ не симптомы-ли это общественнаго разложенія? Отчасти. Извѣстно, что реакція всегда характеризуется такими явленіями. Мы можемъ вскорѣ ожидать нашихъ Праленовъ, нашихъ Базеновъ, нашихъ Сентъ-Арно, нашихъ Морни, словомъ, всѣхъ разновидностей, которыя знаменуютъ собою реакціи. Теперь-же мы имѣемъ много воровъ, съ одной стороны, и много опричниковъ, радѣтелей мнимо-угрожаемой общественной безопасности, съ другой.

Гдѣ-же причины всего этого? По крайней мѣрѣ гдѣ ясныя, очевидныя причины? На это можно отвѣтить съ трудомъ. Вторыя причины тѣ, что молодыя, лучшія силы изгоняются, преслѣдуются, и въ обществѣ царитъ бездарность и неспособность.

Мы утратили окрашивающій пигментъ, мы поблѣднѣли, мы очень больны. А за что и зачѣмъ? Богъ знаетъ!

„Но позвольте-же, г. Хамходера! скажутъ мнѣ быть можетъ: — вѣдь у васъ есть богатая литература и не только газетная. Вѣдь у васъ есть великіе таланты публицистическіе и беллетристическіе. Наконецъ, у васъ есть наука, есть университеты! Не унывайте, г. Хамходера!"

На сіе отвѣчаю: да, у насъ есть богатая литература и великіе таланты. Можно сказать, что много жизней питаетъ эта литература, много поддерживаетъ падающихъ духомъ. Но это только одинъ изъ отдѣловъ нашей мартирологіи. Трудно понять, какъ изобижена, какъ убійственно оскорблена и придавлена наша литература. И все таки должно сказать, что это единственное, что питаетъ, что поддерживаетъ, что спасаетъ насъ отъ мрачной бездны отчаянія. Повидимому, вы не встрѣтите въ честныхъ органахъ ясной постановки и рѣшенія общественныхъ вопросовъ. Но вѣдь этого и ожидать нельзя. Но вглядитесь въ физіономію русскаго литератора, прослѣдите его исторію и потомъ принимайтесь читать настоящія его писанія, — и васъ какъ громомъ поразитъ, васъ обольетъ свѣтъ пониманія. Вы поймете, что это за герой — этотъ русскій литераторъ. Не скажу, чтобы такихъ было много. Я льстить не намѣренъ. Итакъ, если вы способны понимать русскаго литератора, благо вамъ. Но я сомнѣваюсь, чтобы такихъ понимающихъ было слишкомъ много. Скорѣе можно сказать, что ихъ слишкомъ мало. На что вамъ лучше? Вотъ на сцену выступилъ человѣкъ, до того неизвѣстный въ публицистической литературѣ. Какъ видно, это человѣкъ съ лучшими намѣреніями, хотя не всегда твердо опредѣленными. Повидимому, этотъ человѣкъ желаетъ даже примирить непримиримое, слить несоединимое. Но все-же видно, что человѣкъ чего-то хочетъ, къ чему-то стремится, что человѣкъ ищетъ миролюбія. Вотъ этотъ человѣкъ совѣтуетъ новоназначенному шефу жандармовъ Дрентельну выпустить изъ ссылки административныхъ ссыльныхъ. Если-бъ вы знали, какъ скромно, какъ боязливо и почти льстиво заявлялась такая элементарная просьба, очевидно справедливая и умѣстная. Литераторъ ссылался и на слезы матерей, и на милосердіе вообще. Онъ даже готовъ былъ признать, что въ административной ссылкѣ нѣтъ ничего безбожнаго, без-

человѣчнаго, просто, анархическаго. Сколько онъ сдѣлалъ боязливыхъ оговорокъ, про то даже смѣшно вспомнить для постороняго человѣка. И что же? Этотъ невиннѣйшій изъ невинныхъ литераторовъ за свою можно сказать благонамѣреннѣйшую просьбу получаетъ „предостереженіе". Это значитъ, что повтори онъ еще два раза свою просьбу, — и его газета будетъ пріостановлена примѣрно на полъ-года, а быть можетъ и на всегда.

Запишите этотъ ничтожный фактъ, читатель, въ вашей записной книжечкѣ. Такимъ образомъ у васъ соберется удивительная коллекція, которую вы пошлете на будущую римскую выставку. Вы своей коллекціей изумите Европу.

Отсюда слѣдуетъ, что даже г. Дрентельнъ, человѣкъ образованный, не съумѣлъ понять самого простого, самого незамысловатаго русскаго литератора. За что изобыдѣли этого литератора, — про то вѣдаютъ боги. Во истину, приходится вспомнить слова Эдгара Кине: Jacques a le teint hâve et plombé; ni pain, ni gîte assuré; l'air lui manque dans sa soupente, d'où il ne voit qu'un point du ciel. Il a faim, il a soif, il maigrit à vue d'oeil. Jacques, dites-vous (m-me la censure!), est un matérialiste.

Именно, этотъ несчастный Жакъ матеріалистъ! Нужно его предостеречь! О, срамъ и поношеніе здраваго смысла!

Говорятъ, что у насъ есть наука и даже великіе ученые. Во первыхъ, всѣхъ нашихъ великихъ ученыхъ легко пересчитать по-пальцамъ. Во вторыхъ, представьте себѣ, что намъ-бы не позволили вовсе читать иностранныя книги и переводить ихъ (и теперь мы можемъ читать далеко не все, что пишется за-границей). Спрашивается, какъ тогда, мы обошлись-бы съ собственной ученостью? На это ужасно трудно отвѣтить. Достаточно сравнить наши научныя изданія съ нѣмецкими, французскими, англійскими, чешскими, наконецъ, — припомнить нашу громадность территоріальную, чтобы удивится нашей отсталости въ ученомъ отношеніи. Посмотрите на эти тощія и безсодержательныя книжки, которыя выпускаютъ наши университеты, прочтите эти толстые томы нашей академіи наукъ, — найдете-ли вы тамъ живую общественную мысль, найдете ли вы тамъ попытки къ рѣшенію соціальныхъ проблемъ, надъ которыми такъ много и упорно трудятся заграничные философы? Найдете-ли вы въ

этомъ отношеніи что-лнбо, что вы могли-бы сравнить съ европейскими chef-d'oeuvre-ами? Неужели соціологія, напримѣръ, не достойна живаго вниманія человѣка науки? неужели въ этомъ отношеніи наука ничего не имѣетъ сказать спеціально для насъ, русскихъ? Если угодно, вы можете отыскать множество хорошо обработанныхъ частностей, но общей, связующей мысли въ вопросахъ даже чисто историческаго вѣдѣнія вы не найдете. Обратитесь къ нѣмцамъ или англичанамъ. Гдѣ наши философы? Много-ли у насъ философскихъ каѳедръ? Гдѣ наши великіе юристы? Много вы вынесете изъ слушанія этихъ безчисленныхъ „правъ"? Гдѣ наши знаменитые лингвисты? А вѣдь у насъ въ одной Россіи сколько различныхъ нарѣчій. Укажите мнѣ хоть одного ученаго, который-бы спеціально разработывалъ ту науку, которая на западѣ получила названіе соціологіи и которая весьма и весьма достойна научной разработки? — Но быть можетъ у насъ ученые, въ виду разъѣдающихъ общественный механизмъ язвъ, занимаются популяризаціей, публицистикой? Чрезвычайно какъ мало. Но быть можетъ у насъ хоть славяновѣдѣніе изучается основательно? Странно сказать, что такъ называемый „славянскій" или „славяно-русскій" отдѣлъ нашихъ филологическихъ факультетовъ взваливается на плечи какихъ-нибудь всего двоихъ профессоровъ. Кто насъ поучалъ касательно славянскаго вопроса? Люди, посторонніе университету. Университеты какъ будто не обращаютъ вниманія на литературу, на вопросы, которые она выдвигаетъ (въ этомъ отношеніи лишь за послѣднее время можно указать нѣсколько отрадныхъ фактовъ). Справедливо разсуждаютъ нѣмцы, что профессора университетовъ должны двигать науку, науку въ собственномъ смыслѣ, а не литературу. Но вѣдь то нѣмцы, у которыхъ множество силъ, готовыхъ разработывать всевозможныя стороны человѣческаго вѣдѣнія. У насъ же дѣло обстоитъ слишкомъ иначе.

Оставивъ въ сторонѣ студентовъ, которые безъ сомнѣнія много получаютъ знаній въ университетахъ, спросимъ себя: кто у насъ питаетъ и поддерживаетъ общественную мысль? кто пробуждаетъ, не даетъ заглохнуть этой мысли въ болотѣ политической реакціи? Отвѣтъ одинъ: литература. Много-ли даютъ университеты литературѣ? Крупицу.

Вина-ли это университетовъ?

Человѣкъ, желающій разсуждать безпристрастно, никакъ не можетъ признать, чтобы это была вина университетовъ.

Судите сами, читатель.

Можно сказать, что до начала настоящаго столѣтія у насъ не было университетовъ, понимаемыхъ въ нѣмецкомъ смыслѣ. Было что-то неизмѣримо чуждое, задавленное, насажденное извнѣ. Эти слабыя насажденія полны довольно печальныхъ катаклизмовъ, какъ о томъ можетъ судить всякій, кто прочтетъ хотя-бы изслѣдованіе Иконникова о нашихъ университетахъ. Университетъ оставался чуждымъ народной жизни, да и не до того было ему. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ намъ былъ университетъ, когда мы почти безпрерывно были погружены въ болото злобной и въ тоже время боязливой реакціи? У насъ не было и въ поминѣ того, чѣмъ наслаждались нѣмцы въ XVIII. столѣтіи, именно, у насъ реакція не оставляла въ сторонѣ высшихъ школъ, не представляла имъ извѣстной доли свободы въ изслѣдованіи всевозможныхъ вопросовъ. Нѣтъ, наши университеты были полной игрушкой въ рукахъ власти, которая выносила эти школы лишь потому, что онѣ давали своего рода „государственныхъ ремесленниковъ“. Послѣ долгаго скитанья по дебрямъ произвола, который губилъ лучшія силы, который дискредитировалъ нашу высшую школу передъ иностранцами, университетъ казалось прибылъ въ пристань въ началѣ этого вѣка. Появились свои профессора, свои мыслители. Казалось, школа будетъ развиватся. Но надежды погублены были опять тѣмъ-же призракомъ: который безпощадно и неутомимо преслѣдуетъ насъ, — политической реакціей, бѣлымъ терроромъ. Лучшіе профессора были изгнаны изъ университетовъ, предметы преподаванія сдѣлались какой-то игрушкой, которая, какъ мячикъ, по произволу перебрасывалась отъ одного ремесленника, совершенно неподготовленнаго къ дѣлу, къ другому, столь-же мало подготовленному. Религіозный, чисто инквизиціонный гнетъ опуталъ наши университеты, на которые стали смотрѣть, какъ на гангрену, на гнойную, заразительную язву, грозящую погубить богоспасаемую русскую землю. До чего доходила насмѣшка надъ судьбами русской образованности, видно, напримѣръ, изъ того, что еще въ

1875 году возникла мысль о совершенномъ закрытіи университетовъ. Что это за безцеремонное было хозяйничанье, объ этомъ можно прочитать въ вышеуказанномъ изслѣдованіи.

Говорятъ, что съ 1860 года университеты наши пошли по новой дорогѣ, что уставъ 1863 года превосходитъ во многихъ частностяхъ уставы университетовъ нѣмецкихъ. Говорятъ, что съ тѣхъ поръ мы сдѣлали дѣйствительно большіе шаги. Пусть такъ. Противъ этого невозможно спорить.

Но чѣмъ мы можемъ объяснить то систематическое подкапываньe подъ свободу университетовъ, подъ самостоятельность студентовъ, которое замѣчается со времени вступленія въ дѣйствіе настоящего министерства народнаго просвѣщенія? Чѣмъ объяснить, что многіе лучшіе профессора принуждены были во время извѣстныхъ петербургскихъ „студенческихъ безпорядковъ“ оставить каѳедры? Чѣмъ объяснимъ мы, что и теперь изгоняются изъ университетовъ лучшіе профессора, отъ которыхъ можно услышать болѣе живое слово? Чѣмъ объясняется, что студентъ перешелъ изъ вѣдѣнія университетскаго начальства и перешелъ въ вѣдѣніе полиціи, не переставая быть въ тоже время подъ юрисдикціей своего суда? что онъ отданъ въ руки двухъ властей, изъ которыхъ одна можетъ изгнать его изъ университета, а другая уконопатить куда лишь ей угодно, совершенно не увѣдомляя первую власть? Студентъ сдѣлался теперь субъектомъ, надъ которымъ всякое лицо имѣетъ нѣкоторую власть. Всѣ ему начальники, но особенно полиція. Студентъ не имѣетъ права составлять сходокъ, онъ не можетъ устраивать кассъ, библіотекъ, столовыхъ, для всего этого ему нужно спеціальное дозволеніе со стороны администраціи, которая, когда ей то будетъ желательно, можетъ закрыть эти кассы, столовыя, библіотеки, розогнать членовъ или отправить ихъ въ ссылку, — словомъ сдѣлать что угодно. И студентъ не можетъ имѣть нигдѣ защиты. Университетъ ничего не можетъ для него сдѣлать: онъ, видите-ли, студентъ лишь въ стѣнахъ университета, а внѣ стѣнъ онъ не студентъ. Поэтому, можетъ случиться, что онъ - полъ года или годъ сидитъ въ тюрьмѣ или находится въ ссылкѣ, — и университетъ даже не обязанъ знать это.

Университетъ нашъ стоитъ поотдаль отъ жизни. Это такъ. Но причина этому та, что въ эту то именно сторону и желаетъ направить его власть, вся цѣль которой — рас-

пространять среди молодежи политическій и общественный индифферентизмъ. Университетъ плохо разработываетъ науку. Но можетъ-ли онъ разработывать ее лучше, если онъ остается безъ притока свѣжихъ силъ, если эти свѣжія силы, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, устремляются въ совершенно другую сторону или же гибнутъ отъ произвола администраціи?

У насъ мало университетовъ, профессоровъ, мало научно развитыхъ людей, мало спеціалистовъ. Совершенно вѣрно. Но со стороны можно подумать, что ихъ слишкомъ много.

Въ самомъ дѣлѣ, кѣмъ-же наполнены захолустья сѣверныхъ губерній? Кто эти административные ссыльные? это большею частью студенты, схваченные со школьныхъ скамей. Значитъ, ихъ слишкомъ много? Нѣтъ, не слишкомъ для нашей великой страны. Значитъ, это какой то особенно порочный, испорченный классъ, эти студенты? Должно думать, что такъ.

Въ самомъ дѣлѣ, почему эти люди, студенты, кажутся опасными? Это по большей части юноши, прилѣжно изучающіе избранную науку, юноши съ живымъ чутьемъ и пониманіемъ общественныхъ вопросовъ. Вотъ это-то чутье, это пониманіе ставится имъ въ обвиненіе. Оно ничѣмъ почти не проявляется, оно остается въ потенціальномъ состояніи. Но это ничего не значитъ. Здѣсь грунтъ нашей наростающей интеллигенціи. Нужно этотъ грунтъ разорить. И его разоряютъ. Да какъ разоряютъ. Это трудно вообразить себѣ. Просто animus meminisse horret.

Вотъ одинъ изъ многихъ фактовъ. На мою долю выпало счастье заѣхать проѣздомъ въ г. Кіевъ, какъ разъ въ то время, когда тамъ разразилась „университская исторія.“ Какъ извѣстно, было изгнано всего до 150 человѣкъ студентовъ, часть на три года, до 75 — на два и до трети — на годъ. Круглымъ счетомъ было уворовано у науки 300 лѣтъ! 300 лѣтъ! o, tempora!

Но должны-же виновные быть наказаны, скажутъ мнѣ.

Безъ сомнѣнія, виновные должны быть наказаны. Кто можетъ отрицать это? Судите сами, читатель.

За что были изгнаны эти студенты? За что было украдено у науки 300 лѣтъ? Вотъ за что.

Случилось въ Кіевѣ какъ-то покушеніе на жизнь мѣстнаго прокурора. Кто покушался на жизнь его — до сихъ поръ неизвѣстно. Неизвѣстно также, какая была къ тому причина. Замѣтьте-же, что на другой-же день послѣ покушенія было арестовано до десяти студентовъ. Ихъ допрашивали. Съ какой статьи ихъ арестовали? Развѣ подозрѣніе за всякое убійство въ городѣ должно падать именно на студентовъ? Надо думать, что такъ. Надо думать, что это извѣстные изверги, разбойники, убійцы. Администрація именно такъ къ нимъ относится. Однако-же послѣ допроса пришлось выпустить ни въ чемъ неповинныхъ людей, которые даже не могутъ жаловаться на оскорбительныя подозрѣнія и произволъ администраціи.

Прошло нѣсколько времени, и начались аресты снова, все по тому-же поводу. Между прочимъ арестовали одного студента — медика, Подольскаго. Похожъ ли этотъ П. на убійцу и разбойника, судить не могу, такъ какъ мнѣ не случалось видѣть его. Говорятъ, что это очень невинный, болѣзненный и слабый юноша. За что-же его арестовали? По подозрѣнію. Именно, въ его квартирѣ, какъ разсказываютъ, была отыскана деревянная доска, изстрѣленная пулями. Не очевидно-ли отсюда, что онъ приготовлялся къ убійству и упражнялся въ стрѣльбѣ именно съ цѣлью умертвить кіевскаго прокурора? Да это ясно, какъ божій день. Необходимо арестовать его. Тамъ разберутъ.

И его арестовали и посадили въ крѣпость, въ заключеніе, какъ опаснаго разбойника. Держатъ мѣсяцъ, другой. Товарищи безпокаятся за исчезнувшаго человѣка. Но университетское начальство о немъ нимало не безпокоится. Тогда студенты собираются въ лекторіи и обсуждаютъ, что имъ предпринять, чтобъ помочь несчастному юношѣ, которому на носу предстоитъ полукурсовый экзаменъ: приготовляться-же къ экзамену въ казематѣ неудобно. Говорили, что П. человѣкъ съ слабой грудью, чахоточный. Рѣшились обратиться къ ректору. Ректоръ отправился къ жандармамъ, которые не отвѣчали ничего опредѣлительнаго и вообще лгали не въ одно. Именно, одинъ говорилъ, что П. держатъ не по подозрѣнію въ убійствѣ: другой говорилъ, что его держатъ именно по подозрѣнію въ убійствѣ. Словомъ, здѣсь нечего было ждать правды. Прошло два дня. Сходки въ лекторіи

продолжались. Студенты посылаютъ депутатовъ къ попечителю. Попечитель говоритъ, что это не его дѣло, что это дѣло администраціи. Онъ, попечитель всѣхъ учебныхъ заведеній округа, ничего не можетъ тутъ сдѣлать. Студенты просятъ попечителя ходатайствовать передъ начальствомъ за Подольскаго или по крайней мѣрѣ разузнать, за что его держатъ въ тюрьмѣ. Но попечитель не можетъ этого сдѣлать. Это не его дѣло. Тогда студенты посылаютъ депутатовъ отъ факультетовъ къ кіевскому генералъ-губернатору г. Черткову. Г. Чертковъ отдѣлывается насмѣшливыми замѣчаніями и довольно угрожающими намеками. Студентамъ приходится удивляться, что г. Черткову очень подробно извѣстно все, что происходитъ на сходкахъ, до того подробно, что ему грезятся вещи, о которыхъ студенты на сходкахъ и не думали говорить?

Г. Чертковъ дѣлаетъ намеки, что студенты затѣваютъ бунтъ, политическое преступленіе. Но зачѣмъ-же онъ принялъ депутатовъ? Вѣдь онъ зналъ, что по закону студенты не имѣютъ права ни посылать депутатовъ, ни просить о чемъ-либо коллективно. Однако-же онъ принялъ депутатовъ. Его просили поинтересоваться Подольскимъ, ходатайствовать, чтобъ его отпустили на поруки, и больше студентамъ ничего не нужно. Они не жалуются, они просятъ, просятъ униженно, кланяются

Депутаты и тутъ воротились ни съ чѣмъ. Хорошо, что хоть ихъ не арестовали. Говорятъ, что студенты очень боялись, что арестуютъ депутатовъ. Однако-же, депутаты возвратились цѣлы и невредимы. Что-же дѣлать дальше? Вѣдь просили кого только можно было просить, и получили что называется кукишъ съ масломъ. Что-же дѣлать? Разойтись? Такъ многіе совѣтовали сдѣлать. Но было рѣшено испробовать послѣднее средство, именно взять П. на поруки, подъ денежною отвѣтственностью. Нашлась добрая душа, которая согласилась взять П. на поруки, если студенты поручатся за него честнымъ словомъ. Говорятъ, что студенты готовы были поручиться за Подольскаго такъ-же, какъ за самыхъ себя. Теперь оставалось обсудить подробности дѣла, взять на поруки несчастнаго студента и разойтись такъ-же тихо и смирно, такъ-же спокойно и мирно, какъ велось все дѣло. Это было уже на четвертой день послѣ начала сходокъ. Уни-

верситетское начальство четыре дня не обращало вниманія на эти сходки.

Вдругъ, среди этихъ мирныхъ розсужденій о томъ, какъ взять на поруки Подольскаго, въ лекторію вбѣгаетъ, именно вбѣгаетъ ректоръ Матвѣевъ и громко кричитъ: „Шапки долой! Уходите! Пора словъ прошла, наступила пора дѣла. Зачинщики будутъ наказаны". Такъ кричалъ Матвѣевъ.

Студенты резонно замѣтили ему, что зачинщиковъ никакихъ тутъ не было, что они всѣ, студенты, начали дѣло, что они ограничиваются просьбами. Неужели-же имъ, студентамъ, нельзя просить за своего товарища? „Все равно! Зачинщики будутъ наказаны". Студенты говорятъ, что разойдутся, если только не будетъ никакой рѣчи о небывалыхъ зачинщикахъ. Матвѣевъ говоритъ, что пожалуй, рѣчи о зачинщикахъ не будетъ, но только студенты должны разойтись. И прекрасно! Вѣдь все равно Подольскаго можно будетъ взять на поруки. Почему-же студентамъ не разойтись? Они разойдутся, но только пусть ректоръ обѣщаетъ, что ни о какихъ зачинщикахъ не будетъ и рѣчи. Матвѣевъ смущенъ. Тутъ на сцену выступаетъ проректоръ Митюковъ, этотъ удивительный хамелеонъ. Онъ начинаетъ объяснять студентамъ, что они ошибаются думая, что власть можетъ вступать въ какіялибо условія съ подчиненными. Выводъ тотъ, что студенты должны разойтись безъ всякихъ условій. „Какъ? Такъ значитъ вы отыщете у насъ мнимыхъ зачинщиковъ и накажете ихъ?" Ни ректоръ, ни проректоръ не желаютъ отвѣчать. „Разойдитесь, говорятъ они, кто не уйдетъ, тотъ будетъ преданъ суду, какъ зачинщикъ". А если такъ, то мы всѣ зачинщики, отвѣчаютъ студенты, и ужъ если судить, то нужно судить всѣхъ насъ.

Судите сами, читатель, кто здѣсь дѣйствовалъ честно, благородно и кто дѣйствовалъ глупо, непослѣдовательно, грубо, трусливо и подло Начали составлять списокъ тѣхъ, кто оставался въ лекторіи. Студенты составляли списокъ собственноручно, сами вписывали свои фамиліи. Приходили и подписывались даже многіе студенты, которые во все не были на сходкахъ и до тѣхъ поръ не интересовались этимъ дѣломъ. Можно-ли было ожидать, что-либо иное, когда университетская власть поступила такъ безчестно? Четыре дня составлялись сходки, онѣ уже кончались мирно, и вдругъ

власть вмѣшивается такъ грубо и некстати! Она воображала, что это бунтъ, что это политическое дѣло? Она не могла этого воображать, потому что субъ-инспектора, какъ говорятъ, присутствовали на всѣхъ сходкахъ и могли выслушивать всѣ рѣчи, которыя говорили студенты. Значитъ власть университетская была направлена на студентовъ полиціей, подлыми тайными шпіонами и доносчиками. Полиція была давно недовольна студентами и воспользовалась удобнымъ случаемъ, чтобъ дорѣзать ихъ. Университетское начальство послужило ей орудіемъ.

Списокъ былъ составленъ. Между тѣмъ ректоръ отправился къ попечителю. Ожидали даже губернатора и команду солдатъ. Посудите сами, читатель, была-ли въ этомъ нужда. Вѣдь это было самое мирное, простое обыкновенное дѣло, исключая развѣ необыкновеннаго идіотизма университетскаго начальства. Однако-же попечитель прибылъ въ лекторію. Что ему нужно было здѣсь? Спросите его самого. Онъ и самъ не будетъ въ состояніи отвѣчать на это. Своимъ приходомъ онъ изъ несложнаго факта создалъ пассажъ, произвелъ сензацію въ обществѣ. Разсказываютъ, что онъ спрашивалъ, чѣмъ недовольны студенты. Студенты ему объяснили, что они недовольны своимъ положеніемъ вообще (еще-бы имъ быть довольными), но что въ данномъ случаѣ они хотѣли просить отдать на поруки Подольскаго, и за это ихъ теперь имѣетъ судить университетскій судъ. Вотъ и все. Тутъ нечего больше толковать. Попечитель спросилъ: кто вамъ позволилъ собирать сходку? Студенты отвѣчали, что они имѣютъ полное право собираться въ лекторіи, но не имѣютъ права ни о чемъ просить, и за это ихъ будутъ судить. Тогда начались между попечителемъ и студентами мирныя и даже дружелюбныя разсужденія.

Въ концѣ концовъ попечитель выразилъ увѣренность, что студентами руководили самыя благородныя намѣренія и что если они разойдутся, то ничего не будетъ, никто не потерпитъ ничего. Онъ даже прибавилъ, что у него, попечителя, сердце обливается кровью, при видѣ несчастій, въ которыя студенты должны попадать совершенно роковымъ образомъ, ни за что, ни про что. Ему многіе рукоплескали. Онъ даже плакалъ. Говорятъ, что то были крокодиловы слезы. Но это не совсѣмъ такъ. Вѣркѣе думать, что онъ въ самомъ дѣлѣ ничѣмъ не могъ помочь.

За попечителемъ разошлись и студенты. Однако-же попечительское обѣщаніе не исполнилось. Студентовъ судили. Что это былъ за судъ, о томъ пусть поразмыслятъ судьи. Это былъ секретный, одиночный инквизиціонный судъ, производить который не взялся-бы честный человѣкъ. Я человѣкъ посторонній кіевскому университету, но я могу назвать его судей безчестными людьми. Если я лгу, они легко могутъ оправдаться. Но они не могутъ оправдаться. Судите сами, читатель. Студенты, привлеченные къ суду, всѣ подписались на спискѣ, всѣ признавали, что они совершенно одинаковое принимали участіе въ дѣлѣ Подольскаго и сходокъ. Тутъ не было и не могло быть зачинщиковъ. Это яснѣе дня. Почти всѣ студенты заявили, что не желаютъ давать отвѣты секретному, тайному суду, съ глазу на глазъ, что такой судъ, при томъ-же безапелляціонный, позоритъ университетъ. Однако судъ состоялся. Вызывали по одиночкѣ, для формы, на секунду. Это былъ судъ версальскій. И что-же? Судьи умудрились раздѣлить 150 студентовъ на три категоріи „по степени ихъ яко-бы виновности.“ Какъ такъ: Я вамъ скажу какъ: по секретнымъ документамъ. Что это за секретные документы? Это такіе документы, содержаніе коихъ извѣстно лишь кіевской полиціи да судьямъ, — Романовичу-Славутинскому, Ващенкѣ-Захарченкѣ, да Демченкѣ. А университетскій Совѣтъ? Развѣ онъ не протестовалъ, не возмущался? Нѣтъ. Судьи объявили, что категоріи установлены на основаніи „секретныхъ документовъ, содержанія которыхъ они, судьи, не могутъ сообщить совѣту.“ Это фактъ. Пусть опровергнутъ его, если осмѣлятся. Я-же, хотя человѣкъ посторонній кіевскому университету, утверждаю, что судьи и совѣтъ, не потребовавшій объясненія, не протестовавшій всѣми силами и безропотно подтвердившій неслыханный приговоръ, внушенный секретными документами, — я утверждаю, что и судьи и совѣтъ поступили въ высшей степени нечестно, въ высшей степени низко. Пусть они защищаютъ свой приговоръ, если хотятъ, пусть они обнародуютъ свои секретные документы!

Вы видите, читатель, какъ дорожатъ наши профессора своимъ дѣломъ, какъ они цѣнятъ свою науку и студентовъ. Пусть-же позоръ падетъ на ихъ голову. Другіе университеты навѣрное погнушались-бы такого мерзкаго дѣла. Это

по-просту рѣзня, хладнокровное полицейское убійство. И кто-же совершаетъ его? Профессора. Вотъ оно, разложеніе, деморализація!

Финалъ извѣстенъ. До тридцати студентовъ было обманнымъ образомъ затащено въ полицію, арестовано и отправлено на гауптвахту, откуда ихъ, неодѣтыхъ и необутыхъ, отправили черезъ нѣсколько дней въ ссылку административную. Разослали, какъ говорятъ, въ Архангельскую, Олонецкую, Новгородскую, Вологодскую и Вятскую губерніи. За что-же, за что, скажите мнѣ, читатель!? И замѣтьте, что этихъ студентовъ схватили еще за день до произнесенія приговора, который очевидно былъ услужливо сообщенъ полиціи прежде, чѣмъ студентамъ. Остальныхъ 120 студентовъ разослали съ жандармами на мѣста родины, подъ надзоръ полиціи.

За что-же все это, читатель? За то единственно, что студенты осмѣлились просить униженно, умолять! Они не имѣютъ права просить. Нужно ихъ отправить въ ссылку. Это народъ безпокойный, это шельмы, безбожники! Кто знаетъ, — быть можетъ они затѣвали что-либо неблагонамѣренное! — О, бездна человѣческой глупости и лицемѣрія!

Говорятъ, что студентовъ отправили въ ссылку какъ „главныхъ агитаторовъ". Какіе это агитаторы? Противъ кого и чего они агитировали? Ни противъ кого, ни противъ чего. Они всѣ просили одинаково, просили, умоляли. А изъ нихъ сдѣлали козловъ отпущенія. Для чего? Зачѣмъ? съ какою цѣлью? Невозможно, немыслимо, невѣроятно. Однако справедливо. Все это случилось въ послѣднихъ числахъ Марта 1878 года. Пишутъ теперь, что для первыхъ двухъ категорій приговоръ смягченъ. Только смягченъ! Кого общество должно благодарить за такое, снисхожденіе? Я не знаю. Но спасибо и за то.

Что Подольскій былъ ни въ чемъ невиненъ, доказывается тѣмъ, что и его черезъ нѣкоторое время отправили въ административную ссылку, не нашли противъ него ни одной улики. Такимъ образомъ, все дѣло кончилось очень просто — ссылкой и высылкой. У насъ все просто. Право, такихъ безсовѣстныхъ, и ничѣмъ, да, ровно ничѣмъ не заслуженныхъ убійствъ не приходилось мнѣ видѣть въ моей жизни даже въ старыя времена нашихъ университетовъ. Но что особенно

поражаетъ меня, это роль, которую разыграли здѣсь профессора.

Позоръ, о, позоръ!

Пусть они опровергнутъ мои слова! Пусть они докажутъ, что знали, за какія такія преступленія осудили студентовъ! 150 студентовъ! Слыханное-ли это дѣло? Въ университетѣ всего 700 студентовъ, — и вотъ это кажется много, — вышлемъ четверть! Вѣдь это навозъ, вѣдь это Administrationsfleisch.

Въ первыхъ числахъ Апрѣля я уѣхалъ изъ знаменитаго университетскаго города. Что тамъ теперь творится — я не знаю. Пишутъ, что были снова убійства! О, конечно, въ этихъ убійствахъ вѣроятно подозрѣваютъ студентовъ, хотя они виновны въ этомъ вѣрятно столько-же, какъ мы съ вами, читатель.

Судите-же теперь сами, въ какомъ положеніи, при какихъ невозможныхъ условіяхъ подрастаетъ наша молодая интеллектуальная сила. Рѣшайте, должно-ли это влечь за собою пониженіе общественнаго уровня, измельчаніе интересовъ, оскудѣніе идеаловъ. Оцѣните-же послѣ этого по достоинству газетные вопли противъ общественной деморализаціи. Оцѣните наконецъ по достоинству полемику, которая начинаетъ разгораться между литературой и нѣкоторыми профессорами. Оцѣните наконецъ положеніе нашего университета, этого несчастнаго кролика, который, будучи обритъ чужими руками, самъ покрываетъ себя лакомъ, чтобъ окончательно захирѣть въ медленной агоніи.

Вотъ она, наша система. И съ этою-то системой мы взваливаемъ на себя непосильныя задачи, мы беремся насаждать свободу, мы, погибающіе и издыхающіе отъ произвола. О, бездна человѣческаго лимѣрія! Когда-же будешь ты исчерпана до конца?

Не можемъ-ли мы воскликнуть теперь вмѣстѣ съ Фаустомъ: „Alles deckte sich rings mit Nebel umher!“

Гдѣ-же, наконецъ, гдѣ это должно кончиться? Кто долженъ развернуть клубокъ, который, увеличиваясь самъ собой, все растетъ да растетъ?

Кто, мудрецъ, можетъ отвѣчать на этотъ вопросъ?

1878 года. Ноября 20. Николай Хамходера.
Веселый Овражекъ.

Гляжу какъ безумный на черную шаль
И хладную душу терзаетъ печаль.
Пушкинъ.

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Младую дѣвицу я страстно любилъ;

Однажды, помню я, сидѣлъ я при ней
И въ небо всмотрѣлся блестящихъ очей,

И въ ея ланиты — два пучечки розъ,
И уста, усточка полны сладкихъ грезъ;

Подала мнѣ ручку бархатну свою,
Я ее цѣлую, съ жаромъ къ сердцу жму;

Паду на колѣни, — она не браниТъ,
Но сладко, любовно въ глаза мои зритъ,

И кажетъ съ распѣномъ: „скажи-ко мнѣ ты
Жалованья сколько берешь изъ казны?“

„Лишь триста . .“ сказалъ я, „да я не богатъ,
„Но сердцамъ любящимъ не надо палатъ:

„Мы станемъ трудиться, а благость любви
„Труды осладитъ намъ, озаритъ пути“.

„А . . . такъ? . . .“ прошептала любезна моя,
И выскользла ся съ моихъ рукъ рука —

„Вы очень нахальны! . . . ужъ прошу я васъ
„Вѣжливѣй со мною...“ — и уйшла сейчасъ...

Что было потому? ахъ, лысый подлецъ,
Богатъ, и съ орденомъ повелъ подъ вѣнецъ

Мою красавицу; — я сталъ сконфуженъ,
Разсматривалъ пятна у стеколъ оконъ,

Потомъ я помчался — лишь не на конѣ,
А пѣшкомъ и — жалость молчала во мнѣ!

Съ тѣхъ поръ я поклялся до смерти своей
Не вѣрить ужъ небу блестящихъ очей;

Съ тѣхъ поръ ужасаюсь любовныхъ оковъ
И сладкаго яда прельщающихъ словъ.

Т. К. Блонскій.

ВІДДІЛ МАЛОРУСЬКИЙ.

Передне слово.

Збірник сей має подати читателям деякі твори літературні у всіх язиках славяньских.

Щиро ми бажали - истинно виступити перед громадов славяньсков с таким совершенним літературним концертом, та тяжко було з деякотрих сторін придбата заступників-а затім и літературних праць. Томуж на тепер даруйте.

При тім всеж ми думаєм, що виданье сего діла бодай краплиною причинит ся до пізнаня язика, духовних окремин и взаємин славяньского люду. Приймесь и сподобаєсь діло в такім напрямку, може в будуще станесь периодичним - зладит и доповнит, що му нині недостає.

Тож иди - иди у світ - ти перше славяньске діло. Росходись по всіх країнах широкого славяньского поля-повертай й гости, где тілько звук свого слова учуєш. Най ти проводят щирі наші бажаня, чиста й добра воля. Коб тя с таким серцем приймали, с яким ми тя виправляєм!

Думки.

I.

Давно слабим ся чую,
Небаром и мені
Там виснилют могилу
Під церквов на горі.
Нажився досить в світі
Наситив ся біди,
Минали тяжко — важко
У горю ночі — дни.
Но заків у сорочку
Біленьку уберут,
И навхрест сухі руки
На лаві мні складут,
То ще одно сповнити
Я радби, — кобим міг —
Тоді, — бігме аж втішно
У домовину б ліг.

От радбим хочь на старість
Щоб звонарем я став,
И вилив звін, якого
Сей світ ще не видав . . .
Для того звона страви
До воліб я знайшов,
Як в шир, неперек світом
Я руским би пійшов.
Від неньки тут староі
Червінчик бим дістав,
А там-би из намиста
Карбованець припав;

Тут летінь из реміня
Пряжки меніб вділив . . . .
Из того всёго я би
Великій звін излив.

Не штука звони лити,
Но щоб він голос мав
Звінкий, грімучий, сильний —
Над тим-би я думав!
И як из глини форму
Я раз би вже зліпив,
То все в одно лиш Бога
От так би я молив:

„Дай милий Боже звону
Щоб сильний був, звінкий,
Щоб вворохнув ся кождий
Великий и малий;
Як голос той зачувби
Щоб кождому казав:
Щоб кождий любив нарід
И свогось не встидав.
А руский, любий нарід
Над всё щоби любив
И дбав, щоб божим раєм
На ново ся розцвив;
Щоб руске миле слово
Гуділо мов молна,
А слава наша й воля
Росла від дня до дня . . . . .“

От се зробить бажаю —
Но годі, смерть уже
С косою за плечима
До себе мя зове. —
Умру, загину, втішно
В надії я жию,
Що хочь я світ покину,
Хочь бідний я умру,
То моя думка гадка
Во віки не умре.

Звоняр такий ся знайде
Як більше нас припре
Недоля — и с скромних датків
Излиє гарний звін —
Він стражею ся стане
Для рускнх поколінь.

И як у криси вдарят,
Як грімко загудит,
То голос гути буде
Від гір аж де шумит
Глібоке чорне море . . . . .
И обнимут ся всі
Як діти одной семіі
Великі и малі

II.

Коло хати, де мя мати
На сей світ родила,
Стоіт липа, на всі боки
Віти розпустила.

Під тов липов дитиною
Гуляв я и грався,
Під тов липов я с хорошов
Дівчинов пізнав ся.

Під тов липов нам в любові
Мило дни минали; —
Що у світі суть злі люде
Не снили, не знали . . . .

Но злі люде в світі всюди,
Вни нас розлучили,
В молодіі серця трути
Аж по верх налили.

З жалю діва ся минула,
Я бідний остав ся,

Щоб на білім красним світі
З бездольем карався.

Відтогди щоби гілисту
Липу я не бачив . . . . .
Як подивлюсь, нагадаю,
И вяну и плачу.

Над тов липов от так радбим
Сирота піместити-сь,
Щоб из неї домовину
Міг для себе збити.

Щоб у липі, під котрою
Любов щира, мила
Світ узріла . . . щоб любов та
В ній на вік спочила. . .

III.

Засмутилось, зажурилось
Серденько моє
Бідне в грудях, у крівавих
Ледви тьохка, бье.
„Що с тобою серце стало-сь
Прошу тя, скажи?
Чом сумуєш як ластівка
Котра в осени
Зісталася, бо злетіти
В ірій немогла,
Чорні крила в низ спустила —
Нещасну зима
Придавила и обняла —
Она ніби спит,
Що щасливі в теплих краях
Товариші снит;
Ціпне, мерзне завмерає
Гине, без часу . . . . .

Таж тебе не придавили
Сніги як малу
Ластівоньку, чом сумуєш
Прошу тя, скажи?
Твоє горе и твій смуток
Коротают дни. —
Ще-сь недавно ти буяло
Мов птичка мала,
Що ся тішит, бо настала
Божая весна —
А из тебе крізь верх лили-сь
Радість втіха шум,
И цвіточки, що збирав я
До тих пісень — дум? "
„Деж ми втішно в грудях бити
Бідне надточив
Черв напасний и мов гад той
Круг него-сь обвив.
Привитати я думало
Лучшу долю й час,
А тимчасом лиш бездолье
Настало у нас . . .
Зрада ненависть панують,
А правда лягла
Вічно спати, як під снігом
Ластівка мала.
Непитай мя чом сумую,
Досить знаєш ти,
Всі бажаня що я мало
Розплили-сь як сни.

IV.

В церковці маленькій
Нас обох хрестили,
В церковці маленькій
Обох подружили;
В церковці маленькій
На марах лежала-сь

Бідне серце в грудях
В двоє розірвала —
Під церквою близько
В яму тя спустили,
С тобов мою долю
Землею зарили . . . . .
Ходжу нуджу світом
Без щастя без долі,
Вяну як та цвітка
На сонці у полі . . .
Церковця звалила-сь
Нову змурували,
На горі и цвинтар
Новий заснували.
Телята пасут ся
По милих могилах,
Все-все ся змінило,
И я впав на силах,
И волос русявий
Білим мхом укрив ся,
Бач с тугого мужа —
Сивий дід зробив ся;
Серця біль горячій —
То лиш не змінив ся
Він як рак точливий
Гірш ще розширив ся
Й точит душу мою
Хоч мя придавили
Роки . . . хочь лиш пядь ще
Мені до могили . . .

Данило Млака.

Весна-чарівниця.

V.

Чрез зиму дуб дуплавий
Тяженько сумував:
„Конец тепер зо мною!“
Столітний так думав.

„Минув час моєї сили,
Сумні настали дни;
Тріщу, скриплю як виют
Північні вихри.
Розпадок ся зближає,
Вже корінь мій зігнив,
Не жаль мні умерати —
До волі в світі жив;
Одно и друге бачив,
Зазнав добра и зла,
Нора — щоб в своє лоно
Приймила вже земля!"

Збудив ся теплий вітер
И світом ся пігнав,
Природу з сна твердого
Будити він почав.
И все ся пробудило
Все дише и живе,
Ци велит ци комашка
Велике и мале.
И дуб старий и дряхлий
У собі щось почув . . . .
Щось — ніби — чрезвичайне
Про гибель, смерть забув.
Почав ся розвивати
В зелений лист дрібний
Забув що він похилий
,Дуплавий и старий.

Таке зо мною було:
Бігме — що я желав:
„Щасливий був бим Боже
Як я в земли-б дрімав
Той сон солодкий тихий . . .,
Бо світ не тішит мя,
Любов и згода зникли —
Він повен горя зла!
Брат брата утопивби
У лижечці води,

А діти славної Руси
На ніщо ся звели . . . "

Не знаю як то стало-сь
Все злов я забув,
И в моїм дряхлім серці
Щось — мов весну почув.
И став знов молодіти,
Любити божий світ
Хоть сідь покрила волос
А мні близь сотце літ!

Данило Млака.

Народні обряди весільні

списані в Підберізцях, коло Львова.

Коли родичі загадали посватати яку дівку для свого сина, посилают до неї староcту, т. є. старшого віком и поважного газду, що бував вже у всяких бувалицяхъ тай не першина му ходити за такими справами. Заосмотрений в потрібні до того инструкциі иде він, звичайно вечером, до родичів усмотреної невістки та, привитавши-сь зі всіма як слід, зачинає балакати с-першу о всіляких річах, а віттак зручненько навертає на свою орудку та росказує, яке в него діло. Але дівчина не в тімя бита — доповіли ій вже давно люди, що той а той гадає до неї „посилати ся" — скоро йно отсе заздріла староcту, зараз шусть за двері та „на сусіди" — так и нема с ким говорити. Тож родичі просят звичайно староcту на инший раз, и як-дівчина не дуже гороіжит ся та всё гаразд укладає ся, запрошуют „старих" жениха и умовивши-сь з де-більшого та запивши могорич, дают на заповіди и стают прибирати-сь до весіля. Між тим парубок — що від тепер називає ся кнєзь або молодий — єднає собі бояр, то єсть дружбу, піддружбого и хорунджого, двох старіст (мало коли лишає ся той, що ходив сватати), дві свасі (жінки старіст) и свашку (сестра молодого або сусіда, заступаюча місце дружки у молодого). Молода-ж („кнєгині") шукає собі дружбу, дружки (котрою не може бути

ві сестра рідна) и двох старіст, с котрих оден буває отець дружки. Яке діло при весілю має кождий с тих старшин весільних, побачимо нисше.

На три неділи перед весілём відбували-сь ще до недавна сло́вини, а то у княгині в суботу, а в князя в неділю. Сло́вини тоті обходились в той спосіб, що старости князеві несли в суботу вечером до княгині дарунки: розмайран, котрим від тепер закосичувала-сь княгиня в неділі и свята; стонгу широку бинду и кобелю колачів. Родичі спрошували гостей и забавляли ся до пізної ночи.

На другий день, в неділю, відбували ся сло́вини так само у молодого, лишень що старости від молодої не приносили ніяких дарів.

Від якогось часу понехано справляти сло́вини, котрі відав мали значінє заручин.

Вінкоплетини.

В пятиницю перед суботов, котрої має зачинатися весіля, йде княгиня з дружкою до ліса по барвінок.

В суботу скоро-день, або ще й до́-світа, иде молода з дружкою по сусідах спрошувати до вінків.*) Кого ино здиблют, кланяют ся обі до ніг трічи, говорячи: „просили тато й мама, вашеці прошу: приходіт до вінків!“ Віттак до княгині сходят ся лиш дівчата та, засівши навколо стола, плетут вінки: два більші гладкі для молодої и молодого, чотири менчі для бояр, а для старіст також малі, але борухаті, або вяжут барвінок в пучки — співаючи:

1. Благослови, Боженьку,
и ти рідний батеньку **);
світа Пречиста Мати,
що вступила до хати
вісілє зачинати
тій віноньки вести,
довго в них не ходити:
в суботу від полудне,

*) Давніще відбували ся вінкоплетини в четвер.

**) Де в пісни стоіть „батенько“, там повтаряючи кладут „матінька“. — Місцевий виговір лишає ся в піснях непорушено.

в неділеньку всю дичку,
в понеділок годинку.

2. Хрищетий барвіноньку,
в чора-с був в городоньку;
а нині на столоньку,
в Марусиним домоньку.

3. Рімнайте, дівоньки, барвінок
княгини на вінок:
рімнайте рімненько,
щоби було красненько;
бо піде межи люде:
наші славонька буде.

4. Чекала-с, Марусенько,
сумної суботоньки,
шлюбної неділеньки.
Сумная суботонька
шлюбний день —
сумувала Марусенька
цілий день . . .

5. Де ти ріс, барвіноньку,
що-с такий барзо красний?
Й-а в лісі при кирниці,
при студеній водиці,
вода мене підходила
все мене холодила:
вітрец мі не завіяв,
сонце мі не пригріло;
прийшов чис-годинонька,
вирізала Княгиненька;
вирізала Княгиненька:
молода Марусенька.

6. Молода Марусенька
воротонька вхилила,
стадо своє виганела:
стадо моє вороноє,
видопчи зіле моє;

ой най сі не дістає
батеньку на жиленько:
ой що батенько глєне,
то все мене спомине:
десь моє дитєтонько,
що садило зілєнько? . .
Садило, підливало,
в него сі не вбирало:
ино си єден ввило,
що сі в нім заручило.

7. А в городеньку рутка —
будь Івасеньку тутка
будут дівки вінки вили,
будут собі говорили:
Івасенька не виділи.

8. Ходила Марусенька
сім літ по лісі:
(*) ой лісом, лісом,
хрищетим барвінком!
прийшов до неі
батенько ьі:
Ходи, Марусенько,
чис до домоньку!
— Ой ні, не піду,
вітру сі бою;
вітру сі бою,
сонцє сі хороню:
вітронько повіє —
косоньку розвіє;
сонєнько пригріє —
личенько змарніє . . .

9. Вила Марусенька віночок
с крутоі рути сердочок;
ой вила-вила, перевивала,
в середину Яскір клала;

Стихи, означені звіздкою (*) повтаряют ся яко рефрени.

покотила го по столу
своему батеньку на славу:
прийми, батеньку, віночок,
с крутої рути сердочок!
— Ой ні, дитятко, не прийму:
через же листя не могу,
перед слёзками не виджу . . .

10. Хóди Марусенька попід садочок,
склонивши головоньку;
ріже барвінок собі на вінок
на свою головоньку.
Не стало ії вінка довести
с хрищетого барвінку —
слала батенька по калиноньку
в зеленую діброву.
Батенько пішов, калини не знайшов —
тихий вітронько віє;
вітронько віє, сонєнько гріє,
калинонька процвитає.

11. Пішла Марусенька в вишнів сад
тай заблудила в виноград:
(*) Ой хтож мі знайде
в тім винограді,
тому-ж я сі дістану!
Пішов батенько — не знайшов,
ино заплакав тай прийшов.

(Так само співают прикладаючи до „матіньки," „братінька," „сестроньки;" до „миленького"-ж зміняют послідні два стихи:)

Пішов миленький тай знайшов,
взєв за рученьку тай прийшов.

12. Там по горі фіявоньки зацвили,
там всі гори, долиноньки прикрили.
Тамтуда Марусенька ходила,
зеленую рутоньку садила.
За нею батенько близенько:
сади, сади, Марусенько, борзенько!

— Не ходи ти, батеньку, за мною,
не люба ми бесідонька с тобою!

(Так самісінько відповідає „матіньці, братінькови, сестроньці;“ „миленькому-ж:“)

Ходи, ходи, мій миленький, за мною:
люба мені бесідонька с тобою! . .

13. Під дібровою, під зеленою
там росонька припала;
там Марусенька молоденькая
красоньку россівала.
Вийшов до неї батенько ві:
що діеш, Марусенько?
— Ой дію, дію, красоньку сію,
з рукавця россіваю:
ой як ми Бог дасть добру доленьку —
то я її позбираю;
а як лихую, а як лихую —
то я її занехаю. . .

Десь тепер приходит дружба з могоричом та почестувавши домашних, — вже заінстальований. Єму співают на встрічу:

14. Нема дружби до хати,
пішов в солому спати:
а в яку? — в ячмінную;
а в чію? — в сосідную.

Перечестувавши-сь з дружбою, дівки співают дальше, а музики грают ім під голос:

15. Ой там в поли винонька,
в виноньці Марусенька;
попід тую виноньку
битая дороженька.
Ой іхав же нею
статочний старостонько
и запукав в виноньку:
вийди до нас, Марусенько,
ой дай нам напити сі
зелененького вина!

А наші Марусенька,
умненька-розумненька,
дала сі ім напити —
водиці не кирниці.

(Так само другому старості; милому-ж:)

Ой там в поли винонька,
в виноньці Марусенька;
попід тую виноньку
битая дороженька,
ой їхав же нею
Молодий Івасенько
и застукав в виноньку:
вийди до нас, Марусенько,
дай же нам сі напити
водиці не кирниці!
А наші Марусенька,
умненька-розумненька,
дала ім сі напити —
зелененького вина.

16. Там Марусенька молоденькая
зелене зіллє рвала;
зіллєнько рвала, зіллєнько рвала,
з зазулею розмовляла:
ой перестань же, сивая зазуленько,
в тім садоньку кувати!
— Ой перестань же, молода Марусенько,
зелене зіллє рвати!
Ой перестану в саду кувати:
сніги-морозн будут.
Я перестану зіллєнько рвати,
як від батенька піду.

17. В Кракові вінки вели,
ві Львові малювали,
в тім домі дарували:
дарував Івасенько
молоду Марусеньку;
ой дарував він ії
золотими ремоньками.

Вона ремнів не брала,
по столу посувала:
Ой ремни-ж мої, ремни,
ремноньки*) золотії!
Полежіте-ж ви собі
на тім тисовім столу;
я піду послухаю:
що мій батенько мóви?
А мій батенько мóви:
„най ті Бог благослóви!“
Мій перлóвий віночку,
лежи-ж си в прискриночку;
хоть ті батенько руши,
перлоньки не поруши! . .

18. Кнєгини-смо вінок вили,
бо смо ій горівку пили;
а як єсмо довивали,
мід-горівку розливали.
Кнєзьови не тре**) вінка,
бо не єго горівка;
кнєзьови батіг вилести —
най иде коні вести.

Підчас вінкоплетин молодята в церкві сповідают ся и причащают ся. По Службі Божій приходят всі, що були спрошені до церкви, до дому княгині на „пóминки“. Заким прийде священик, садовлят молоду на стілець, отець и мати розвязуют ій кісники, а віттак дружка с подругами росплітают коси, співаючи:

Благослови, Боженьку,
и ти рідний батеньку,
світá Пречиста Мати,
що вступила до хати;

---

*) — гривноньки? (в перейшло на-м, як в словах: рімний, ремний, кремний, замість: рівний, ревний, кревний). В збірнику Вацлава з Олеська (Pieśni polskie i ruskie ludu Galic . . .) поміщена подібна пісня (стор. 7.), в котрій слово «гривна» задержало-сь в первістній чистоті: «Обдарувала Касуненька
гривнами золотими,
талярами битими,
она гривнів не брала» и т. д.

**) — не треба.

що вступила до хати
косоньку росплітати.

19. Дай, матінько стільця,
стільчика, гребінчика:
косоньку росчесати;
по селу походити,
родиноньку спросити;
родиноньку до короваю,
дівоньків заспівати.

20. Приїхали Марусенько паничі,
взяли твою косоньку під мечі:
взяли твою косоньку рубати,
взяли твої матінька плакати. . .

21. Вбирай сі, Марусенько,
в посажное зіллнько,
що Івасенько вкупив,
без старостоньків прислав,

22. Під вікном черешенька,
під нею Марусенька
росу косу чесала,
на дунаєц пускала:
плини, косо, з водою,
я піду за тобою. . .
Там далі спочинемо,
три листи напишемо,
до батенька пішлемо:
най же батенько знає,
за кого мене дає:
малую, молодую,
ягідку червоную.

Розплівши коси, беруть вплетений вінок, обплівають навколо стонгами и вкладають княгини на голову, затикаючи навколо розмайраном та барвінком. Так пристроєна молода клякає перед священиком, а сей ії благословит и кропит свяченою водою („водицею"). Віттак з дружкою кланяє ся тричи родичам (котрі сидят на ослоні, засланім чорним кожухом),

говорячи за кождим разом: „Вашеці прошу о благословеніе!“, на що они відповідают: „Най Бог благословит!“ —

Підчас тих поклонів, молодиці (дівчата вже пішли домів) співают:

23. С ким мі, батеньку,
с ким мі, рідненький,
на село вирижиеш?
— З Богом, дитетко,
з добрими людьми
и зі всіма світими.

Сирбті:

24. Кому-ж ти сі, Марусенько кланяеш,
коли ти свого батенька не маеш? —
— Поклоню я сі чужому *)
жаль буде серденьку моему . . .

Перекланявши-сь всім притомним идут на село по всіх хатах. Кланяючи-сь старшим тричи, просят іх наперед о благословенє, а знов тричи на весіле, жінок до кораваю а молодіж лиш на весіля. Жінки-газдині даруют молоду кількома крейцарами „на варешку“.

Коровай.

Над вечером сходят ся жінки, так у молодої як и в молодого, до кораваю. Кожда приносит кварту горівки або миску муки и кількоро яец, або курку. Привитавши-сь з газдинею, сідают за стіл и співают:

25. А в суботоньку на відвечіроньку
година;
ой зійшла же сі вся Марусина
родина.
Принесла вона колоду муки **)
в коровай:
ох милий Боже, тож богатая
родина! . .

*) Коли у молодого або у молодої нема рідного вітця або матери, то іх місце заступає при благословеню найблисша рідня.

**) Співаючи в-друге, прикладают на сім місци: „фаску масла“, віттак „копу яец“.

26. Забавлєв сі красна Марусенька
та в далеченькім краю:
нема жоночок, ні сосідочок
до її короваю.
За нею батенько, за нею рідненький
три післи посилає:
Ой вертай-вертай, моє дитєтонько,
та з далекого краю:
'Яйе є жоночки, є й сосідочки
твоєго короваю.

27. Сама тополі, сама зелена
в чистім поли стояла;
на нюю вітри зі всіх сторон віяли,
вона на тоє, зелененькая, не дбала,
но осінного морозоньку чекала.
Сама Марусенька, сама молоденькая
при батеньку гуляла;
на нюю люди зі всіх сторон мовили
вона на тоє молоденькая, не дбала,
до чису росу косу чесала,
на молодого Івасенька чекала.

Сироті:

28. Пішлю ворону в чужу сторону,
соловея до матіноньки.
Ище соловей не долітає,
'же матіонька знає . . .
Матінько встань-же, поридок дайже
твоєму дитєтоньку!
В твого дитєтка подвіре не метене,
столи не стелені.
— Рада бим встати, поридок дати
своєму дитєтоньку:
сирая земле дверці заперла,
віконці заслонила . . .

29. Ой знати, знати тай Марусеньку,
що матіньки не має:
стів не стелений, двір не метений,
родина не спрошена.

Пішлю соловея по родиноньку
в чужую сторононьку;
а зазуленьку під сиру земленьку
по рідную матіньку . . .
Ище соловей не прилітає,
вже родинонька знає.

Коли молода поверне вечером с села, співают їй на зустріч:

30. Прийшла Марусенька с села
сумная-невесела;
де стала-заплакала,
з двороньком говорила:
ой дворе-ж мій, дворе,
тоже-м ти теженька!
Ой не так дворонькови,
як свому батенькови . . .

31. Діставлю вам, діставлю,
стеженьку до кирниці,
що-м ходила водиці,
слёзоньки по столови,
слідоньки по дворови.

32. Ой стеле ми сі стеле
довкола двора хмельом,
а по сіньох барвінок,
по світлоньці васильок;
по столу повноньками,
по-за стів дівоньками.

Входячи в хату, молода каже: добрий вечер! и витає ся не всіма коровайничками. Віттак коровайниці забирают ся до кораваю, а тая, що місит тісто на коровай, співає:

33. Я коровайничка була,
я коровай місила —
трохи-м сі не вдушила;
а ви сі догадайте:
мині горівки дайте.

Замісине тісто, „плескают“ и саджают в піч, співаючи:

Благослови, Боженьку,
и ти, рідний батеньку,

світа Пречиста мати,
що вступила до хати;
що вступила до хати,
коровайц плескати.

34. Короваю-коровавиньку,
ой вдай же сі нам красний,
як місіченько ясний:
бо підеш межи люди:
наші славонька буде!
Будь, короваю, румвний,
бо підеш межи панни:
під злоту магвречку,
під мальовану хустечку.

35. Коровайная пара
по припічку сі грала,
в пец загледала:
ци хорошв місце, мала
ци хорошов місце
де має коровай сісти.

36. Ой знаю-ж бо я знаю,
що в нашім короваю:
а в нашім короваю —
водиці из Дунаю.

37. До бору, дружбонько, до бору,
рубай сосноньку до дому:
треба нам сосноньки на загніт —
славний наш коровай на весь світ.

38. Наші двері походущі,
а вікна світлущі;
а пец сі регоче,
бо короваю хоче;
и кацюба сі реготала,
бо пец вимітала;
и помело сі реготало,
бо пец вимітало.

39. Ой де сі діла, де сі поділа,
матінька зо світлоньки?
Ой най піде, ой най принесе
водиці й-а с кирниці:
най си обмнют, най си обмнют
коровайнички руки.

Всадивши коровай в піч, чіпают ся коровайниці лопати и скачут по сінях геи навіджені, роздаючи навколо коцюбою штуханці, хто ім лишень під руки навине ся. Вискакавши-сь та погарцювавши до волі, співают:

40. Дали сте нам роботу,
дайте-ж нам и вохоту;
далисте нам руки вмити —
дайте й горівки пити:
а ще якоі — не гиркоі,
но солодкоі.

Господиня приносит горівку підправлену медом и частує коровайниць. Окрім того дістає ся кождій по одній „гусці“, т. є. по малому хлібцеви з муки коровайноі. Тут кінчит ся іх роля и вони сидят вже тихо — між тим як молодіж танцює — аж коли іх запросят до вечері, зачинают знов співати:

41. Дали нам з замку знати
о городоньку вісти:
несут нам істи:
с перціми-шифринами,
дорогими приправами:
ци с перцьом, не с перцьом,
аби зо щирим серцьом!

42. Післали смо вчора
по перец ді Львова,
а по Ямбір до Гданьска:
буде вечері паньска.

Але принесених страв не рухают ино чекают, аж іх припросят:

43. Ой гидно-ж бо нам, гидно,
що батенька не видно:

ой дали нам їсти-пити —
нема кому припросити.

Господар приходит и припрошує: „ваші-ці прошу, поживіт сі!“ Но вони и тепер еще не зачинают „живити ся“, але прикликують, співаючи ту саму пісню, „матіньку“, княгиненьку, старостоньку и т. д. и аж всі їх припросят та примушкают, стают їсти, передражнюючи-сь з дівками:

44. Заглєдали дівоньки
а с сіний до світлоньки;
ми си ту заробили,
бисмо сі поживили.
Не заглєдайте по-за двері,
не псуйте нам вечері!

(По вечери:)

45. Встаньте, жоночки, встаньте,
честь Богу, хвалу здайте!
Подєкуйте господарови,
господиноньці й княгиноньці
за красний дар вечеру.

46. Ми вітти не підемо,
поки го*) не виймемо:
бо хто всадив, той вийме,
бо сі другий не прийме.
Хто сі буде приймати,
будемо позивати
до пані молодої,
бо ми служеньки єї.

Віттак идут вимати коровай, а молода „засаджує“ за стіл дівчат.

Межи тим у молодого вибирают ся старости с хорунджим до княгині с подарунками. Ім приспівують свахи:

47. Наказував Івасенько
й-а своіх старостоньків:
ой не бавте сі довго,
а в тестенька мого,
вертайте сі борзо;

*) т. є. короваю.

подарунки роздайте,
до дому сі вертайте:
з віноньком зелененьким
и с фартушком біленьким.

Коли приїшли до молодої, співають їм дівки на встрічу:

48. Ой летит-летит два старостоньки,
ой ідут-ідут два старостоньки,
Ой везут-везут трое подаре:
Перше подаре — чобітки на ніжки,
друге подаре — кований поясок,
трете подаре - тоненький рантушок.

Ввійшовши в хату и привитавши-сь, кладут на миску дари від князя: нові чоботи, підвязані червоною китайкою и рантух (перемітку) и подают княгини, а хорунджий віддає колачі, котрі роздают ся по парі на всю родину. Мати-ж княгинина приносит яко дарунок для молодого: сорочку, що еї сама молода шила — вишивала, фартушок и вінок, подає своему старості, а сей положивши на миску віддає старостам князевим. Окрім того дає молода для братів молодого („дівірів“) по дві мірі полотна, а для сестер („зовиць“) по хустці.

В часі сеї заміни дарунків співают:

49. Ой до нас, Боже, до нас,
бо в нас тепер гаразд:
в нас тепер дари дают
житнії пшеничнії,
щоби були величнії.

50. Що-ж бо ти, Марусенько,
вчинила,
що ти той рубочок
приймила? . .
Ой гой-же, гой-же мій милий Боже,
що-ж бо я учинила? —
Ой кого-ж бо я вірне любила,
той стоіт за плечима:
а Івасенька з-роду не знала —
и ему кошуленьку вшила.

Дружка пришивав старостам и боярином (хоруджому) до шапок віночки, за котрі ій платят аж на другий вечер; для дружби и піддружбого передав віночки через хоруджого, щоби ім сваха дома пришпилила. Дівчата співают:

51. Дай, матінько, говки
и тоненької шовки
пришивати віночки
старостам до шапочки.
Шапочка сторогачка,
готуй, старосто, шустачка;
не шустачка, а всі гроші
та за той вінок хороший.

(Так само хоруджому).

52. Фалила сі княгині,
же дарів повна скрині:
підіте, принесіте,
боярів прикрасіте!

53. Перебачий, родоньку,
що не стало дарунку:
пшениці дорогая,
а міронька скупая.

Коли старости засіли за стіл:

54. Здригнули сі стіни,
де старостоньки сіли;
а ще ліпше здригнут сі,
як старости напют сі.

Випивши могорич, старости вечеряют, а ім дівчата приспівуют:

55. Іджте, старости, пийте,
веселенькії будьте;
веселі-веселенькі,
як в небі янгеленьки.

56. Іджте, старости, юшку,
сягайте по петрушку;
петрушка с корінцема:
досягайте пальцема.

Іджте, старости, сухий сир,
а ми будемо горобці,
щоби нас любили молодці.

57. Ой хто, хто вечерие?
Старостоньки вечернют:
під вінцьом, барвінцьом,
під кудеривим деревцьом,
під зелененьким явірцьом.
Ім кухароньки доношуют,
іх красненько припрошуют:
під вінцьом, барвінцьом,
під кудеривим деревцьом,
під зелененьким явірцьом.

58. Іли старости, іли,
цілого вола ззіли:
на столі ні шкірочки,
під столом ні кісточки.
Цілого вола вбили,
для старостів зварили;
ще й барана рогатого
и когута косматого.
Бійте сі, старости, Бога:
було сі наісти в дома! . .

По вечери:

59. Ой встань, старосто, не сиди,
возьми кнегиню проведи,
а як не зможеш, найми си —
а на той чис постав сі!

Оден староста бере княгиню и таньцює з нею, а віттак другий; але молода танцюючи, зачинає „кривати“ (налягати на ногу). Староста стає и, дивуючи-сь, допитує ся, звичайно с-польска, що ій таке? Дівки регочучи-сь вигадують всякі придибашки та загалюкавши старосту, що він відав не вміє таньцювати, прикликують хорунджого: „Ой встань, візнице, не сиди“, и т. д. (п. 59.) Коли „візниця“ (хорунджий) таньцює, співают:

69. Вийди, старосто, на підсіненько,
ой подиви сі на місіченько.

Місіць високо, ще день далеко:
забав сі, старостонько!

Коли ж хоруджий перестав танцювати:

61. Вийди, старосто, на підсіненько,
ой подивн сі на місіченько:
місіць низенько, вже день близенько —
чис до дом, старостоньки!

62. Молодий дружбонько,
засвіти ліхтароньку,
випровадь старостоньків! . .

Тогди старости берут дари, що дістали від молодої та повертают до молодого. Їм свахи (молодого) співают на зустріч:

63. Ой де-ж бо ви, два соколоньки, бували?
Ой де-ж бо ви, синесенькії бували?

Старости:

Ой бували смо на синесеньких возерах.

Свахи:

Ой що-ж бо ви, два соколоньки, видали?

Старости:

Ой видали смо сіру утоньку на воді.

Свахи:

Чому-ж бо ви її, синесенькії, не взели?

Старости:

Як полетимо за другим разом, возьмемо.

Свахи:

Ой де-ж бо ви, два старостоньки, бували?
Ой де-ж бо ви, два статочненькі бували?

Старости:

Ой бували смо в красної Марусеньки за столом.

Свахи:

Чому-ж бо ви її, два старостоньки, не взели?

Старости:

Ой як підемо за другим разом, возьмемо.

Посаг.

Коли відійшли старости молодого, ведут свахи молоду до комори, вбирают єї в чоботи подаровані від молодого и пристроюют до посагу. За той час дівчата співают:

64. Ой де сі ділa, де сі поділа,
Марусенька з вечера?
Положила ключі с кімнат идучи
в світлоньці на столоньку;
а сама пішла свому батеньку
службоньку издавати:
„Чим же я тобі, а мій батеньку,
вірненько не служила?
Ой ци в ходоньку, ци в походоньку,
ци в прудкій роботоньці?“ . .
— Всім же ти мині, моє дитєтонько,
вірнезько ислужила:
ой як в ходоньку, так в походоньку,
так в прудкій роботоньці.“

С комори йде княгиня плачучи до хати, а за нею несе дружба коровай. Приишовши до сіней, кладе дружба на порозі хустку та говорит тричи: „Отец и Сни и Дух світий!“ почім княгиня переступає хустку и входит в хату. Староста веде єї перед родичів, що сидят на ослоні (розуміє ся, заслані м чорним кожухом) и зачинає річ: „Стало дитє перед вами, як свічка перед образами: може воно вам в чім домовило, може вас в чім прогнівило“, и т. д., а кінчит прозьбою о благословенє. Княгиня кланяє-сь тричи до ніг родичам, которі єї за кождим разом благословлят. Віттак кланяє ся всій родині, а в конець всім гостям — „близькому и далекому, малому и великому“.

Дівчата співают:

65. Припадали соколи
до каменної гори:
припадай, Марусенько,
Батеньку до серденька . . .

66. Молода Марусенько,
стань собі на билиноньці,

подиви сі по родиноньці:
ци вся твоя родинонька
близькая й далекая,
малая й великая? . .

67. По столу голуб скаче —
чось Марусенька плаче:
прийдь, прийдь, Івасеньку,
приголуб Марусеньку!
— Я ії приголублю,
бо я йі вірне люблю.

68. Марусенько, оберни сі,
всій родині поклони сі:
близькому й далекому,
малому й великому.

69. Чого, Марусенько, плачеш? . .
Чом си красоньку тратиш?
Коли ти не з любости —
не трать си молодости;
коли-с го не любила,
було му відповісти:
першими післомьками,
тихими словоньками.
— Не була-ж бо я в дома
на моіх заручинах:
в сусідоньки я була,
рушнички-м мережила, —
на матіньку-м сі здала —
сама-м не відповідала . . .

70. Перше-с ми казав, клеяів листочку,
що не будеш падати —
а тепер пада́ш, земленьку вкрива́ш:
тугу зимоньку чуєш.
— Ой ци тугая, ци не тугая,
таки то не літенько . . .
Перше-с казала, красна Марусенько,
що не будеш плакати —
а тепер плачеш тепер вмліваєш:

лиху свекроху чуєш.
— Ой ци лихая, ци не лихая,
таки то не матінька . . .

Сироті п. 24. н:

71. Отвори, Боже,
ворота,
бо йде на посаг
сирота! . .

Коли молода всім перекланяла-сь, дружба „благословит ся до старости", мовлячи: „Пані старостуню, вашеці прошу о благословеніє: аби завести за тисовий стів, и за лєнні вобруси и за пшенишний хліб и за зелене вино и за повні повночи!"

Староста: „Най Бог благословит!
Дружба: „И по-друге!"
Староста: „Най Бог благословит!"
Дружба: „И по-трете!"
Староста: Най Бог благословит!"

Віттак подає молодій конець хустки и веде єі за стіл, причім гасит хусткою свічку, но зараз и назад засвічує.

Дівчата ладкают:

72. Ладо! Ладо! Брат сестроньку за стів веде;
Ладо! Ладо! ведучи йі научиє:
Ладо! Ладо! Будь, сестронько, розумненька:
Ладо! Ладо! Май свекорце за батенька.

Ладо! Ладо! Брат сестроньку за стів веде,
Ладо! Ладо! ведучи йі научиє:
Ладо! Ладо! Будь, сестронько, розумненька:
Ладо! Ладо! Май свекрошку за матіньку.

Ладо! Ладо! Брат сестроньку за стів веде,
Ладо! Ладо! ведучи йі научиє:
Ладо! Ладо! Будь, сестронько, розумненька:
Ладо! Ладо! Май дівіра за братінька.

Ладо! Ладо! Брат сестроньку за стів веде,
Ладо! Ладо! ведучи йі научиє:
Ладо! Ладо! Будь, сестронько, розумненька:
Ладо! Ладо! Май зовицю за сестроньку.

73. Ой мій любий батеньку,
засадив ти мене,
ний же тепер до мене:
с повною повнонькою,
с повною повнонькою,
з доброю доленькою!.

Отець приходит з величезною фляшкою горівки або пива и „пє до кнєгині“, вона цюлює го в руку и доторкнувши-сь устами киліщка, ставит на столі. Віттак отець сі дарує, т. є. кладе через стіл на тарілку кілько-там грошей, а вона знов го цюлює в обі руки. Так само дарує сі мати и родина, а опісля всі гості. „Дружба кождого дарующого честує горівкою або пивом, вигукуючи:

74. Натєгайте кіньми-волами,
даруйте панну молоду:
червоним золотом,
щистьом-здоровльом,
доброю долею!

„Дружка ссипає даровані гроші в хустину, лишаючи на тарели лиш оден крейцар.

„Дівчата співают:

75. Приступай, родоньку,
тисовому столоньку,
даруйте кнєгиненьку:
червоним золотом,
щистьом-здоровльом,
доброю доленькою!

76. Молодці гроші мают,
бо кнєгиню дарують:
що посєгне в кишеню —
витєгне грошей жменю.

(Так само: „Панєнки гроші мают“ и т. д.)

Коли гості не дуже кваплят ся дарувати:

77. Де сі дівки поділи? —
По смітю сі розсіли:
не хотє дарувати,
бо хотє сі гаразд мати.

Сироті:

78. Марусина матінька
перед милим Богом стоіт,
щире сі Богу молит:
„Пусти мене, Боженьку,
хмаронькою на село,
дрібним дощом на землю;
най же я сі подивлю
на своє дитетонько:
ци хорошенько вбране,
на посаг засаджене? . .
ци в віночку з барвіночку,
ци в своім сукманочку?“ . .
Ії Боженько мовит:
„Най йі Бог благословит!
Не треба-ж там тебе:
вбирут ії без тебе
и в віночок з барвіночку
и в свою сукманочку“ . .

Як княгиню всі обдарували, встромлює дружба ніж у коровай и, поблагословивши-сь до старости (як висше), крає: в одну миску „на домашних“, в другу — „на сосіди“, при співі дівчат:

79. Орали смо раницю,
сіяли смо пшеницю:
по горі, по долині,
щоби було всі родині.

80. Наш дружба коровай крає,
золотий ножик має:
срібную тарілочку,
панєньскую ручечку.

81. Рімно, дружбонько, рімно,
край короваєц дрібно:
щоби го подробити,
родину поділити.

По вечері дівчата ще дрібок танцюют та росходят ся домів.

Подивім ся-же тепер, що діє ся в молодого

Старости, повернувши від молодої віддають принесені подарунки матери князя. Віттак свахи вбирають молодого в коморі на посаг, співаючи:

82. Світіт, зори, до комори,
де Івасуневі вбьори,
що Марусенька дала,
без старостів прислала.

83. Вбирай сі, Івасеньку,
в посажну кошуленьку:
мила кошуленька, мила,
що Марусенька вшила;
була би щé милішша,
коби була тонішша.

Убравши го в сорочку, опережують фартушком, а на шапку закладають вінець. Віттак ведут го до хати на посаг, співаючи:

84. Ой росточено-поволочено по сіньох,
а ще ми крашше ленні вобруси по столу;
туда ми ишов красний Івасенько на посаг,
звідуючи сі, питаючи сі батенька:
„Ой від кого посаг постав, батеньку?“
— „Ой від Бога, від старих людий, дитєтко“ . .

До хати вводят го с такими самими церемоніями, як княгиню, а коли всім перекланяв ся, зачавши від тата-мами, засаджують го за стіл до дарованя. В часі тих всіх обрядів свахи співают по більшій части ті самі пісни що у молодої.

Вінчанє.

В неділю рано молодий кланяє ся своїм родичам и отримавши благословенє йде з боярами и старостами до молодої Тут родичі молодої сідают на ослоні (застеленім чорним кожухом), а старости приводят перед них молодята. Оден з них починає довгу річ, котра кінчит ся словами: благословилисте під зеленний вінец, благословіт же и під царский!“ Молодята падают до ніг родичам, а свахи співают плачучи:

85. А в городеньку квіти —
ой кланєйте сі, діти! . .

Квіти сі похилили,
діти сі поклонили . . .

(Коли одно з них сирота):

86. А в городеньку рожи —
благослови го (йі) Боже;
благословіт го (йі) люде,
бо батенько (матінька) не буде!

87. Летіли лебеді понад став,
вдарили крильцема о воду,
збудили матіньку из гробу:
Ой встань, матінько, до суду,
виведи дитєтко до шлюбу!*)

(71.) Отвори, Боже,
ворота,
бо йде до шлюбу
сирота! . .

Коли молодята всім перекланяли ся, кропит їх мати „водицею“ (священною водою) и виправляє до церкви. При шлюбі (по хвалі Божій) стелит дружка молодим під ноги рушник, під котрий кладе кілька крейцарів. По шлюбі идут оба весіля с своими музиками, котрі чекали під церквою, до корчми. Тут погулявши де-що, идут гості молодої до дружки на друщини, а князеві до свахи на сваштинь.

Идучі на друщини співают:

88. Хто хоче дружечку вести,
тре**) йі стеженьку вмести:
мети, дружбо, полою,
я піду за тобою.

89. Ой славна-славна
яблонька в городі;

*) Сеся сцена перед шлюбом буває дуже трогательна, так що звичайно всі притомні гості аж заносят ся від плачу, особливо-ж коли старості вдаст ся промовити до чувства, або коли при благословенію нема рідних родителів. — Установа, брати шлюб в неділю, є так стара, що відступленє від неї уважалось до не давна за найбільшу кару. И так, коли одній дівчині лат. обряду назначили сі нарох шлюб на вівторок, то такі підняла заводи, що годі єї було втихомирити. «Ой головонькож моя бідная! . . То-ж для мене нещисливої и неділеньки вже нестало!» . . ридала по всім селу.

**) треба.

по чім же воná
так дуже славнá?
— По червонім яблоньку,
— по широкім листоньку.

Ой славна-славна
дружечка в батенька;
по чім же воná
так дуже славнá?
— По великім родоньку,
по богатім батеньку.

90. Варила дружечка пиріжки
тай завивала в три ріжки:
не с самим сиром, с крупами,
веди, дружбо, дружку до мами.

91. Наші дружечка, наші панєночка
богатого батенька маєе:
трома бобрима, трома бобрима
подвіренько вмітає,
на праві руці, на праві руці
золотий перстінь маєе.
Идут до неі хлопці-молодці
перстінце купувати;
а вона-ж бо ім, молоденькая
ні даєе ні продаєе —
нно свому дружбєтонькови
великим даром даєе.

По обіді потанцювавши дрібок, вертают від дружки до молодоі, авід свах до молодого, співаючи дорогою:

92. Радуй сі, матіонько —
взєло шлюб дитєтонько;
як єдно так другоєе:
'же твоі обидвоєе.

93. А ми в свашеньки були,
мід-горілоньку пили:
и зеленоєе вино,
и червоноєе пиво.

94. А в неділеньку рано
ягідки опадают;
журила сі Марусенька;
с ким я іх позбираю?
Просила би-м батенька:
Батеньку не до того —
до збиранєнька мого . . .

(Так само прикладают до „матінки“ и „миленького“, котрий але відповідає:)

А мині до того:
до збиранєнька твого.

Переносити.

Пізно з вечера вибирає ся князь с своіми боярами по княгиню. Свахи вбирают два короваі: в оден встромлюют двійчасті, в другий трійчасті вилочки („ріски“), обвинені барвінком, на кінчиках по яблоці або колачу. Тиі короваі несе дружба и піддружбий, а міхоно́ш (малий хлопець, звичайно син свахи) в пішві с подушки різанки, т. є. малі, круглобокі хлібці. Князь бере с собою два хліби.

Свахи співают:

95. Ой помаленьку, наш короленьку
с подвіри,
най сі на тебе а твій батенько
надиви;
най-же ніи тобі в Бога доленьки
випроси.

(23.) С ким мі, батеньку,
с ким мі, рідненький
по дівоньку вирижнєш?
— З Богом, дитєтко,
з добрими людьми,
и зі всіма світими. . .

96. Ой де-ж ти сі, Івасеньку,
вибираєш,
що ти собі кониченька
сідлаєш?

— Поіду я, батеньку,
в поділє,
на красної Марусеньки
подвірє:
там я собі дівоньку
полюбив,
там мені Господь Бог
присудив.

97. Сонєнько сходи и грає,
Івасенько кониченька сідлає,
єго сі батенько питає:
Де ти сі Івасеньку, збираєш?
Вороного кониченька сідлаєш?
— Поіду я, батеньку, в Люблину:
там я собі полюбив дівчину.

98. Ой не вій, вітре, в поле,
но повій по дорогах:
повій на короговцю, *)
най короговці бренит
най тещенька почує,
най же сі приготує:
на коні ставоньку,
на бояри світлоньку;
на коні вороній,
на бояри молодій.

Хорунджий випереджає похід весільний молодого и „дає знати“ до молодої, що йде „кнєзь“: за першим разом приходит до воріт и бє „короговцею“, віттак вертає назад и знов иде по раз другий на подвірє, даючи такий самий знак, а коли покаже ся с короговцею в сінях, засідают дівчата що до тепер гуляли, чим борше по-за стіл та стают співати:

99. Пташику снігорику,
вилети в чисте поле:
ци ідут боярове?
— Ідут бояре, ідут,
напротив старостоньки;

*) Повзд вж короткого держака поприсилювані дзвінки и подзвінки, а на вершку хустка — отсе короговця“, відзнака хорунджого.

а межи ними іде
мій завєзанний світ:
завєзав росу-косу,
відібрав мою красу. . .

100. А в лузі калиноньку
білим цвітом зацвила.
Пішли йі дівки рвати,
не дала сі вломати.
Пішла Марусенька сама,
гільцю сн виломала;
принесла до світлоньки
межи красні дівоньки,
поставила на столі
против красоньки свої,
питає сі батенька:
„ци буду я такая,
як калинонька тая?“ . .
— „Будеш, дитєтко, будеш:
поки йно в мене будеш;
а як підеш від мене,
спаде красонька с тебе:
з личенька, з румєного,
с тіленька, з біленького“. . .

101. Ишла Марусенька по воду
до каменного броду;
ще й по воду не дійшла,
в поли ігроньку вчула,
до дому сі вернула;
строснула коновками,
сплеснула рученьками:
„Ой батеньку-душенько,
велика віна іде:
будут нас воювати,
мене с собою брати,
малую-молодую,
ягідку червоную“ . . .
— Марусю, дитє моє
сховай сі до світлоньки,
межи красні дівоньки“ . . .

— „И там мене пізнают
по моі головоньці,
по росіі косоньці:
бо всі дівоньки в косах
и в рутєних віноньках:
йно моя росплетена,
барвінком обложена“ . .

102. А в неділеньку рано
сонєнько сі купало:
купало сі, купало
на тихім Дунаєньку
при скрутім береженьку.
Єго Марусенька ймала
тай сама в воду впала,
на батенька кликала:
Ой батеньку-душенько,
на-ж бо тобі рученьку:
та на-ж бо тобі вобі,
возьміт єи мене с собов,
малую-молодую,
ягідку червоную.

103. Зеленая рутонька, дрібная —
ой не сиди, Марусенько сумная,
отвори кватироньку, погляни:
ци хорошій Івасенько на коні?
Ой хорошій-хорошенькій над люди,
либонь же він, батеньку, мій буде . . .

104. Зеленая рутонька, жовтий цвіт —
чомусь нема Івасенька довго в ніч;
післала бим післоньків — не смію,
писала бим листєнько — не вмію:
пішла би я сама — бою сі:
бистрая річенька — втоплю сі.

105. Далеко чути, далеко славно,
що старостоньки ідут.
Без поле ідут —
на павоньки стрілєют:

без село ідут —
підпороньки рубают;
до села входє —
перепелоньки ймают;
до світлоньки входє —
шипочок не здоймают;
за стів сідают —
з нами сі не витают.

106. Наші сваненьки з міста
з міськими колачима,
с красними молодцєма.

Коли похід весільний князя перед воротами:

107. Ой батеньку-душенько,
замикай воротонька,
не впускай короленька,
красного Івасенька.
— Якже го не впустити,
коли сі вміє просити.

108. Що-ж то ми наїхало
повноє подвіренько:
ци с села селяне?
ци з міста міщане?
Най-же будемо знати:
кому Марусеньку дати
малую-молодую,
ягідку червоную . . .

Приїхавши перед хату, співают свахи прихожі:

109. А в нашої свахи *)
пахне горівка с-під пахи . . .

Свої відповідают:

Ми-ж би сі сподівали,
жеби сте нам свої дали!

Прихожі:

Ми їхали попід гори —
відібрали лівізори **) . . .

---

*) т. є. матери княгині — **) — ревизори.

Свої:

Було добре сковати *),
лівізорам не дати.

110. Вийди, матінько, до нас
в кожусі нелехатім,
щоби був зять богатий.
Стоїт зять за ворота
на зеленій папороті,
на зяті мітіль мете
и дробен дощик иде.
Не ласкава тещенька . . .
на своєго зятенька . . .

Мати виходит в кожусі оберненім на виворіт нелехами, з хлібом, могоричом и варехою. Привитавши-сь ис свахами, міняє з молодим хліб та луп го варехою по чолі: коли-ж він хитрий та встигне ухопити вареху, та перекидає єї через хату. Тогди мати честує го, но він перший и другий килишок виливає по за себе, аж третий випиває.

Свахи співают:

111. Не пий, Івасеньку не пий молоденький
першого перепою;
бо в тім першім перепою —
трутизнонька з водою . . .

Так само співают при другім перепою: при третім же:

Ой пий, Івасеньку, ой пий молоденький,
той третий перепій,
бо в тім третім перепою —
дружинонька с тобою.

Коли мати почастувала всіх прихожих, виходит княгиня и перекланявши-сь всім, вертає назад на своє місце, а всі прихожі, зачавши від князя, йдут єї дарувати. Як приходит черга на свашку, співают:

112. Покажіте нам свашку,
ми вам покажем дружку.
Наші дружечка красна
яко зоронька ясна:

*) = сховати.

є що, Богу хвалити,
дружбоньці полюбити.

Прихожі свахи, стоячи в сінях, взивают дівок, аби ся ім вступили:

113. Гайда, дівки, до дому:
парити свиням полову! . .

Але дівки не дают собою кунірувати, та відрізують:

(В)же-ж бо ми напарили —
перед свахи поставили . . .

Сли хорунджий не дуже квапит ся дівок скупляти, то в подібний спосіб передражнюют одні других дальше. Аж побачивши, що злим способом годі що вдіяти, зачинают свахи з иншого боку:

114. Дівоньки-панєноньки,
просимо вас красненько:
пустіте нас борзенько;
бо ми свахи з дороженьки,
боле-ж бо нас ноженьки.

Дівчата:

Ми-ж би сі вам вступили,
коби сте нас скупили.

Тогди хорунджий кладе на столі дві різанці, пробиті ножом, в середині с кількома креіцарами, и бє по столі короговцею. Сли дівчата вспіют короговцю зловити, то не віддают, доки не викупит. Віттак зазирают с всіх боків до різанок, який в них викуп? — але храні Боже взяти в руки, бо то би значило, що приймили викуп. При тім співают:

115. Перші післи прийшли,
не вміли говорити:
дайте ім золи пити! . . .
Скупіте, не дуріте,
клепачів не кладіте:
ми дівки — не смаркачі,
не беремо клепачів! . .

116. А наш хорунджий пелєхатий
бігає коло хати:

голова гонтьом побита,
борода сіпком пошита . . .
А наш хоруджий на двері —
очи му, як тарелі . . .

Хоруджий докладає кілька крейцарів и викуп приймає ся:

117. Тихая вода з брода —
же межи нами згода:
просимо вас сваненьки,
до нової світлоньки;
до тисового столу,
до Марусиного дому!

Тепер прикликують дружбу князевого, щоби скупив дружбу княгининого, котрий засів коло неї та не припускає князя.

118. Війди, дружбо, до хати
панєнки привитати.
Ци смільности не маєш,
ци людскости не знаєш? . .
Ой людскість бо я знаю —
но смільности не маю.

(12.) Нема дружби до хати,
пішов в солому спати;
а в яку? — в ячмінную;
а в чію? — в сосідную.

Свому дружбі:

119. Не дай сі, братіньку, здурити,
не дай си сестроньки взєти:
в нас сестра дорогая,
коса ii золотая.

По скупленю:

120. Татарин, братінько, татарин:
продав сестроньку за таляр;
русую косу за шустак,
румене личенько таки й так . . .

Так само скупляют одні других старости и музики, почім домашне весіля забирає ся на двір гуляти. Дівчата виходячи з за стола, співают:

121. Зробіте, дівки, славу:
зломіте свахам лаву . . .
Ходи, Маруненько, з нами,
не зіставлєй сі з бабами!

Но княгиня з дружкою липают ся на своіх сідалах. Дружка ладкає:

122. Ладо! Ладо! Ладо! Гостеньки садіте:
Ладо! Ладо! Ладо! коло сваненьки старостонька:
Ладо! Ладо! Ладо! против дружечки дружбонька:
Ладо! Ладо! Ладо! коло Марусеньки Івасенько.

Князь лізе верх столом и сідає побіч княгині, що звичайно сидит на північнім кінци стола під образами. Коли всі посідали, приносит мати рушники для всіх весільних гостей. Староста княгинин бере по одному, підносит на палици д горі и говорит: „То є від Бога! — Просили тато і мама, молода и ми старости, єден и другий, вашеці просим на той дарунок!“ С сею промовою роздає всі рушники, а свахи співают:

123. Повідали нам люди,
що ту рано вставали,
на рушнички придали;
на рушнички біленькі,
на торочки тоненькі.

124. Ладо! Ладо!
Червоная калинонька
всі луженьки прикрасила
Ладо! Ладо!
червоними ягідками.
Ладо! Ладо!
Молодая Марусенька
всі бояри прикрасила.
Ладо! Ладо!
червоними китайками,
біленькими рушничками.

Коли всі рушники роздані, благословит ся“ дружка до старости (як висше) и накриває хусткою коровай. Свахи співают:

125. Зажурив сі дружбонька,
що дорога хустонька:
треба йти заробити,
хустоньку викупити.

Дружба, скупивши хустину, встромлює в коровай ніж але дружка в-мілі ока вихоплює му и не дає краяти доки не викупит. Покраяний коровай роздають старости на всіх домашних и на сусіди. Свахи докладают до кождого кусника по одній різанці, співаючи:

126. Наш дружба коровай крає,
золотий ножик має.
Подиви сі, дружбо, за себе:
там твоя жінка іде,
семеро дітий веде . . .
Прийшли діти с торбами,
весь коровай забрали . . .

По вечери виходят всі зза стола, ино дружка лишає ся. Аж як и єї дружба скупит, виходит и розбирає княгиню из всего дівоцкого строю, в якім до тепер ходила, та вложивши княгинин вінець собі на голову, співає:

127. Вклони ми сі, Марусенько низенько,
бо я тобі служила вірненько:
тобі хусточка и чопец,
мині стонжочка и вінец.

Княгиня ій кланяє ся и поцюлювавши-сь обі танцюют. Віттак свахи завивают княгиню в перéмітку и вона кланяє ся наперед родичам, потім всім гостям, просячи о благословенє. За нею кланяє ся так само молодий.

Свахи співают:

128. Смутіт сі кути-лави:
йде Марусенька з нами;
смутіт сі и кутєчки,
де стояли починочки.

129. Гоца, бояре, гоца!
Допоминайте сі коца:
будем в поли ночувати,
будемо сі накривати.

130. Ой же сонінько низько-низенько,
ой же-ж бо над водами:
вибирай же сі, красна Марусенько,
бо же поідеш з нами!
— Ой як я маю, добріі люди,
з вами сі вибирати?
Не хоче мині а мій батенько
пару волоньків дати;
ані волоньків, ні коровоньки,
ні білоі постілоньки.

131. Марусенько, сідай же з нами:
стоя коні, стоя вози —
юж ти той плач не поможе:
сідай же з нами!
— Як же я буду з вами сідала,
колим ще батеньку не дєкувала:
Dziękuje ci, a mój wojcze,
Mawys ze mno często gości,
a teraz nie będziesz.
Дєкую ти, моя матко,
ховала-с мі барзо гладко —
a teraz nie będziesz.

132. Сідай, Марусенько, з нами
на мальованіі сани:
у нас гори золотіі,
а травоньки шовковіі,
а річеньки мідєніі.
Надлетіла зазуленька:
не слухай іх, Марусенько,
всюда-ж бо я облітала —
золотих гір не видала:
всюда гори камєніі,
а річеньки водєніі,
а травоньки зеленіі.

Свахи и бояре забирают дрібнійші річи, як зеркало, образи, дві мисці, дві ложці, два полумиски, терлицю, прясницю, тай инше знадібє, котре й не входит в посаг княгинин та котре віттак на другий день назад приносят. Княгиня бере

фляшку горівки з медом, миску печені и коровай. Князь з боярами вертає ся трічи зза воріт дякувати родичам молодої: „Дякуємо вам за честь, за хліб, за все добре, за молошну кашу и за Н. Н. вашу!“ Дорогою співають розличні пісні „підскоцькі“, як ось:

133. Котили сі баривки
з гори з горівками,
журили сі богачі
бідними дівками.
Не журіт сі, богачі,
бідними дівками,
но журіт сі, богачі,
своїми синами.

134. Ой на що мі видаєте,
мої рідні тату,
ой ци я вам завадила
молоденька хату?
На що мене видавати,
мною сі журити,
коли мині ще подоба
дівкою ходити . . .

135. А я в свої мамуненьки
сама єдна була,
я по воду не ходила,
в саду вода була.
Я по воду не ходила,
я волів не пасла —
мене мати виховала,
щоби-м була красна.
Мене мати виховала:
в папір завивала;
за богача обіцяла —
а за діда дала . . .

136. И наісти сі я
и напити сі я,
до роботи не я:
бо мі болит голова;

бо-ж то моя голова,
и клопоту зазнала:
и зварити и спечи,
ще й сі дітьми клопочи . . .

Прийшовши перед хату молодого:

137. Роствори, мати, хату:
ведемо ти пелехату;
роствори, мати, ліску:
ведемо ти невістку;
роствори, мати, скриню:
ведемо ти господиню;
до комори клюшницю,
на поле робітницю.

В хаті засідають за стіл, а молода гостит їх тим, що с собою принесла. По вечері ладят молодятам постіль, співаючи:

138. Сидит кіт на полици
в червоній нагавици:
витріщив оченята
на наші молодята . . .
По солому, свате:
чис молодятам спати.

Почінчуване.

В понеділок рано свахи садовлят молоду на подушку, укладают волосє як молодици и вбирают в чіпець („почінчують“), співаючи:

139. Понеділок не неділенька,
вже Марусі не дівонька . . .
Зрадливий понедівку:
зрадив єс нам дівку.
Ой що-ж бо ми наважили,
тоє ми и зробили:
с пирога вареницю —
з Марусі молодицю.

Тепер молода кланяє ся всім гостям, зачавши від родичів, а всі „витают“ єї грішми. Віттак завивают єї голову в перемітку и ведут на вивід.

По виводі несут боярє коровай до священика, а підохочені старости вигукують йдучи:

Ми до вгомосьці йдемо,
коровавц несемо.

Віддаючи коровай, мовит один староста: „Просили тато й мама, пан молодий и пані молода и ми старости вден и другий на той дарунок!“

Придане.

С полудня спрошують родичі молодої свою родину, звичайно лишень жінок. Кожда приносит с собою могорич и всі („збір“) идут разом до молодого „в придане“, співаючи:

140. Слідом матінько, слідом,
горою-долиною
за свою дитиною
зі всьою родиною.
Ледом, родоньку, ледом,
в свахи горівка з медом.

141. Ой що-ж то за новинонька настала,
що сваненька по свою сваненьку прислала? . . . .
Післала вона четири коні, пятий віз,
и шостого візниченьку, щоб привіз.

142. Послухай же, сватоньку:
ци дуднит дороженька?
Дороженька дуднит,
родинонька іде.
Жеби сватонько знали,
що родинонька іде:
ставили би мости
с калинової трости,
гатили би гати
аж до самої хати.

143. Не лєкай сі нас теще,
не багато нас йде ще:
трийцітеро и троє
на подвіренько твоє.

Перед хатою:

144. Вийди, Марусенько, вийди:
ци не маєш ту кривди?
— Я кривдоньки не маю,
роскоши не зазнаю . . .
Вийди, Марусенько, с хати
з нами сі привитати;
стань собі на помості,
привитай свої гості!

(Домашні відповідают:)

Нема Марусеньки в дома —
пішла прати хусти
за качин капусти,
за кавалок дині:
буде з неі господині . . .

В хаті прибирают дружбу в платє жіноче та висилают до гостей замість молодоі. Але свахи, доглупавши-сь, що оно щось не так, співают:

145. То не наші дитина,
то якась відміна*);
— — — — — — — —
ми такоі не мали,
ми вам такоі не дали.

Регочучи-сь поштуркуют тоту псевдо-молоду та роблят всякі витвари, доки не вийде „справедлива“ княгиня, котру витают грішми. Єсли не видати господині, то співают:

146. Ци ви нас не видите,
що ви до нас не вийдете?
Присилали сте люди:
най ту сваненька буде.

---

*) „Відміною“ називают дитину, котру рекомо підкинула „богині“. Така штука може ся „богини“ ино тогди вдати, як дитина ще, не охрещена та не горит світло в хаті. Тогди то богиня підкрадає ся ид колисці, виймає дитину а натомість кладе свою и чим борше втікає. „Відміна“ тота буває дуже погана, розлізла, ненаістна та дуже пиняво росте. Хотівши єі позбути ся, кладут під корито и січут різками і богиня вчувши плач своєі дитини, приносит и покидає чужу, а свою бере. Оповідают, що оден чоловік такій відміні понабивав під сігті тоненьких скалочок, а коли дітище за для страшенного болю здорово розрипілось, надлетіла як вітер єга мати (богиня) з замінянов дитинов та заверещала: „Нате вам ваше невидальце! — То я коло него ходила, гей коло якого паняти, а ви моє мучите гей ті звірюки!“ . . . . Та за тим словом вергла чужу дитину а свою ухопила тай зникла.

Ґаздиня виходит с хлѣбом и могоричом, привитавшись честує гостей и просит до хати. Приданці співают:

147. А в нашого свата
воріховая хата;
а лавки с прилавки
с червоної кітайки.

(При обіді:)

148. Марусина родина
дорогу втолочила,
бо істоньки носила;
істоньки носила,
хорошенько просила:
Іджте, родоньку, пийте,
весолі — веселенькі —
як в небі янгеленьки!

149. Заберіте си тое,
дайте нам що єншое;
дайте нам що єншое,
а що раз то ліпшое.

По обіді танцюют, а забираючи-сь домів, співают:

150. Ой мій любий збороньку,
збирай сі до домоньку:
'же вози ладовані,
'же коні футровані.

На другий день, в вівторок, идут ті самі „придани“ до молодого „по скленки“. Ім на зустріч співают:

151. Придани, приданчики,
по що ви приїхали:
ци хліба відїідати?
ци чести відпивати?
ци свата відвідати?

Приданчики:

Ні хліба відїідати,
ні чести відпивати —
но свата оглєдати.

Після обіду идут враз з родиною молодого до родичів молодої, співаючи тоті самі пісни и:

152. Ходи садівник по садонькови,
вишні-черешні лічи:
єж бо мої всі черешеньки,
но єдиная єтвта.

Ходи батенько по нові світлоньці,
всю челядоньку лічи:
єж бо моя вся челядонька,
йно єдиную взєто . . .

На конець в середу приходит родина молодого до родичів молодої також „по скленки“ та доправивши собі добре, росходят ся всі „веселі-веселенькі“ домів и — конець весіля. Тілько музиканти, зб'довані и невиспані, марикують та кривдують собі, що було ім за багато охоти, а за мало заплати; скрипки буцім терликают:

„Ні ілисмо, ні пилисмо,
иносмо сі веселили“ . . .

а бас свое гудит:

„А я казав, що так буде!“

Сесі обряди весільні враз с піснями списані перед 8 роками. Вже тогди деякі части весіля, як словини дружини, свашини виишли були в тій місцевости з звичаю, так що дотичні пісні не були вже в цілости знані молодшому поколіню, зістали записані з уст осіб старших віком. В послідних же літах обкроєно еще дужше первістний обряд весільний, на пр. понехано справляти весіля „на дві руці“, т. е. у молодого и в молодої, скасовано печене короваю, дароване рушниками, „придани“, а в конець ціле весіле, розложене тут після стародавної установи на пять днів, обмежено на оден день. Сама річ, що по тій причині більша часть пісень свадебних мусіла відпасти, а в недалекій будучности пійдут они відав цілком в непамять. Характеристичною при тім є та обстанова, що инициятива до касованя сих обрядів виходила заєдно від батьків-господарів, — а найсильніща опозиция підносилась из сторони газдинь-жінок. И як нас з одної сторони тішит тота радістна проява, що наші селяне, відсуваючи поезию на бік, зачинают більше до голови собі брати чотири головні операції аритметичні, так знов годі нам се во зло вміняти

жінкам, що підносят свій голос за охороною старих „установ". Вони бо, уважаючи себе par excellence хоронительками старини — що постановлена не ось-то від кого небудь, але „від Бога, від старих людей" (п. 84.) та від многих сотень літ переходила мов найдорожший скарб від покоління на покоління, не втерявши ані крихти ис своєи первістноі краси — уважают всяке нарушенє сеі народноі святині яко найпоганійше святотатьство. Тож хоть іх партия в сій нерівній борбі мусіла в кінци яко слабша піддати-сь своім сильнійшим противникам, то стало ся се лиш по вичерпаню всіх можливих средств оборонних та з висказом голосного протесту.

О скілько нам звісно, такий процес касованя народних обрядів відбуває ся в многих околицях нашого краю, почасти з иниціятиви самогож таки народу, по части під напором властей, особливо духовноі, так що первістну іх чистоту та новагу мож хиба єще подибати між народом, жиючим в одали від більших міст, як в сторонах гірских. Чи причиною сеі прояви є дух нашого часу, проникнутого наскрізь грубим матеріялізмом та не сприяючого поезиі, чи сумний упадок матеріяльний нашого народа — над тим не гадаю тут застановлятись, а констатую лишь сей факт в тій ціли, — щоб звернути на него увагу любителів народних умотворів та спонукати іх до тим пильнійшого записуваня, щоби колись не було запізно та щоби віттак история не видала на нас острого засуду, що з нашоі вини запропастили-сь та пійшли в безвісти найкрасші цвіти нашоі народноі музи.

М. Цар.

Oddíl český.

Předmluva.

—

Knihou touto chtěli jsme čtenářstvu podati ukázky všech slovanských jazyků; nemůžeme-li se, jakkoli vřele jsme si toho přáli, prokázati literárními příspěvky všech slovanských národností, omluviž nás nedostatek zástupců a tudíž i prací s některých stran. Přes to doufáme, že vydávajíce toto dílo přispěli jsme poněkud k poznání slovanských jazyků a k utužení duševní jednoty a vzájemnosti slovanské. Přijme-li se kniha tohoto směru laskavě a příznivě, bude snad lze učiniti ji ročníkem a, co schází, doplniti.

Putuj tedy, milá slovanská kniho, provázena jsouc vřelým naším přáním, do všech vlastí, v nichž pod větvemi rozložitého slovanského kmene zvuky slovanské hlaholí! Kéž se ti dostane téže přízně, jak velká jest láska, s kterou jsme Tě vyslali.

Svobodě.

Jsi jenom orla snem, jenž větrů divé říši
a letcům křídlatým v jich nespoutané výši —
o tolik volnějším než země otroci —
svou silou vévodí a krutou svémocí?

Jsi duší pralesů, kde vlk a šakal řádí,
kde smrť se s životem rve v pustém bezevládí,
kde hyne v temnotách, co slabé zrozeno,
a vpíjí slunka zář jen obrů temeno?

Jsi sopky výronem neb vlasatice kružbou,
či tvorstva souladem a lásky lásce službou?
Jsi bouře rozmarem a blesků svévolí,
či poutem nejsladším, jež blažíc zabolí?

Tak snadno skrocená proč prcháš z lidstva davu
neb divá opájíš tak běsně jeho hlavu,
že sotva výkřik tvůj v noc robství zavane,
již ráno z reků tvých jsou tvoji katané!

A vůdce vojů tvých, jenž korouhev tvou zvedá,
hle zmámen vítězstvím sám na tvůj stolec sedá,
tvých svatých zákonů již znaven tajemstvím,
sám otrok přeludů, chce vlásti jmenem tvým

Kdy člověk velikán své tužby s tebou snoubí,
což mu v té rozkoši do trpaslíků zhouby?!
on mocně kol a kol svou vůli rozhostí
a drtí, násilník, sto lidských volností.

A proto pidimuž tvým jmenem rovnosť hlásá
a mní se velikým a soudný meč si pásá,
ba marně ženou jej tví obři v kouty zpět, —
hle střízlík zmudřelý, on podmanil si svět!

On na stráž postavil si spravedlnosť slepou,
a spousty jejích ran tě k jeho slávě tepou!
on krotí, srovnává, že stejný trží vděk
i smělý zločinec i smělý pravdy rek.

Ó z nízkých temnic těch kdo po tvém dechu žízní,
jak malých lidí moc jej umně stíhá trýzní!
Přes srdce zlomená a rozsápanou česť —
ó sladká svobodo! tak slavíváš svůj vjezd.

Dav křičí: Na pranýř! a zákon: K popravišti!
A přece národy tě ždají na bojišti;
přec na život a smrť rve tvého pouta kruh
i věštec, mučeník, i srdce žár i duch!

A volá po tobě přec lidstvo víc a více,
ač nikdo nezná tě a neuzřel tvé líce:
kdy, odkud zavítaš, ač nikdo netuší,
tvůj pablesk od věků všem září do duší.

Ty nejsi orla snem, tys lidstvo vírou sladkou,
a vzejdeš, zaplaneš i nad chudinkou chatkou, —
hoj, což tam za tebe se krve utrácí,
kde jarní bouře tvá tam v jihu burácí!

O zoře, svobodo, tak těžkou žertvou vzňatá,
tam pobratimcům buď tvá výsosť věčně svata.
tam křídlem sprostěným až volně zavíříš,
tam budiž domov tvůj, tam pravdy tvojí říš!

Tam odhaliž svou tvář, ty dcero rekovnosti!
dej slabým ochranu, dej volnosť velikosti,
jen podlosť zahubiž! Tam vztyč svou korouhev,
tam, svatá hádanko, tam, svobodo, se zjev!

E. Krásnohorská.

Česká sláva.

Měla naše sláva
křídla pěkně zlatá,
na východ i západ
hrdě rozepjatá.
a když boží slunko
večer do tmy kleslo,
jejím křídlem z rána
do výše se vzneslo.

Naše česká sláva
na polet se dala,
nad matičkou Prahou
chvilku odpočala,
však tu v černé sítě
vrahové ji jali,
a sekerou zlatá
křídla usekali.

Od té doby smutna
ukrývá se v noci,
s komoleným křídlem
nemůže se vzmoci,
hněv jí ňadro truje,
bolesť pálá v oce,
jen že drobnou píseň
někdy zaštěbece.

Však ta drobná píseň
sotvy ohlas vzbudí,
hned jí černá závisť
protkne bílé hrudí,
z její skvoucí řízy
loktus sobě robí
a sandálkem nožky
dravý pařát zdobí

Bože zhoj tu slávu
dávné síly prostou,

ať jí kosinečky
v prvá křídla vzrostou,
aby mohla vzletět
peruť nyní kusa
pro rameno Žižky
a hlavénku Husa.

Adolf Heyduk.

Východ slunce.

V horách noc jsem probdil, hlavu mijel sen,
rád bych býval zvěděl jak se budí den,
ihned touha moje lesní cestou chvatí,
po jezerním břehu, horském po úpatí,
na temeno skály teplou nocí ven.

Sedím, odpočívám, rád jsem tomu byl,
že jsem mladé jitro jednou obelstil,
a již do oblak se toužně oko noří,
kolem něhož zlatá obruba se tvoří,
jako u motýla světlý pláště pyl.

Zachvěl sebou oblak, jiskry vrhal výš,
jako plivník vzletný když opouští skrýš,
až pojednou vzhůru zlaté proudy vrže,
jako roztříštěný pramen skalní strže,
diamanty nesší v rusalčinu skrýš.

Již se oblak nítí rudým zápalem,
chvěje se a blýská vzhůru, tam i sem,
kolem z ryza zlata, uvnitř jako z krve,
balvany své mění zlaté na ostrve,
v šípy v nebe letší, padající v zem.

Rozmahá se oheň v dálný žáru vzmach —
líce šedých strání změnily se v nach,
zdivené mé oko, oslepeno skorem,
zří jak nový svět se tvoří nad obzorem,
jako věčná píseň citu na vlnách.

Hle, ted ohněm zžhato údolí, a stráň
rubínovou čelkou zdobenou má skráň,
a z té čelky k zemi skvostná prší krása,
na listech i kvítí leskne se a jásá,
deštěm drobných perel zachvívá se pláň.

A zdivené oko vidí v nebi plát
purpurného slunce žhoucí majestát,
ejhle, zlatý koráb světům život nese,
ptactvo písně zpívá v pláni, luhu, lese:
Vítej, živiteli, na sto tisíckrát! —

Týž.

Bůh.

Hledáš Boha v temné kobě?
nehledej ho tam,
nemiluje cetky jako robě,
stoupající v chrám.

Nemiluje dusnou vůni,
bubnů vír a třesk,
mrtvou vodu v kropěnkové tůni,
pluvialů lesk.

Z jeho vůle hlavu skládá
v tlapy řvoucí lev,
na kolena koráb pouště padá,
roste perly zev.

Jeho dechem vzrůstá v nebi
nových světů dav,
z malých zrn se velké rodí chleby,
věčnost z lidských hlav.

Mnichem prostoru a času
pověčný je Bůh,
rouháním mu chlubících se hlasů
pohacený ruch.

Vyjdi ven kde život vzrůstá,
bují les a stráň,
a kde květů vůně plná ústa
něhu dýší v pláň.

Kde se hrdá skála modlí,
zbožné šepce hvězd,
kde v dojemném velebení prodlí
v mechu skrytý drozd.

Kde písenku samorodou
skřivan nese výš,
třebas svatou neskropil se vodou
a nedělal kříž.

Kde hossana všecko pěje,
tam pospíchej sám,
tam dech boží v ústret tobě věje
tam jest jeho chrám.

Jitro viz, když jemu včele
zlatá plane zář,
již bůh zemi ze sna probuzelé
líbá sličnou tvář.

Týž.

Večer ve žních.

Červánků zbytek nad vesnicí visí
a s chvěním svoje růže v řece zhlíží,
v ruch těžkých kol se biče praskot mísí,
vůz poslední se zvolna ke vsi blíží.

Jak zvolna jede, nastlán vrchovatě,
až země tknou se splývající klasy,
jak jede, zdá se, že se houpá v zlatě,
a za ním smích a hovor mladé chasy.

Než vyjde měsíc — v úplňku dnes bude,
duch na chvilku se v moře snění pustí;
svou píseň kdes pod mezí cvrček hude
v kol ruch, v hlas lidský stále klasy šustí.

Ty klasy rty jsou, jimiž země praví:
Já z klínu svého rozdala vám všecko,
klas plný muž měl, žena plachtu trávy
a koukol s chrpou do kytice děcko.

Už první vítr letí po strništi,
vás k ohni mnohá přiláká báj známá,
v mé hrudi bude klíčit jaro příští
a v nocích zimních v sněhu budu sama.

A pluh zas moje věrná prsa zraní
a zlaté símě klesne v moje rány,
já kletbu vaši změním v požehnání
a krev svou vtělím v krvavý mák planý.

V mých ňadrech síla rodná nevymizí,
jsem božství symbol v práci neunavný,
já neptám se, kdo zasil, ni kdo sklízí,
v mé hrudi hárá stvoření žár dávný.

Mám ráda hlas, jímž oráč potah řídí,
a necítím krok skotu odměřený,
vždyť stále vidím pot na čele lidí
a roje much u koní úst a pěny.“

Tak zdá se mi, že hovoří ty klasy,
jenž s vozu visí, jenž už do vrat stoupá;
V tom vyšel měcíc plný bledé krásy
jak cestou vůz, on po mracích se houpá.

Zhasť červánek. Stín za stínem se střídal
a měsíc blesk u cesty tlumem stromů,
kde stádo volů, jak je Homer vídal,
šlo krokem houpavým a těžkým domů.

Jar. Vrchlický.

Té, jež čítá Apokalypsu.

Na bílém čílku jako v těžkém sněni
jak v modlitbě má bílé ruce spjaty
a v černou propast, jež se pod ní pění,
v tmy posýlá své duše paprsk zlatý.
Co vedlo tebe, drahé dítě snivé,
k té rmutné knize? co zříš na dně jejím
pro šťastné svoje mládí dovádivé?
Nač unášet těm chmurným ku peřejím
svou útlou duši, bílou holubici?
Či v hlubině té víc a víc se tmící
zříš, kterak z bezdna život na tě zeje
a jeho klamy, vášně, beznaděje
ti šklebně kynou z oněch potvor směsi,
jež kdysi Jan nad Pathmu vídal tesy?
Či duše tvoje, kde pučí snů kvítí,
v níž chaos myšlenek a citů zraje,
jen tam příbuznou svoji sestru cítí,
své vzdechy s vřením tím by v jedno slila,
by čarovněji potom k práhu ráje
na křídle báje k pravdě vystoupila?
Kol tebe svět i příroda jen plesá:
tys na počátku jara a přec nyní
tvé skráně ona chmurná peruť stíní,
tys zabloudila do tmy toho lesa,
kam barvou květin, luzným zpěvem ptáka
nás kouzelnice, poesie, láká,
by všecku naděj k návratu nám vzala.
Já znám ten les. Chlad, lahoda a vůně
tě ovane, tam zlatem hoří skála,
smích dívčí zvoní z houštin smaragdových
a neviděna z dálky flétna stůně;
a tisíc cest se plete stále nových
před zrakem tvým, necítíš unavení,
jdeš dál a dál — a slunce zapadává.
Ty nevidíš, že vlhne rosou tráva,
že k vřesu letí noční motýl bílý;

ty neptáš se, kde jsou, jenž s tebou žili:
ty všecko máš — jen žádné navrácení!

O záchvěvy, o propasti, o snění!

Týž.

Mizící loď.

Já vídal často na pobřeží moře,
když spalo pod závojem těžké páry,
jak v zamlžené dálce na obzoře
se objevily lodě tmavé tvary.

Vod nekonečná pláně oněměla;
i vzduch kol tichý, bez hnutí a ruchu,
loď v obrysech se nad vodami chvěla
jak fantom, jako sen, jak koráb duchů.

Teď zdálo se, již již se přibližuje,
já plachet lemy žrel i stožár dlouhý;
však v tom se koráb obrací, zpět pluje
a čím dál mizí, tím víc v srdci touhy.

Jak obraz vdechnutý na mlhy clonu
a jako fantom, sen a koráb duchů
se mihal, chvěl a tratil v nebe sklonu
a rozplýval se v hustém, kalném vzduchu . . .

O štěstí, ty jsi rovno této lodi!
Jak často jevíš se nám v mhavé dáli!
Co k břehům našich tužeb tebe vodí,
bys prchlo zas, jak jsme tě uhlídali?

Jak přelud na poušti tvůj zjev nás klame;
cos jako zář se mihne nad vodami,
ve slzách našich paprsk tvůj se láme,
loď mizí v tmách — a my jsme opět sami.

Týž.

Na přívoze.

Napsal Josef Penížek.

Po dlouhých letech dostalo se mi opět jednou o prázdninách navštíviti rodný kraj, mohl jsem opět v kruhu příbuzných pobyti po nějaký čas na místech, na nichž jsem zažil blaženou dobu svého mládí. Okolí mého rodiště S . . . . bylo mi z oněch časů ještě povědomým, volil jsem tudíž, došed v jeho poblíží, cestu pěšky tím spíše, jelikož střídavá rozmanitosť útvaru půdy slibovala cestovní půvab.

Srpnový večer kladl první stíny své nad doubravou, po jejíž úzké stezce jsem sestupoval, chráněn lesním stínem před vedrem tou dobou ještě silným, rychlým krokem, abych ještě před úplným soumrakem dostihl S . . . ., asi půl hodiny vzdáleného, když však jsem došel okraje lesa, naskytl se zrakům mojim překrásný obraz, jehož půvab na chvíli zastavil mé kroky: vzpomněl jsem si, jak jsem tudy, když mi bylo asi deset let, posledně jel s otcem, „na druhou stranu“ jak se říká. Leč od těch čas vytratil se obraz na kraj tento dávno z mých upomínek, nyní zjevoval se mi půvab jeho, jakoby nikdy v mysl moji byl nevnikl. Přede mnou, za travnatou lučinou, valily se tiše sporé toho času toky nešírokým řečištěm, jež doleji, stékajíce s mlýnského jezu, volně šuměly, až opodále, s jekotem se odrážejíce o kolmé téměř stěny nahoře olším a nízkou lesinou porostlých skal, zrakům mojim mizely. Sprovodiv očima poklidný tok řeky pohledl jsem na druhý břeh, čekaje, brzo-li kdo, zočiv mě, přijde mne přepravit na druhou stranu.

Došel jsem k vodě: zraky mé zabloudily v pravo, kde na úpatí nevysoké, povolně se sklánějící stráně stál malý, smrky téměř obklíčený, chudobný domek. Níže bělel se štít rozsáhlého mlýna, v němž, jak se zdálo, všechen život vymřel. Klepot mlýnských kol, jenž mi jindy již z povzdálí zněl jako líbezná melodie, utichl; nebylo v době žní ni meliva ni vody s dostatek.

Marně čekav, brzy-li konečně odněkud objeví se zrakům mojim spasná loďka, zahoukl jsem silně, až se hlas můj hlubokou doubravinou rozlehl. Po chvíli vykročil ze smrkoví muž, vskočil do loďky a za krátko byl u mne. Vstoupil jsem. Silnou paží odrážel muž loďku, jež lehounce rychlým pohybem čeřila říční vlny. Byl asi čtyřicátník plných, osmahlých tváří, s černým ha-

vraním vlasem, a přiklonil-li ke mně, zvědavě mě prohlížeje, obličej, spatřil jsem dvé tmavých očí, za nimiž ukrýval se oheň, prozrazující povahu čilou, popudlivou.

V prostřed řeky pohledl jsem opět dolů za plynoucím tokem, a zraky mé neodvratně utkvěly na jednom místě: nahoře, na žulové skále vypínal smutné své témě černozlatý kříž, kol něhož do kola zdělán byl z prostých kamenů nízký plot.

„Nemohl byste mi, přítelinku, říci, proč ten kříž nahoře jest postaven?“ tázal jsem se ukazuje nahoru.

Nedůvěřivě pohledl na mě muž; na vrásků plném čele objevil se mrak násilně zdržovaného hněvu a okem zašlehl blesk, jehož jsem se téměř ulekl. Matně drže tyč v levici pravil mi: „A proč se tážete?“

„Myslil jsem, že snad někomu ze mlýna přihodilo se tam neštěstí, a že na památku toho kříž ten tam postaven“.

Trpký smích pohrál po slovech mých rtoma mého průvodčího. „Že mlýna?“ pravil mi přízvukem, neobyčejně znějícím, „ze mlýna! nikoliv, těm se nikdy nic nestane“. Po té pohledl plaše ke mlýnu, vrásky na čele náhle zmizely, celý obličej pokryl se mrakem posmušilosti, a oko pozíralo zpola hněvem, zpola žalem na mě: zahledl jsem v oku tom lesklou slzu.

Veškerá bytost mužova byla mi hádankou, a když nyní odmlčev se pohledl nahoru, tam na vrchol žulové skály, na níž u prostřed nízké ohrady zdvihal se jako smutné znamení osamělý kříž, bloudily zraky mé od skály k mému průvodčímu, a nepocítěný dosud soucit pobádal mě, bych vyzvěděl, co halí muže toho v neproniknutelnou roušku záhadnosti, bych dotázal se ho, proč asi zašlehl plamen hněvu z oka jeho a proč že zároveň líce jeho zakrylo se smutkem při pohledu na onen tajemný kříž.

„Tázal Jste se mne po onom kříži“, pravil po chvíli s vyjasněnou tváří a hlasem úplně klidným. „Odpusťte, že jsem Vám hned neodpověděl. Nikoli, kříž nestojí na památku nikoho ze mlýna, ale to Jste uhodl, stojí na smutnou upomínku — ale to jest vše, co Vám mohu říci“, přerušil se náhle, teprv nyní pozoruje, že se loď téměř ani nepohybuje, „jest to dlouhá, smutná událost, a Vy, jak vidím, spěcháte“.

Nevím, čím to bylo, že jsem mu musil odporovati. Nevýslovná touha pudila mě, bych zvěděl původ onoho kříže. Pohledl jsem k západu: obloha rděla se červánky, v nichž letní den

odumíral, stíny, jimiž blížící se noc umdlelou zemi zahalovala, se dloužily, ale já zůstal.

Dorazivše ku břehu vystoupili jsme. Zaplativ převozné vyslovil jsem ihned svoji prosbu, by mi událost, jež pojila se ku kříži vyprávěl, řka, že do blízkého S . . . dnes ještě lehce dojdu, načež odvětil: „Nuže tedy, nemáte li na spěch a přijmete-li za vděk mými slovy, milerád. Tam, na místě samém bude se snáze vyprávěti“, dodal pak vřele a podívav se ještě do domku vyšel po chvíli, načež jsme vykročili.

Bylo mi hned z počátku divno, proč se průvodčí můj zjevně vyhnul mlýnu, kudy byla cesta ku kříži mnohem kratší a snažší.

Ceho jsem se na cestě a na posvátném místě tom toho večera doslechl, znělo mi v duši jako elegický, osamělý ton, jehož žal pocituju ještě nyní, kdy tyto řádky vkládám jako němý list památky na rov, pod jehož krytbou v tvrdém lůně skály odpočívá srdce, jehož bys marně hledal pod zlatolesklým, šustícím hedvábem v lesklých síních hrdopyšných bohatců. Slýchal jsem častěji výčitku, že téměř vše, co psáno, vymyšleno, nuž této výčitky není se mi báti.

I.

Každý ve vsi ji znal . . . . . Nevyzdobila sice příroda Bětušky Převozníkovic, jak jí říkali, běloruměným líčkem, ale snědý její obličej slušel k celé její pohyblivé bytosti, o níž svědčily také jiskrné zraky, stinnými brvami zkrývané, a leporostlá postava spojovala veškerý půvab její v ladný, poutavý celek. Každý ji znal, a objevila-li se, což se pravidelně dělo ve svátek, v S . . . nahoře před kostelními dveřmi mezi družkami svými, spočívaly zraky všech na ní: mnohá matinka pomyslila si při tom, jaká by to pro syna její byla hospodyně, ale Bětuška byla chudá; neměla ničeho mimo polospadlou chalupu při břehu stojící, již měla zdědit po otci, kterému pomáhala převážeti. Vědělit ve vsi nahoře, jak dobře zastává Bětuška svoji záhy zesnulou matku, s jakou oddaností miluje svého otce, jemuž byla jediným dítětem a jedinou útěchou v životě, ale to pro hospodářství nestačilo. A tak hleděli na ni jedni závistivě, jiní milostně, a mladíci říkali, že úpal její očí okouzluje.

V S . . . jest posvícení. Otevřeným oknem hostince zaznívá hudba, v niž v mísí se pochvilně jasný zpěv mladíků, any děti na trávníku na návsi zaučují se v tanci neb naslouchají, počíná-li v přestávce zpěv.

V kole mezi tančícími viděti též Bětušku; radost je na ni pohlednouti, jak se točí: teď právě usmála se tak upřímně, že i tmavé oko jevilo odraz smíchu toho, pohledla-li svému tanečníku v modré jeho oko, nad nímž vysoké, jasné čelo se klenulo až ku plavým hladce na zad učesaným vlasům.

„Vidíte tamto Převozníkovic s Toníkem poděláváčem“, pravila k sousedce své se nakloňujíc v koutě hovorná vesničanka. „Těm to sluší! Byl by to z nich párek, ona divoká jako na poustce, on tichý jako beruška, to prý bývá v manželství dobře, aspoň jedna strana povolí“.

„Jen povolí-li přívozník“, odvětila oslovená. „Pravda, nemá také nic mimo tu svoji boudu, Bětka s Toníkem mají se snad rádi, ale to jich neuživí. Starý by ovšem Bětce mohl dáti nějaký zlaťák, kdyby jich nebyl vydal v soudu s mlynářem o přívoz. Soud ovšem vyhrál, ale peníze jsou ty tam, leč že za ně má záští na všechno, co je ze mlýna“.

V témž okamžiku otevřenými dveřmi vstoupil muž asi třiadvacetiletý, silného vzrůstu, plných tváří, černých vlasů na zad sčechraných. Jiskrnýma zrakoma přehledl plaše kolo a stoje u dveří hladil si černé své kníry.

Všechny zraky obrátily se po příchozím, mnohé páry se zastavily, ba sama Běta zalekla se a brzy bledla brzy se rděla v Toníkově náruči.

„Chval každý duch hospodina“, počala po chvíli probírajíc se ze svého úděsu první sousedka, „tof jsem se ulekla, jakoby po mně smrť byla sahla. Kde pak se tu vzal mlynářů Ferda?“.

„Což jsem Vám to neřekla paňmámo?“ odpověděla společnice, „vida, vida, jak člověk může zapomenouť. Nu, nežť! Ferda tedy přišel včera domů. Jak jsem to uslyšela, umínila jsem si Vám to povědět a zapomněla jsem. Ano, hezký synáček, rač pán Bůh chránit.“

„A proč pak přišel domů?“

„Proč přišel domů? Protože už nemá kde být. Doklepal se svými studiemi. Věřte mi, mám dobré srdce, ale tomu mlynářovi to přeju. Podívejme se, chce míti ze syna „studirovaného“ syna sedláka, ne jako jsou naši. A synáček umí prý již hezky s hospodářstvím zacházeť. Tatík musil jedno pole za druhým prodávať, aby měl čím zaplatiť dluhy svého mazánka, který raději díval se prý do očí nezvedených slečinek, než do knihy. Když prý letos přešla mlynáři trpělivosť a když se rozzlobil ztrá-

tou přívozu, vzal syna domů, jak jej do města před třemi roky dovezl, když tak slavně ho vzal ze studií".

Sousedka dala se sama své ironii do smíchu.

„A co počne nyní?" tázala se opět první.

„Co počne? Bude pokračovat otci pomáhat od peněz".

Tu přestala hudba. Příchozí pokročil do jizby blíže, směle, jakoby si ostatních, kteří udiveně zpola a zpola zvědavě pozírali na pyšného muže, ani nevšímal, postoupil na protější stranu, kde stál v koutě Toník s Bětuškou.

Ferdík se hluboce uklonil a pozdravil.

„Dobrý den, Bětuško", pravil k dívce, jež byla se nyní pustila levice Toníkovy.

Oslovená celá se zarděla.

„Jaké to štěstí pro mě", pokračoval Ferdík, „všude, kam první kroky namířím, setkávám se s Vámi".

Bylať včera Bětuška jej okresní silnicí z města se vracejícího převážela, nevědouc na jisto, kdo to, neboť ho kolik roků již nebyla viděla. Všude kolem ní šeptalo se tak hlasitě, že toho sama doslechla: „Ferdík mlynářů".

Po chvíli zazněla opět hudba, a než se Toník nadál, byla Bětuška s Ferdíkem v kole. Z modrých očí jeho nevyšlehl žádný hněv, ale srdce mu svíral nevyslovitelný bol. Nemoha snésti pohledu, jak se Běta na svého tanečníka jen jen usmívá, ustoupil do pozadí, nespouštěje s tančících ani oka.

„Tohle aby tak viděl převozník, starý soudí se s mlynářem a jeho dcera s mlynářovým synem se přátelí", počaly opět sousedky hovor, spatřivše jak mlynářův syn vždy blíže tiskne svoji tanečnici a jak tiše jí něco do ucha šepotá.

„Co tomu jen asi říká Toník, vidíte ho, tamhle stojí jako opařený", odvětila druhá.

„Co by tomu říkal, pomyslí si, že chudý musí ustoupit".

„Věřte mi, je mi ho líto, je to dobrák od kosti. Bojím se, že Běta ani neví, co Toník je. Mně aspoň byl by milejší než ten nadutý mlynářů ničema", šepotala paňmáma.

„Hm, Vám, ale to víte děvčatům to lahodí, má-li kdo hladounký obličej a umí-li jim sladkými slovy lichotit, a to snad Toník neumí. Což ten Ferdík, ten je mazaný —".

Další slova byla přerušena. Ferdík tančil s Bětou právě okolo.

Po celé odpůldne se mladý mlynář své tanečnice ani nespouštěl. Běta si ani Toníka nevšimla, ba zdálo se mu vždy, když šla kolem něho, jakoby mu navzdor více se usmívala.

Hostinská světnice počínala se haliti v první stíny.

„Musím domů“, pravila Běta k Ferdíkovi, „otec mne již očekává“. Po těch slovech chtěla od něho odstoupiti.

„Zůstaňte ještě chvíli“, pravil prosebně mladík.

„Nemohu, nesmím“.

„Půjdu tedy s Vámi, smím-li“, odvětil usměvavě Ferdík.

Za krátko opustili hostinskou světnici. Nedlouho po tom odešel i Toník.

Téhož večera, Běta přivedla právě kozy, jež byla na krátko na stráních popasla, domů, zavolal přívozník dceru do světnice. Běta se hlasu otcova téměř ulekla, zněl tak tvrdě a úsečně, že úzkostlivě vešla.

Otec stál chvíli mlčky proti ní, pak počal: „Viděl jsem Tě dnes, když's šla pěšinou domů. Víš s kým Jsi šla? Vidíš dítě, kdybys šla s kýmkoliv, ani bych se ti o ničem nezmiňoval. Mlč, prosím Tě“, pravil vida, že mu chce dcera odmlouvati, „jest synem svého otce, a není jeho lepším. Jeho otec sahl hříšnou rukou po mém právu a oloupil mě skorem všeho těžce nastrádaného majetku, syn sám sahá po mém posledním, nejdražším majetku, po Tobě. Otci jsem odpustil, ale syna bych musil prokleti a Tebe — — — Bětuško“, pravil klidně přerušiv se, „poslechni svého otce, střez se Ferdíka, vyhni se mu z daleka, varuj se ho z úcty ku svému otci. Kdybys však neposlechla upřímného slova mého, věz, že i já pak nebudu míti sluchu ku Tvým slovům. Nyní víš, čím se máš říditi, teď jdi po své práci.“

Ani slova neodpověděvši odešla dcera. Otec pak dlouho ještě do noci zanášel se touto myšlenkou: viděl opět, že hrozí mu ze mlýna nebezpečí, jež chtěl od svého dítěte odvrátiti.

Ale brzy zapomněla Běta, co jí otec byl kladl na srdce, hned den na to setkala se, sbírajíc chrastí v lese, s Ferdíkem, a od těch čas scházívali se často bez vědomí otcova.

II.

Jednoho nedělního letního odpůldne oblekl převozník sváteční svůj kabát, aby proti zvyku svému vyšel. Venku krásně svítilo slunce, ale převozník neměl dnes pro přírodní půvaby ani zraku. Mlčky, se sklopenou hlavou, oddán svým smutným

myšlenkám, kráčel ku mlýnu. Kolik roků již nebyl vkročil na tuto cestu! Zařekl se, že nikdy do mlýna nevkročí, a dnes šel tam přec, nastoupil s těžkým srdcem krátkou, ale proň trnitou pouť v dům svého nepřítele, svého škůdce.

Zastal mlynáře v světnici samotna, jak si byl přál.

„Toť musí býti nějaká důležitá příčina, že pan soused nás svojí návštěvou poctil“, pravil mlynář podávaje příchozímu židli.

„Ano, důležitá záležitost mě sem vede“, odvětil převozník usedaje, „týká se našich dětí“.

„Našich dětí?“ tázal se kvapně a udiveně mlynář.

„Našich dětí. Vím, že jest to nemilé Vám, jako mně, ale věc se již stala. Abych Vás dlouho nenechával v nejistotě sdělím Vám ihned příčinu svého příchodu krátkými slovy. Vašemu panu synovi zalíbilo se shlednouti na moji dceru. Věda předobře, jaký jest mezi oběma rozdíl, vystřehl jsem dítě své, ale marně. Lehkověrné děvče, sputivši se varující rady svého otce, dalo se přemluviti lichotivými řečmi a pyká nyní za svoji neposlušnost ztrátou svého poctivého jména a —“.

„Nač mně toto povídáte?“ přerušil jej, ledově se tázaje, mlynář.

„Nejste Vy jeho otec? Nejsem já jejím otcem?“

«Co z toho?“

„Přišel jsem se Vás otázat, co míníte učiniti, abyste poklesek synův napravil“.

„Já? Co míním učiniti? Hahaha! otažte se mého syna, právě přichází“.

Z venku donikal do světnice vždy více blížící se veselý zpěv. Po chvíli otevřely se dvéře a jimi vešel Ferdík.

Zraku převozníkova neušlo, že se patrně zarazil jej zočiv.

„Náš nedaleký soused přeje si s Tebou mluviti“, pravil mlynář opouštěje světnici

„Jsem věru zvědav“, odvětil lehce se usmívaje syn.

„Netřeba nám býti zvědavým, víme-li již, co se nám sdělí Není vám neznámo, že Jste s mojí dcerou již delší dobu v důvěrné známosti?“

„Já? v důvěrné známosti? ptal se oslovený cize.

„Ba víc. Nebudete snad, pane, chtíti upírati, že má dcera Vámi přemlouvaná poklesla. Tážu se Vás nyní, jak chcete dceři mé nezkalené její čisté, čestné jméno opět navrátiti?“

Hlas převozníkův zněl téměř plačtivě při těchto slovech. Směle pohlížel na mladíka, jenž proti němu stál, jakoby se ho slova pronesená ani netekla.

„Vaší dceři? Nechť dbá, ať ztracené jméno opět získá“.

„Vy se tedy zdráháte, vyhověti žádosti otce, jenž jedná pro čest kleslé své dcery? Vy nechcete setříti skvrny, kteroužto Jste dítě mé pokalil? Věděl jsem, že slova má nenajdou u Vás ohlasu, vždyť jsem vcházel k lidem, kteří se neostýchají hříšnýma rukama sahati po posledním, nejdražším majetku chudoby, po cti, a od těch lidí nyní odcházím“.

Chvějícím se hlasem pronesl slova ta, načež opustil kvapně světnici. Povolným krokem kráčel k svému domku. Čeho se to dočkal! Snížil se, zapřel se, jda prosit k svému nepříteli pro svoje neposlušné, kleslé dítě. Ale vždyť byla přec jeho dítětem! A oni budou se domýšleti, že k nim přišel, aby užil dceřina poklesku a jim ji vnutil . . .

Zastal dceru svoji, ana sedíc u okna šila.

„Dceruška doma?“ oslovil ji příkře.

„Kde bych byla?“

„Kde bys byla? Jdi, pospěš, leť svému milanovi do svůdné náruči, aby tě odstrčil a odpudil, aby Tebou povrhl, aby Tě zapřel, jdi, ten je lepší než Tvůj otec!“

„Já Ti nerozumím otče“.

„Nechceš mi rozuměti a nechtělas. Když jsem Tě varoval: ‚střez se mlynářovic‘, řekl jsem Ti, že kdybys neuposlechla hlasu mého, že i já pak nepopřeju sluchu slovům Tvým. Ty's mě oslyšela, já ohluchl pro Tebe také. Ty's pormoutila svého otce, Ty's hanou svojí pokalila i jeho neporušené jméno. Můžeš nyní žádati, aby hana ta dále zůstala na něm? Nikoli! Jdi k němu, klekni před ním a volej k němu, vztahujíc prosebně ruce: „Vyslyš mě, dítě mé jest též dítě Tvé“, on se Ti vysměje a odžene Tě od svého prahu řka, že Tebe nezná, že's mu byla jen ženou a nic více. Pak ale nevracej se k svému otci, ten Tebe také nezná, poněvadž Jsi ho také nechtěla znáti. Pak jdi a volej k lidem: kdo se ujme mne, kleslé, zavržené, zapuzené, a kdo ubohého dítěte mé hanby? Kdo?“

„Já“, zazněl pod okny v smrkoví jasný hlas.

Převozník sebou trhl a kvapně přistoupil k oknu, ale nikoho nebylo lze spatřiti.

Sotva venku zaznél hlas, vztyčila Běta kleslou hlavu, oko její jasně pozíralo k otci, jenž pronášel nad ní hromovým téměř hlasem kletbu svou. Znala ten hlas; kdysi hlaholíval jí mile, ale smí se nyní ku hlasu tomu hlásiti? . .

Tu vstoupil do světnice Toník podélávkářů. Byl se, puzen touhou, aby spatřil Bětu, jíž dlouho, dlouho nebyl viděl, přikradl mezi smrky pod okny a byl nepovolaným svědkem otcovy výhrůžky. Z málo slov poznal, oč jde, rychle byl odhodlán. V témž okamžiku zapomněl na vše, čeho zakusil v poslední době od Běty, doznal, že ji může jen milovati, i kdyby ho nenáviděla, i když klesla . . .

„Já", pravil ještě jednou vstoupiv.

Udivené pohledl naň převozník. Běta zahanbena sklopila hlavu a odvrátila obličej.

„Odejdi", pravil klidně k ní převozník, načež Běta zvolna, neosmělujíc se na příchozího pozdvihnouti zraků opustila světnici.

„Slyšel jsem vše", počal Toník, předcházeje převozníka, „šel jsem právě do mlýna koupit odřezů ze špalků, když jsem Vás uzřel přicházejícího ze mlýna. Bylo mi to nemálo podivno. Uschoval jsem se do smrkoví, kdež jsem zaslechnuv Vaše slova, brzy se domyslil příčiny, jež Vás vedla do mlýna, a spolu výsledku, s jakým se cesta Vaše potkala. Bylo mi dcery Vaší nesmírně líto a tím více, poněvadž ji — — — a tu jsem si myslil", pravil zvolna a nesměle, „že bych ji s Vámi mohl opět smířiti, kdybych jí navrátil, čeho pozbyla, kdybych nahradil ztrátu, jíž se Vám odcizila. Nuže tedy, přijmete opět dceru svoji v otcovskou lásku, navrátím-li jí její čest a dám-li dítěti její své jméno, bude-li chtíti ona i Vy, bych byl jí mužem a otcem její dítěti?"

„Jakže, Vy byste chtěl?" zvolal udivený převozník.

„Jak jsem řekl".

Otec ničeho neměl proti tomuto návrhu, a když dceři své po odchodu Toníkovu vypravoval, co se mu vše stalo ve mlýně, když vylíčil nadutý pych mladého mlynáře a konečně lásky plné nabídnutí Toníkovo a posléze se tázal, chce-li býti jeho ženou před Bohem a před lidmi, tu klesla plačíc Běta otci kolem krku a hlasitě štkajíc prosila jej za odpuštění a volajíc: „Ten dobrák!" — —

Od onoho dne nevyšla Běta více. Za krátký čas byl Toník její mužem a otcem její dítěte.

III.

Dvacet roků sklonilo se od těch čas do bezedného proudu věčnosti. Nahoře na vesnickém hřbitově dřímal již dávno starý převozník věčný sen vedle své nebožky. Dole na přívoze zaujal jeho místo Toník podělávkář, jemuž nyní v práci pomáhává statný syn Bětin. Lidé vidouce jej říkali si, že jest, jakoby mladému mlynáři z oka vypadl. Ale Toník miloval dítě ženy své jako vlastní. V rodinném klidu uplýval šťastným manželům rok za rokem. Na rumech staré strženě chaloupky zdvihala se nyní mezi větvemi vysokých smrků při vodě nová, úhledná.

Také ve mlýně udály se změny, na místě starého vystaven rozsáhlý nový: Ferdík, přejav po otci hospodářství, brzy dohospodařil, mlýn dán na buben a dražbou prodán. Krátce na to zmizel mladý mlynář, nikdo nevěděl kam.

Oživující jaro bylo již ovroubilo břehy říční svěžím zelením, na protějším břehu v doubravě rozlehal se veselý zpěv ptactva a zdola, silnou vodou hnán, klepotal vesele mlýn. Ale Bětuška — říkal jí Toník dosud tak, ačkoli byla lety již pokročila — netěšila se z návratu jara, vždyť mohlo ji oloupiti jediného syna. Konrád převozníků měl jíti letos k odvodu.

Starostlivě hleděl Toník na svoji ubledlou, posmušilou ženu; pozorovalť, že v poslední době právě stala se přemýšlivou, že často do noci sedí a nepokojně spí, že bolně pohlíží na syna a vždy tiše, sotva slyšitelně povzdychne. Úzkostlivě i on pohlížel s tesklivostí rozhodné budoucnosti vstříc, ani se nedotazuje své ženy, proč že jest tak posmušilou, aby jí otázkou svojí na novo neupozorňoval a nepormoutil.

A Běta? Kolikráte připadala jí hrozně černá myšlenka, kterou násilně zapuzovala: že otcové nikdy tak nepociťují jako matky a také tak dítek nemilují. Toník tedy netrpěl pro Konráda tolik úzkostí jak ona, a to tím spíše, vždyť jeho synem nebyl. Ztratil by v něm jen silného pomocníka v práci a nic více. Ale pomyslila-li, jak dosud projevoval Toník lásku k její dítěti, že jej miloval více než by mohl svoje vlastní dítě milovati, vzpomínala-li si, jak těšlivě jí domlouval, že ačkoliv nemají peněz, které by milerádi dali na výkup Konrádův, není ještě vše ztraceno, že sice Konrád statný hoch, ale proto ještě není odveden, tu si vyčítala, jak si mohla jen cos takového mysliti . . .

Den za dnem mijel rozmnožuje úzkosť matčinou, vždy více blížil se čas k odvodu určený.

„Nestrachuj se, buď prec klidná“, pravil jí jednoho dne Toník. Ona neodpověděla; odvrátivši obličej, aby neviděl slz, v oku se jí lesknoucích, pohlížela oknem ven na hladkou plochu šumící řeky. Kolikráte Konrád rychle přepravil se přes její tok! S jakým zalíbením pohlížela naň vždy, když statným ramenem loďku odrážel. A nyní pohledu toho nebude jí dlouho dopřáno

— — — — — — — — — — — — — —

V neděli ráno před odvodem nalezli Toníka pod skalou, s jejíž příkré výše se byl svrhl, zabitého: tělo bylo silně pohmožděno, vlasy, dosud plavé, byly silně zakrváceny. Když mrtvola byla soudně prohlížena, nalezen u ní malý papír se slovy: „Své manželce: Synové vdov se k vojsku neodvádějí“.

Vesnický farář, muž ještě fanatický, odepřel samovrahu pohřbu a místa na hřbitově. Vděčný a zachráněný syn pohřbil jej nahoře na skále.

* * *

Byl krásný letní večer. Stříbrozlaté světlo měsíční ozařovalo skálu, na níž jsme stáli; vedle mne pod travnatým rovem, v jehož čelo vděčnost nevlastního syna postavila v upomínku krásný kříž, v tvrdém lůně hostinné skály odpočívá dobré to srdce, jehož bys marně hledal pod šustícím, zlatolesklým hedvábem v skvoucích se síních hrdopyšných bohatců; stál jsem tu se synem nevlastním tohoto dobráka, jenž mi události tyto, sdělené jemu matkou Bětuškou vyprávěl, zamyšlen na vrcholu skály: zdálo se mi, jakoby šumící koruny stromů kolem nás a proudící toky řeky pod náma tiše a tajuplně si vyprávěly o dobrém tom obětavém srdci.

Pohledl jsem na Konráda: stál tu, obraz svého otce, s rukama sepjatýma a s hlavou sklopenou. Věděl jsem nyní, proč převážeje mě pohledl na místo to zpola hněvem zpola se žalem, proč zjevně vyhnul se mlýnu. —

Bylo již pozdě, když jsem, doprovázen ještě Konrádem, stoupal po úzké cestě klidnou nocí nahoru k S . . ., jehož jsem za půl hodiny došel. Dlouho do noci tanul mi ještě na mysli obraz Konrádův.

Navraceje se po několika dnech touž cestou, vešel jsem do domku převozníkova. Žena skorem šedesátiletá mě vlídně uvítala: byla to Bětuška, žena Toníka podělávkáře a matka Konrádova.

Ze žaláře.

(Fantasie.)

Můj krok se plížil zmírajícím zvukem
po vylámané klenbě nádvoří,
kol ticho — temným, jednotvárným tlukem
v sklíčených ňadrech srdce hovoří.

V květoucím šípku pod sesutým valem
pěnice v hnízdě měkce procitá,
pod blánkou v očku zpola rozespalém
tisíce písní ranních rozkvítá.

Opřel jsem hlavu unavenou sněním
o vetchou pažbu staré studnice,
myšlenky hrály tajůplným chvěním,
jak v černé hloubi vlnek směsice.

Zadíval jsem se do dutiny prázdné,
jak v čarodějky oko skleněné —
v líc teplou sáhlo rámě smrti mrazné
a ledem spjalo čelo ruměnné.

Minulost dávná s vysměvavou tváří
se z černé tůně na vrch vyzvedla,
jak žena z bible hříšná ze Samaří
si u cisterny ke mně přisedla.

Sklíčená, bědná — v tváři zasmušilá,
jak blesku žeh, kdy líce ohromí, —
v uhaslém oku jiskra jedna zbyla:
bludička viny — zlého svědomí!

V uvadlých rysech, v zachvění rtů, v oku
pradávných vášní ruch jsem vyzvídal,
syn člověka jsem usedl jí k boku,
bych z hříchů těžkých ženu zpovídal.

Zahleděl jsem se v oko ženy tmavé,
v tu výheň zloby zhaslou, tajemnou,
a dlouhým řadem jako stíny hravé
vidiny chmůrné táhly přede mnou.

I.

Matka.

V sluji, kde zraky věčná půlnoc klove,
kde shnilý pahýl v zemi plápolá,
opilí spánkem noční motýlové
zmatené reje vedou do kola.

V ohništi krbu chladném, bez plápolu,
jen svadlé listí časem zakvílí,
když dujné vichry, zápasíce spolu,
v sřícený komín rety nachýlí.

Na loži tvrdém žena sebou zmítá
v šíleném reji snivých přízraků,
když pohne sebou, líce temnem svítá
jak blýskavice v sinném oblaku.

V objetí smrti potácí se žena . . .
tu divný sen své pásmo proměnil,
modravým žehem zaplanula stěna,
červánek plachý jizbu zrumělnil.

A po zdi pluly v blankytavém jase
obrázky pestře duhou zlacené,
hlavinky děcké v kadeřavé kráse,
krůpějí slzy v líci zrosené.

Pozdvihá žena hlavu v polosnění,
zrak hoří clonou vlasů kosmatou,
kadeře děcké matka v rozechvění
vztýčenou chytá rukou kostnatou.

Po stěně vlhké do krve se ryje
v horečném chvatu prstů divý hlod,
na krbu zmírá vichrů melodie
a venku tichne bouře chorovod.

* * *

Paprslek matný skulinou se vplížil,
jak bledý motýl v klenby omšené,

seď k lůžku ženy, bádavě se vhřížil
v strhané oko, líce studené.

A uzřel na zdi, jak tam v krvi plane
snů choré matky písmo klikaté,
unylé názvy děcka v stěnu psané,
jak lístky růže větrem rozvaté.

O dřímej sladce bědná mučenice
s tou žalůplnou podobou,
ač Kaina skvrna stíní tvoje líce,
tys v kámen schřadla s Niobou!

II.

Hekata.

V zákoutí plachý stín
sloupením mihá se,
žaláře ze hlubin
postava zdvihá se.

Zjev k slzám žalostný
ubohá vidina,
rubáše bělostná
ji clona upíná.

Tvář v trosky zřícená
je krásy svatyně,
z níž slzou zrosená
uprchla bohyně.

Kol nohy uvadlé
se koule kutálí,
a ruce uchřadlé
řetězy upjaly.

Na ňádro děsný hled —
kleštěmi zerváno —
růžový za nehet
sta jehel vbodáno — —

Když noci hvězdný šlář
jí zraky oslepí,
tu krysy němá tvář
se plíží k otepi.

Když jitro vysvitá
nad sklepu doupaty —
zas kletba procitá
nad hlavou Hekaty!

III.

Sběh.

Upoutaný k zemi,
ku zdi přikovaný,
jako sokol k lovce
ruce uvázaný.

Mládí růměn zdobí,
líce dětsky svěží,
na čele však chmůra
nekonečná leží.

Oko v důlku hloubi
zvolna zapadává,
čelo bledé líbá
vichru četa hravá.

Zdá se mu, že kráčí
švárnou rodnou zemí,
jako volné ptáče
stromu haluzemi.

Zemí, jejíž hory
staré krasavice,
jimžto paprsk růží
líčí bledé líce.

Kde lavina chýžím
sněžný vrkoč snuje,
pod nímž v staré jizbě
bída podřimuje.

Kde kol staré báně
mrak se vije sivě,
korouhvičkou vítr
skřípá žalostivě.

Kde se dívka bledá
nad vřetenem chýlí,
slzou bez ustání
režné plátno bílí.

Kde louč smutně prská,
v krbu oheň chladne,
rozmarina v okně
usýchá a vadne.
— — — — — — —
— — — — — — —

Oko z důlků hloubi
divoce se poulí,
jak v podušku vězeň
v bídný cár se choulí.

IV.

Tribun lidu.

V okénku svlačec blankytný
ve zvonce rozkvítá
a kolem hlavy vězňovy
síť hebkou uplítá.

Na mříži kvítím vroubenou
se sklání žhavá skráň
a oko sinou zelení
se plíží v pustou pláň.

V poušť mrtvou, pusté nádvoří,
smésici kamení,
z níž echo, stráží líný krok,
zaléhá v sklepení.

Usíná echo . . . Líce plá
červánků korály,
tu na rtech vzdechů ševely
se v píseň rozhřály.

„Komonstvo krále klusalo
v práporu stínech ulicí
a kolem národ hymny pěl
v čarovných krojů směsici.

Z omšených věží zvučely
v hold steré zvonů jazyky
a hudby hřměly na pozdrav:
„Hossanah! césar veliký!“

Na prsou třpytnou hvězdu měl,
ta hvězda plamenná
kdys byla z čela genia
národa stržená.

Herode! sděsí tvoji líc
té hvězdy duhojas,
až přijdou z dáli proroci
u národ — Messias!

Tvůj brokát, jasný vévodo,
ve hrobce spráchniví,
na hnízdo ptáčku svije se
vlas hlavy šedivý.

Koruna tvoje z pozlátka
jen hnátům vévodí —
tvou lebku rolník vyorav
do pole zahodí!

Jen kapka vody deštivé
ji naplní, ji ovlaží,
to rosa z pláče národa
v žalářů zápraží!“

Umlkla píseň — ticho kol,
směsice kamení,
okénkem echo, stráží krok,
zaléhá v sklepení.

V.

Císař.

Byl jednou císař mocný pán
a vládce zemí spanilých,
ten divnou touhou kdys byl jat
projíždět kraje rabů svých.

Zavítal v města, dědiny,
neminul palác, bídnou chýž,
až křížem krážem probrázdil
celičkou zbožných předků říš.

Již k návratu se uchystal
král, slavní jeho komthuři
když přiklusali znavení
pod chmurné náhle vězení.

Rezavým klíčem otevřel
skřípavá vrata do kořán,
šedivou hlavu k zemi až
skláněje, starý kastelán.

Pak vířilo to v starých zdech,
byl bujný ples a hostina,
až svorně pod stůl ulehli
císař i jeho družina.

Tu počal náhle divný sen
císaři kolem víček hrát,
zdálo se mu, že spočívá
v kamenném lůně kazamat.

Na hlavu voda tryskala
z vězení klenby děravé,
až mozkem starým k šílení
bolesti chvěly žeravé.

Ukován v bahně hluboko
hnout nemoh' nohou tenounkou,
a marně plašil krysy hlad
bezvládnou rukou, hebounkou.

Prudčeji krůpěj srčela
jak žhavé na skráň olovo,
vždy divěj vbodal ostrý zub
se v bílé tělo královo.

I práhnul žízní žhavý ret —
již lykal vlastní krve nach
a plakal, sténal, šílil král
v divokých sevřen hlubinách.

Tu náhle kapka svezla se
a ustál hlod i žízně pal,
byla to slza vězňova,
jenž nad ním v poutech lkál
— — — — — —
— — — — — —

Procitl císař — klusal dál,
ubledlý k smrti, zasmušen;
komthuři s hlavou svěšenou
snad měli také divný sen! —

* * *

Zdvihl jsem hlavu unavenou sněním
ze pažby vetché, staré studnice,
ve vzduchu skřivan ozýval se pěním
a v květném šípku mladá pěnice.

Otakar Mokrý.

Z bludné družiny.

Jde posud světem družina
rytířů bludných;
jim v klid nebije hodina
a s ostnem rodí vidina
i snů se svůdných.

„Kde má že touha zaklena,
ji musím míti!
O zde's má dívko vznešená,
já našel tě — však ztracena
zas musíš býti!“

Oř divoký je srdce mé,
cos v dál jej bodne,
cíl hledaný když najdeme; —
tak bídní, bludní jedeme
soudného do dne. —

J. V. Sládek.

Zasni.

Už zasni, ty červe v srdci mém,
hlodals tam leta, nocí i dnem,
což není ti pusto jak v rovu?

Prohlodals, rozhlodals každý můj sen,
zasni! než spučí zas jediný jen —
— pak začni znovu!

Týž.

Pochováno.

Pochována, zakopáno,
zavlečeno, zapomněno —
dítě už je oblečeno,
lůžko již je přichystáno,
jen se neboj je tam složit!

Ruce bílé, čelo chladné,
ústa němá, oči zašly;
byly krásné tak, než shasly —
a proč se ti ruce třásly?
— vždyť ses chěla toho dožit.

Pochována, zakopáno;
naše láska je to dítě,
jen mi nikdy neplač skrytě —
zavlečeno, zapomněno:
— zde to stojí krví psáno.

Týž.

Addagio.

Je soumrak jarní v celé vnadě,
je plný vůně, snů a tuch,
já vidím tebe sedět v sadě,
větřík ti duje v splítku stuh,
v čelo ti padá jabloňový stín
a v klin
ti zvadlý padá jabloňový květ.

Bez vlády ruka odpočívá
a do daleka tvůj se dívá hled
a jest, jak na večer když tůň se stmívá,
tak šerý, bolný — chladné jako led
se nad tebou to nebe rozepíná
a na tvém mrazném čele dohasíná
poslední štěstí sled.

Týž.

Sviť mi má hvězdičko.

Sviť mi, má hvězdičko,
sviť mi jen sviť,
kde koliv kráčím
po tmavé dráze,

v práci a pláči
jde se to snáze,
když ty mi svítíš,
svit mi jen sviť.

V světě má jediná
byla jsi ty,
v bouři a víru,
v života boji
kdos dal-li míru
té duši mojí,
v světě ta jediná
byla jsi ty.

Sviť jen, ať sebe výš'
nade mnou dlíš;
nad lidskou bídu
duše i těla
veď ty mne v klidu,
jaks to vždy chtěla,
až ve svou výš.

Týž.

Ty má domovino.

Ty, má domovino,
jedna mezi všemi,
zvou tě nejkrásnější
perlou ze sta zemí.

Ba že tys mi perla
velká, — pohozená,
jako jen kdy která
ze slávského moře — vylovená!

Ba že tys mi perla
sirá v světě dálném
a máš sestry jenom
v našem oku kalném.

Týž.

Skalní vrabec.

Jsem vrabec skalák, divný pták,
obývám skály holé,
v svět neletím, jen někdy zrak
můj rozhledne se v kole.
Kdy v svět mne druzi loudí,
již křížem v světě bloudí,
jich polituji
v své skalní sluji.

Mám zpěv svůj; kdys jsem družku měl,
však sklamala mne láska
a od té doby v srdci žel
a na mém čele vráska.
Má píseň je prý děsna
jak žalný výkřik ze sna —
a tak já zpívám,
kdy v svět se dívám.

Snad skála jen mi rozumí,
ta rodná šedá skála;
ač odpovědit neumí,
přec útěchu mi dala:
kdy v žilách krev se pění,
tu chladím na kameni
své horké líce —
a co chci více?...

Pavel Drahorád-Hradištský.

Chci žít!

Mně s stromu žití svěží zeleň klesla
a v oblohu činí suché větvice
tak úpěnlivě nebe prosíce,
by rosná vláha na ně již se snesla.

Však místo rosy — sníh jen padá na ně
a na mysl jak těsná tkanina

se šerá mha mi pevně upíná
a chorou bledosť utkává mi v skráně.

Ač k hrobu třtina života se chýlí,
zrak ještě v touze tudy prodlívá
a slza skví se v oku zářivá — —
ach vždyť jsem ještě nedorazil k cíli! · · ·

Týž.

V den srbské neodvislosti.

(22. srpna r. 1878.)

Ó šťastný národe! svůj velký světíš den,
do světa hřímáš, že jsi svoboden.
Ba jaké štěstí hrdou vztýčit šíji
a vidět, pod nohou jak okovy se svíjí,
a vidět, slunce svobody jak září,
tvou líbá volnou hruď i plamen pyšných tváří · · ·

Bratrský národe! Zříš slzu v našem oku,
kdy plesáš roveň bohu — neodvislý;
ó nediv se! ne závisť srdce ve hluboku
vyhnala slzu tu — brat bratu nezávidí.
Zrak náš dnes k temnu země svislý,
jak orel tvůj až nebes v prahy vidí.
Proč rozdíl ten? Však vím, že nedivíš se, brate,
když slzu dnes zříš v oku našem tkvící:
i v štěstí svém máš k Čechům srdce vzňaté
a víš, co vše chce naše slza říci! · · ·

Antonín Koukl.

V plesu.

O smějte se! Ten zvonivý hlas rtíků
je hudbou rozkošnou a věru sluší Vám
jak rámě krásných tanečníků;

já v sloupení se ukrývám,
ač oko mé, jež blesku v žár se halí,

by mohlo povědět, co jsme si přísahali — —
že smích by utichl Vám v mžiku . . .

Aj tryskly ze slasti Vám slzy zrozené
a smíchem planou dál Vám tváře růměnné,
a hle, i v oku mém již slza vyklene
svůj ovál perlový, bol známý srdce spíná —
což těžko povídat Vám, že to slza jiná,
že slza má je krví duše zranéné . . . .

Tyl.

Památce Karlově.

Zda hymnus vítězný nadšení na peruti
přeletnul sirou zem od našich horských štítů
až v dálku cizinnou a vod přímořských k lemu?
či vzdechy plačících ve mocném, chvějném hnutí
jak orlích křídel šum se nesly ku blankytu,
by slzné krůpěje posměchu v diadému
vznítily znovu v žár?

To písně modlitby ze hrudi naší vděčné
se opět rozlily v zem, dálku, lesy, skály:
„Ó žehnán, žehnán buď!“ hřmí kraj zvučnými hlasy,
„a věrných dítek Svých zástupy nekonečné
zři okem laskavým a jejich přijmi chvály.
Tvých Uměn bujný sad hle, plod dal zlatoklasý
na roli dědičné!“

„Ó žehnán, žehnán buď!“ Tys temna v bludné stíny
pochodně metnul blesk tak posvátný a slunný,
jak v čirou mhavou noc třpyt hvězd své stříbro bílé.
A naši rodnou vlast jak břehy Palestíny
jas nový ozářil, v němž slávy příští runy
se květem tajily a život v dávné síle
nám synům bezčetným.

Jan Hudec.

Lesní pohádka.

V blankytě večerním hvězd pluje záře;
krásný tak, dojemný zdá se ten svět,
radosti úsměv plá z dětské mu tváře,
nadšením, veselím oddýchá ret.

Ú dolím do kola v měsíčném svitu
sloní se keřů tlum, unylý vřes,
a stromy zmladlými v lesnatém skrytu
rusalek tají se zářivý ples.

Tajemné postavy v kolo se tlačí,
křepčících lehounký mihá se chvat,
a zase prchají mládí jako ptačí
metnouce do mechu bílý svůj šat.

A zvolna kloní se nad potok světlý,
hledí si do lící na jasný běl,
leknín jak chvějící na vodách zkvetlý
poprve kalich když v hlubině zřel.

Poznovu k sobě zas v šumu se blíží;
perlami posetý lesklý jich vlas
v prstýncích na prsa sněžná se hříží
a rosa droubounká ze stínu řas. —

„Přiskoč jen v objetí, dítě mé zlaté,
vmísíme do kola také svůj krok,
setřeme vzpomínky bolestí spjaté
se skrání bledých — nuž ručky jen v bok!

Nachyl se ve spěchu na hruď mou cele;
noční chór poletem než zmizí v dál,
slíbám Ti žalu stín ve chladném čele,
mrazný dech, který čas v mládí sen svál.

Ve chvíli krátké zas nad proudem žití
zasvitne radosť nám jak slunný jas,
a tuchy hvězdami znovu se vznítí
plny tak zápalu, půvabů, krás!“

Týž.

O ráji.

Z bájesloví slovanského.

V mysli každého téměř národa zachovává se blahá upomínka na jakýsi přešťastný věk, v kterém člověčenstvo bez namahání a útrap žilo, oplývajíc vším, čeho potřebí jest k životu klidnému a blaženému. Tento věk dávné minulosti, jenž se obyčejně zlatým zove, představujou si jednotliví národové dle své zvláštní národní individuality v rozličném světle a líčí jej takovými barvami, jaké se jejich povaze a přirozenosti nejživějšími býti zdají a obrazotvornosti jejich nejpůvabněji lahodí. Jest tedy bájení o stavu tomto blaženém odleskem toho blaha a štěstí, jehož si národ, za nejvyšší je považuje, dosíci žádá a jehož dosažení za svůj životný úkol si vytkl. Neboť většina národův zakoušejíc v tomto pozemském putování trpkých strastí a běd, těší se blahou nadějí, že opět jednou onen zlatý věk žíti bude a za své útrapy, jež na zemi strádal, v něm hojné náhrady dojde.

Jest tudíž důležito pro poznání ducha národův seznámiti se především s oněmi bájemi, v nichž se ona touha po nejvyšším blahu a štěstí zračí a názory o nejdokonalejším životě obrazně se vykládají. I hodláme krátkými jen rysy z národních písní, pověstí, přísloví a říkadel objasniti, jak si veliký národ Slovanův, jenž nad jiné národy čilou obrazivostí a jemnou vnímavostí vyniká, tento zlatý věk života představuje a jakými ozdobami vykrášlil svůj ráj, v němž na prvopočátku blaženě žil a do něhož opět přijíti z celého srdce si žádá.

Ráj jest slovo prastarého původu jsouc všem slovanským nářečím společné; také lit. rojus, rum. raio, sansk. râi, râ-ti = dáti týž původ jeví, (srv. též naše z-rá-ti, z-ra-lý a arab. arai = paradis).

Jest lehce pochopitelno, že ráj, jak o něm nyní náš lid slovanský pěje a bájí, není více výtvorem původním a ryze slovanským, nýbrž že přispůsobil se po většině názorům učení křesťanského; Slované přidali k učení tomu, co se jich národní individualitě nejlépe hodilo. Můžeme tudíž pozorovati v jednotlivých názorech o ráji smětení pojmů biblických s národními, jež původem svým jsou ryze slovanské.

Rájem jmenuje lid slovanský nejen místo, kde na prvopočátku Adam a Eva žili úplného štěstí požívajíce, nýbrž i sídlo božstva a lidí dokonalými ctnostmi zářících.

Ráj představujou si Slované jakož i jiní národové nahoře nad oblohou, což ovšem zcela přirozeno jest; neboť jasný lazur nebeský, jenž velebně se nad jejich hlavami klenul, úchvatnou silou a mocí působil na čilou obrazivosť unášeje ducha jejich ve své čarovné sféry. Mimo to Slovanu-rolníkovi udělovaly výšiny ty hojných darů, jichž k zdaru své práce nevyhnutelně potřeboval. Po nebeském klenutí procházelo se Slunce se svým bratrem Měsícem, tamtéž bydlel třetí jich bratr Vítr; všichni tři pak blahodárně působili na hojnou úrodu. Z oblaků padal též občerstvující dešť a tichá rosička a mocný Perun vrhal odtud své jasné střely.

Avšak připamatovati dlužno, že činili staří jakýsi rozdíl mezi rájem a nebem, který není ovšem povždy přísně vytknut. Nebe bylo jim hlavně oblakové nebe, obloha nebeská, která ve svém nitru skrývala světlé nebe čili vlastní ráj. Mezi nebem oblakovým a vlastním rájem myslili si jakýsi křišťálový neb skleněný blankyt, o kterémž se v pověstech našich velmi často mluví co o skleněném vrchu neb o skleněném zámku. Slovenská pověsť „Cesta k slunci“ vypravuje, že jeden král proto oslepl, že zpyšněl a že chtěl přirovnať se bohu a vystaviť si dal „sklenuo nebo posiato diamantovými i zlatými hvězdami“. Toto oblakové nebe připodobňuje se často moři a proto pocestní v pohádkách hledajíce cesty k skleněnému vrchu putujou často přes moře, přes něž je obr neb někdy i baba-čarodějnice převáží. Týž názor o skleněném moři před vlastním rájem se rozprostírajícím shledáváme ve zjevení sv. Jana v 4. k. 6. v., kdež stojí psáno: „Bylo také před tím trůnem (božím v nebi) moře sklenné, podobné křišťálu.“ Rovněž v 15. k. 2. v.: „A viděl jsem jako moře sklenné smíšené s ohněm, a ty, kteříž svítězili nad tou šelmou a obrazem jejím a nad charakterem jejím i nad počtem jména jejího, ani stojí nad tím mořem sklenným, mající harfy boží.“ Názoru tomu nasvědčuje i ten náhled, že daleko za horami a doly u samého moře jest kraj světa, kde se nebe se zemí styká.

Vskutku byli pro nebe a pro ráj světlý zvláštní klíčníci ustanoveni; klíčníkem nebe byl sv. Ilija hromobijce. V srbské a podobné bulharské písni vyprosil si sv. Ilija od boha klíče od nebes a zavřel nebesa, aby nemohlo svítiti slunce, padati dešť a tichá rosička a váti vítr; byliť všichni svatí na lidstvo pro hříchy velmi rozhněváni a chtěli je takto potrestati. Klíčem nebes jmenuje se blesk a proto, když se zablesklo, bájilo se, že se nebe otvírá. Blesky tyto obdržel sv. Ilija, jak srbská píseň nám sděluje.

tehda, když dennice hvězda ženila jasného měsíce s Ideskem oblakovým. Pán Bůh byl při této svatbě kumem, djevery sv. Petr a Pavel, starým svatem sv. Jan, vojevodou sv. Mikuláš a kočím sv. Ilija. Po svatbě rozdávala nevesta dary:

Dade Bogu nebesne visine,
Svetom Petru Petrovske vrućine,
A Jovanu leda i snijega,
A Nikoli na vodi slobodu,
A Iliji munie i strijele.

Za klíčníka ráje vlastního vyhlašuje se vůbec sv. Petr; bulharská píseň vypravuje, že když svatí dělili se o důstojenství v nebesích, připadly hromy sv. Ilijovi, vody a brody sv. Nikolovi, křtiny, kumstvo a pobratimstvo sv. Janovi a klíče od ráje sv. Petrovi,

On da otvore i on da zatvore.

Kdežto v ráji světlém bydlí jen světlobozi a vůbec duchové čistí, prohánějí se po nebi oblakovém vedle duchův dobrých i čarodějníci, draci, zmajové, strygy a strygoni a jiní zlí duchové. Tak se pěje v slovenské písni:

Děti, la, la, děti!
Černokňažnik letí,
V ohnivom oblaku
Sediaci na draku;
Beda tomu lesu,
Kde ho krídla nesú!
Beda tomu mestu,
Kadiel vezme cestu,
Všecky vody skalí,
Celuo pole spálí.

Že se čarodějníci, zvláště když někoho pronásledujou, proměňujou v obláčky, toho doklady hojné podávají slov. pohádky (Šurina pan král a Otolienka). Starý Ježibabel letí na černém oblaku s bůrkou a ladovcem, div že všecku pšenicu nevydrvil, a po druhé zase na sivém oblaku se sněhem a zimou.

Poněvadž jest nebe oblakové také hlavním sídlem Rojenic či Sudiček, v jichž čele stála Zlatá Bába, bohyně porodu, proto poutníci v slov. pohádce o „Světské kráse“ dívají se na nebe, aby dle znaků, jež se tam ukazujou, soudili, budeli děcko šťastlivé neb ne.

Světlý ráj naplněn jest všemi rozkošemi krásné přírody, jež lidu našemu lahodí. Přede vším jmenujou ráj překrásnou zahradou, kde slunko přejasně svítí, louka se stále zelená a studená rosička trávu omlazuje.

Vím já zahrádku, místečko krásné,
Svítí tam slunce převelmi jasné,
Pravda a víra, láska, pokora
Do té zahrádky dvéře odvírá.

V jiné moravské písni se pěje:

Šel pán Kristus do zahrady,
Tam na tu louku zelenou
A na rosičku studenou.
Naklonil svou svatou hlavu
Na studenou trávu.

Uprostřed louky rajské zrcadlí se čistá studánka, na louce vyrůstají vzácné stromy a opodál šumí pěkný zelený háječek. Česká píseň k P. Marii zní takto:

Byla tě studánka stavená,
Kalichem roubená,
Přebývala tam Panna Maria.

Moravská píseň zní opět:

Studynka rajská, moc andělská,
Andělé jdou zpívají,
Krista Pána hledají.
Našli tě ho našli na té rajské lóce,
On drží korunku v ruce.

V jiné moravské se pěje:

Aj vím já lúčku zelenú,
Na ní lindičku sázenú,
Pod ňú seděl David král,
Svaté pěsničky sobě hrál.
O radostná novina,
Přišla k němu Maria.

Aneb:

Vím hájíček pěkný zelený,
A v něm bydlejí svatí anděli.
Pod hájíčkem lúka zelená,
Kráčela po ní Panna Maria.

Podobně:

Stojí drevo oliva,
Na něm Pán Bůh odpočívá.

Ze srbské písně se dovídáme, že v středu ráje roste ušlechtilá oliva se zlatými ratolestmi a stříbrným listím, pod níž stojí pěkná postel vystlaná z libovonného kvítí zvláště z bosilka a růží.

Raslo drvo sred raja
Plemenita dafina,
Plemenito rodila,
Zlatne grane spustila,
Lišće joj je srebrno;

Pod njom sveta postelja,
Svakog cveća nastrta,
Ponajviše bosiljka,
I rumene ružice.

Podobně v bulharské písni:

Do devet vrati golemi,
Deseta vrata najmala,
Kraj mala vrata livada,
Vo livada-ta zelen bor,
Pod bor-ot studen kladenec,
Kraj kladenec-ot tarpeza,
Na tarpeza-ta 'si světci,
Na čelo světi Nikola,
Do nego světi Ilia,
Megju nich sestra Maria.

Rovněž zove se ráj štěpnicí, kde vzácné ovoce roste a libovonné květiny vykvítají. Když sv. Dorota vedena byla k smrti, odpověděla sv. Eliáši, jenž se jí otázal, kam se ubírá:

Do Kristové štěpnice
Budu trhat ovoce.
Budu trhat lilije
U panenky Marie.

I žádal jí sv. Eliáš, aby mu též poslala rajské ovoce, až natrhá.

Svatá hlava je sfata,
Duše do nebe vzata.
Stojí mezi anděly,
Jako hvězda na nebi.
Přišlo s nebe dítatko,
Překrásné pacholátko.
Mělo košík na ruce,
A v něm krásné ovoce.
Eliáši důvěrče,
Tu ti nesu ovoce
S nebeského jablunce.
Co ti sestra slíbila,
Dyž se na smrt strojila.

Zvláště modrým kvítím prokvétají zelené hory nebeské.

Když se hory zelenají,
S modrým kvítím prokvětají,
Matka Boží po nich chodí,
Hledající svého syna.

Že jest v ráji dosti zlata a stříbra, o tom poučuje nás počítání při volbě králky ve hře na krále v Plzeňsku:

Jeden, dva, traje,
Půjdem do ráje,
Co tam budem dělati?

Stříbro zlato lámati,
Komu je budete dávati?
Císařovej dcerce
Na ty zlaté věnce.

Velmi často připomíná se v nár. pohádkách skleněný vrch neb zámek, symbol to rajského hradu (castellum), který se se vzdálí leskne jako slunce, jest hladký jako led a čistý jako oko. Také germanské pohádky znají tento skleněný vrch, ale vypravujou o něm méně často a s menší jasností. Na samém vrchu rozechvívají se pak „konáry utěšeného stromu, čo mu na celom svetě páru niet.“ Obyčejnému smrtelníku nelze tam přijíti, neboť jest vrch tento velmi kluzký, tak že by kočka, kdyby i měla, jak dí mor. pohádka, devadesatery, devatery pazoury, si je odřela a přece by naň nevylezla. Lidé se tam dostávají jen pomocí dobrých duchův a čarodějů, často je tam též vítr na svých křídlech zanáší. V mor. pohádce dal Větropán člověku, který se tam ubíral, šúlky (malé okrouhlé kaménky), ty přilepoval na sklo a po nich jako po schodech vystoupil nahoru. Podobně dostává v slovenské pohádce králevič od Ježibabiných synů halúšky (trhance z nudlového těsta) a pomocí těch dostal se podobně na skleněný vrch.

O krásách ráje nabudeme též představy z líčení nového světa v slovenské pohádce o „ztraceném chlapci.“ „Po jizbě zavál teplý větříček a u prostřed jizby se hluboká propast otevřela, do které chlapec s děvčetem se spouštěli. Nový svět se jim před očima otevřel. Na pravé straně tekla zlatá řeka, na levé se zlaté vrchy ligotaly a na prostředku byla krásná zelená louka tisícero květinami okrášlená. Potom přišli k zlatému lesu; jak se k němu blížili, vylítlo z něho nevídané množství rozličného ptactva, krásně začalo zpívati a mládenečka obletovati. Z toho zlatého lesa přišli do stříbrného a mezi stříbrné vrchy. Sotva že se tam přibližovali, vyběhlo z něho množství rozličných zvířat, jež k mládenečkovi se hrnula obskakujíce ho radostně. A on každé pohladil a polaskal a s nimi rozmlouval. Načež vyšli zase na tento svět.“

V písni polské připodobnuje se rajský hrad kostelu, v kterémž se nalézají tři hroby sv. Jana, Pána Ježíše a P. Marie.

Czy widzisz święta Heleno Dniester głęboki,
A na tym Dniestrze kamień szeroki,
A na tym kamieniu góra wysoka,
A na téj górze drzewo zielone,
A z tego drzewa krzyże robione,
A i z tych krzyżów kościeł stawiano:

A w tym kościele trzy groby leżą,
A w jednym grobie święty Jan leży,
A w drugim grobie Pan Jezus leży,
A w trzecim grobie Matka Najświętsza.

Podobně zní i píseň mor., jen že se místo kostela jmenuje pouze domeček na kopečku. Též píseň rusínsko-karpatská připodobňuje hrad rajský kostelu.

A u pana Iwana, ta na jeho dwori,
Stojało drewo tonke wysoke,
Tonke, wysoke, listom szyroke.
Iz toho drewa cerkowka rublena:
Na perszim prestoli: swiateje Rozdwo,
Na druhim prestoli: swiaty Wasyłyj,
Na tretim prestoli: Iwan Krestytel.

Rovněž pěje i koleda rusínsko-karpatská o kostelíku novém, nestavenám, v kterém jsou tři okénečka. V prvním okénku je jasné slunce, v druhém okénku jasný měsíc, v třetím okénku jasné červánky. Není to tam jasné slunce, je to bůh, není to tam jasný měsíc, je to boží syn, nejsou to tam červánky, jsou to boží dětičky.

Na rajský strom, o němž z čes. písně víme, že modrým kvítkem prokvétá, pamatuje nás velice rajský čili májový stromeček, který se v Čechách na první den svatební ku závěrce svatčinného kvasu na stůl přinese. Na velikém okrouhlíku lipovém jest bábovka kulatá, v ní zabodnutý stromek trnitý s bodáky, pod stromem pak sedí ženská osoba dřímající a vedle ní stojí kolébka s nemluvňátkem. Na stromě zavěšeny slepičky, ptáci, jablíčka, slivky, hrušky, třešně, mandle, fíky, rozinky, koláčky, perník, marcipán a jiné ještě plodiny, jež máti země podává. Rovněž nabodány jsou na stromku rozžaté svíčičky z vosku bílé a červené. Když se zazpívala píseň: „Šelť jest Pán Bůh šel do ráje atd.“ zatřese nevěsta stromem a svatebníci sbírají věci padající a uschovávají.

Přespanilý ráj byl původně sídlem všech světlobohův; dosud připomíná se často Slunce a Měsíc, kteří tam bydlí. V Haliči při pečení svatebního koláče, korovaj zvaného, se zpívá:

Swity misiaciu z raju
Naszomu korowaju!
Aby był korowaj krasnyj,
A jak sonieńko jasnyj.

Též sídlo Perunovo jmenuje se za oblaky. Když ciganka očistila dítě nemajíc plenek korkami chleba.

Buoh Parom za oblakami
Uvidí to nahněvaný.
Tresk! zahrmí jej do čela,
Ihned i s děckem zkameněla,
Že božieho daru chleba
Tak užila jak netreba.

Na místo světlobohův nastoupil ve věku křesťanském v ráji Bůh křesťanský s anděly a svatými. Život, jaký tam vedou, jest velmi šťastný a blažený, všech slastí, po nichž duše Slovanův touží, lze tam požívati. Pán Bůh sedí na zlaté stolici, v ruce drží zlatý bičéček a pomrskuje zlaté holóbky, až z nich peří létá. Jindy zase čítá hvězdy a pokládá je na kraj světa. David král hraje na harfu svaté pěsničky, až se zelený háj rozléhá, rovněž i jiní nebešťané naplňují zbožnými melodiemi rajské lučiny a andělé zpívají překrásné písně.

V tom věčném ráji, kde starci hrají,
Andělé pekné písně zpívají.

Co Slovanům nejmilejšího, hudba a zpěv, tím naplněn v hojné míře ráj, ano i tanec tam neschází, jak ukazuje česká píseň:

Všichni svatí tancovali
Mezi nima Pánbu,
Svatý Petr vyskakoval,
Až se chytal trámu.

Též sladkému spánku lze se tam oddati a líbezné sny snášejí se na víčka dřímajících.

Usnula, usnula
Ja Maria v ráji,
V ráji na kraji.
Uzdál se jí sníček
Z jejího srdečka,
Vyrůstá jí na něm
Krásná jablonečka.

Duše lidí zemřelých, které tam přicházejí, jsou ochotně od svých známých uvítány. Ihned posadí je na zlatou stolici, přinesou jim studenou vodičku, ohnivé víno a nápoj srdce posilňující, aby se zotavily a líbezně s nimi rozmlouvaly.

Srbové pějou nad hrobem mrtvého takto:

I tebe će posaditi
U zlatnom svome stolu,
Pak će tebe prinijeti
Jeden imbrik ladne vode,
A u drugi rujna vina,
U trećemu kordijala,
Da im ljepše progovoriš,
Na pitanja odgovoriš?

Když andělé nesouce na svých křídlech chudého Lazara dostali se k bráně rajské, zvolali:

Otvírejte nám vrata,
Nesem milého bratra.
Posaďte ho na lůně
Pánu Bohu na klíně,
Přineste mu stolici
A vínečka sklenici.
Nech se Lazar napije,
A nechať si odpočine.

K dušičce, když po dlouhém bloudění přece do ráje vzata jest, volají jiné:

Pojď dušičko, večeřati,
Budeš s námi přebývati.

Smrť přišedši pro hospodáře, zve ho na hody k nebeskému otci:

Pospěš a nemeškej,
Milý hospodáři,
Ty půjdeš na hody
K nebeskému otci.

Ráj uvazl vůbec v mysli křesťanské co blahobyt i ve živobytí, tak dí Rus:

Chozjain v domu, kak Adam v raju.

Blažený život v nebi spůsobem humoristickým líčí nám jedna hrvatská píseň:

Hodi, Janko, va nebo,
Onde ćeš imat dobro;
Onde ćeš dobro imat,
Ničtar nećeš ti delat;
Konac bude oranju,
I težkomu kopanju;
Onde moraš taške jîst,
Nî ti trîba kruha grizt;
Nî ti trîba kopati,
Nego gvozdje zobati,
Moreš dobro vino pit,
A nî ga trîba platit;
Vino curi kot voda
Iz Tokajskoga suda.
Kad tamo k jîlu gredu,
Vsi ti hip hop zakričû.
Prepelic je pečenih,
Jarebic prelîpih;
Kad im nosû zečinu,
Onda malo počinu;
Kad im nosû govedje,
Toga nikdor neće;
Kad im nosû gusinju,
Onde opet vsi kihnu;
Kad im nosû mastnicu,
Vsaki bi rad sgrabil ju;
Kad jim nosû paštetu,
Oni nad njum trepeću;
Kad im nosû kopuna,
Tako 'e vrîća jur puna.
Ovaj 'z stakla napija,
Drugi čabar ponuja.
Jedan angel farulja,
A onaj drugi duda,
A dva mi pak rajlaju,
Oni drugi tancaju,
Sîmo tamo skačeju,
I tako se raduju;
Bog jim daje krejcare,
Ča davadu va rajle.

Také sňatky se v ráji odbývají, jak nás o tom poučuje mor. píseň:

A před rájem, rájem,
Před rajskými vraty,
Stojí tě tam stojí
Cypris malé dřevo,
A pod tým Cyprisem
Pěkný stůl okrúhlý,
Za tým stolem sedí
Pán Bůh s apoštoly.
A za něma stojí
Překrásný mládenec.
A za tým mládencem
Překrásná panenka,
Zeptaj se jich Petře,
Co oni žádají?
A oni žádají
Svatého sobáše.
Sobaš ty jich Petře,
A já jich požehnám.

Celkem však nelze nijak vylíčiti slasti a blaha, jakého obyvatelé rajští požívají. Vhodně praví slovenská pohádka „Nebeská sláva," že „žiaden človek, čoby hneď storáz múdrejší bol od nás, nevie povedať, ako se mu tam vodilo v tom nebi." Jedinký totiž syn bohatého pána nechtěl se dříve oženiti, dokud neuvidí nebeské slávy. Nemoha se toho nijak dočkati, odhodlal se přece se oženiť; před samou svatbou na holých kolenách kleče modlil se Bohu, aby vyplnil jeho přání. Skutečně poslal pron Bůh starého človíčka a ten uvedl ho do nebe. Bylo mu tak dobře, že zapomněl na otce i na nevěstu i na všecko, co mu tu dobu milé bylo. Po každé hodině přišel Boží posel chtěje ho opět na zemi dovésti, ale on stále prosil, aby ještě aspoň hodinku v nebi zůstati směl. Po třech hodinách konečně odebrali se opět na tento svět. Jak se tu onen mladík podivil, když vše změněno našel a nikoho poznati nemohl. Později teprvé poznal, že byl v nebi tři sta rokův a on se domníval, že tam byl jen tři hodiny. Tak rychle ubíhá čas v rajských radostech. Rovněž v mor. pohádce byla dívka, která se nechtěla vdávati, nýbrž až do hrobu panenský věnec zachovati, v nebi 1050 let, a jí zdál se ten čas býti jen jeden rok.

Tohoto rajského života byl prvotně účasten také člověk a sice Adam a Eva; avšak pro neposlušnosť byli oba z ráje vyhnáni, strastem a trudům vezdejšího života vydáni. V duchu biblickém pěje o tomto vyhnání prvních rodičů z ráje česká píseň:

Šel jest Pán Bůh šel do ráje,
Adam za ním poklekaje.
Když do prostřed přicházeli,
Pravil Pán Bůh k Adamovi:
„Se všech stromů požívejte,
S jednoho jen zanechejte,
Který stojí prostřed ráje,
Modrým kvítkem prokvétaje.“
Učinil se ďábel hadem,
Podved Evu i s Adamem.
Utrh jabko velmi prudce,
A podal je Evě v ruce.
Eva vzala, okusila,
S Adamem se rozdělila.
„Jez Adame, jez to jabko,
Což jest po něm velmi sladko!“
Tak se oba prohřešili,
Z ráje ven vyhnáni byli.
Dal jim Pán Bůh po motyce,
A poslal je na vinice,
„Jděte, jděte a kopejte,
Chleba sobě dobývejte!“
Než se chleba dokopali,
Dost se oba naplakali.

V mnohém ohledu zajímavé jest polské přísloví, v němž se vykládá, jakým jazykem v ráji had, Eva, Bůh a anděl hovořili: Diabeł Ewę po włosku zwodził, Ewa Adama po czesku, bóg jich po niemiecku gromił, aniol zaś po węgiersku z raju wygnał.

Po vyhnání Adama a Evy z ráje musí každý člověk, který tam přebývati chce, přede vším na tomto světě zemříti; ani P. Maria nebyla této podmínky zbavena. Když se Kristus Pán do nebe ubíral, prosila ho Maria:

„Synáčku můj milý a já prosím tebe,
Rač mne s sebou vzíti do věčného nebe.“
„Nemůže, matičko, nemůže to býti,
Ty musíš, matičko, na zemi umříti.“

Druhou hlavní podmínkou, aby kdos do ráje přijíti mohl, jest ctnostný a bohumilý život na zemi. Sv. Petr nesmí nikomu rajských vrat otevříti, kdo nebyl bohabojně živ, byť to byla i vlastní jeho matka. V srbské písni chce matka sv. Petra s ním zároveň do ráje vejíti, ale sv. Petr jí praví:

Vrať se natrag, moja majko,
Koliko si živovala,
Nisi raja dostajala:
Ni si gladnog naranila,
Ni žednoga napojila,
Nit 'si gola preodela,

Niti bosa preobula,
Nit se slepom udelila,
Ni za dušu namenila,
Veće jedno povesamce
Na troje si rascepila,
I triput si uzdanula:
„Jao moje povesamce!
Kuda ćeš se povlačiti,
Po brdina po dolina,
Po slepačkim torbetina!“

V podobných bulh. písních jiné hříchy se uvádějí, pro něž nemůže matka sv. Petra do nebes vejíti. V jedné vyčítá jí sv. Petr, že jsouc krčmařkou nedávala žebrákům čistého vína, nýbrž na polo s vodou smíšeného; že jsouc dětem „česnou kumou“ neobdarovala jich, jak to zvykem bylo, košilkou a oděvem. Ač měla mnoho lnu a konopí přece jen jednomu žebráku dala půl konopného pásma; dávajíc žebráku mouku přimíchala prý z polovice popel a k soli opět z polí písek přidávala. V jiné písni jí opět vyčítá, že nedávala almužny jen kůrku chleba tři neděle starou. Jsou to vesměs hříchy, jež se na almužnu vztahujou; za to v písni srb., již slepci žebrajíce pějou, se hlásá, že almužna rajská vrata otvírá a duši místo uchystává na přestolu Kristově.

V jiné srb. písni uvádějí se tyto největší hříchy, pro něž nemohou duše do ráje vstoupiti.

Jedna duša griješna
Kuma na sud vodila,
Druga duša griješna
S komšijom se mrazila;
Treća duša najgrešnija
Devojku je skudila.

Rovněž v mor. písni vyčítá sv. Petr duši hříchy, pro něž jí brány rajské otevříti nemůže.

Nedávala ona chudým,
Do kostela nechodila,
Na oběry nedávala,
Pátečky se nepostila,
A svátečky nesvětila.

V písni polské se zase hněv na matku za těžký hřích pokládá.

Niebiosa się otworzyły,
Wszystkie dusze rade były,
Tylko jedna smutna była.
Co się na matkę zamierzyła.
Gorze jeszcze zamierzenie,
Niżli kijem uderzenie.

Jak uderzysz, to się zgoi,
Zamierzysz się, serce boli.

Hrvatská píseň opět vypravuje, jako pokání musí hříšník činiti, chceli přece do světlého ráje se dostati. P. Maria uložila hříšníku toto pokání:

Sedam deset sedam let
V ravnom polji klečati,
Tiho boga moliti.

Když sedmdesát sedm let uplynulo, přišla k němu opět P. Maria kázajíc mu povstati; ale on odvětil:

Kako bi se ja ustal,
Moje su se kolena
V črnoj zemlji zarasla:
A čez moje grlo je
Zelen borak pronikal;
A črna moja dva oka
Gustom mahom slípjena.
Kako je na noge stal,
Telo mu se rozpada,
Angel dušu popada
Ter ju nosi v svítli raj,
Kadî 'e otec s materom.

Podobného obsahu jest mor. pohádka o kajícím se zbojníkovi, kterouž Erben v překrásnou báseň „Záhořovo lože" ustrojil.

Jako německá Valhöll a řecké Elysium není společným sídlem všech zemřelých, nýbrž jen vyvolených hrdinů, rovněž nejsou u Slovanův všecky duše v ráji, nýbrž jen duše stejnověrcův; jinověrci nepřicházejí do nebe, nýbrž jen na zelenou louku, která se před rájem rozprostírá, a o níž často lid náš mluví. Charakteristické jest, že do Valhöllv dostati se mohou jen stateční bojovníci, u Řekův to závisí na přízni bohův, neboť sám Achilles putuje jen po asfodelové louce, kdežto u Slovanův činí se toliko rozdíl mezi stejnověrci a jinověrci. Bližší známosti o zelené louce dovídáme se ze srb. povídky. Před smrtí zjevil prorok Muhamed, že každého, kdo se mu bude klaněti, v ráj uvede, zemře-li týž den jako on. Když Muhamed zemřel, ubili se mnozí Muhamedovci v Mekce, aby jen s prorokem do ráje vstoupiti mohli. S četným davem svých ctitelův přišel tedy Muhamed k rajským vratům, které byly zavřeny; Muhamed udeří svým buzdovanem do vrat a vzkříkne: křesťane Petře! otevři vrata, abych se v ráji posaditi mohl na koberec, který pro mne hurisky utkaly. Ozve se mu sv. Petr a otáže se: kdo to, medle, zrána tak bouchá do rajských vrat?

Já jsem to, odpoví mu Muhamed, což mne neznáš. Petr mu odvětí: počkej jen trochu, až probudím Krista a optám se ho, neboť bez jeho dovolení nesmím nikoho sem pustiti, kdo není našinec. Muhamed sedne si před vrata, vytahne čibuk a otáže se: máli kdo z vás křesadlo, abych si zapálil? Rozkřešou mu všichni derviši i ulemové. Kouře a dlouho čekaje řekne jim: slyšeli jste křesťana Petra, že mi nechce otevříti vrat? Běda, oklameli mne, pomstím se mu ještě dnes v ráji. V tom sv. Petr otevře vrata a řekne Muhamedovi: pozdravuje tě Kristus a přikázal mi, abych nepustil nikoho jiného z tvé družiny v ráj, leč tebe sama. Rozhněvá se Muhamed a řekne: nuže! vyřiď mu, že jsem určitě slíbil všecky je do ráje přivésti; jak se mohu státi lhářem vůči svým věrným ctitelům? Přisám Bůh, pane, odpoví mu Petr, já nevím jiné pomoci; leč chcešli, pojď, sice zavru. Nuže, když nepůjde má družina, nepůjdu ani já. Otáží se ho ulemové: co počneme, pane? Odvětí jim: když jsme nemohli do ráje, pojďme do rajské zahrady pod strom, který sám Alah pro mne zasadil; když pravý Turčín zemře a pod něj se posadí, čehokoliv si přáti bude, toho se mu dostane. Konečně jest to též výhodné, poněvadž tu budeme Turci sami bez jiného národa, kdežto v ráji jest veliké množství rozličných národův.“

Ruští starověrci mají opět přísloví, že bezbradí do ráje se nepouštějí; rovněž tíž bájí, že kdo pije čaj, spasení doufati nesmí.

Zvláštním spůsobem přicházejí sirotci a milenci do ráje. Pro sirotky posýlá Bůh v slov. pohádce svého posla: „Tu posel Boží ako tuhý sen přílahnul jednu noc na prsá tým dvanástim dietkam a v tom tuhom sne, sam Pán Boh zna ako, pobral z nich dušičky a priniesol jich do neba pred Pána Boha. Pán Boh ale pokladol jich hneď ako malé hviezdičky na nebeskú oblohu, kde ešte aj teraz medzi druhými sirôtkami za jasnej noci sa ligocú.“

Z hrobův milenců vyrůstá pak lepá růže a bílá lilije, jež spojivše se v jedno rostou v světlý ráj. O tom pěje nám slovinská píseň:

Z njegovega groba je zrasla
Lépa roža gartroža;
Z njenega pa je groba zrasla
Lépa béla lilija.
Onjedvi sta dorasli
Zraven béle cirkvice,
Tam pa sta se ošépili,
No rasli v svetó nebó.

Podobného obsahu jest jiná slovinská píseň:

Iz njeniga groba zraste
Limbar čist in lepo bel,
Iz njegovga groba pa se
Gerem gortrož je saćél.
Rasti sta nakviško jela,
Do verh zérkve in naprej;
Verhu zérkve se objéla,
Zrasla gori v svétli raj.

Cesta do ráje jest velmi obtížná a trnitá; proťež pěje mor. píseň:

Bo do nebe je cesta užućka
Jak do šatnej jaheličky uška.

Obdobně v nár. pohádkách jest vchod ke skleněnému zámku velmi nebezpečný a smrtelník může se k němu jen přispěním dobrých duchů dostati.

V srbských a bulharských pověstech a zpěvech připomíná se často zvláštní most, kterým vede cesta do ráje: tento most jest prý 70 jinde 75 noclehů dlouhý a ostrý jako břitva. Někdy zhotoven bývá pouze ze lněného pásma a vznáší se nad propastí pekelnou; která duše není dosti zbožností naplněna, padá uprostřed do pekel. Turci též praví, že kdo tento most přejde, jest pravý Turčín a toho odnesou hurisky na rukou přímo do ráje. Také v Baktrii Zarathustra učii, že duše oddělivše se od těla třetí noci po smrti, jakmile lesklé slunce vyjde a vítězný Mithra se v čistém lesku na horách usadí, kráčejí přes Hara Berezaiti po mostě Tsinavat (odplaty), který k Garon-manu, příbytku světlých bohů, vede. Duše, jež strachuplné a nemocné na most přicházejí, nenalézají zde žádného přítele a zlý duch Vizaresho odvádí je svázané v sídlo nešlechetných, v příbytek Drushův. O mostě, jenž vede do jiného světa vypravuje i slov. pohádka; most ten hlídá silný šarkan pod ním ukrytý a každého kdo neprozřetelně naň vejde, dolů do propasti smete.

V srbské písni opět převážejí sv. Nikola a sv. Ilija na korábu duše z tohoto světa na onen. Sv. Ilija přichází do středu ráje, kdež pod olivou na skvostném přestolu odpočívá sv. otec Nikola, a praví mu:

„Ta ustani, Nikola!
Da idemo u goru,
Da pravimo korabe,
Da vozimo dušice
S ovog sveta na onaj“.

Al' besedi Nikola:
„Okan'der se, Ilija,
Mironosna vojvodo!
Danas jeste nedelja,
U njoj s' ništa nedelja,
Već se krsti i venča,
Ruse kose češljaju,
Belo lice umiva".
Opet veli Ilija
Mironosni vojvoda:
„Ustaj gore, Nikola!
Da idemo u goru,
Da pravimo korabe!"
Al' ustade Nikola,
Otšetaše u goru,
Napraviše korabe,
Prevezaše dušice
S ovog sveta na onaj.

Zajímavo jest též všimnouti si spůsobu, jakým duše zemřelých v ráj přicházejí. Přede vším oddělí smrť duši od těla a to často velmi násilně. Morav. píseň v tom ohledu praví:

Hned ho za krk vzala,
A o zem ním prala,
A takhle ho stiskla,
Až krev z něho vyšla.

Aneb:

Tak ona nim pere, až se zema chvěje,
Tak ona ho hněce, až z něho krev teče,
Tak ona ho sciska, až z něho krev prska.

Duši bohabojnou unášejí pak andělé na svých křídlech v husté mlze přímo k Bohu. Tak se pěje v slovinské písně:

Strila se gosta meglica
Polna angeljcov nebeških,
Še so vzéli Majdalenko,
Nêsli jo v svéte nebesa,
Gorî očetu nebeskim.

Pro P. Marii slibuje Kristus Pán poslati anděla krásného, dvanácte apoštolů a třináctý přijde on sám pro ni.

Já pro tebe pošlu anděla krásného,
Anděla krásného, dvanást apoštolů,
A já sám třinástý přijdu pro tě spolu.

Duše, která nebyla dosti čista, aby do ráje vstoupiti mohla, vyletěvši z těla usadila se na zelenou louku a začala naříkati, až se louka rozléhala.

I přiletěl k ní anděl Boží a řekl:

Chyť se duše mého křídla,
Poletíme v rajská sídla.

Když se dostali k rajským vratům, nechtěl sv. Petr hříšné duši otevříti a tato musila se vrátiti nazpět. Znovu počala kvíleti; i přišla k ní matka Boží a vedla ji opět k rajské bráně. Ale sv. Petr nechtěl otevříti vyčítaje duši hříchy, jichž se dopustila a pro něž do ráje vejíti nemůže. Konečně na přímluvu P. Marie u Syna Božího jest duše do ráje vpuštěna. Někdy také sv. Anna duše naříkající na svém plášti do ráje uvádí.

Vlastním však průvodcem duší (psychopompos) jmenuje se sv. Michal. Ve středověku slul sv. Michal praepositus paradisi et princeps animarum. Česká legenda o sv. Václavu jmenuje ho ústy sv. Václava „rajského probošta.“ Dle jiné legendy pil sv. Václav dva dni před sv. Michalem na hostině u bratra Boleslava v čest archanděla Michala a jmenoval ho „animarum paratum susceptorem elementemque in Paradisi voluptates subvectorem.“ Též hrvatská píseň v témž smyslu praví:

Sveti Mihalj duše važe,
Odnesla je vaga rovno
Tu dušicu tja va pakal.
Na to veli mati božja:
„Važi, važi, sveti Mihalj
Tu dušicu po drugi put“.
Odnesla je vaga ravno
Tu dušicu tja va nebo.
Maria se nasmijala,
Vrag se plakal i narikal.

Rovněž týž úřad měl sv. Michal v germ. pověstech:

Der engelfürste Michahêl
Empfienc des marcgrâven sêl.

Upomínka na ráj a na rajský život hluboce se vštěpila v mysl Slovanův, pročež se bájilo, že se několikráte za rok ráj otvírá a i obyčejným smrtelníkům za živa přístupným se stává. Jednou z těchto šťastných dob v roce jest najmě štědrý večer, o němž se právě památka ráje až dosud tajemným způsobem slaví. Všecky báje, obřady a pověry, jež se v tento den četně dějou, ukazujou více méně názorně na prvotní blažený život v ráji. Zlaté prasátko, jež ten na štědrý večer spatří, kdo se postil, jest zajisté význačným symbolem záře rajské, po níž se při otvírání ráje pátrá. Stelouli Rusíni a vůbec Haličané po světnici, v které večeřeti míní, seno a pokrývají-li jím i stůl posvátný, zajisté tím naznačiti chtějí louku rajskou; podobně činí i Srbové a Hrváti, kteří kolem stolu slámu stelou říkajíce při tom: Kudy sláma, tudy sláva. Na háj rajský rozpomínají se zavěšujíce ve světnici

zelené ratolesti. Stromek vánoční, jenž se u nás uprostřed stolu staví a skvěle se osvětluje, pamatuje nás opět na překrásný strom rajský. Blažený život v ráji znázorňuje se štědrostí, kterou v tento den zvláště hospodář a hospodyně vyniká. Štědrost tato se jeví nejen k příbuzným, nýbrž i k čeledi, k cizincům příchozím, ano i k zvířatům domácím, k stromům, k vodě a k zemi. V tento večer třeba prý jísti „do rozpuku“ a proto nazývá čeleď na slovensku tento večer též „obžerným večerom.“ Věstby a čáry, jichž bezčetné množství doposud se u jednotlivých kmenů slovanských zachovává, ukazujou zřejmě na úzké obcování bohův s lidmi v tento svatý čas; bohové navštěvovali zajisté jako u Homera na tento svátek lidi a účastnili se jejich slavnostních hodů. Právě v pravou půlnoc otvírá se dle báje slovenské nebe. Kdo se v tu dobu jde umyt k studánce, tomu se napřed jen malé světélko jako hvězdička ukáže na nebi, to se vždy dále a níže rozšiřuje, až se otevře celá velkolepá brána. Padnešli nyní na kolena a budešli něčeho si přáti, cokoliv ti libo, dojdeš toho, byť bys sebe více pokladů žádal. Ale bohužel, takový člověk obyčejně pak ztratí rozum! O půlnoci obživne též celá příroda a všechna hovádka začnou mluviti, není ale rádno jich poslouchati, poněvadž nikdo, kdo přírodu obživlou a zvířata mluvící byl slyšel, neštěstí ještě neušel, jak nám to vypravuje hrvátská pohádka.

Se svátky vánočními byl úzce spojen i nový rok a pročež i v tento den se ráj otvíral: neboť se říká, že kdo se na nový rok postaví na křížovatku, uvidí nebe otevřené a v něm vše, co se tam bude díti v novém roce.

Po druhé v roce otvíral se ráj v pašijový týden a sice byl to hlavně ráj podzemský. Zde připamatovati sluší, že pohané přenášeli též ráj s výšin nebeských i do podzemí a vod, vůbec do sídel bohův. Žilit pod zemí mocní obři — velikáni, kteří tam měli skleněné zámky, zahrady, louky, lesy a pole, jako to bylo v ráji nebeském: podobné ráje pod vodou měli vodníci a jiná vodní božstva. Ano i na zemi stavěli si Slované v báječné mysli hrady (gorody), podobné zámku Bozímu, zovouce je rajhrady, rajskými dvory, jak toho mnohá ještě jména místní ve vlastech slovanských dokládají. V pašijový týden tedy ukazoval podzemní ráj své poklady lidem. Proto se praví, že když se v kostele čtou pašije, otvírají se pokladové a hoří peníze t. j. ukazuje se světlo rajské. Čtení pašijí nastoupilo v báji v době křesťanské na místo jakýchsi obřadů pohanských nám více neznámých. U nás Čechů

hlídá poklady ty obyčejně černý chrommý pes s ohnivýma očima, u Běloruů je Dzjedko-Perun sám, jenž lidem je ukazuje. Že se v tento čas i nebeský ráj otvírá, toho důkazem jest nám píseň, jež se péje v Mazovsku a Sandoměřsku:

W wielki piątek, w wielki czwartek,
Cierpał Pan Jezus wielki smutek;
Za nas smutek, za nas rany,
Za nas ci to chrześcijany.
Trzech żydowie.
Jak katowie,
Pana Jezusa umęczyli.
Jak się dowiedzieli anieli,
Po swiętą krew przybieżeli.
I na niebiosa znać dali.
Niebiosa się otworzyły,
Wszystkie dusze rade były.

Jako se otvíral ráj na štědrý večer, v čas to slunobratu, jenž v sobě spojoval minulost i budoucnost, podobně se to stávalo na sv. Jana Kř., v čas to slunobratu letního. Myšli pohanské zdála se jako o vánocích tak i o sv. Janě celá příroda neobyčejně rozjařena; kdežto však slavilo se o vánocích narození mladého Slunce, slavila se o sv. Janě veliká panychída, totiž slavnost umrtí Slunce. Jako o vánocích tak i o sv. Janě zachovává se dosud hojné množství pověr a věšteb, jež jsou zbytky veliké národní slavnosti.

Konečně byl ráj otevřen za rovnodenní podzimního na sv. Michala, o něž jsme se již výše zmínili, že byl průvodcem duší zemřelých z tohoto světa na onen. Staří konali celý týden po sv. Michalu obřady za zemřelé a neděle po sv. Michalu slula i církevně „pro defunctis.“

Z jednoduchého obrázku tohoto, jejž jsme krátkými jen rysy o ráji slovanském naznačili, poznati můžeme zbožnou mysl Slovanův, s jakou si představy náboženské tvořili. Rovněž vysvítá z toho, jak čisty a nevinny byly jejich tužby po nejvyšším blahu a jak snadno ukojitelny. Zase důkaz holubičí povahy slovanské!

Jan Máchal.

Slovenský oddiel.

Predmluva.

Úlohou „Slovanského Almanahu“ je, čitateľom svojím niektoré pokusy zo všetkých slovanských reči nastolit. Že sa to ale vzdor naším vrelým túžbam nestalo, nutno tej okoľnosti pripísať, že jak zástupcovia a tak i práce z mnohej strany vystaly. Predsi sa kojíme nádejou, že s vydaním tejto knihy dopomôžeme ku poznaniu slovanských reči z jednej a, k upevnenin jednoty a vzájomnosti duševnej z druhej strany.

Jestli tento pokus a jeho smer vzbudí úľubu a súhlas, bude nám možno vo vydávaní „Almanahu Slovanského“ v budúcnosti pokračovať a tak zameškané nahradit.

S nádejou, že kniha táto vo všetkých končinách, kde zvuky slovanských reči zavznievajú, mile prijatá bude, odporúčame ju i ďalšej priazni ct. čitateľstva!

Vatra.

Zabrali sa junáci z štyr strán diaľných sveta.
Každý z nich jednej a tej istej matky dieťa,
krv z krve a kosť z kosti jednej všetcia oni;
bo tak nebeské samy rozhodly zákony.
A riadenia vyššieho ktože zmarí rady?
nie ver zbura odbojná, ni judáš ke zrady!
Aby krvi svojej krv v ústrety netekla,
a kosť ku kosti vlastnej nesúrila kroky:
zákaz ten zloba svetská, bárs ho aj vyrekla,
neuvedie do skutku nikdá! Bo hlboký
je krve prúd a prudký: podlé hate svezie,
tak narovná nohám púť pres hrádze a medze. . .
— Zabrali sa junáci, a kam? počo? — Nuž hľa
tak ďaleko sa honia dedičné jích role,
že kým nad touto sluka lúč v šperk zeme stuhla,
nad tamtou už kutá noc iskry ďna v popole;
tak rozsiahle po rôznu jích kolísky, bydlá,
že razom je obletnúť — len svit ak má krýdla;
a tak hrozne stíhaná musela byť ona
bez milosti osudmí od mora až k moru,
tá mati požehnaná, keď vše doba bila,
že nad šestonedielky ložom svätá clona
hneď z blankytu jasného v hviezdnu splýva riasu
a zas tkaná z bieleho mraznýh mhlí atlasu,
i povojník decku, čo práve porodila, —
a či to len bola púť po jej vlastnom dvoru? . . .
. . . nuž pre tú hľa nesmiernosť postate i času
sa nevideli posiaľ, tváry tvár neznatá,
bárs vedeli o sebe dobre, že sú bratia,
znajúc sa už, čo zvučí poľami, po hlasu.

I zvítať by sa radi, nevidení ešte;
a preto sa zabrali, každý už na ceste.
A jak je to po holiach rodných v obyčaji,
kde duch otcov nevymrel v synoch, piesni, báji:
povysadnúť na polaň vôkol jasnej vatry,
ktorá plamom obetným srdcia stápä, bratri:
i tamtotej junače každý v svojom lese
haluz uťal a k spolnej vatre sebou nesie. . .
— Zabrali sa, stúpajú, ba jak orly letia,
každý tejže matere večne verné dieťa.
Nevzkázali si nijak: kde jích cesty svedú;
lež vidí oko božie, že nemýlne k stredu
jednemu chváta každý, jak tie slnca blesky
nazpäť slncu ku svojmu. . . Veď to tie hľa sväzky,
svätí sväzky rodinných srdc a svojských dusí,
že octneš sa v domove, keď zrak ni netuší.
— Zabrali sa . . . i sišli šťastne, razom všetci
v žiari túžieb poznania, smoliar svoj na pleci —
tak sišli sa pospolu, sťa v krúžok nevädze
abo jak dáke nové na nebi súhvezdie,
tam na brehu Dunaja, onej kalnej rieky,
čo zjasniť sa má a byť jasnou až na veky. . .
Tam dovedna sa sišli v objem, svätú zhodu;
a hneď aj skládly vatru: ktorej zlaté žiare
osvecujú k poznaniu na vzájom jím tváre,
a medzitým dunajskú v kryštáľ čistia vodu. . .

Prvý.

Ja z tých dorazil krajov, kde tie tuhé mrazy.
Nie my, ale zmrzajú naši jimí vrazi.
Hoj mráz stepí nesmiernych: to tie mocné putá,
do níchž sveto-tyrana vzletná pýcha skutá!
A plam Kremlo-oltáru tiež nevzplál bez stopy,
zapáliac vzduch severa až po nebies stropy:
popol jeho pozostal! a z popola toho
iskier srší životných tisíc! milion! mnoho!
Hej, z ních i ja ulapil jednu a skryl v hrudi;
tam, bratia, ona žije, v žhavý plam sa budí!
Čujete tlukot srdca? koľko za menšinu!?
To lásky hovor, aj krok duše k slávy činu.

Poďte v bratské objatie! k srdcu srdcia žiadam,
keď rodnú sosnu v žhavé srdce vatry skladám! . . .

Druhý.

Hoj švihly znova lesy neprebitnej kôry
z pňov zdlávených, bolastných smutnej mojej hory!
Nie! tá viac bielou nenie: na smrť zasňaženou;
lež — krvou kedys — zlatou zorou zabronenou!
No nie vždy: že okovy večne zdrtia ruky:
jest vec, za ňu trpené živia ducha muky;
sú doby, kde oproti trápom trýzniteľov
jakoby nebo slalo v pomoc šík anjelov;
a pomoc tá tajomná tajemstvá vykutá:
že lámu sa závory a práskajú putá;
lež známo vám to dobre, i nač dlho rečiť?
Sú pomníky, čo večne neustanú svedčiť! —
Nuž švihly lesy znova, a jích zvučné šumy
jak hodia sa medzi tie hrdých skalísk dumy! . . .
Zdravstvujte, bratia! Ajhľa lipa v ohni plaje;
i nechže mi osvieti vaše obličaje!

Tretí.

Ľúbam vás, ľúbi bratia! Hoj, mňa zobudila
lúba rieka zo spánku: bych vás ľúbil bratia;
a jak tá rieka večné vlny rozprúdila:
i moja ľúbosť ku vám večným ohňom vzňatá!
Na trojkorunný vrchol ja vybiehol hore,
však nebadal jedine drahý šmaragd: more;
lež zaletel ja zrakmí i kde klasov zlato
a strieborné prútiny ligotavých mrazov;
a cit môj a myšlienky vrelo vzplály za to:
že do drahých drahokam uväzniť reťazov. . .
Ľúbam vás, ľúbim, bratia! k vám dušu príchylnú,
tak jak k plameňom môjho plam sa túli jilmu. . .

Štvrtý.

Zpomedzi riek šumivých pozdrav, bratia, vrelý!
Lež iné rieky moje, jak čo raj vlažily:
ač skúška, podvod rovný. . . Skúšku pretrpeli
a zreli meč plamenný sme. . . A, to dá sily:

obrátiť smer, i novou odiať sa nádejou,
jejž plášť neschyce šibot svevoľných závejov. . .
Hoj, zjaš sa moj jasane novo rozžiarený!
Širší mne svit, jak vprátný medzi štyri steny . . !
Vo vašom kole, bratia, plaje to a viera
pohýňa k žitiu, ktoré nikdá neumiera! . . .

Piaty.

Tam na tom kvetnom poli, kam zo slávy hradu
zieral cár a jak orlov z hniezda, bohatierov
vyvádzal v boj za voľnosť, so šakalmi v zvadu,
v pošmurný zápas noci s jasnou kríža vierou —
tam na tom krásnom poli ešte dlávi noha
a kopyto satana hroby borí otcov;
no polmesiac u sklonku, úškľab len polroha,
a zhasím i ten s božou a vašou pomocou. . .
Hoj, bratia! ešte drtiť vraha, lomiť trudy
a srdce krvou napájať vysmädnuté hrudy:
ešte raz boj so zbojou u dedičných prahov!
hoj vytrhať s koreňom vpitých v zem tú vrahov
a zmliaždiť na caparty! cele smazať dlhy:
a potom len na pomsty oblak pásku dúhy! . . .
Ja, bratia! na znak vôle, kým len jedna muka —
v spoločnú vrhám vatru tvrdý oštep buka.
Praskom sa vzňal hľa konár . . . a k plameňu druží
sa tmou sem doletlý kmit zabalkánskych ruží! . . .

Šiesty.

Ja tiež jaksi otušil v duši, bratia drahí,
že domov rodičovských prekročili prahy
a podnikli ste cestu pres vrchy a doly,
tak jak sa rozvetvila po dedičnom poli
od stredku mora až ta k hviezdopomezníku.
Tak pustil som sa tiež v svet po svojom chodníku;
a tu som, postretnúc vás šťastne, medzi vami,
i zhrievam sa srdce vaších a hôr plameňami.
Veď váš ja brat podobne, či nie bratia moji?
Musíte nájsť braterstva i na mne znamenia.
Mýli vás snáď zbľadlá tvár, vykúpaná v znoji
trudných každodenne prác a vetchá haliena,
a bo vyhasla dávno čarná hviezda v čele?

Hja vybijú konečne iskry i z ocele,
a časom ošumejú i belásky šaty,
len to slniečko česti — to mi je pozláti,
veď . . . ale načo ponos? Znať musíte brata;
a duša táto, verte, na lásku bohatá!

Ach, v ťažkých dumách, ticho Tatra moja stojí,
tá, jejž vetry všetkých nás mater kolembali;
v jej oká morské padá za kameňom kameň,
že čierny kal viac a viac — náš kryštálny prameň. . .
Ach, pusto tam jak nivou po zúrivom boji:
hrdé smreky a šumné jedly vysekali,
a kým sa to zmladí zas — či som môhol čakať?
Nie! ja musel medzi vás, žiale povyplakať . . .
že plakať? Nie, na vašej tešiť sa radosti;
a preto čo som môhol pochytiť v náhlosti,
vetev kosodrieväťa sebou hľa donášam, —
čo rosy ňou, dovoľte, nech ju pootriasam —
chúďa kosodrievätko jak je dokríväné,
jak v kŕčoch . . . oj, to obraz! vzor! lež závoj na ne! . . .
Už ju len vrhnem, možno že sa vatra zkalí,
bárs: plam vaších smoliarov skoro dým prepáli;
teda príjmite haluz, slznú haluz Tatry;
lež keď takto zpomínam, nie malomyslne —
čím vätší víchor, tým skôr odcloní úslnie! . . .

— A s tým poslední smoliar — vržený do vatry.
— Hoj, vatra! jak šlahá, jak vo výš iskry metá:
že tá noc, noc zmráčená nimí sa trblieta,
jakobys vysypal v ňu bezdno hviezd oblohy. . .
Hoj, vzňaly sa plameňom nočních stínov stohy,
čo nahromadila zášť, naskladali ďasi
ťažkým krovom na hrob ten, kde svit boží v mdlobe —
hoj, vzňaly sa! a Dunaj, nebo je nehasí! . . .
Nuž plač, vatro, plameňom, plač len na tom hrobe,
len plač, až sa preplačeš k schovanému svitu,
a utopíš v plameni noc bez hviezd, zôr citu!

Hoj, vatra! jako bije až po nebies stropy!
A kolo nej junač čo? Nepobnutne stojí;

len v plameň pohrúžené zraky kde-tu vzchopí
a premeria výš ohňa . . . a zas pri pokoji.
Čo dumajú? — Nuž čítaj, ďasu! na jich tváre,
jak v Babylone . . . tvoju zhubu píšu žiare.

Hviezdoslav.

Príspevok k dokázaniu vzdelanosti starých Slovanov.

Oj Tatry! Tatry! Vy kolíebka Slovanstva, vy nevyčerpatelné žriedlo pôvodnosti; vy, ktoré ste už v pradávnej minulosti veliký ch duchov — o ktorých národ slovenský v svojích povestiach rozpráva — rodili, vy ktoré dávate i dnes najubiedenejšej ratolesti Slovanstva liek proti krivdám na nej páchaným — trpelivosť, vy chlúba naša, vy hradba naša, vy mali by ste podľahnúť nátlaku iného plemäňa? Vaše tisícročné mená pribité večnosťou k večným bralám Vašim, chcela by poodrážať hrmavica hladná — bez hromu? Oh, ale ved i tento sa vás bojí, i nad týmto panujete vy — a dobré srdce vaše má len úsmev ľútosti, nad málomocnosťou jeho; oko ale slzu nad nízkosti nepovedomím. Oh hrdé ste Tatry i v polodriemote ešte vás obklučujúcej, a máte i načo byť hrdými, veď zaiste vy boly ste to, ktoré ste kmotrovaly pri krste Slovanov, bohatých nie len na slávu meča, lež i na slávu umu a vedy.

Už v pradávnych časiech vynikali Slovania svojím dôkladným vedením a prísnym rozoznávaním, práve tak, jako Gréci, nad ostatnými národami.

Toto dokázal medzi druhými i Dr. Bogoslav Šulek vo svojej rozprave „Pogled iz biljazstva na praviek Slavena“ jednoducho tým, keď dokázal, že Slovania v praveku viac bylín poznali a rozoznávali, nežli ktorý kolvek druhý národ na svete, a že v pradávnych tých časiech menovite druhy a rody stromov tak dôkladne rozoznávali, ako to ani dnes žiaden druhý národ v svojej reči nerozoznáva.

Vzdelanosť starých Slovanov dokazuje ďalej i nesmierna bohatosť, ohebnosť, plnosť vo tvaroch a výrazoch slovanských rečí. Ktorá reč, vyjmúc snáď gréckej, môže sa slovanským rečiam

vyrovnať? Srovnajte staré nemecké (o maďarských ani nehovoriac) pamiatky písemníctva s našími, a nepotrebujete odpovede na datú otázku. Nápis kremnický, rukopis královdvorský, remské evangelium, zákon vinodolský, pravda ruská, a mnohé iné pamiatky, zrejme svedčia o vzdelanosti drievnych Slovanov.

A ktorý národ už v praveku, vierou svojou bližšie stál kresťanstvu, nežli slovanský? Či nenadkriedlujú vzory šlechetnosti, krásy, cnosti v povestiach našich, nám od pravekov pozostalých vzory grécke, ktoré konečne, tak ako i vzory západu v hnusobe sa stratily, naše ale palmu víťaztva podržaly? — Nieli je vzor devy, ktorá má telo ako sneh, líčka ako krú, vlasy ako havran, oči ako nebeský blankyt, hrdlo ako jeleň atď utešený? Alebo snáď už dostihol niektorý neslovanský básnik poesiu juhoslovanských a slovenských piesní? — Dosiahol snáď vzlet myšlienok, aký naša národnia povesť vykázať môže. Študuj poklady tie, a nájdeš v nich pravý obraz Slovana, slovanskej cnosti, vidiny, umenia a vedy.

V novejšom čase bratia Reussovci oddali sa štúdiu povestí, i podávam Vám tuná krátky nárys o tom, ako si v povestiach slovenských praotcovia naši, povstanie sveta krásne, a tak rečeno úplne dnešnej vede zovpovedajúc, predstavovali.

„V najdávnejšej minulosti nikde nič inšieho nebolo, len dve strany sveta: Juh a sever.

Na Juhu bývalo svetlo a teplo v celej svojej kráse a sláve, na severu ale tma, zima a hmota. I delila tieto dve samostatné kráľovstvá: Belbožstva a Černobožstva prepasť nesmierna, a oba prebývali v pokoji, t. j. vo: Vesmíru neporušenom.

Medzitým stalo sa raz, že Černobožstvo zazrelo tú na Juhu krásu a pôvabnosť svetla, i vznikla v ňom Túžba (ťahať: Centripetálna sila) i Závisť (centrifugálna sila).

Túžba vzrástla na tolko, že Černobožstvo skutočne vtrhlo do kráľovstva svetla a porušilo Vesmír. Keď sa ale Zima a Hmota k Juhu sbližovaly, svetlom ožiarená a teplom zohriata Hmota topila sa a padala do nekonečnej priepasti.

Týmto spôsobom ale veľkú stratu utrpelo Belbožstvo, lebo v roztopenej Hmote mnoho svetla a tepla, onú Hmotu oživotvorujúc a oduševňujúc, padalo do priepasti, druhé ale ľahšie čiastky, v ktorých viac svetla a tepla bolo, nežli Hmoty vzniesly sa do hora, a staly sa hviezdami.

A takto z ťažkej a nerozlopenej Hmoty povstala zem, z drobných, zkrze svetlo a teplo oživotvorených práškov povstaly semená rastlinné, z väčších ale kusov zemeplazy, ptáky a zvery. Z veľkých oživotvorených kruchov ale povstaly potvory, draci, obrovia, valibuci, vždy viac a viac na človeka sa zanášajúce, a naposledy povstal človek.

Tietozvery začaly medzi sebou boj a zápas všeobecný, v ktorom by i sám človek, tak ako mnohé z tých potvôr bol podľahnul, keby mu otec svetla nebol prišiel na pomoc, a nebolby ho vyslobodil sriadením sveta, ktoré obsahovalo:

1., Vymáhanie svetlových čiastok z hmoty a prenášanie jích zkrze mesiac do kráľovstva Svetla.

2., Stvorenie druhieho človeka z Hmoty a svetla.

3., Čistenie duší zkrze priechod do druhých telies, a

4., Konečné vykúpenie, záležajúce v rozdelení oboch kráľovství.“ —

Nuž povedzte, či nevidíte z tohto opisu velkú, dôkladnú vedeckú známosť prírody drievnych Slovanov? Či nevidíte v tomto zásadu Kant-Laplace-ovej theorie o povstaní sveta, zakladajúcej sa na dostredivosti a odstredivosti? Nie je tu vypísaný boj predpotopných Ichthyosaurov, Pterodaktilov a iných potvôr? — Známosť o predpotopnom človekovi, ktorého existenciu len nová veda dokázala?

A obdivuj tú dôkladnosť, ba povedal bych vedeckú prísnosť! Naše povesti nič neznajú o potope, lebo veď o nej ani veda nevie rozprávať na tých miestach, kde v praveku Slovania bývali.

Srovnajte túto vysokú theoriu s pochopami starých Grékov o svete, a vidíte, že starí Slovania boli v onom čase vo vedení prví na celom svete.

Podáva Dr. Ivan Zoch.

Abas Šach

od J. Graichmana.

Nádherný kočiar po ceste letí,
A v ňom Šach Abas perský kráľ,
V dolinu hľadí, a slnce svieti
U západu na vrchol skál.

V dolinke ovce mládenček pasie.
Prevelmi peknej postavy,
Píska si, — ohlas v háji sa trasie,
A ten koč tam sa zastaví.

I dá zavolať toho pasáka,
Ten hneď ku koču priskočí,
Klobúčik sníme, mlčí a čaká,
Král sa mu díva do očí.

Počuješ! rekne knemu milostne,
Poď somnou, dám ťa vyučiť!
Ale sa musíš spravovať cnostne,
Za statočnosť mi máš ručiť.

Zverím ti moje všetky poklady,
Verným ochrancom jich máš byť,
A budeš mužom velkej cti, vlády,
A slávne u mňa budeš žiť! —

Čo? hlavou krútiš? nevidí sa ti
Ten háj, tie ovce zanechať?
Mládenček skrúca klobúčik sňatý,
Nevie, čo na to povedať.

V tom sa bič ozve nad paripami,
A on už letí na koči:
„No dobre sa maj, háj s ovečkami!“
Bôlno zrakom ta zatočí.

Žije vo velkej sláve, vážnosti,
Je královským pokladníkom;
Lež zemské šťastie nemá stálosti,
Je korisťou závistníkom.

Aj hľa! žalobu hroznú na neho
Už prednášajú šachovi:
Že ho okráda, poklady jeho
Ukryté drží, a troví.

Pod zámkou v sklepe má vraj schované,
Čo potajomky naklamal,
Preci sa mu nič za to nestane,
Ako to môže trpeť král? —

Král rozhnevaný i hneď na skutku
Zo sklepu zámku odbiť dá;
„Zlosyn nevďačný! pod tvoju chútku
Ukázal!“ hrozne zavolá.

„Ach pane, prosím pre boha milosť!
O neurob mi hambu tú!“
„„Čuš! ani slova ďalej, už je dosť!
Vydaj tú lúpež zamknutú!““

V tom, — strmým krokom do sklepu vkročí,
Ten poklad vidieť, zvedavý,
Sliedi očami, lež ho nezočí,
Pokladník knemu prevraví:

Tam hľa! píšťala, klobúk, haliena,
To je pastierský odev môj! —
Král sa zarazí, zbledne čo stena,
Mlčí, — odvráti pohlad svôj.

„To je ten poklad, — ale môj vlastný,
Ja si ho berem v pokoji,
A idem domov! — budem tak šťastný
Jak som bol predtým v tom krojí!“ —

Život v Tatrách.

Jak sú len divné té slovenské kraje
Sídlo tej krásnej čarovnej prírody,
Zdá sa mi, že čo kolvek si len praje
Duch, moje srdce, — tu v Tatrách nachodí. —
Jestli chceš vidieť vznešenosť prírody,
Pozri si Tatry, — jích vysoké hole
Keď slnce po ních poslední uhodí
Úsmev — pozláti jích sňažné vrchole!

Zaleť duchom ta na obrovské bralá —
Orlov otčinu — a nad jích priepasti;
Inde darmoby duša ti hladala
Viacej veleby krásy bájočnosti! — —
Jako že by ťa nežné nedojaly
Božieho vtáctva prelúbezné spevy?
Jak že by srdce ti neprenikaly
Té útle hlásky podtatránskej devy! —
Hoj a keď pozreš kvetnaté lúčiny
Tisíce periel raňajšej prírody,
Začuješ súzvuk gajdeniec z bučiny
Mrak smútku každý z čela ti uchodí. — —
Duch môj však ešte vždy po nečom túži.
Čo vlastne hľadá, to tu nenachodí.
Veď čo mu z krásy, keď spanilej ruži
Na jej velebe na jej vôni schádza?!
Čo po bájočnom že mu je prameni,
Kryštálna voda keď vňom neklokotá,
Nač mu je v Tatrách ten život blažený
Keď je to život: život bez života.

Ján Cimrák.

Žial sokola.

Vzlietol mladý sokol do blankyta výšky
A smele, svobodne pláva si étherom.
Hneď do sedliakovej okom šibne chyžky,
Hneď kolo zatočí nad čistým jazerom.
Hoj, sokole mladý, čos' tak nepokojný,
Čo tak zrak svoj bystrý noríš v šíre kraje?
Čí asnáď záhubu vidíš strašnej vojny,
Čis' ztratil snáď panstvo — hory, doly, háje?

A on zadumäný hlávku svoju vystre,
A rýchlej, než ten šíp letí vzdušným morom.
Ta-do šerej dialky upre oko bystré,
Kde slavský Balt hučí ďalekým priestorom.

Kde zem slavskú Ural objíma ramenom,
Sťa matka milená lúbe svoje dieťa,
A šedivým nebo bozkáva temänom
Jak bozkáva na jar slnce polné kvieťa. —

A zas zavesluje a žialom zastoná —
A ešte raz zrak svoj hodí k Tatrám rodným:
S Bohom, vy milené, hľa zas z vášho lona
Putuje syn jeden ta — k bratom svobodným. —
Tam nájde, čo u vás vrah mu vyrval divý,
Že ani mať vlastná chovať ho nesmela,
Tam nájde súdruhov sokol perosivý,
Ktorých mu z náručia zlosť vraha vydrela.

S Bohom, ty milená, tichá chalupôčka,
V ktorej ma učila matička Boha znať;
S Bohom, ty úhľadná, malá dedinôčka,
V ktorej som prvý raz učil sa v detstve hrať. —
S Bohom, vy čarovné, vy pestré lúčiny,
Vy útle kvietočky — mladosti druhovia
S Bohom, vy potôčky, tônisté bučiny,
Vy v šepote svojom tajnosti duchovia.

Ešte tebe s Bohom, vlasť moja ľúbená,
Ty plná bolestných i slastných zpomienok;
Ešte ti snáď zkvitne doba nezkalená,
Vktorej ťa ozdobí sladkej shody vienok.
A potom ťa vznesú dietky tebe verné
Vysoko v svet blahej, nekonečnej slávy —
A potom — keď Bôh dá — cez mrákavy čierne
Priletím zas k tebe — priletím v čas pravý?!

M. M. Klimo.

Sloboda.

Čo mi je to mi je, porobenô mi je,
Na vršku sa kníšu dve biele ľalije.
Jedna ľalijenka, moja slobodienka
A druhá ľalijka moja je milenka.

Sloboda mi vraví, že letom uletí,
Že ona nestrpí pri mne ženy, detí.
A moja milienka tá mi zase šepce,
Že ona slobody mojej viacej nechce.
Keď ty nechceš mojej, nechci ani svojej,
Soberme sa milá v slobode obojej. —
Keď sa vo slobode Božej soberieme,
Ako pár holúbkov slobodní budeme.

S. B. Hroboň.

Napomenutie.

Neznáš ty, druh môj verný, ľúbený,
Jak biedny je na svete tvor
Mladoň ztrativší svojho žitia cieľ,
Padnúc do prózy z výšky zôr?!
Ó hájže si svet čistých ideálov!
Z trosák mladého nadšenia a žiaľov,
Oltár nevystav pre hmotu!
Ztratíšli lásku, vieru, nádeju,
A v srdci túžby nízke ti tlejú:
Zhynuls aj sebe, aj rodu!

Koloman Banšell.

Vplyv potravín na rozplemäňuvanie.

Človek je ústrojenstvo, t. j. žijúci tvôr, ktorý pribieraním neživotných a vylučuvaním mu nepotrebných látok svôj živôt udržuje, a jako sam z tvôrov seberovných povstal, tak i nové tvôry plodí.

Ačpráve organismus človeka je od jeho povstatia neustálej zmene podrobený, predsi od počiatku až do konca svôjho života sostáva totožným. — U človeka účinkujú síce té samé vňútorné sily, ktoré v jeho roditeloch účinkuvaly, predsi majú naňho vpliv i sily zovňútorné, ktorým jeho roditelia, podrobení neboli; on zase môže v istej miere na zovňajší svet účinkovať.

Zdedené a účinkovaním zovnajších síl nadobudnuté vlastnosti sú merítkom, jak daleko môže človek vládnuť nad svetom zovnajším. Veda pojednávajúca o vlastnostiach a výkonoch organismu je physiologia; v jej obor padajú i premeny organismu, ktoré súc rozličné, v rozličných krajinách, rozličnosť ľudí spôsobujú. Národopis je tedy v posledních otázkach na physiologiu odkázaný a národné hospodárstvo možno nazvať účtom, ktorý si človečenstvo o tom skladá, jak ďaleko stačia jeho sily, aby byť svôj na zemi dľa svojej vôle a potreby zariadiť mohlo. Toto sú hlavný činitelia, od ktorých závisí, povaha a potažne existencia jednotlivcov, ba celých národov.

Každý nahliadne, že činitelia týto, neboly po všetky časy jednotvarný, a tým by sa daly mnohé úkazy o svetových dejinách vysvetliť, keby pomer jích všestranne vyskúmaný bol.

Prvý, ktorý si v smere tomto nemalé zásluhy vydobil, bol anglický dejepisec Tomáš Buckle; ale i muž tento nie súc prírodozpytcom podľahnul omylu, tak že práve v rozriešení našej otázky nebol jak sa nám zdá dosť šťastným.

Buckle uviaznul na stanovisku starších physiologov, ktorí mysleli, že dusičnaté potraviny slúžia k obnoveňú ztratenej telesnej hmoty, bezdusičnaté ale ku vyrábeňú tepla, ktoré je ku trvaniu organismu nevyhnutným. Silou, pohyby vykonávajúcou je, vraj človek pre svôj celý živôt obdarený, — jemu vrodenou. Tedy nie vraj teplo, lež vrodená mu sila vykonáva pohyby údov, a teplotu, ktorá okysličuvaním (t. j. poznenáhlym spalovaním) hlavne bezdusičnatých látok povstáva, k nejakému posiaľ neznámemu účelu potrebuje.

Užšú súvislosť medzi prácou a teplom neznali naši predkovia.

Jích theoriu ale úplne vyvrátil Helmholzom objavený zákon o zachovaní síl: sila nemôže vzniknúť ani zaniknúť, ona sa mení v teplo, alebo je viazaná v slúčeninách chemických, z ktorých rozlučovaním svobodnou sa stane.

Trením hmoty stáva sa táto teplou, t. j. viditelný pohyb trenia spôsobí pohyb najmenších neviditelných častíc otáznej hmoty, a tento úkaz nazývame teplom. Môžeme ale i naopak, t. j. pohybom najmenších častíc zapríčiniť pohyb hmoty viditelnej, t. j. prácu.

Ponevráč každý pohyb človeka je práca: potrebná je ku jej povstaťú nejaká sila a táto je, teplota, ktorá sa okysličuvaním

užitých potravín vyvinuje. Sila potrebná k vykonávaniu pohybov údov človeka nie je vrodená, ale následkom teploty povstávajúca.

Obznámiac sa takto aspoň povrchne s cenou potravín, prejdeme teraz k náuke Bucklovej. On tvrdí, že čím lacnejšia je potrava v niektorej ríši, tým viac manželství sa uzaviera; čím drahšie sú potravné články, tým je viac prekážek k uzavieraňú týchže. Z toho vraj nasleduje, že pomer ľudnatosti ríše závisí od lacnoty potravín: že tedy je pomer tento v ríšach, kde sú potraviny drahé o moc menší, než v ríšach lacnotou požehnaných.

Nechceme popierať, že cena potravín nemá vplyvu na pomer tento, právom ale namietnuť môžeme, že v krajinách, kde je potrava lacná, tak dlho by sa ľudstvo množilo, ažby sa cena potravín zvýšila a dľa náhľadu Buckle-ho by rozmnožovanie konečne prestať muselo. Buckle tvrdí, že ponevač sú potraviny lacné, zvätša látky bezdusičnaté, drahé však dusičnaté, ktoré na rozplemänuvanie nedobre účinkujú (dráždiac pud spolčuvania), preto vraj kde sa látky prvého druhu viac požívajú, obyvatelstva viac pribýva, než tam, kde sú látky dusičnaté hlavnou stravou ľudu. No náhľad tento vcelku nestojí, bo ponevač sú látky lacné, bezdusičnaté, spotrebuje ich jednotlivec viac než látok dusičnatých. Vieme ďalej, že sú kraje, kde je mäso hlavnou stravou ľudu a predsa tam lacnota panuje, jako na Dolních Uhrách, menovite ale v Brazilii a Chili kde sa zdravé mäso zakopáva, alebo za bagatel do cudziny predáva. A vzdor tejto mnohosti mäsa nie sú Brazilianci a Chile-ania vstave sami zaplniť ľudoprázdne kraje. A tak je to i na Dolnom Uhorsku.

Naopak je to na Slovensku a v Čechách kde je cena potravín hodne vysoká a predsi sa počeť obyvatelstva tak rýchle rozmnožuje, že stehovanie do cudziny ani nezpozorovať.

Buckle vzal pri svojich skúmaniach Irsko za názor, kde obyvatelstva zo dňa na deň pribýva. Je pravda, pribýva, len že príčina toho neleží v lacnote potravín, ktorá tam náhodou panuje (a ktorá ako vyššie udano by raz predsi prestať musela), leč v ústrojnosti samého ľudu; že ale počet obyvatelstva nikdy ten stupeň nedosiahne, žeby cena potravín zrejme poskočila, toho príčina leží v pomeroch politických. Irčania totižto ako zvätša katolíci pred nesnášanlivosťou Anglikánov prchajú. — A toto Buckle nenahliadnul.

Prvý tedy základ plodnosti ľudu leží v telesnej jeho ústrojnosti po otcoch zdedenej. Židia súc po celom svete roztrúsení, všade ináč žijú, predsi vždy a všade početným potomstvom vládnú Slovákom, Čechom a Juhoslovanom nemálo prospela a prospeje tá ím dedične daná vlastnosť rýchlého plemenenia, ináč by už dávno boli museli zaniknúť tlaku maďarstva a nemectva z jednej, osmanstva z druhej strany.

Už výš spomenuto, že látky mäsité nedobre účinkujú na rozplemenuvanie, národy ale rýchlým rozmnožuvaním sa honosiace zvätša roľníctvom sa živia, a preto sú temer výlučne na rastlinnú potravu poukázané; látky dusičnaté k zrastu tela potrebné, nepožívajú v mäse, ale v mlieku, vajciach, syre v strukovinách, v hubách a p.

Plodnosť národa slovenského, ktorá nepriateľom našim tak do očú bije, ľahko sa takto dá tým vysvetliť, že ho moc Najvyššieho oboma výšspomenutými podmienkami obdarila.

E. † P.

Púť ducha.

Zájsť v ríšu rastlín, čo žijú, bárs stoja
jak tie od vekov nehnuté kamene,
a len vanutie čo žitia do boja
k postupu vyzve šíky jích zelené;
ta v stíny utiecť šedého pralesa,
prvý čo spatril sklenuté nebesá,
nad mladou hlavou v zlatom, chmárnom toku,
lúč čistú prvý i kalnú vlaž v oku
zakúsil svojom: nebies vzácne dary;
uniknúť v lono, keď trud žitia parí,
v klin jedlo-matiek týchto, smreko-otcov,
kde kým deň hniezdi na vrcholcov chvoji —
v chladnom prízemí jejích dechot kojí
nám znojné plamy sladko-stínnou nocou,
tam vyliezt na jích knísavé koleno
a byť jím synom: ľúbené bremeno,
a kým pres čelo tuho rozhárané
laskajú vetvy čo rodiča dlane

tu pýtať sa jích, že: čo tie jích šumy?
a keď len hlavou kývnu, že nesdelia:
hoj, potom — celým zrakom duše, tela
dnu zanoriť sa v hĺbku jejích dumy,
škárku vykutať jako omrvina,
jakú vybodne jejích ihličina:
a tou ta vsiaknuť v bytosť jích, v jích svety,
kde to a kadiaľ tá krv — mliazga letí
jak mlunným prúdom počnúc od koreňa
až kde v oblakoch najvyššie trepenia
jích štihlých korún: — hach! odkryť tie taje,
a vidieť život, jak si v srdci hraje,
jak srší tisíc paprský v okolo
zo stržňov stredku, šťaby to tam bolo
ukryté slnce, ktoré nevychádza
len vídame ho vtedy, keď zachádza, —
keď padá les jak stĺpy rozborené,
ta skláňa hlavu, kde dosiaľ korene;
hoj! objať dušou vrelo roztúženou,
jakby jích víchry mocne rozochvenou,
o níchž nevedieť, odkiaľ a kam vejú —
tak zobjať lesy, tú večnú nádeju!
bo čo šumejú, keď list jích šelestí:
to pieseň veľducha, to živel povestí!

V tom uskočiť v bok, kde vonný plášť luhu:
tu sbierať kvety a skladať je v dúhu,
a dúhu, keď už jemným šípom spjatá —
porozstrieť na mrak: temný vlas dievčaťa,
ona ju príjme k završeniu boja,
že dúha z kvetín — i dúhou pokoja . . . ;
nakuknúť v kalich kvietka blkom vzňatý:
jaký to nápoj doňho a jak vliaty,
a kto ho nalial a nevypil predca,
van ho rozhúpal, lež nevyleje sa —
tie a podobné otázky si budiť,
a o odpoveď túžiť, prosiť, lúdiť;
zas zkúmať, z čoho ozaj kvet ten tkaný,
také už vlákno, a či neskôr maľovaný?

a prečo svetlejšie tam kým tu temno,
tu hrubšie prečo a tam nežno, jemno?
kto súkal prádzu? Ľan ten kde sa rodí
z ktorého drahý šat — lež kto vyvodí?
z akej príčiny kvet ten jakby zvonil,
kým tento sfaby v smútku slzy ronil
po čas tohotam mlčanlivej hrany?
nač tento k steblu takto prikovaný
jak niaky zbojec k stĺpu šibenice?
prečo vzor slzy tu, a tam hviezdice?
obličaj toho — plne otvorený,
a tento zase v seba utajený,
ten hladký ako líce mladej devy
a tento večnými vôkol pichá hnevy,
ten zúbkovatý, posypaný pelom,
u tohto smietkou včelka — v srdci bielom . . .
. . . ó rozmanitosť! kto si ťa preziera,
kto tvojim vonným dýchaniam naslúcha:
nie! ten povšedňou nudou nezomiera,
bo našiel pokrm a pravú slasť ducha!

Za tým utiahnuť v blízku sa krovinu,
jejž vetvy ihneď vo veniec sa svinú
tak jak je spletly prsty víl či vanu, —
a k hlave sletia v zdobu nevídanú;
tam uložiť sa na pokoj po skúške
po mäkko stlatej materinejdúške,
a ovievaný tejže kadidlami
hravých myšlienok ľahkými vlnami
ta tonúť, a prižmúriac viečka oka
zrazu zapadnúť kamsi do hlboka,
až ta, kde z tajných srdca skalísk, slojí
ten teplý prameň — ľudský cit sa zdrojí . . .
a — snáď zadriemnúť, v sladké zblúdiť snenie,
a potom — — potom — prchké zobudenie!
bo ajhľa u nôh z kvetnej ďateliny
škriváň vybrnkol, a klbiečko piesne
odvíjajúci prosto k nebu nesie,
na mňa padajú zvukov pazderiny.

O', jakým spechom trepoce krýdelký!
Tak po klavíru umelec, ten velký,
zmihá prstami: aby v okamihu,
kým jedna chvílka tadiaľ cestu razí, —
kde len jeden zvuk v srdci struny väzí,
tie strún žalárne závory rozsotil,
a zo sŕdc tvrdých razom vylupnuté
jakoby švihom škriváňka perute,
bo vo vševládnom zapálenia stihu:
tie všetky zvuky v jeden prúd sjednotil, —
že tenú potom — v súzvuk — popri sebe . . .
ó, načrieť z ních! ó rajský ucha chlebe! . . .
— Ha! haluz kríčka zrazu čo sa hýba?
Či van to tam v ruženec lístky stíba?
Veď nečuť ani dechu, van to neni.
O', už ho badám! jak sa v lístie kryje,
bo je tak skromne chuďas ošatený . , .
Hoj, vládco piesní božskej harmonije!
nemáš čo haňbiť sa a čo banovať:
veď v piesni tvojej, keď sa zplna ruše,
na ošatenie slavné — ale duše,
najdražší hodbáb, najkrajšia činovať! . . .
Čuj! cinkot nežný, vírny . . . to hľa rady
braterských zvukov . . . to sláviček ladí
už varyto: by keď deň sa k večeru
zas ponachýli a svitom zapadlé
zas zblknu, hviezdy, v tom čarnom divadle
opeť prekrásnu, odzpieval operu . . .
Nuž nechže ladí, nechže lúči, spletá; —
a kde sa báseň v tichu na svet rodí,
s rušiacim lomom a tresky nezhody
preč ber sa ztadiaľ, špatná prózo sveta! . . .

A s tým sa sobrať zpod šiatru kroviny,
a dolu šibnúť z vrškov — do doliny . . .
O', i tam mnohé prerozkošné stanie!
Už z dialky ho čuť — jarku žblnkotanie;
ten mluví večne, nikdá neprestáva;
azdajže už dnes jasno vyrozpráva,

srozumiteľne všetko mi, čo cíti,
čo mocne žije v jeho vlnobití, —
snáď keď sa nazrem v čisté čelo jeho
s večným záhybom a večne bez neho,
jak tie kamienky zlaté tam vo spodu
budem už v stave prečítať i runy
tam mihotavé — tie kolá, tie luny,
to písmo bublín na papierku peny,
celý pergament vody rozkrútený, —
snáď keď pominúc ostatní hluk sveta
i to pobrežnie nezábudky kvieťa —
ponorím do vĺn všetky moje smysly
— tak jak tie prútky vŕby totam svisly, —
že žitie moje bude jakby snenie:
azdaj pochopím vody hovorenie.
A zasadnul som na pažiť nad vodu;
čítal kamienky zlaté v zlatom brodu,
a sluch zvedavý naklonil až k vlne, —
a jak halúzky vŕby, moje smysly
až medzi vlny hravé tíško svisly,
vše-vše mi šata duše poutenie,
lež zas vybŕdne znova na úslnie,
až po šplachote krýdly — už úplne
ponorila ju vrava jarku — v snenie . . .
— Keď som sa zbudil, vyzliekol sa zo sna:
už znal som všetko, porozumel vlne;
mysel stešená vyšla na úslnie,
kde sa vysúša tá jej peruť rosná . . .
Veď voda rekla a to je, čo vraví
žblnkotom večným na útechu sladkú:
ktoré prijala na prvopočiatku
sem kvapky v seba: po dnes mám je všetky;
pravda, rozchodia širom sa posvete:
oblak je schyce a do výše vznesie,
však než sa nazdám skvostnú dúhu spletie
a ňou čo schodom spustí je na kvietky,
tie krôpky moje; van nemešká v lese,
lež doletí priam, a na krýdla svoje
je pobrav — späť mi dodá vlnky moje;

a keď zaniknem celý v hĺbke rieky:
ó tam ja jarok živý som na veky! . . .
— Počuješ, dušo! tú útechu sladkú;
i ty si čiasi od prvopočiatku,
a neztratíš sa nikam, nie v hrob pustý;
i teba schytne oblak, lež nespustí,
viac k nivám tým: lež do božej dá rieky,
a v mori ducha žiť budeš — na veky! . . .
— O' prerozkošné u potoka stanie!
bárs v dialke čujem jeho žblnkotanie. —

Nuž nie len k zemi, vrž zraky i hore;
keď poznal kvetnú zem si, i jej more
perlové v hĺbkách jeho si obsiahol:
treba, bys' vyššej nad seba vyčiahol.
Ha! vidz v ústreší tvojho ajhľa bytu
malinký palác v kútku, v tichom skrytu;
vieš, kto ho staväl? Ten rúk, jak ty, nemá;
a krielka sú mu tiež nedané k tomu,
i nôžka neni oná včelky: tedy,
jakže buduje? čím rubí vchod domu,
kadiaľ dnu a von, ktorým stráž a zvedy? . . .
Nuž probuj: pohoď modré máčku semä;
ktorým ho zdvihne: ten hľa, ten zobáčik
je rukou, rúčkou mu a aj rezivom;
tým hľa postavil palác ten si vtáčik
za svitu, kým ty ako on — letáčik
vo vzduchu, blúdils v kraji spánku divom. —
Keď mrk sa kloní z výšin v zemské doly,
a noc počerné roztáča tkanivo
s hory na horu, po stráňach, po poli,
až ticho, mrtvo, kde len prv tak živo: —
tu pútnik s vánky — tiež do svojho sídla
sa dostaví, a vedno složí krýdla,
jak my skladáme na bok vetché šaty: —
starosť ťaží v ních, — nech nám dech nehatí! . . .
Lež vták, bo spevák, keď tak krielka stúlil
sťaby k modlitbe ruky tuho, spolu
— človek, ten mnohdy iba v dobách bôlu,
záujmom činí tak: by bôľ uhúlil, —

vták ešte potom vďakou raz zapeje;
raz zašvitorí i k svojej rodine:
a keď tak vôkol spatril tie nádeje,
sám pyštek v páper teplučký zavine.
No, dívaj kruh ten zbožnej domácnosti!
tam už spokojnosť, tá prvá zo cností,
hej, tam už láska! . . . Čo perutka kryje:
verte, to malké srdce veľkej láske žije! —
Len bľadý rumeň ešte vzlietnul zory:
a čeliadka tá, čujte, už hovorí,
už vstala — hej, tak vstáva i mať moja,
mať moja drahá: dokým stierať z čela
lúč teplú vyšle sluko, krôpku znoja
nejednu dotiaľ sama už sotrela;
a mňa len sniť nechá . . . môj anjel pokoja; —
len bľadý predsvit čo vzlietnul nad hory:
a čeliadka tá vstala, už hovorí;
po vzhliadnutí sa, krátkom rozhovore:
už niet jej doma, už je na obzore,
tam už švehlí slávou, že zas žije, —
už na jaročku zôr ružovom pije . . .
Koliká radosť, samá žitia vďaka!
niet medzi nimí hnilého mrzáka!
Ha, rodič prišiel, vykríkly mláďatká:
ó, jakže, jakže jím podelí matka?
Začúchly: dobre, správne podelila;
a zas vo vzdušnej výši zavírila . . .
O', mati drahá! vďaka ti a chvála!
Tys tiež tak verne kojila, chovala;
chovala rada, vše i zaslzená —,
veď mnohá pod kríž kľakať musí žena;
chovala dosti, dlho, potiaľ: pokým
nezavírily nebom pod vysokým
mláďatá v sile, v krýdlach otužené, —
vidím za nimí zraky tvoje zarosené . . .
Vďaka ti, vďaka! zo svojeho poľa
a hniezda večnú vďaku syn ti volá! —

Noc. Milion svetov sa nado mnou skveje.
Všetky sa skvejú, ni jeden nehreje.

A nač briať? jedno srdce: jedno slnce . . .
Ony tiež hrejú, však jích láska vrelá
neplatí zemi, bársby snáď i chcela
tá zem, tá panna viac laskavých zrakov,
než jak ustálil zákon pre planéty,
nie tie od slnca k slncu letiace kométy . . .
O' potopný svit! v hravej, smavej vlnce
jako sa slieva na ztemnelé doly
bez zastavenia! Vír svetlo-oblakov
v prúde trpytnom, ktorý neubýva,
neprepadá sa, nehasne, nesplýva,
jak letiaceho vlnot zbožia v poli . . .
Nuž, vznes sa, dušo! do tých ríší smavých
na lúčach hviezdnych v hor-dol mihotavých:
jedny ťa sebou vezmú ku okresu
nanajvyššiemu, druhé hĺbku snesú.
Vznes sa, daj uniesť tomuto sa prúdu:
on prúd jediný, ktorý ťa neschváti
k prepasti zhubnej, nezkazí, nezvráti:
len očistí ťa od zemského trudu,
sotre prach mohýl z tvojej bielej šaty
a nebeským ju leskotom pozláti. —
A duša z tesnej hrudi vyletela,
hľa tam ten biely obláček — to ona;
obláčik ztratil černosť, stíny tela:
len belie sa už, je iba jak tôňa
však tôňa svetlá — — ha! i duša svieti!
A zas let vzala, jak meteor letí . . .
Že meteor? Ach krátka chvílka svitu, —
a večný žalár popola a prachu,
zpod ktorho vzplanúť či je možné znova?
Pravda, že každé srdce, dokým bije,
zaroveň svojho phoenixa si chová,
a keď odbilo celý kruh rafije:
potom že, prv však v prednebeskom citu,
v tom geniovi svojom ďalej žije
až kým . , ? Lež kam chceš? vráť sa, bludný brachu!
Nie! kým dôveríš v onom hviezdnom skrytu:
nemaj o lepšiu žitia časť ty strachu!
— Svetlý stín letel, miznul, kamsi ušiol;

a priestor noci slavný zastal zrazu
jak zkamenelý, prúd jakby do hate . . .
Ha! kam to s mojou putujúcou dušou?
na onom zlatom nebadám jej lazu;
hej, nebesá! už vraťte mi ju, vráťte! . . .
Tu razom nové všetkých hviezd zbĺknutie,
jak by bol vietor máchnul v to perute,
neobyčajný plapol . . . čo sa dialo?
Ha! kŕdel hviezd sa zabral, v hravom plesu
opúšťa výš — snáď nebe ho vyslalo, —
a — čo zriem?! ony, ony, mi ju nesú,
ony mi vedú dušu pekne dolu
jasným sprievodom, pri večnom plapolu,
tíško klesajú — púť jích zlatom tkaná . .
O', dušo! stokrát mi buď privítaná!
— A hviezdy takoj nazpät šibly k výši
jak iskry z vatry. — Teda súc zas spolu,
vyprávaj, dušo! jak tam v hviezdej ríši? . . .

A sme na zemi. Noc ubieha svetom.
Tá vše nestačí zabrať svoje skvosty,
už či od ľaku a či od radosti:
veď čo to perál zavše každým kvetom. . .
Tak vkročme už len dnu, keď sme na zemi.
Som zvedavý: ten domec tichý, nemý
jakou zavíta na oltár obeťou?
šum, pieseň, povesť, kytku hviezd či kvetov? . .
Otvorte oblok! pusťte svetlo božie!
I mihlo z mračna izby bielo lože:
a dnu v kolíske tíško odpočíva
sneť človečenstva mladá, svieža, živá;
na čielko hajno žltých vláskov slietlo,
jakby motýlky — azdaj za tým kvietim,
čo sa medzi tú belosť tváre vpletlo . . .
Dokoráň okno! zorou ať si svietim;
hľa i tu ruža, i tu zory svetlo:
pyšteky polo otvorené,
jakoby čerstvé dva plamene,
ukazujúce: jak tam život horí . . .
Ha! precítlo, smev — radosť, už švitorí,

nebeským zrakom čosi pýta, hľadá,
lež aj hneď samo dotaz zodpovedá;
žvast z ústok slastný, z očiek svetlo kmitá:
jak keď sa brieždi, peje to i svitá . . .
— Nuž neblúznite, chmurní misanthropi!
vy rozdrojenci s bohom, svetom, sebou:
že v blate človek i s duše velebou,
a zhuba vládne až po nebies stropy.
Ja sbehal stezky sveta letkom duše,
slasť mi prinesla, ňouž mi srdce búcha;
a ztadiaľ vzdor váš mi ju nevyruše,
bo sadil som ju plnou silou ducha.
Ja slasť zažívam tú večnú, odvekú,
jak sa mi bola z neprebraných zdrojov
za každou stopou prehojne zprúdila;
hej, ja preletnúc vesmír dušou svojou,
našiel som — a tak pravdu vzala tucha, —
jak skvosty božská ruka uložila:
kvet, vtáčka, hviezdu, anjela — v človeku.

Hviezdoslav.

Čierne oči švárnej devy.

Čierne oči švárnej devy
Ako tmavá noc;
Pozor, pozor, šuhajíčku,
Pre ne zle neschodz.
Hviezda sa ti v ních usmieva,
Lásky sľubnej kmit:
Ale Bôh zná, kde je ešte
Rána tvojho svit?

Čierne oči švárnej devy
Ako tmavá noc;
Pozor, pozor, šuhajíčku,
Pre ne zle neschodz.
Bo z ních veru, neznáš ani,
Svetlonos šľahá:
Zavedie ťa v trasovisko,
Tam potom nechá.

Koloman Banšell.

Mladík vyšších vzletov.

Kto ste videli orla mladého
Vysoko, bratia, točit kolesá?
Kto ste videli letom volného
Sokola krýdlom šibnúť nebesá?
A jako tento, ba vyššie lieta
V'vidinách svojích syn čistý sveta,
Vždy vyššie v dialku nesmiernych svetov
Mladík svobodný, syn vyšších vzletov.

Hľa, jako búra orkán pustiny
Stromy a skaly, i celé vrchy!
Ha, jako rúca lode v ssutiny
Zúrivé more sťa dáke mrchy!
Tak búra, rúca v kalužu metá
Chyby a hriechy zlostného sveta,
Podvody a klam nečistých profétov
Mladík svobodný, syn vyšších vzletov.

Či ste videli kriesit slabého
Bratia, lekárom zbehlým človeka?
Či ste videli budiť malého
Matkou milenou z mdloby chlapčeka?
Tak hojí rany rodu smrtelné
Oď meča už už nezhojiteľné
Listom liečivým vonnistých kvetov
Mladík svobodný, syn vyšších vzletov. —

Hlaďte, jak klesá šípom ranený
Za milú volnosť statný, volný Grék.
Hlaďte, jak marne sily zbavený
Sboriť chce Kriváň zlostnej búry vztek.
No, jak za volnosť ten rád umiera
A tento búry vzteklosť odberá:
Tak mre za národ a svojou pätou
Šliape vztek vrahov mladík vyšších vzletov.

Čujte, jak bájne vylieva piesne
Malý sláviček v tiennom hájiku.

A sňažná labuť, že či neklesne
Jej panstvo — dúma — v kryštálrybníku?
Tak dúma, spieva o sláve rodu
A s výšin svojích dá mu svobodu,
A do nadhviezdnych vznesie rod svetov
Mladík svobodný, syn vyšších vzletov.

Hľa jak sa teší dieťa, milený
Keď vidí púček malej ružičky,
Hľa, jak okreje pútnik zomdlený,
Keď zhliadne čistý prameň studničky.
Tak, hľa, sa teší, keď z nízkej hmoty
Z ríše to zemskej mrtvej ničoty,
Vznáša sa všeľud ta v ríše poetov
Mladík svobodný, syn vyšších vzletov.

M. M. Klimo.

Peter Velký

od J. Graichmana.

Večer je! — ešte sa svieti
V dome Sokovnína,
Tam sa radia sprisahanci
Pri pohároch vína.

Oheň, vraj, vnoci vypukne,
Cár ho hasiť príde,
Naň sa rúťa, ho zavraždia,
Tak zo sveta zíde.

Dvaja z ních svedomím hnutí
Odídu z tej rady,
A Cárovi v známosť dajú
Tie tajné úklady.

Vzácni hostia sa u Cára
Bavia v společnosti,
A Cár stanúc nič nerekne,
Vzdiali sa v náhlosti.

Vydá rozkaz, — vojsko stúpa, —
Noc je šero-tmavá,
Nik netuší, aká zkaza
O chvílku nastáva.

A Peter so svojím sluhom,
Len tak dvaja sami,
Utekajú na vozíku
Tajno ulicami.

Ale Cár prv, ako vojsko,
K miestu sa dostaví,
Všade ticho, — prázne kúty,
A žiadnej postavy.

Zazre terem Sokovnína
Svetlom ožiarený,
I vôjde dnu, — sprisahancov
Nájde prekvapený.

Zdravstvujte! aj ja prichádzam!
Ohlasí sa smelo,
K vám semká na pohár vína,
Keď tu tak veselo!

Pijú, — živo besedujú,
Jeden potutelne:
Čas je! zticha sa ohlasí;
Druhý: no ešte nie!

Ba už! hlasom hromovytým
Cár Peter zavolá;
A búši doň päsťou, — až sa
Zrúti na kraj stola.

„Sem sa stráž moja vojenská!
Týchto psov poviažeš!
A tam, — kde slnce nesvieti,
Byty jim vykážeš!“

I vráti sa do paloty
Medzi svojich hosťov,
A rozpráva tú udalosť
Jemnou veselosťou. —

Staroba.

Staroba je pamiatka jediná
Z mladých časov, keď ruže tváry
Značily kvet mladíctva jarý,
ktorý časom vädne a pomíňa.
Tá milá tvár starca nevinná,
Nábožnosti čo pýrom žiari,
Táto tichosť v vysokom starí
Dávných časov sladkosť, bôl spomína.
Staroba je výsledok činnosti,
Je to výtok čistého ducha,
Ktorý nežil v života bujnosti.
Jako stromu ratolesť snehá
Padá za obet konečnosti; —
Telo zem, nebo príjme ducha.

S. K. Tisovský.

Sylvestrova noc

od J. Graichmana.

Vonku sneh kúri, — zámety stavia, —
Sylvestrova noc, — blúďa duchi; —
Dvaja priatelia u mňa sa bavia,
Jeden rozpravný, druhý nemo-hluchý.
Onen rozpráva v rozčúlenosti
O ludských biedach, svetskej márnosti,
A ten druhý mlčí, temný ako stena; —
Divná jeho bytnosť celá,
Nie je smutná, ni veselá,
Tajnosťami zahalená. —

Ostatný večer sme spolu, —
Ku mne vraví, — dobre sa maj!
Kedy žial, kedy dobrú vôlu
Sme mávali, pamätaj!
Dosť sme sa naustávali,
Neraz nádeje sklamaly
Ale nič to! nádeje
Sú len sľuby, nie deje, —

Dej je skutok v čestnom bôji;
Mocný duch sa vierou kojí! —
Ako dvanásta odbije,
Umrem! — večna noc ma skryje! —

Čuješ! zpev v kostole hlasne
Ozíva sa! lampy plápolajú;
To môj pohreb! všetko zhasne,
A mňa o polnoci pochovajú. —

V tom kostole páni, dámy
Kukajú do panorámy.
Štvoraké sú sklíčka,
Do níchž upravajú víčka:
Cez ružové sklo hladia mládenci a devy,
Celý svet jím ružový, a láska, a spevy;
Cez žltkavé kukajú činných mužov hlavy,
Celý svet jím je zlato, hodnosti a slávy,
Cez čierne sklo kukajú starcov hlavy sivé,
Celý svet jím zčernelý, údolie plačlivé;
Lež cez biele pozerá, ktorý múdre žije,
A vidí svet bez farby, len taký, aký je. —

Ale bratku! čas sa míňa,
Blíži sa moja hodina,
Ja už mrem, — povedať ti ešte chcem:
Že po mojej smrti tomuto
Mojmu bratovi, čo sedí tuto,
Žijúci odporúčať sa budú,
Aby neprišli pod hrudu,
By ich bránil od bôja,
Od morovej nehody,
Doprial zdravia, pokoja,
A dal hojné úrody. —
V tom zahučí polnoc zvona,
A on zmizne ako tvôňa. —

Kto to? zvolám zarazený,
Pozerám i sem i tam v bok;
I prevraví onen nemý:
To bol starý, — ja nový rok! —

Slovenski oddel.

Predgovor.

Pričujoča knjiga imela bi podati čitatelja pokuse iz vseh slavjanskih jezikov.

Temu, da nam ni posrečilo se popolno doseči našega namena, kriva je bila nemogočnost pridobiti za soudeleževanje pri našej knjigi zastopnikov vsih slavjanskih plemen. Vendar upamo z njenim izdanjem pripomoči k razprostranjenju znanstva slavjanskih jezikov i uterjenju duševnega edinstva i vzajemnosti med Slavjani.

Najde-li naša knjiga i namen njenega izdanja odobrenje, bode nam morebiti mogoče v prihodnje spreoberniti jo v letnik ter popolniti njeno sedanjo pomanjkljivost.

Izidi torej perva naša knjiga, naše želje te spremljajo na vse strani, kjer se razlega pod široko razvivšimi se odrastki slavjanskega plemena slavjanska beseda!

Bodi povsodi sprejeta s takošnim veseljem, s kakoršno ljubeznijo te mi izdajemo!

Pozdrav slovanskim dijak.

Zdravstvujte, slovanski Vi dijaci,
Vi Slovenci, Serbi in Hervatje,
Rusi, Čehi, Bólgari, Slovaci,
Vsi kerví smo ene, vsi smo bratje!
Roke krepke v slogo si podajmo,
Skupaj skóčimo na težko delo,
In popréd nikar ne odnehájmo,
Da nam sad rodilo je veselo! —

Pógled po širocem, dolgem svéti,
Vse s ponosom ima nas navdati!
Kdo zamore sine Slave šteti?
Kdo zamore meje njih kazati?
Brezštevilni so sinovi Slave,
In brezmejne svete njih dežele,
Kakor listja jih je, kakor trave,
Gospodar Slovan je zemlje cele!

Nij še gospodar! — Slovan zdihuje
Vedno še pod težkimi okovi,
On postavam vedno še posluje,
Ki jih ptuji pišejo rodovi!
Gospodar še nij Slovan, a zarja
Svitla tam v izhodu, glej že vstaja,
Že pozdravlja novega vladarja,
Sterl sovražnega Slovan bo zmaja!

Bratje, mi smo nada domovíne,
Vso prihodnjost ona ná nas stavi,
Skažimo se čverste, krepke sine!
Vsaki svoje naj moči pripravi,

Skup jih domovini posvetimo.
Urno, naj nobeden ne odlaša,
Prej ne jenjati se zarotimo,
Da je srečna domovina naša! —

Kri ji posvetimo in življenje,
Na potrebe lastne pozabimo —
Sladko, dobrodejno je terpljenje,
Ako domovini v prid terpimo!
Trud naš plačan enkrat bo obilo,
Nam zanámci bodo slavo péli,
Z rožami trosili nam gomilo:
Mi na veke bodemo živeli! —

Duh svoj bister dvignimo v višave,
Preletimo vse človeške véde,
Vsak naj najde pot ki ga do slave
Do neumerljivosti privede:
Naša slava, slava domovine! —
Naj stermí Evropa pred Slovani,
Občudujejo njihove čine
Slavne naj Romani in Germani! —

Najprej duh naš zmago naj praznuje,
S to gotovo druga pride zmaga;
Razrušili bomo sile ptuje,
Svóbodna bo domovina draga!
Vsi Slovani v bratovskej ljubezni,
Bomo se pod eno lipo zbrali,
Več nas ne razklene meč železni,
Več nikdár ne bomo hlapčevali! — — —

Fr. Zbašnik.

Pervi križ na turškem polju.

Jesenska noč je, tožna in meglena,
Krohotni v zraku glasi se gubé.
So ptičev potujočih li plemena,
Ki proti jugu toplemu bežé? —

Nebó z oblaki lune svit obdaja,
Kaj se godí, spoznati bo lehkò:
Vojakov mnóžica, glej, sem prihaja,
Vojakov ruskih, koji v boj gredò.

Bog spremljaj potujoče vas junake,
Bogato naj platí vam blagi čin,
Naj srečno vaše vodi on korake,
V ponòs da bo potomcem vaš spomin!
Vi pervi ste, ki bratov se spomníte,
Ki v daljnem jugu v sužnosti terpé,
Slavjanu in kristjanu vi hitíte
Stoteroletno maščevát gorjé.

In preko reke Dunaja se čete
Do bregov Loma černega spusté,
Sočutje za sobrate in osvete
Do Turkov polni vsakemu sercé.
Sovražni topi sproti jim germijo,
Divjakov meč in kletva smert pretí,
Da prišleci v trenotju se zgrozijo, —
Potem pa hrabro vsak naprej derví.

Al' oh! kakó že drug za drugim pada,
Ker turške čete vedno se množé;
Junakom vsa do zmag ugaša nada
Vedočim, da zahman se vsi boré. —
A na konjičku, kdo se tam vojuje,
Kot hotel sam bi zmagat' vojsko vso,
In svoje z duhom novim navdihuje,
Prestrašene oživlja s hrabrostjo?

Njegov pogum in gibanje svedoči,
Izurjen da junak v vojaštvu je;
Ker vodstvo bitve njemu se izroči,
O možkem njega duhu sodi se.
A čudno nežna njega je podoba,
Mladost le vsak njegov pokrèt izdá,
Očí goreče, ogenj in miloba
Mladenška iz njegovih lic smehljá.

Prikazen ta je Turke vzplamenila,
Od bojne želje vsem žaré oči,
Nanj vojska vsa se je takój spustíla,
Da curkoma iz ran mu teče kri.
On vendar ne zbeží, zdaj stoperv besno
Maháti okol' sebe je začel,
Z uzdihom pa mu sablja pade z desno,
V sercé nekdó junaka je zadél. —

Dan nagne se; že solncu pôt se zniža,
Ki bleda lica padlim osvetí;
Poveljnik turški s spremstvom se približa
Spoznát junaka, mertev ki leží.
Pod solncem Turku stvar je vsaka burka,
Z nesrečo se šaljívo on igrá,
Junaška hrabrost sáma gane Turka,
Ganíla jih je tudi hrabrost ta.

Ime in rod vse mika izpoznáti
Pokojnega, katerega časté,
Znaménje zaželeno poiskati
Brez daljšega čakánja se pričné.
Z njegove listnice množíca zbrana
Pozvé in začudivši se stermí:
Junak da zval se naš je le — Ivána,
Polkovnika kozakov donskih hči!

V podobo bledo gledajo zavzeti,
Štovanje vzbuja ranjeno teló;
Po tej iznajdbi móčno so zadeti,
Da nežnemu se truplu klanjajo.
Na polju jamo grebejo globoko,
Vojaške vse jej skažejo častí,
Orožje v mertvo denejo jej rôko
V znaménje možke nje junakosti.

In čudo glej! znaménje križa óni,
Ki križ nad vsako známenje čertè,
Križ pervi, in po lastnem to nagóni,
Na turškem polji urno posadé,

Križ, svetu ki naznanja, da kristjanka
V samotnem grobu mirno tem leží,
Ki bila je junakinja Slavjanka,
Slavjanka neprestrašene kerví!

Pavlina Pajkova.

Gazeli.

I.

My spring is gone, my spring is gone.
Does it come back? — O never!
Keep peace, my heart, keep peace, my heart,
Though it is lost for ever . . . .

V Življênja solnce se mi je stemílo — molči, tožba!
Le kratko jasno mêni je svetílo — molči, tožba!
Pomerle v duši nádeje cvetné,
Kar jih v mladosti dnéh se je rodílo — molči, tožba!
Sercé, objemajoče vse ljudí,
Globôko ranjeno je oterpnílo — molči, tožba!
Prejemal često za ljubezen serd
Od pódlosti ošabne sem v plačílo — molči, tožba:
A vendar, togam vsem navzlíc do zdaj
Ostalo jedno mi je tolažílo — molči, tožba!
Ti, blaga Muza, tvoj nebéski dar,
Iskréne pesni moje so krepílo — molči, tožba!
Zlajšuje petje mi duhá britkóst,
Boléstim njêga čarno je zdravílo — molči, tožba!
Ostavi naj, sovraži mêne svét,
Jaz pôjem, dôkler bode serce bílo — molči, tožba!
In zadnji ko napóči dan, možá
Značajnega naj sprejme zêmlje krílo — molči, tožba!

II.

Ein Löwe bin ich, trotzig, kühn,
Gefesselt freilich, das ist wahr,
Jedoch, wenn auch die Fessel klirrt,
Ein stolzer Löwe immerdar.

Če hočeš, da ti reka svet možák — prijatelj moj!
Povsodi, vsegdar bodi poštenják — prijatelj moj!
Govôri zmérno in ozrí se v daljo,

Prej, nego kâm zavíješ svoj korák — prijatelj moj!
Sercé imej dobrostno do človeštva,
A nigdar némaš biti premekák — prijatelj moj!
Odkritoserčen bodi, ali v dušo
Naj licemérec ti ne gleda vsák — prijatelj moj!
Ko na-te stréle padajo nezgode,
Ne dergotàj, ostani mi krepák — prijatelj moj!
Spomínjaj se, da solnčna luč prisvéti,
Kedar vihárni odbeží oblák — prijatelj moj!
Ne bój se trudov pri visôcih smotrih,
Živòt za lavor hrabri da junák — prijatelj moj!
Kar slavnih móž povestnica nam kaže,
Nijednemu bil pôklic né legák — prijatelj moj!
In starih náuk modrijánov slôve:
Da pokoj le po borbi je sladák — prijatelj moj!

Jos. Cimperman.

Rožno cvetje.

Domovje ostavil lep hlapec je mlad,
Nevesto bi zabil tovariša rad.

Nezvesto! ki njemu ljubezen svetó
Poplatila ljuto z izdajo britkó.

Obupno za les je popotni prijel,
Pogledal premilo cvet rožní še vel,

Ter hranil na serci spomín presladák,
Ki ona v ljubezni ga dala mu znák.

In križem obhodil prostrani je svet,
Obupa nij vendar nikdér bil otet.

Nikdér si nij lajšati mogel sercá,
Povsodi je terpel pod silo gorjá,

In suhe pekoče so bile očí,
Nijedna mu solza hladíla jih nij.

Domov hrepení, da še gledal bi kraj,
Kder srečo nebesko je vžival nekdaj.

Tù zopet planine ponosne, svetlé,
Tù spet so potoci, ki čversto šumé,

In tukaj so hišice, tamkaj nje stan,
In vertec je zraven — oj, vertec cvetán!

Pred njim se ustavi očaran, razgret:
Mej cvetjem zagledal živ rožni je cvet!

To nje je podoba, obrazek svetal,
To nje je poglèd, ki mu serce je vžgal!

To nje je lepote nadzemski odsvit
Z nedolžnosti zarijo vzorne oblit!

In tujcu nasmiha se dete sladkó,
Pozôve ge k sêbi prijazno, ljubó:

„Na“, pravi „darujem najlepšo ti róž“ — —
Na glas zdaj zajokal nesrečni je mož!

Lujíza Pe-jakova.

Obuf.

Veselo sem živel, in kaj bi ne bil,
Prijazno so cvéla mi leta mladostna,
Mi duša mladenška je bila radostna,
Kako sem se svojih moči veselil!
Pogumnega sérca, ponósnega dúha,
Nikdár bojazlivosti nisem dal slúha.

Brezskerbno sem gledal v odperti mi svet,
Brezskerbno sem letal za srečo vabljivo,
Znal nisem, da upanje je goljufivo,
Da mnogokrat s ternjem opleten je cvet;
Samo po imenu poznal sem nesrečo,
Pekočo bolest in brigo morečo.

Ko perve nesreče nad mé prideró,
Prihrujejo pervi viharji nezgode,
Me sicer zmajejo udarci osode,
Na tla me nikakor ne poderó.
Še stál sem nevpognjen, ko hrast, ki kljubuje
Viharju, solzé so mi bile še tuje.

Al sreča sovražna ne neha poprej,
Dokler ne vkrotí me in zlomi do kraja;
Pokaže mi krasno devico, napaja
Sè sladkim me strupom ljubezni, in glej! —
Ko sladkih se čutov vpijanim, nezvesta
Postane izvoljena moja nevesta.

Tako sem bil treščen iz višnjih nebés
Ljubezni goreče v brezno obupa.
Čakala me grenka bridkosti je kupa,
Erinje začele krog mene so plés.
Nesreč so udarci ko toča zdaj ná-me
Se vsuli, rešitve ni bilo več za-me.

Krivice, nadloge, solzé in skerbi
Postale so zvesté mi zdaj tovaršice;
Zvenélo rudeče mi moje je lice,
Sè čela oblak se temán ne zgubi.
Potert in polomljen brez upa rešenja
Se vijem in pijem bridkosti terpljenja.

Niš Vodoran.

O pismenih jezikih na sploh in občeslovanskem literaturnem jeziku posebe.

Po časnikih in časopisih, pa tudi po knjigah svoje ože domovine imam priliko že dolgo časa skoro vsak dan opazovati napredovanje in pretresovanje domačega jezika. Nikdar pa mi ni bilo jasno, po kakih načelih rojaki obdelujejo svoj jezik, in nikdar me niso še z razlogi in vzroki dovolj prepričali, zakaj se temu ali onemu sorodnemu jeziku bližajo.

Taka nejasnost me je naganjala k premišljevanju o pismenih jezikih na sploh, o razmerah slovanskih jezikov pa posebe. In „Almanah“, napolnjen z gradivom toliko jezikov, je kakor nalašč pripraven za tako namero.

Strani, katere nameravam pojasnjevati v kratkih potezah, ne zahtevajo toliko natenkega znanja slovanskih in mnogih jezikov, kolikor pa sposobne induktivne moči.

Zakoni popolnih ved, kateri morajo pokazati tudi v jezikih svojo veljavo, so mi bili glavna podloga.

Zdelo se mi je, da si po taki, če tudi nenavadni poti, z lastnim premišljevanjem največ časa in truda prihranim. Samostalnost vsaj sem si takó na vsako stran obvaroval, in se za vsako terditev v posebnih razpravah s pojasnili, če je treba, lahko opravičim.

Onih, ki so drugih misli, ne imenujem. S tem, da terditve na svojo roko utemeljujem, ob enem izražujem, zakaj mi pojasnila drugih ne zadostujejo.

Prihodnji zgodovinarji bodo zaznamovali sedanji čas kot dobo, v kateri se začenjajo Slovani sami razvijati in tudi delovati v svetovni zgodovini. V resnici, Slovani zdaj napredujejo z velikanskimi koraki; ali doveršnosti nikjer še ni; povsod se kaže še le začetek mnogostranskega razvoja.

Ni čuda, če Slovan tudi jezika ni še doveršil; ni čuda, če se Slovan trudi, da bi tudi orožje svojega duha sposobil za najplemenitiše svoje moči.

Ravno v jezikovem napredovanji pa kaže Slovan različnost v stopinjah jezikove popolnosti ravno takó, kakor je različen razvoj drugih strani pri posameznih vejah slovanskega debla.

Zato se ene slovanske veje že ponašajo z manj ali bolj utercenim in bogatim jezikom; drugi se pa še le trudijo z nabiranjem jezikovih pervin, da bi dotekli že srečniše brate v tem najimenitnejšem delu narodnih zakladov.

Nerazviti jeziki slovanski pa po raznih potih napredujejo vsled raznih namér in načel, katera si postavlja ta pa on oddelek slovanski. Eni namreč razvijajo svoj jezik samostojno in neodvisno, kakor da bi drugih sorodnikov ne bilo. Drugi pa se drugim vejam približujejo v slovarji, pa tudi v slovničnih oblikah ali po načelu sorodnosti ali pa iz političnih in drugih vzrokov.

Razvidno je iz takega razvoja, da se Slovani tudi v jezikih bolj in bolj morajo oddaljevati. Razločki morajo povečati se po takih potih od desetletja do desetletja.

Doba, v kateri se je mednarodni duh oživil; doba, v kateri hrepené narodi bližati se po narodnosti in sorodnosti, kaže na omenjeno stran popolnoma nasprotna početja, pri nekih Slovanih pa še celó zavedno nasprotne namere. Taka nasprotja so za Slovane žalostna in najčudniša v sedanji dobi.

Še čudniša se kažejo taka logična protislovja in praktična nasprotja, če pomislimo, da se ene in iste veje slovanske praktično v jeziku od drugih oddaljujejo, v namerah pa hrepenenje razodevajo po enem književnem jeziku.

Glasovi za medsebojno književno približevanje pa so bistveno dveh verst. Eni kličejo po absolutnem skupnem vseslovanskem jeziku, drugi pa hočejo več skupin napraviti po načelu veče ali manje sorodnosti.

Glasovi taki so se že davno med Slovani slišali, in sedaj, ko kaže Slovanom upanje dneve boljše prihodnjosti, se enaki glasovi vedno bolj množé.

Ali stališča in mnenja med posameznimi slovanskimi narodi so takó različna in takó mnogoštevilna, da trezni človek ne more pričakovati takó berž zedinjenja v mislih; na začetek izverševanja takih namer pa po dosedanjih prikaznih še misliti ni.

Taka različnost in mnogoterost v mnenjih in namerah gledé na literaturno zedinjenje pa ne prihaja iz termoglavosti in samovolje pri raznih Slovanih. Oni vidijo, da so ločeni po legi, po naselbah drugih narodov, po zgodovinskem razvoji in drugih razmerah, katere odkazujejo narodom odločno in lastno pot.

Slovani poznajo svoje pismene jezike in vidijo, da jih pri še takó veliki sorodnosti vendar tudi ta stran razločuje.

Take razlike pričajo o pametnem ravnanji, ako so Slovani previdni, in da se slepo ne udajo načertom in nameram, katerim stojé naravne in zgodovinske in druge dejanjske zapreke nasproti. Takim zaderžkom se najviši vzori umikajo, in kjer je zmaga že naprej izgubljena, se radi ne bojujemo.

Sedanji vek je zbudil zavest tudi malih narodov. Narod, še takó majhen, varuje in hoče ohraniti znake svojega bistva. Ako za drugo ne, vsaj za jezik se še takó šibek narodič med Slovani poteguje.

Tudi pri slovanskih narodih je dozdaj sebičnost taka, da bi vsaka veja rada privolila, ko bi hotele druge veje njen jezik

za skupni jezik sprejeti; nasproti pa bi noben oddelek slovanski ne bil zadovoljen svoj jezik sè sorodnim zamenjati, tudi ko bi vedel, da dobode boljšo zameno.

Na sploh vidijo Slovani korist literaturne edinosti; saj ni treba gledati za tako spoznanje na drugo, kakor na kulturne evropske narode, ki so ravno na podlogi jezikovega zedinjenja dosegli sedanjo kulturo.

Manjši slovanski narodi, ki gledajo tudi na prihodnjost, spoznavajo ravno takó potrebo vsaj relativnega zedinjenja.

Gledé na izverševanje takih nagledov pa so si Slovani zapet navskriž. Eni menijo, da Slovanom ni mogoče dospeti do takega zedinjenja, kakor se je to posrečilo drugim sedaj mogočnim narodom, ker je med Slovani več nasprotij in težav, kakor pri drugih narodih. Drugim se dozdeva, da bi bila tudi Slovanom dosežna taka sreča, pa ni jim noben slovanski jezik dovolj sposoben za literarno zedinjenje. Zaradi tega in pa, da bi se lože pogodili, so nekateri slovanski učenjaki nameravali poseben jezik osnovati iz pervin raznih slovanskih jezikov.

Še drugi oddelki Slovanstva so ponosni na svojo narodnost, na svojo zgodovino in višo omiko, ki jo imajo pred drugimi sobrati. Ti povzdigujejo svoj jezik, ki bi bil edino sposoben za vse Slovane. Ako ne, — tako si mislijo — pa lahko ostanejo sami za se, kakor da bi bili za vso prihodnjost dovolj močni v svoji dosedanji neodvisnosti.

V takih ponosnih mislih jih domači veljaki uterjujejo. Možaki, ki so se politično obnesli, hočejo tudi za jezik svojo povedati in takó odločiti pot narodom tudi na to stran, kakor da bi strokovnjaki na eno stran sposobni bili za vsakotero razsodbo!

So tudi Slovani, kateri bi radi svoj jezik drugim usilili samo zato, ker so zdaj politično na boljšem kakor drugi.

Potem so tudi taki, ki imajo svoj jezik za najsposobniši zaradi starosti ali največe sorodnosti sè staroslovenskim jezikom, ali ker vsaj pišejo s tako imenovanimi staroslovenskimi pismenkami.

Na kratko je o raznih mislih in namerah gledé na literarno zedinjenje povdarjati, da je tukaj mnogo predsodkov, enostranosti, poveršnosti in zmesi raznih strani in moči.

Sklepanje samo na sebi ni krivo; ali podatki raznih in nasprotnih strani in moči za naše vprašanje niso pravi, in zato so tudi sklepi neveljavni. Zategadelj se po takih potih tudi misli ne morejo zediniti.

Vprašanje tedaj ni še rešeno; po dosedanji poti tudi ni mogoče priti do porazumljenja. Vprašanje se tedaj usiljuje kakor novo za premišljevanje in za razgovor. Vprašanje je res težavno; mnogo vozlov je treba razvozlati.

Do razvozlanja se meni ne kaže druga pot, kakor da je treba vprašanje ostro oddeliti, odločiti. Vprašanje ima teoretično opraviti z jezikom samim: politika, moč, doseženi razvitek posameznih slovanskih narodov in druge razmere nimajo zapovedovati teoretični razpravi.

Gotovo je res, da pri praktičnem izvrševanji takega vprašanja delujejo in zaukazujejo tudi druge moči. Pri drugih narodih so zgodovinske moči jeziku zapovedovale: kot takega so ga po naključji odbirale, in tudi sedaj se v takih slučajih ne godi drugače.

Ali Slovani so za to vprašanje v drugem položaji. Druge razmere vladajo med njimi; na sploh nima noben slovanski narod toliko zunanje moči, da bi drugemu lastni jezik izpahnil in svojega urinil.

Še bolj onemogli se kažejo Slovani med seboj, ko bi hotel en narod med njimi vsem drugim usiliti svoj pismeni jezik. Tudi še daljnja prihodnjost se ne kaže taka, da bi mogel najmogočniši narod slovanski zapovedovati na to stran vsem drugim Slovanom, ko bi se oni branili takega darila. Slovan se torej vsaj pred Slovanom nima bati sile gledé na skupni jezik, če ga sam noče sprejeti.

Slovan ima tedaj za literaturno zedinjenje od sobratov prosto roko. Slovan po takem po svoji volji lahko drug slovanski jezik za književno rabo sprejme ali pa ne sprejme. Slovan lahko tedaj stopi v dejanjsko zvezo z drugimi brati po poti skupnega literaturnega jezika, ali pa si še dalje po svojih notranjih razmerah razvija svoj jezik neodvisno od sobratov. Odločba za en vseslovanski književni jezik bi pričala o neprisiljeni pogodbi, o prostovoljnem porazumljenji med Slovani. Tak skupni sklep vseh Slovanov bi bil vštevati med enake pogodbe, kakoršne se verše zlasti sedanji čas med raznimi narodi, n. pr. za mednarodne pravice o vojskah ali za kupčijo in druge vzajemnosti in skupne dobičke. Da bi bila taka vzajemna odločba med Slovani veliko imenitniša, nego vsaka mednarodna pogodba, kdo bi se upal tajiti! Ali radi tega bi logično vendar le ostala med imenovanimi mednarodnimi pogodbami.

Tak položaj, da Slovani skupni jezik prostovoljno lahko izberejo, daje jim neko prednost pred drugimi velikimi narodi evropskimi. Tem narodom namreč so zunanje moči jezik odločile, ne pa zavednost o vrednosti jezikovi. To je, da bi Slovani radi podarili tako prednost, ko bi mogli za tak dar v enak položaj stopiti, v kakoršnem rabijo sedanji razviti narodi svoje velike skupne jezike.

Zavednost o cenitvi jezikov je sedaj tudi pri Slovanih velika. Vse je tedaj na tem, da imajo priliko presojati, kak jezik bi bil njih literaturnemu zedinjenju najugodniši. Da pa tako presojevanje ni lahko, se razvidi iz mnogoterih mnenj, kakoršnih smo prej nekaj našteli.

Presodba o ugodnem jeziku pa je tudi v resnici težavna, ker na jezik deluje mnogo moči, na katere je treba tukaj neizogibno gledati. Za naš namen bomo pojašnjevali najprej, kaj je podloga vsakemu pismenemu jeziku, in potem, kak jezik bi imeli Slovani izbrati za skupni jezik.

I.

Kdor premišljuje, od kod izvirajo jeziki, in kakó so nastali, ima veliko težo nalogo, kakor pa on, ki pretresuje pismene jezike. Pervotni nastanek jezikov nam nič mar ni, in zato nam je razgovor polajšan in tudi hvaležniši.

Predno imamo pismeni jezik, mora ustmeni jezik živeti in že razvit biti do neke stopinje. Naj si bo pa ustmeni jezik še tako pervoten in reven, nekaj skupnih lastnosti ima z najboljšim jezikom na svetu.

Vsak jezik brez izjeme je sad notranjih nagonov in zunanjega sveta, ki deluje na notranjost človeško. Pri vseh izpremembah zunanjega sveta in notranjih človeških moči pa vzajemno delovanje človeško in zunanjih reči in dogodkov ostane bistveno neizpremenjeno. Vsled takih neizpremenjenih bistvenosti je tudi jezik sad stalnih notranjih in zunanjih moči. Določeni glas, katerega je pervi človek izrazil, izraža človek tudi denašnji dan vsled enake mehaničnosti ali vsled enakih nagonov in fizijologičnih moči.

Skupno delovanje psihologičnih in fizijologičnih moči podaja jeziku vsakotere stopinje neko stalnost, ki se kaže v raznih jezikovih zakonih.

Vsak jezik ima tedaj več ali manj zakonitosti v sebi. Ta zakonitost ne nastaja vsled kakega premišljevanja človeškega, ampak vsled moči, katerih se človek pri stvarjenji jezikovem še zaveda ne. Ravno slepa mehaničnost človeških moči, ki ustvarja jezike, podaja vsakemu jeziku bolj ali manj neizbrisno znamenje organične zakonitosti. Jezik je po takem pred vsako pismenostjo ne kak umeten izdelek, ampak naraven, zakonit in organičen pridelek.

Jezik takih lastnosti sprejemlje človek na kateri si bodi stopinji v pismo. Vsakemu pismenemu jeziku je tedaj iskati pervotnega gradiva v ustmenem jeziku. Naj ravna človek s pismenim jezikom, kakor hoče, brez takega gradiva ne more ničesar opraviti. Iz tega je razvidno, da največi jezikov umetnik na svetu brez pervotne podloge ne more ustvariti ne pismenega ne druzega jezika.

Zakoni ustmenega jezika morajo pa ostati v resnici temelj tudi pravemu pismenemu jeziku. Zakonitosti jezikove ni tako umeti, kakor da bi moral ostati jezik na stopinji vedno enakih oblik in enakega števila svojih pervin. Jezik je rastlina ali drevo, katero rase, se razprostira in usiha. Zakonitost kaže svoje moči v tem, da se vse izpremembe, vse krepčanje in pojemanje jezikovo verši po enih in istih potih vsled neizpremenljivih vzrokov.

Ni tedaj misliti, da bi bilo mogoče pravemu pismenemu jeziku živeti po drugih zakonih, nego je življenje ustmenega jezika.

Kdor vé, kako živi ustmeni jezik, utegne še le gojiti prav tudi pismenega. Znano pa je, da jezikovi umetniki pogostoma zabredejo in delajo jezikom krivice. Znano je, kakó načela izpreminjajo, kakó se prepirajo o slovarskih in slovničnih oblikah. Po takem ni toliko lahko zavedati se o pravem življenji jezikovem, in vendar je taka zavednost silno potrebna zlasti pri onih narodih, katerih jezik se še le razvija, in kateri mora rasti za narodne potrebe. Zato ni odveč, če se razgovarjamo o podlogi, katera je vsakemu pismenemu jeziku edino naravna in potrebna.

Mislimo si odraslega človeka, n. pr. slovenskega kmeta, ki nikdar ni še domače knjige bral, ki pa vendar pozna slovenske čerke toliko, da bi z njimi zapisal vse domače besede, kolikor jih zna. Recimo, da bi prišel tak človek med popolnoma tuje ljudi, ali pa na kak otok, kjer drugega človeka ni. V takem položaji začne zapisavati spomine in dogodbe svojega življenja v svojem jeziku z domačimi čerkami.

Kak bo ta jezik? Gotovo tak, kakoršnega je ta človek vajen iz otročjih let. Nobene izpremembe ne bo najti ne v slovarskem ne v slovničnem delu. Po največ bo kaka beseda pokvarjeno zapisana ali zaradi tega, ker ne zna čerk dobro rabiti, ali pa, ker nima za lastne glasove dovolj tankega ušesa. Bistveno pa bodo njegovi spomini pisani takó, kakor sam govori. Pisani jezik takega pisalca je v taki razmeri z ustmenim govorom, kakor živa podoba s fotografijo.

Tak jezik tedaj se ne razločuje od ustmenega jezika, tak jezik je pisan, pa ne pismen jezik.

Ustmeni jezik ni pridelek samo enega človeka, ampak veče človeške skupine. En sam človek, tudi Metuzalemovih let, bi takega dela ne pokazal, kakor je jezik. On bi sicer glasove izražal po stanovitnih zakonih; ali taki glasovi bi ne imeli jezikove bistvenosti. Za ustvarjenje ustmenega jezika je tedaj vsaj dveh ljudi potreba. Okvir dveh oseb pa popolnoma zadostuje za misel, da bi dva človeka utegnila ustvariti za nja potrebni jezik. Naj bi si bil tak jezik kakoršen koli, gori omenjeno bistvenost vsakega jezika bi vendar imel.

Pa mi bi ne gledali na to, ali ustvarja jezike samo ena oseba ali množina ljudi, ko bi pri pismenem jeziku ne bilo enakega. Jaz sem zategadelj s premislekom tukaj rabil šematično podobo ali okvir z dvema osebama, in ga hočem za moje pojašnjevanje še dalje rabiti kot metodično sredstvo.

Naš kmet ali človek na otoku, kakor smo ga gori omenjali, je sè svojo pisavo lahko prav zadovoljen. Kar je zapisal, gotovo tudi umé pri prebiranji.

Sè svojimi zapiski vsakdo sebi zadostuje. In ko bi zapiski ne imeli drugih namenov, kakor lastne potrebe pisalčeve, bi gotovo ne potrebovali drugačne pisave nego lastno. Pismeni jeziki bi bili za vselej brezpotrebni.

Pismeni jeziki so torej bolj in bistveno za medsebojno rabo; za lastno rabo so le kot priveržek iz doslednosti. Za ustvarjenje in pojašnjevanje pismenega jezika je tedaj zopet neizogibno potreben okvir dveh oseb. Oglejmo si to našo načelno zahtevo.

Dva brata, v eni hiši rojena in v enem in istem jeziku izrejena, si pišeta iz daljave v svojem jeziku na stopinji onega znanja domačega jezika, na kakoršno smo v začetku postavili našega samca na otoku.

Ali je jezik teh dveh bratov v pismih različen od govora, v katerem se ustmeno in osebno izražata? Gotovo je enak ne samo bistveno, ampak tudi v manjših posameznostih. Po največ pišeta za kako ćerko navskriž, in še to samo zaradi tega, ker njijna ušesa niso privajena jezikovim natančnostim.

Tudi ta primer nam ne kaže se potrebe in pojma o pismenem jeziku.

Enaka bi se nam godila, ko bi hoteli naštevati izglede v okvirji dveh oseb iz iste soseske, vasi ali istega terga.

Dva človeka iz raznih vasi, če tudi nista daleć vsaksebe, pa bi utegnila kazati različnosti v glasnicah in tihnicah in morda tudi v naglasu ene in iste besede. V pismih bi se vsaj po naglasu ne ločila; za drugo pa bi se morala pogajati tu pa tam, ako bi hotela doseči enoličnost ali enakost.

Še večega pogajanja bi potrebovala dva človeka, ki živita n. pr. v drugih okrajih enega in istega jezika. V takem primeru bi potrebovala mordà že pogajanja za slovarske pervine.

Lahko bi take podobe še dalje razgrinjali, ko bi naša namera ne bila že dovolj jasna. Vidi se torej, da v neki meji enega in istega jezika enakost oblik slovarskih in slovničnih prestaja. Kjer so občine iz več vasi, čuti še ljudstvo pogostoma razločke, n. pr. v mehčevanji tihnic, pa tudi v slovničnih končnicah. Enaka se godi večim mestom, v katerih govori gorenji del mesta drugo narečje nego dolenji.

Ali ljudem v vsakdanjem življenji take razlike ne delajo skerbi. Še le ko se ne umejo več, si skušajo zapomniti različnosti sosedove. Nikdar pa jim ne pride na misel pogajati se v dosego enoličnosti v oblikah slovničnih ali slovarskih.

Pismeni jezik pa nastaja vsled pogajanja, t. j. vsled jezikovega razuma. Oblične razlike istih znamenj in razlike znamenj za iste pojme v določenem krogu enega in istega jezika dajajo pervi povod za vsakotero jezikovo pogajanje. V prejšnjih primerih ni bilo jezikovega razuma potreba, ni bilo torej nobene umetnosti pri zapisovanji v domači besedi. Po takih potih bi tedaj nikdar ne nastal noben pismeni jezik.

Vzemimo pa dva človeka iz nekoliko oddaljenih vasi sè skupnim, pa vendar nekaj slovnično in slovarsko različnim jezikom. Naj spišeta vsak svojo knjižico v natenkem govoru svoje vasi, pa naj si prebirata svoje spise v sverho primerjevanja slovarskega gradiva in slovničnih oblik. Onadva sta jezikoslovca,

sta si kos za določeni namen. Kot izvedena človeka berž spoznata, da njijn vaški jezik ni tak, da bi se pokrivala oblika z obliko, znamenje sè znamenjem za isti pomen. Vidita, da jezik v eni knjižici je večinoma dosleden po končnicah, po glasnicah v deblih in koreninah; vidita tudi, da v isti knjižici so besede večinoma v pomenu neizpremenljive. Če pa to knjižico primerjata z drugo, spoznata koj, da je tudi druga knjižica za-se bolj ali manj dosledna in stalna v istih končnicah, deblih, korenikah in besednih pomenih. Iz mnogostranskih primerov ali primerjevanj izprevidita, da vlada večinoma določna doslednost toliko v eni knjižiči, kolikor v drugi. Le ko bi hotela n. pr. končnico za eno in isto slovnično razmero zamenjati s končnico enake veljave v drugi knjižici, kazala bi se jima razlika. Spoznala bi naglo, da bi nevkretna zmes nastala, ko bi se pogajala za vsako razliko posebe. Imata pa poprek ravno toliko doslednosti v eni knjižici, kakor v drugi. Iz poprečne doslednosti svojih vaških govorov spoznavata, da je govor obeh vasi blizo v enaki meri dosleden, torej pravilen, po takem bolj ali manj zakonit.

Vrednost njijnih knjižic je torej po jeziku enaka. Rada pa bi enolično pisala. Posredovati jima ne kaže, da bi n. pr. zamenjala polovico doslednih strani jezika ene vasi za odstop polovice pravilnega jezika druge vasi. Previdna pamet, ki jo kažeta o jezikih, ja na zadnje napoti na to, da se prostovoljno pogodita. Eden se uda drugemu in obeča, prihodnje pisati po doslednostih ne svoje, ampak druge vasi. Ta dva jezikoslovca sta po takem zastopnika dveh vasi, in njijna pogodba velja, kakor da bi se bili vaščani obeh vasi pogodili po enaki poti.

Jezik, ki ga v gornjem smislu enako pišeta, ima veljavo za obe vasi.

Ta primer kaže pervič spoznanje, da vsaka vas, vsak kraj manjšega kroga govori za se jezik z največimi pravilnostimi in doslednostimi, ki jih utegne narod roditi sam brez vsake pomoči človeškega razuma. Po takem bi bil jezik v eni družini najdosledniši, in jezik se v resnici po večem krogu svojega življenja bolj in bolj razlikuje.

Drugič priča naša prilika, da ima vsaka vas, vsak kraj od začetka pravico svoj jezik ohraniti tudi za pismeno rabo, ker vsaka vas ima svoj glas, in kot taka svojo moč razodeva bolj ali manj tudi v jeziku.

V resnici pa ni v vsaki vasi, v vsakem kraji enake pravilnosti, enake notranje moči jezikove, ampak kak kraj kaže večo mehanično moč ali veči čut v gojenji, izpreminjanji in množenji jezikovem. Potem je začetek vsakemu pismenemu jeziku bolj ali manj srečen, kakor so sperva bolj ali manj gledali na imenovane jezikove strani. Od pervih pisateljev v enem jeziku, ali da šematično govorimo, od pervih dveh jezikoslovcev v prejšnjem pomenu, je odvisno, kateri pismeni jezik dobi krepkejšo ali šibkejšo podlogo iz narodnega govora. Naj nam nikdor ne očita, da šematični dvé osebi tukaj niste primerni, češ, saj tudi ena oseba lahko podá temelj pismenemu jeziku. Saj tudi ena oseba se mora, če je za jezik pametna, potem sama seboj pogajati, za kateri ljudski govor večega ali manjšega obsega se bode odločila. Mi smo vzeli nalašč vasi, tedaj najmanjše kroge narečij, ki se podajajo za podlogo pismenega jezika. Če je šematičnost dokazala že v tako majhenih krogih potrebo za modro pogajanje majhenih jezikovih razlik, je razvidno, da potrebuje podloga za narodni jezik toliko večega pregleda in toliko veče previdnosti za pravo podlogo. Ako kaže govor v obsegu dveh neoddaljenih vasi mnogostranske, če tudi majhene razlike v primeru med seboj, je jasno, da se morajo razlike v večih krogih istega jezika za ene in iste strani zvečati in na druge strani pa množiti. Na neki meji ljudskega govora mora po takem prestati vsaka skupna doslednost. Kjer pa skupnih doslednosti več ni, tam ni več pogodbe, in naravno je, če tam jezik nastane sè svojimi zakoni, sè svojim lastnim življenjem posebe. Takó je zaznamovana po eni strani največa enakost jezikova v bližnjih vaséh in na drugo stran konec vsake skupnosti.

Med tema krajnostima se suče narodni jezik, in kot tak spada po velikosti in drugih razmerah vsakega naroda lahko v več takih krogov, ki imajo posamezni po primeru ene vasi večo ali manjo enakost v slovarji in v slovničnih oblikah.

Take skupine, kjer se večina slovarskih pervin in slovničnih strani bolj ali manj med seboj ujema, dajajo podlogo narečjem. Vsako narečje, ako je vredno tega imena, mora imeti večo večino jezikovih enakosti, kakor pa medsebojnih različnosti.

Ko bi se dva jezikoslovca v raznih narečjih istega jezika doma pogovarjala za obveljavo enega ali drugega narečja, imela bi pred očmi pri primerjevanji obeh narečij bistveno iste jezikove strani, kakor ona dva jezikoslovca iz dveh bližnjih vasi. Eno narečje bi moralo obveljati po jezikovih,

naravno razvitih zakonih. Tudi narečje nima kot tako pravice pred drugim temelj biti pismenemu jeziku za več skupnih narečij. Prostovoljna pogodba tudi tukaj velja, in spoznanje veče notranje jezikove moči v enem narečji bi se še le prav pametno odločilo za tako narečje.

Po tem pa, ko eno narečje nastopi pot pismenega narodnega jezika, ni več časa in tudi pravice ne za polovičarstvo ali zmesi iz enega narečja v drugo. Potem je vsaka in največa jezikova doslednost in pravilnost, prenesena iz drugega narečja v gospodovalno, na škodo pismenemu jeziku: potem je vsak živelj iz sorodnih narečij, neizpremenjeno presajen v glavno narečje, tako rekoč spaka, ki škoduje čutu in notranji organični moči onega narečja, ki je obveljalo za pismeni jezik.

Organična moč, ki se kaže v vasi in v vsaki celoti jezikovi, tedaj kolikor toliko tudi v vsakem narečji, prepoveduje jemati življe, katerih ni gojila ista moč do zadnjega razvoja. Ta zakon je najviši za pravo življenje vsakega pismenega jezika. V koliki meri se jeziki dejanstveno bližajo temu vzoru jezikovemu, bomo še pozneje pojasnjevali. Tukaj nam je samo na tem, da pripoznamo vsakemu pismenemu jeziku za podlogo eno jezikovo celoto, nastalo v ljudskem govoru, katero celoto navadno imenujemo narečje.

Ta dokaz smo povzeli iz notranjega življenja jezika samega; torej je najnaravniši in najveljavniši. Kdor bi hotel v posebnostih posameznih narodov iskati podloge pismenemu jeziku, bi preveč dokazoval, in bi nekaj terdil, kar je samo ob sebi umevno. Da je enemu pismenemu jeziku samo en narod sè svojimi lastnostimi začetek, tega nikdor ne more in noče tajiti! Poleg take resnice bi še vedno lahko menili, da je dovoljeno razna narečja istega naroda mešati, kakor bi se komu zljubilo. Gotovo se je godilo, in se še gedi, da so ne samo življe, ampak tudi zakone posameznih narečij potiskali samovoljno in brez pravega znanja v narečje pismenega jezika. Take napake proti pravemu življenju pismenega jezika pa nimajo kvariti čistih in absolutno veljavnih teoretičnih resnic o zakonih pismenih jezikov.

Dokaz o enem narečji za podlogo vsakega pismenega jezika si nekateri učenjaki kaj zlajšujejo, kazaje na velike kulturne narode v Evropi, katerim so se razvili njihovi jeziki prav v soglasji z našo teorijo na podlogi enega narečja. Tudi nam bi bila taka pot krajša, ko bi nam bilo zadostovalo tako pojasnilo. Ali zgodo-

vina omenjenih jezikov dokazuje po največ, da je mogoče na enaki podlogi ustvariti književni jezik tudi velikim narodom, nikakor pa ne kaže racijonalne potrebe in sile, da bi morali hoditi tudi drugi narodi po enakih potih. Kdor se spominja, pod kakimi pogoji so se začeli razvijati veliki evropski jeziki, spozna berž, da je bila bolj zunanja sila, torej jezikovo naključje, ne pa naravoslovna in filozofska zavednost povod početku tem zdaj mogočnim jezikom.

V resnici se ni razvoj omenjenih jezikov veršil po tako gladki in ostro odločeni poti, kakoršno tirja naše premišljevanje.

Na drugo stran pa je vendar veselo znamenje za nas, da se kaže zgodovinska pot jezikov vsaj poprek v soglasji z racijonalnimi ukazi. Po takem zgodovinski razvoj velikih jezikov ne dokazuje poti pismenim jezikom, ampak po največ poterjuje najdeno pot po drugih pojasnilih.

Žalosten dokaz, da zgodovina ni mogla prepričati vseh učenjakov o podlogi pismenih jezikov, zasledujemo v poskušnjah nekih takih veljakov, ki so hoteli n. pr. iz raznih življev mnogih slovanskih jezikov osnovati občeslovanski jezik.

Takih trudapolnih in nehvaležnih poskušenj bi svet ne bil videl nikoli, ko bi bili imeli ti učenjaki naš teoretični dokaz bolj pred očmi.

Napačnosti takih sicer dobrohotnih namer bi mi lahko tudi v posameznostih veljavno in za vselej zavračali.

Največi vzrok proti takemu snovanju je množina moči, ki delujejo na celoto in posamezne dele celote vsakega jezika.

Posamezne pervine jezikove niso samo iz glasnic in tihnic, kakor je videti na papirji, ampak vsaka pervina je nekaj živega ali takega, ki je nastalo samo v življenji s celoto jezikovo. Vsaka slovka je nastala vsled celote taka, kakoršna je; kot taka ima tudi svoj naglas, ki je primeren samo za življenje, kjer je slovka sama kot taka oživela, namreč v organičnem životu jezikovem.

Posamezna beseda enega narečja ima navadno deblo s prednicami in slovarskimi in potem tudi slovničnimi končnicami. Taka sestava ima svojo določeno obliko v določeni dobi svojega obstoja samo vsled vseobsežnega življenja jezikovega. Kdor prenese končnico enega jezika v drugi jezik in jo tukaj pritakne neizpremenjeno k domačemu deblu, misleč, da ima zdaj besedo ustvarjeno po domačih zakonih, se moti in se pregreša proti za-

konom domačega jezika. Ravno táko napako napravi on proti pravi jezikovi mehaničnosti, tedaj proti pravemu in zdravemu čutu jezikovemu, ki deblu iz tujega verta pritakne domačo končnico. Pervi kot drugi primer je polovičarsko delo, eno kot drugo je proti skupnim zakonom, eno kot drugo vsaj jezikovega čuta ne more krepiti, pač pa ga toliko bolj kazi, kolikor bolj se tako delo ponavlja v tistem jeziku.

Posamezen narod je poprek enakega temperamenta, tedaj blizo enako nagle ali počasne kervi. Nagla ali počasna kri ima moč tudi na nagel ali počasen ustmeni govor. Zaradi tega se zakoni jezikovi ne izpreminjajo; ali življi, tedaj posamezne besede, dobivajo s časom tako lice in tak naglas, da ima nazadnje ves jezik zaradi take mogočne mehaničnosti poseben obraz: imenovali bi ga najbolje tok ali s tujo besedo „ritem“ (rhythmus).

Kri, naglas in tok jezikov so po mojih mislih v tesni zvezi; napravljajo skupaj zgodovino jezikovo, t. j. dajajo jeziku posebno lice. Če se tudi kaže dosledno delavna moč na to stran v vseh narečjih enega naroda, zapazuje tenak čut zaradi imenovanih moči vendar v narečjih še posebe, če tudi majhene razlike.

Po takem je razvidno, da ima gospodovalno narečje narodnega jezika en vzrok več v sebi, ki poleg drugih kaže svojo organično in enotno delavno moč v vseh svojih pervinah in pervinskih zvezah.

Kri, naglas in tok jezikov kot poprek enake moči vseh narečij enega jezika pa dajajo dobro poroštvo o notranji enotni moči skupnega jezika. Krepost, ki je tudi vsled teh moči veča ali manjša v vsakem jeziku, je zopet dokaz za organičnost jezikovo. Organičnost, vzrasla iz toliko skupnih moči in operta na toliko strani, je konečno največi dokaz proti napakam onih, ki kedaj koli nameravajo snovati jezik iz življev pobranih iz raznih jezikov!

Ogled notranjih moči, narodne lastnosti in zgodovina jezikov nam tedaj na vse strani dokazujejo organično zakonitost manjših in večih celot jezikovih. Po vsem in pred vsem pa je dokazano, da na podlogi enega narečja mora se pismeni jezik osnovati, uterjevati in bogatiti.

II.

Strani, katere smo pojasnili, kako ni strojiti jezikov pismenih, kažejo dovolj, po katerih potih se krepi pravo njihovo življenje.

Najrazvidniše je, da tuje pervine najbolj škodujejo domačemu jeziku. In naj škodljiviše so onemu jeziku, ki jih neizpremenjene sprejemlje, in še hujše, ako jih tudi neizpremenjene izgovarja. Mi imamo čisti tok ali ritem jezikov za največe sredstvo pravega jezikovega čuta. Pravi čut jezikov pa izvira po korenitih preiskavah iz nepokvarjene mehaničnosti jezikove in ta iz stroge doslednosti vsestranske analogične rasti jezikove.

Tuja beseda pa je sovražnica vsem tem najimenitnišim močem notranje jezikove kreposti. Po vsej pravici torej tujke vsak jezik po svoje prenareja; kjer mu jih je treba, je dosti dobrega sebi storil, če jim pritakne vsaj svoje slovarske in slovnične končnice.

Ni treba dalje naglašati, da mora vsak jezik izposojene pervine tudi sorodnih jezikov v korenikah, deblih in prednicah, pa končnicah vsake verste prenarejati po svoje. Kaj pa, kjer je pervina sorodna enozložna? Ako ni anologije doma za njo, bi je sploh ne bilo sprejemati. Drugače je kot smet v čistem životu jezikovem, čeravno je sorodna.

Treba pa je ločiti enozložnice, ki so znamenje kakega pojma, in pa enozložnice, ki zaznamujejo razmere v stavkih. Perve se ne rabijo takó pogostoma, in ne kažejo toliko siromaštva jezikovega. Naj bolj lahkomiselno pa je „členke“ izposojevati si, ker se prepogostoma rabijo, in ker bi kazale pomanjkljivost kategorij domačega jezika. Predno kdo misli, da je v jeziku pogrešati kategorij, naj gleda rajši, da ni sam prekratkoviden.

Da se ne mudimo dalje tam, kjer bi bile posebne razprave na mestu, n. pr. tudi za slovenske potrebe, ni pozabiti, da tudi pervine domačih narečij morajo se podvreči specijalnim zakonom v pismu gospodovalnega narečja.

Najbolje bi bilo, ko bi moglo glavno narečje vse strani jezikove okrepiti in obogatiti na podlogi svojih pervin in svojih bolj ali manj okrepljenih analogičnih moči. Povsem pa si ima glavno narečje gradivo izposojevati po načelu najbližih pervin, bodi si katere verste koli. Zlasti pa je treba slovnične oblike uterjevati na podlogi glavnega narečja.

Samo takó nastane organična celota z vedno krepkimi močmi jezikovimi tudi za daljnje življenje pismenega jezika.

Podal sem tukaj na kratkem več načel, kakor jih za moj namen ni bilo potrebnih. Pa pogled v slovanske kraje, kjer so jeziki še mladi, me v tem razgovoru opravičuje. Iz vsega se vidi,

da ima razum velik delež, pa gotovo še vedno večo nalogo za delovanje pri pismenem jeziku.

Razum sam ne more ustvariti še enega glasu ne. Vse, kar razum stori, je opazovanje pervin in analogij, po katerih se pervine jezikove sestavljajo v ustmenem govoru. Narava deluje ostro po zakonih v ustmenem govoru, samo da jo človek včasih slabi in kazi vsled življev, ki jih iz medsebojnega življenja, kakor iz nečistega zraka, prinaša in v svoji nezavednosti zanaša v sicer pervotno čisto življenje ustmenega govora. Razum se tedaj poprijemlje še nepokvarjenih pervin in mehaničnih zakonov, po katerih se pervine združujejo, in takó naravi pomaga nezakonitosti trebiti, potem pa isto naravo krepiti z množenjem vsakoterih analogij ali v jeziku še živih moči. Narava dela tudi v jeziku počasi. Ako jo razum prav umé, jo prehiti in stori v desetih rodovitnih letih lahko toliko in ravno tisto v jeziku, kar bi narava sama izdelala v sto letih. Pravi jezikov razum tedaj ne kvari narave jezikove, ampak jo uterjuje in pospešuje. Ako je ustmeni jezik pervotno bistveno nepokvarjen naraven pridelek, je pravi pismeni jezik umeten izdelek človeškega razuma, po istih naravnih zakonih oplemenjen, okrepljen in pomnožen.

Jezik pa je v celotah in v življih brezizjemno iz toliko in takó finih moči, da razum ne more nikdar opaziti vseh. K sreči zadostujejo jezikovemu snovanju pervine, ki so same vsaka posebe sad mnogih moči. Ugodna je razumu ta naravina stran v jeziku ravno takó, kakor kemiku njegove pervine. Tudi on ne more atomov seštevati, snuje pa vendar iz skupin svojih pervin druge snovi.

Zavednost o raznoterih pervinah in pervinskih zvezah jezikovih pa ni bila nekdaj tolika, s kolikoršno se ponaša po pravici učeni svet denašnji dan.

Lahko si tedaj mislimo, da so nekdaj tudi sedaj razvitim jezikom godile se mnogotere krivice vsled nevednosti in napačnih poti pri vsakoterem delovanji na jezike.

Ni vse po naravnih zakonih vzraslo v jezikih, ki so zdaj razširjeni po Evropi. In še zdaj je mnogo krivih metod in kritik gledé na pravilnosti in pravo pospeševanje teh jezikov.

Najhujše je, da so razviti jeziki bolj ali manj izgubili tla, na katerih so vzrasli, in na katerih bi se morali gibati še dalje in vedno.

Pri novostih jezikovih navadno ne vprašajo, ali so analogije v določenem krogu ljudskega govora, ampak samo, kateri pisatelj

prinaša kako novost. Na besede takó imenovanih klasikov kar prisezajo v slovarskem in slovničnem oziru. Klasiki niso vselej klasiki zaradi absolutne popolnosti tudi vsakotere jezikove strani. Ne zaradi tega je ta ali ona jezikova pervina in pervinska zveza pravilna in popolna, ker jo je največi klasik rabil, ampak, ako je bil on res tak mož, da je jezikovo moč prav porabil, in da je prav opazoval prave analogije živega ljudskega govora. Kdo ve, kje je kak drugače veljaven pisatelj pobral ali skoval to pa ono slovarsko pervino ali stavkovo zvezo! Vsaj jezikoslovci bi morali previdni biti zlasti pri slovarskem snovanji, pa tudi gledé na skladnjo in kakoršne si bodi izreke!

Posebno Slovan na sploh nima potrebe od svojih pisateljev kar slepo sprejemati takih novosti, katerim se njegov čut ustavlja. Saj Slovan ima še dobro živo podlogo v ljudskem govoru za prepričanje o pravem jeziku.

Nadrobno delovanje jezikove zavednosti ni nam toliko na serci, kolikor povdarjanje o pervi in glavni podlogi vsakega pismenega jezika.

Slovani razvitih starejih in nerazvitih mlajših jezikov po našem teoretičnem načelu lahko opravičijo število svojih pismenih jezikov samih na sebi. Po našem načelu ne more nikdor očitati Slovakom, da ne pišejo enega jezika s Čehi, ali Slovencem, da ne pišejo enega jezika s Hervati. In če je še kako slovansko narečje bolj razločno od drugih slovanskih jezikov, ima enake vzroke in enako pravico osnovati si na svojih tleh svoj pismeni jezik. Narava sedanjega ljudskega govora pri raznih Slovanih opravičuje veče število slovanskih pismenih jezikov. Ta vzrok pa ne pripoveduje še, da so posamezni Slovani svoje pismene jezike razvijali po našem načelu. Tudi sedanja razvita zavednost o jezikih ne dokazuje še, da se mlajši slovanski jeziki razvijajo po zakonu tu priporočenega nauka.

Naša teorija ne zaukazuje samo, da naj se vsak jezik sam iz sebe krepi in množi, ampak tudi, da naj si eno narečje med svojimi odbere za glavno, katero naj potem razvija kot pismeni jezik. Po tem priporočilu bi se ravnal najdosledniše on jezik, ki bi imel samo eno narečje v narodnem govoru. V takem slučaji bi še zavednosti o naši teoriji ne bilo treba, ker bi narava jezikova sama kazala pravo pot pisateljem. V takó ugodnem stanji pa še majhene slovanske veje niso; tudi te imajo po več narečij. Vse je tedaj na tem, da se posamezni Slovani zavedajo gospo-

dovalnega narečja v pismu. Mnogi Slovani imajo svoj jezik gotovo uterjen na podlogi pomešanih narečij. Mnogi do zdaj še méj posameznih narečij ne poznajo ne po notranji kakovosti, ne po natančni razširjenosti. Zato tudi ni misliti, da bi bili Slovani po natenkem teoretičnem ukazu razvijali svoje jezike. Vendar ni tukaj tolike nezakonitosti, kakor tam, kjer nepremišljeno, ali pa vsled drugih namer svoj jezik mešajo sè slovarskimi, celó nepredelanimi življi iz drugih slovanskih jezikov, ali pa kjer celó domačo slovnico uterjujejo z ozirom na bližnje ali oddaljene slovanske sosede. Pa tudi take bolezni bi život jezikov laže prestajal, ko bi ne kazali pri takem početji nedoslednega strojenja in kerpanja.

Ni preveč tedaj naglašati, da mora jezik kazati svojo moč sam iz sebe. Če že druge moči ne kaže, naj prevstvari po svoje vse, kar si od drugod izposodi. Jezik, ki nima toliko moči, ali prav za prav, kateremu ne dajajo toliko moči, da bi izposojene življe prevstvarjal po svojih zakonih, je mertev. Za tako onemoglost pa so oni odgovorni, ki moči jezikove ne znajo vzbuditi, in jo samo zatirajo.

Za natenko spolnjevanje našega načela o podlogi pismenim jezikom je treba velikih priprav, za kakoršne ni bila pretekla doba sposobna. Že samo to, da bi izvedeli, kako daleč seza kako narečje v narodnem jeziku, treba bi bilo gradiva nabirati po dotičnih pokrajinah. Pa tudi ko bi bili v prejšnjih časih izverševali tako delo, bi ne bili znali dovolj jezikovih pravil, po katerih se razdeljuje in odločuje tako gradivo. Najsrečnejši početki pismenim jezikom so bili tedaj po največ bolj po naključji, kakor pa po zavednosti poprek pravi ali kolikor toliko metodično pravilni.

Metodično najpravilniši početki pismenim jezikom pa bi bili samo tedaj, ko bi sè strokovnjaško znanostjo nabrali gradiva iz vseh narečij enega jezika, in ko bi potem to gradivo primerjali po stališčih, katera dajajo narečju prednost pred drugim.

Slovanski jeziki so v sedanji dobi že vsaj v početkih svojega razvoja. Določili so si že bolj ali manj pota, po katerih se bogaté in uterjujejo. Zategadelj je omenjeno metodično pravilo, kakor za druge narode, takó tudi za Slovane že prepozno in nepraktično. Praktične in brezpogojno potrebne pa bi bile take priprave za one narode, za one Slovane, ki bi si še le hoteli ustanoviti pismeni jezik. Praktična bi se kazala taka metoda, se vé da, tudi za one narode, ki bi imeli vzrokov dovolj obupati nad sposobnostjo

svojega že začetega pismenega jezika, in ko bi se jim kazalo, v narodu še sposobnega gradiva najti za osnovanje boljše podloge svojemu jeziku. Če pa to stran prav ogledamo, niso tudi mnoge slovanske veje takó daleč dospele v svojih jezikih, da bi si ne utegnile že določenih poti popraviti in zravnati po naši metodi. Kakor je pri drugih narodih napočila doba, da zaradi vednosti same preiskujejo svoja narečja, dosežejo Slovani z enakim delovanjem lahko še praktične in izdatne dobičke. Ne samo slovar, ampak tudi slovnico si po taki poti na najimenitniše strani naravniše uterdé.

Vzor naš je povsem ta, da Slovani ljudskega govora ne zapusté. Na tej naravni podlogi naj jezik vsaka veja posebe goji in množi, in nikdar ne bo takih razločkov med njihovimi jeziki, kakoršne dela umetna roka vsled slabe jezikove dosedanje zavednosti.

Mi torej zahtevamo zaradi naravnih jezikovih razločkov za vsako vejo slovansko poedinih, strogo ločenih, na lastne specifične zakone opertih jezikovih celot ali pravilnih pismenih jezikov. Mešanja ne odobrujemo. Najmanj pripoznavamo bližanje s tem, da bi specifične zakone polovičarsko prenašali iz enega jezika v drugega. Naša teorija ne dopušča, da bi se mehanična moč ali čut domačega jezika kvaril in slabšal z vsakoterimi življi drugih, če tudi najbližih sorodnikov.

Po takem mi samo dve poti poznamo: Ali svoj jezik strogo po domačih zakonih razvijati in uterjevati, ali pa sprejeti popolno organično celoto drugega bližnjega jezika. Celota naj ostane celota, kjer je, in kamor sega. Nasledki za posamezne slovanske narode so potem še vedno taki, da imajo tudi po prestopu in pristopu k drugemu slovanskemu jeziku lahko in naravno še svoj poseben jezik za ože narodne potrebe.

Po takem je naravno, da zdaj premišljujemo o prehodih enega slovanskega jezika k drugemu.

III.

Dva človeka popolnoma različnih jezikov se umeta samo pod pogojem, da začne govoriti pervi v jeziku drugega. Narodi kot celote niso tako lahko v položaji, da bi bili prisiljeni občevati z drugimi narodi v jeziku poslednjih.

Tudi Slovani bi nikdar ne mislili na približevanje ali prehode enega svojih jezikov k drugemu, ko bi bili med seboj v

razmeri dveh popolnoma različnih jezikov. Tak prestop, ko bi se kedaj izveršil, bi bil zaradi sorodnosti že naprej laži od podanega primera. Prestop pa bi imel vendar, kakor smo naglašali že v začetku, značaj pogodbe, po kateri bi en del nekaj odstopil drugemu.

Recimo za zdaj, da bi hoteli Slovani samo en glavni jezik imeti, ne pa dva, n. pr. na severji enega in na jugu drugega. Po takem bi bil en jezik nasproti vsem drugim slovanskim jezikom. Na dobiček in silo pri taki pogodbi tukaj ne mislimo. Potrebno pa je ogledati si razmere sedanjih slovanskih jezikov, da ne vidimo lahkote, kjer je ni, in težav, kjer so samó na videz.

Ako govorimo o prehodu skupine slovanskih jezikov k enemu samemu, si ne mislimo takega dogodka takó, kakor da bi prestali dosedanji jeziki slovanski. Tega bi še izveršiti ne bilo mogoče, ker v najneugodnišem slučaji bi ostajala s prestankom pismenih jezikov še vedno narečja posameznih vej. Saj tudi zdaj ne morejo pismeni jeziki zatreti ljudskega govora v njegovih posebnostih. Slovansko ljudstvo bi se še vedno tolažilo s tem, da mu ne morejo vzeti domačega govora. Na svoji široki, če tudi nizki podlogi bi Slovan tudi dalje govoril, kakor dozdaj, ker noben pismeni jezik ni še takó mogočen, da bi sè svojo močjo vse različnosti narečij ugladil in takó izpodrinil. Taka doba, v kateri bi pismeni jezik pokrival ustmenega, mora nam vsaj za stoletja, ako ne za vselej, ostati samo vzor.

Slovan pa tudi svojega jezika ne zamenja, če skupnega sprejme, ampak nauči se še enega sorodnega, če tudi oddaljenega, poleg svojega. Kajti tudi svoj pismeni jezik si mora Slovan posebe prilastiti, kolikor bolj je njegov ustmeni jezik oddaljen od pismenega jezika. V takem slučaji bi si Slovan dva sorodna pismena jezika prisvojil, svojega in glavnega sorodnega. To je, da bi bilo naučenje enega teže od drugega. Samo Slovan, čegar lastni jezik bi bil glavni jezik njemu in vsem drugim, bi imel tukaj polajšavo v oni razmeri, v kakoršni je zdaj naučenje lastnega jezika za vsakega Slovana.

Taka polajšava pa ni majhena, in gotovo bi jo vsak Slovan rad imel za-se.

Ta polajšava pa bi bila različna po razmeri veče ali manje sorodnosti pismenih jezikov. Ta razlika v polajšavi bi bila tudi med glavnimi povodi za to, ako nameravajo Slovani uterditi vsaj dvoje glavnih literaturnih jezikov.

Ko bi Slovani še skupaj bili na stopinji vsestranskega razvoja ali enake zaostalosti in brez vsakega pismenega jezika, bi jim naključje odkazalo narečje za pisavo, kakor drugim zgodovinskim narodom. Nezavednim bi ne bilo zal, katero narečje obvelja ali po zasluženji ali brez vsake prednosti pred drugimi. Na to stran bi tedaj ne bili Slovani ne na boljšem, ne na slabšem, nego drugi narodi. Lahko si pa mislimo Slovane tudi na toliko manjšem prostoru skupaj, kolikor prostora zavzemajo druga plemena med njimi; ali pa vzemimo, da zasedajo slovanske veje one daljave in širjave, na katerih prebivajo zdaj druga plemena med Slovani. Tudi v tem primeru, ki je sedanjim slovanskim razmeram podobniši, bi ne bilo Slovanom toliko težko izbrati glavno narečje za vse slovanske naselbe. Veča dotika ali geografna skupnost bi ne bila slovanskih jezikov toliko ločila, da bi se bili zavzeli nad onim narečjem, katero bi bilo obveljalo kakor edin in glavni jezik slovanski.

Iz tega primera je pa tudi razvidno, kakó so se morali slovanski jeziki ločiti in razločevati, kolikor bolj so delovali na nje vplivi onih narodov, ki zavzemajo denašnje prostore med Slovani. Taki vplivi so šli slovanskim jezikom v živo, in njih sledov ni mogoče zatreti z vsemi dobrimi željami ne.

Pa tudi razkropljeni Slovani, kakor so zdaj, bi ne bili takó na slabem zaradi zedinjenja gledé na literaturni jezik, ko bi bila zgodovina v raznih dobah delovala na vse veje z enakimi močmi. Deržavne, družabne in verske razmere so tedaj z velikimi močmi ločile in obdelovale slovanske jezike, da zdaj v resnici nimajo značaja narečij več, ampak samostalnih jezikov.

Vidi se, da je približevanje enega pismenega jezika k drugemu v namen zedinjenja lepa, pa bolj ali manj utopična želja. Na to stran pravijo tedaj bolj prav oni, ki želé napraviti več glavnih jezikov. Izraženo pa je že naše stališče tudi za te vspehu ugodniše namere. Eno tolažbo pa onim ponujamo, ki so pri teh jasnih razmerah že izgubili upanje za prejšnje ali pozneje literaturno zedinjenje slovansko.

Pismeni slovanski jeziki se kot taki v resnici med seboj razločujejo bistveno iz naštetih vzrokov. Rekli smo že, da pismeni jeziki slovanski se tudi niso snovali in uterjevali po naših načelih. Slovani so začeli jezike pisati s pisateljsko močjo, ki se je sposobila pod vplivi tujih jezikov. Brez preiskav narečij počeli so življe domačega jezika vkovavati v pismo, in delali so brez vsa-

kega tenkega čuta za materinščino večo ali manjo krivico in silo zlasti slovnični skladnji.

Pa tudi ko bi bili snovali pismeni jezik na pravi narodni podlogi, doslednost razumova jih je gnala po začeti poti naprej. Ena veja se ni na drugo ozirala, in takó so nastali razločki, kakoršnih bi drugače v jezikih slovanskih vej nikdar ne bilo. To bi lahko a priori terdili, pa ljudski govor to terditev po svoje utemeljuje.

Pismeni jeziki imajo nepopolna znamenja za glasove. Nepopolni alfabeti so tudi jezike razločevali. Na pisanem papirji je videti razloček, v ljudskem govoru pa pogostoma ni tolikega, ali pa celó nobenega razločka. Slovansko ljudstvo si je tedaj pri vseh razločkih v govoru še vedno bliže na to stran, kakor pa pismeni jeziki raznih vej.

Pismeni jeziki so do sedanje dobe bili skoro brez vsakega vpliva na ljudstvo ne samo pri Slovanih, ampak še pri drugih narodih, kateri imajo že stoletja klasično literaturo.

Slovansko ljudstvo je bilo še do denašnje dobe na sploh še tako, kakor da bi Slovani pismenega jezika še imeli ne Tedaj tudi ni tolikih razločkov v raznih slovanskih narečjih, kolikoršni se kažejo v njih pismenih jezikih. Kdor tedaj sodi težave učenja slovanskih jezikov med Slovani samimi po razločkih dosedanjih pismenih jezikov, kaže na več težav, kakor jih je v živem ljudskem govoru. Ta stran je tedaj tolažilna za namero literaturnega zedinjenja. Pač je ta tolažba samo tedaj praktičnega pomena, ako bi po teh mislih pismeni jezik izgovarjali, in ako bi se bližali v vsakem pismenem jeziku dotičnemu ustmenemu govoru.

Po takem bi bila perva dolžnost, da Slovani svoje jezike popravijo na podlogi svojih narečij. Največo dolžnost pa bi imel on slovanski narod na to stran, kateri bi dal svoj jezik za književni jezik vsem drugim vejam. Druge veje te prenaredbe niso samo zaradi tega vzroka toliko potrebne, ker drugi Slovani vsak svoje narečje znajo, in bi po svojem narečji, ne pa po svojem pismenem jeziku zagledavali enakost ali razloček v življih glavnega jezika.

Mi torej kažemo najprej na resnične razmere v ljudstvu živih jezikov. Te razmere ne ločijo slovanskih jezikov toliko, kolikor kaže njih podoba v knjigi. Taka resnica je večega praktičnega pomena in izpodbuja bolj k naravnemu bližanju, nego

vsaka druga izpodbuja in želja. In dobro se je treba spominjati, da taka resnica polajšuje bližanje brez vsakoterega kerpanja in mešanja raznih neorganičnih življev. Taka resnica pospešuje bližanje z jezikovimi, ne pa zunanjimi močmi. Po vsem niso resnične razmere slovanskih jezikov tako neugodne, da bi modro ravnanje ne moglo zediniti s časom Slovanov v skupni literaturni jezik. Ker pa Slovane na to stran nobena sila ne pritiska, lahko se prav pametno pogajajo za on jezik, ki bi se jim pokazal takega, ki bi jim kot najsposobniši najbolje ugajal.

Zato poskušamo zdaj primerjati slovanske jezike z raznih stališč, katera se ozirajo bistveno na jezik sam kot tak, in ne na druge strani.

IV.

Pismeni jeziki slovanski so v namen primerjevanja na boljšem, nego narečja, ki živé v slovanskem ljudstvu. Za pismene, tudi mlajše jezike je v veči ali manji meri gradiva nabranega v slovarjih ali književnosti posameznih slovanskih narodov.

Če tudi ti jeziki niso doveršeni, kakor smo mi želeli v pervi in drugi številki tega premišljevanja, je vendar razvidno iz njih toliko, kolikor potrebujemo za ocenjevanje njih medsebojne vrednosti gledé na najpoglavitniše jezikove strani. Vidi pa se berž iz tega, da nam pokaže nasledek našega primerjevanja po največ relativnost, ne pa popolno prednost tega ali onega slovanskega jezika.

Pri vsej prostosti, katero ima Slovan gledé na odločbo za skupni literaturni jezik, je vendar pri izbiranji omejen na odločeno gradivo svojih jezikov. In ko bi bili ti jeziki poprek slabi, bi pač Slovani potrudili se, da ne odberejo najslabšega srednika svojemu duhu, v resnici pa bi vendar ostali slabi na to osodno stran.

Jezik je pred vsem drugim sredstvo za mišljenje in porazumljenje. Kot tak je bolj ali manj sposoben za imenovano posredovanje, in samo na to stran je več ali manje vrednosti. Oni, ki si jezike izbirajo n. pr. iz političnih in verskih vzrokov, vedejo se, kakor bi med jeziki ne bilo razločkov gledé na notranjo in pervo njih vrednost. Jezikom se po taki poti krivica godi, ker ne dobi vsak svojega mesta, kakoršno zasluži.

Zato so nam tudi slovanski jeziki najprej posredovalna moč za razvoj in rabo slovanskemu razumu. Druge moči, proti

katerim bi se jezik upiral brezvspešno, se že takó same bojujejo za svojo veljavo. Kjer pa se jeziku nobene sile ne godi, tam naj po zasluženji deluje na zgodovino, kolikor je jeziku mogoče. Zato ogledujmo si slovanske jezike tudi tukaj kot bolja ali slabša sredstva v gornjem smislu.

Pred vsem naj nas vodijo razgledi, ki daleč sezajo, ne pa vsakdanji in začasni in zahipni dobički sedanjega zaroda slovanskega. Vse nenaravne in maloserčne sklepe drugače slovanski nasledniki uničijo, in se bodo še jezili nad sedanjo kratkovidnostjo ali pa zaslepljenostjo. Saj se vidi, kakó imajo pozneji zarodi, predno kaj boljšega osnujejo, toliko opravil samó s podiranjem narodnih naprav svojih prednikov.

In nič se ne godi drugače pri snovanji in uterjevanji narodnih jezikov, kakor priča tudi jezikova zgodovina pri nekaterih narodih. Jezikom je v pervi versti potrebna moč razvijanja ali zmožnost, s katero se jeziki uterjujejo in bogaté po svojih notranjih močeh in z lastnimi pervinami.

Slovanski pismeni jeziki se sicer niso razvijali strogo po enem načelu in sploh po ljudskem govoru. Obogateli in uterdili pa so se vendar kolikor toliko vsled enakih notranjih moči. V primeru med seboj imajo poprek enake verste jezikovih debel, prednic, slovarskih in slovničnih končnic, pa tudi enake verste zvez v slovnični skladnji in sploh enake govorne dele in enake stavkove kategorije. Tudi gledé na število pervin v posameznih naštetih verstah niso slovanski jeziki bistveno daleč vsaksebe. Bogateli so po enakih močeh in enakih analogijah, ki živé v imenovanih močeh. Razločujejo se samó v tem, da so eni bogatejši, nego drugi; bodisi, ker so se začeli prej razvijati, bodisi, ker z večimi močmi in iz drugih vzrokov in razlogov lahko izdatnejše ali intenzivniše delujejo za jezikova obogačenja. Ko bi bili tedaj slovanski jeziki zdaj v enakih početkih z enako delavnimi močmi, in ko bi jim šlo za stavo, bi bistveno ne pokazal eden prednosti pred drugim, ampak prišli bi v določeni dobi blizo ob enem času do določene stopinje svojega razvoja.

Bistvenega razločka tedaj slovanski jeziki ne kažejo v svojih kalih ali pervotnih močeh in raznoterih pervinah.

Pervotno enake in skupne moči jim v velikem številu živé tudi za nadaljnje razvijanje.

Ta skupna lastnost slovanskih jezikov je najboljša stran gledé na prihodnjost, in je v tolazbo onim slovanskim vejam, katerim je pismeni jezik še le v početku in nepopolen. Najpopolniši slovanski jezik nima pred najmlajšim sorodnikom bistveno nikakoršne prednosti na to stran.

Ko bi videli, da je kak slovanski jezik relativno doveršen, pa da je okamenel v notranjih močeh, odrekali bi mu mi prednost pred najmlajšim gledé na prihodnjost.

Popolnost in pa okamenelost ali okostenelost se pobijati tudi v jezikovi rasti. Ko bi bil oterpnel kak slovanski jezik, ne mogel bi se ponašati v sedanji dobi še sè svojo, če tudi relativno doveršenostjo, ker do zdaj vsaj Slovani niso mogli razviti in uterditi jezika zlasti, kakor ga potrebujejo raznoteri vednostni oddelki za vsakotero notranje razredovanje različnih in najsorodniših pojmov.

Nam po takem ne more biti toliko na tem, da je kak slovanski jezik že popolen, nego na tem, da si je krepost notranjih moči ohranil za nadaljnji napredek. Krepkost in čverstost notranjih moči pa ostane samo takó dolgo neomahljiva, dokler so pismeni jeziki v dotiki in zvezi z živim ljudskim govorom.

Že vsled samo te resnice odrekamo n. pr. staroslovenščini sposobnost za skupno slovansko pismenost. Staroslovenščina je za nas mertev jezik, in s tem nehajo vse namere in poskušnje za literaturno slovansko skupnost.

Pravi jezikov razum utegne pač tudi mertvim jezikom vdahniti nekoliko življenja. Z bistrostjo jim marsikatero pervino po notranjih analogijah oživi. Kaj takega opazujemo pri takó zvanih novodobnih latinistih, ki po ostrih zakonih klasične latinščine pomnožé vsaj umetno n. pr. tehnični slovar za kako pervino in lepo drobtino. Pa kaj so take poskušnje proti zahtevam rastočih potreb naprednega življenja, n. pr. narodov sedanje dobe!

Gledé na staroslovenščino bi bili še v izgovarjanji težko edini! Po tem pa, kje bi ta jezik ustrezal potrebam sedanjih ved! Živo življenje slovnično v skladnji bi težko dobivalo dovolj analogij za nadaljnje razvijanje, in fizijologičnim zakonom gledé na izgovarjanje bi še takó modri jezikoslovci krivico delali posebno v naglasu. Kdo bi nas prepričal o pravem ritmu, ki se tudi nahaja v prav razvitem jeziku! Kot taka naj ima staroslovenščina najpopolniše slovarsko in slovnično lice: za živo rabo zlasti v sedanji dobi ji je življenje za vselej nehalo.

Ako bi se tedaj kak jezik, kakor n. pr. ruski, sklicéval na to, da je pervi ded po staroslovenščini, je to samo toliko prav, kolikor goji v sebi pravilnih življev in oblik po pravilnosti staroslovenščine, pa ne na podlogi staroslovenščine, ampak svojega v sedanji dobi še bolj ali manj živega ljudskega govora. Da ruski jezik svoje življenje krepi in povečuje po pravilnih ali nepravilnih potih iz narodnega govora, to je gotovo in edino tolažljivo za ruski jezik. Preveč in slabo bi o ruščini pričali oni učenjaki, ki bi nevkretno povzdigovali ruščino z neveljavnimi razlogi.

Po vsem je razvidno, da ostajajo Slovanom za odločbo skupnega jezika samo zdaj živi jeziki.

Z živimi jeziki pa se naslanjajo nekateri Slovani prav pametno na svojo večo ali manjo književnost, v kateri je združena veča ali manja uterjenost in bogastvo jezikovo.

Eno dobro stoletje je, od kar se kažejo strani novega življenja izobraženim in neizobraženim narodom evropskim in njih amerikanskim naselnikom. Bolj in bolj se kažejo strani in življi, vsled katerih nastopa doba za predrugačenje najimenitniših vsakoverstnih človeških in narodnih razmer. V tej dobi je tudi početek zgodovini slovanskemu svetu.

Z novo dobo pa nastaja tudi nova literatura vsem narodom, na katere delujejo moči zaznamovane dobe. Književnost pred to dobo je že zastarela. Ostaja samo literatura novodobna. Slovanska literatura ima veljavo na sploh, kolikor je ima, iz nove dobe. Pa kakor drugod, je tudi slovanska književnost sedanje dobe bolj efemerna, bolj za denašnje potrebe in razmere, kakor za prihodnje rodove slovanske. Vsa sedanja literatura, ne samó slovanska, obstaja poprek samo iz poskušenj z novimi predmeti in vprašanji. Stalnega tedaj v tej dobi na sploh ni iskati za slovanske naslednike; po tem tudi ni razlogov sklicevati se na večo literaturo in prednost enih slovanskih narodov pred drugimi v tem delu.

K temu je prištevati, da tudi zaostali slovanski oddelki hitijo in se z vsemi močmi poprijemljejo v svojih jezikih enakih problemov, enakih dognanih resnic v vedi in leposlovji. Zaradi ugodniših književnih razločkov samih bi se po takem ne uklanjali drugi Slovani, ki so zaostali na to stran.

Jezik se je nekaterim Slovanom zaradi veče literature pač zares uterdil in pomnožil. Za ta del imajo nekateri Slovani zares že to, kar morajo drugi še le doseči. Pa pervič bo do skupnega

jezika še mnogo časa poteklo, in do takrat tudi drugi Slovani ne bodo derzali krizem rok v pismenosti. Drugič imajo razviti jeziki vsled naših načel še mnogokaj popraviti, česar se mlajši narodi pri veči jezikovi zavednosti lahko s početka oganejo, in se pravega poprimejo. Gledé na pravilnost in pravo notranjo moč jezikovo se tedaj mlajši slovanski jeziki lahko razvijajo boljše, in po takem vsaj v strahu ne bodo pred zdaj razvitišimi jeziki.

Samo misel, da so se jeziki pri razvitiših slovanskih narodih na mnogo strani pravilno uterdili in obagateli, in da se bodo mlajše veje razvijale v jezikih po enakih potih, takó da po istih zakonih boljšega ne dosežejo, nego oni, ki že imajo enake vspehe pred seboj: samo taka bolj ali manj opravičena misel daja nekoliko prednosti razvitim pred nerazvitimi jeziki, ako bi prišlo iz tega vzroka zdaj — do odločbe! Razvijalno moč imajo po prejšnjem pojasnilu mlajši in stareji jeziki slovanski enako v sebi. Za prihodnjost so tedaj na to stran dobri.

Ali jeziki rasejo in usihajo na vsakotero stran svojega življenja. Slovanom pa mora biti v pervi versti na serci, da jim ne začne vsaj skupni jezik hirati, takó rekoč, predno začne zgodovinsko delovanje slovanskega duha.

Pismeni jeziki imajo sicer dobro varstvo v oblikah, ki so stalniše, nego izpremenljivi glasovi ljudskega govora. Književne oblike ne poginejo takó naglo. Pa po našem pojasnilu mora imeti pismeni jezik svoje življenje v živih narečjih. Pismeni jezik tedaj ne more svojih oblik veliko bolj krepiti, nego so v ljudskem govoru; drugače se pismeni jezik preveč oddaljuje od živega govora, in lahko izgubi tla pod seboj. Slovanski jeziki kažejo tudi po kreposti oblik mnoge razlike; bodisi, da so te razlike posnete iz živih narečij, ali pa, da jih je umetno glajenje in lepšanje napravilo krepke in šibke, ravno kakor se kažejo, n. pr. v sedanji dobi.

Mi pa imenujemo tukaj krepke oblike, pervič one, ki imajo več polnih glasnic nego ozkih in medlih; drugič take, ki imajo več terdih tihnic, nego mehkih. V jezikih je pa taka doslednost, da so s krepkimi glasnicami združene tudi krepke tihnice in narobe. Fizijologični zakoni ali njih moči so tem doslednostim vzrok.

Jeziki napredujejo po poti slabljenja svojih oblik. Napredek v notranji vrednosti jezikovi se verši po razmernem hiranji pervotno močnih oblik. Posamezne oblike se slabé in kot take so manj vredne nego krepke. V sestavah

govorovih pa podajajo jeziku hitrost in sposobnost za naglo mišljenje in sporazumljenje. Iz tega vzroka bi bilo želeti kar mogoče šibkih in kratkih oblik. Ali oblike so znamenja za različnosti jezikove. Slabljenje in glajenje ima svoje meje tudi v oblikah. Saj še številke z gotovo kratkimi znamenji imajo na zadnje pri vsej kratkosti neko velikost; če ne, bi se ne razločevale več med seboj.

Tudi jezik, ko oslabi do neke meje v svojih oblikah, mora varovati take skrajne meje, ali pa začne mešati oblike raznega pomena. Premajhene pervine izgubé občutnost za pervotne pomene in stavkove razmere.

Takó se je prigodilo romanščini, da je izgubila občutnost za sklone v sklanji, in francoščina n. pr. je izgubila občutnost tudi za osebne končnice v glagolu. Nemcu se je to zgodilo že davno na obe omenjeni strani. In kaj delajo taki jeziki? Občutnost si zopet krepijo s prirastki na eno stran z nastalim členom, na drugo stran s pridevki osebnih zaimkov pred glagoli.

Ali je to napredek v smislu naglega porazumljenja? Gotovo ne, in ravno takó bi se lahko godilo onim slovanskim jezikom, ki so si že ošibili v veliki meri oblike.

Na sploh so slovanske oblike krepkeje, nego sploh romanske, pa šibkeje nego n. pr. nemške. Po dolgosti debel, prednic in končnic slovarskih in slovničnih pa prekosijo slovanski jeziki romanščino in germanščino. Med seboj pa so slovanski jeziki, n. pr. češki in poljski, šibkeji, nego n. pr. hervaški in slovenski.

Ruščina ima tudi mnogo mehčevanja v sebi, pa je vendar vmes med šibkimi in krepkimi oblikami drugih slovanskih jezikov.

Po takem bi kakovost ruskih oblik najbolj ugajala oblikam drugih slovanskih jezikov. Gledé na absolutno krepkost oblik bi kak drug slovanski jezik bil nad ruskim jezikom; gledé na prestop k skupnemu jeziku vseh drugih Slovanov pa bi ruski jezik kazal najugodniše oblike.

Pogled v bodočnost in trajalnost jezikov bi tedaj Rusom podajal gledé na vse Slovane prednost pred drugimi slovanskimi jeziki.

Gledé na logične razločke oblik, n. pr. v sklanji, bi mi tukaj tudi prednost odkazovali ruščini. V tem ima gotovo staroslovenščina zasluženje za ruski jezik, ako ne gledamo na ljudsko podlogo pismenemu jeziku.

Pravilnost in zakonitost slovanskih jezikov je poprek bolj ali manj enake veljave. Poprek ne zasluzuje noben slovanski jezik prednosti pred drugimi jeziki. Morda bi pa krivico delali, ko bi ne povdarjali, da je videti jezik češki in poljski pravilniši in dosledniši, nego mnogi drugi slovanski jeziki. Češki jezik je posebno dosleden tudi v naglasu in vsled tega tudi v ritmu jezikovem. Ta stran sama na sebi daje jeziku veliko vrednosti, in mu obeta bolj ali manj neizpremenljiv obstanek oblik v daljnjem razvoji.

Češki jezik in drugi z enakimi naglasi pa naglasu večine drugih slovanskih jezikov ne ugaja. Tak naglas, kakor je češki, mora po naravni poti slabiti občutnost slovničnih končnic in še celo skerhati slovarska debla tam, kjer so sestavljena s prednicami.

Sploh pa je naglas preiskovati v raznih pismenih jezikih, ker ta daja krajšo ali daljšo prihodnjost jezikovim oblikam.

Ostaja nam še slovarsko gradivo v presojo. Manjši narodi slovanski vsled notranjih jezikovih moči ustvarjajo si s časom lahko take slovarje, s kakoršnimi se ponašajo že zdaj veče slovanske veje.

Po načelu razvoja pismenih jezikov na podlogi enega narečja bi slovar majhenih slovanskih vej vzrasel najpravilniši. Vsaka pervotna analogična moč bi vsled tega nosila cela bremena slovarskih pervin, in jezikova mehaničnost bi se okrepila takó, da bi jezikov čut varen bil pred vsakim tujim vplivom. Taka pot je slovarskemu razvoju malih narodov slovanskih odperta. Bati se je samo, da bi po takej poti ne bilo dovolj logične različnosti v slovarji. Bati bi se bilo dalje, da bi ne bilo dovolj pervotnih moči, po katerih bi se jezik bogatil. Manjšemu narodu prihaja premalo gradiva iz človeških razmer, iz naravnega življenja, iz naravnih predmetov, dogodkov in prikazni. Naravno je, da nima tak narodič vseh analogičnih moči v sebi za razvoj jezikov, kakoršnega v sedanji dobi vede, razmere in naredbe človeške potrebujejo in zahtevajo.

Po takem je majhen narod prisiljen izposojati si slovarskih pervin ne samo v svojih omejenih, ampak tudi v sorodnih narečjih in celo v tujih jezikih. Po taki poti pa mora po časi napredovati, ako noče notranjih jezikovih moči preveč utruditi. Tega bi se ne bilo toliko bati, ko bi bilo delavnih in gmotnih moči dovolj za razmerno uterjevanje prenesenih in razmerno predelanih sorodnih in tujih slovarskih življev.

Majheni narodi tedaj ne morejo naglo v jeziku napredovati ne toliko zaradi opešanih ali premajhenih jezikovih analogičnih moči, kolikor zaradi premalega književnega delovanja, katero ne more premagovati slovarskih pervin z uterjevalnim berilom zlasti leposlovnih, v tak namen v pervi versti sposobnih izdelkov. Vsled teh za male narode neugodnih resnic je treba za pravilen in uterjen slovar velike podloge ljudskega govora večega naroda. Pravilnost jezikova, tedaj tudi slovarska, je v nasprotnem razmerji z bogastvom jezikovim tudi v slovarskem oziru. Ali življem jezikovim, ki izvirajo iz raznoterih verst raznih narečij, in ki kažé mehaničnost in čut jezikov, dela nasproti mnogo pisateljskih moči z leposlovnim in vednostnim gradivom.

In več narod z večimi narečji je še vedno na boljšem, nego manjši; pervi obdeluje samo svoja narečja z zakoni glavnega narečja; manjši narod pa si mora izposojevati življev vsaj iz sorodnih jezikov.

V enem primeru predeluje narečje narečja lastnega naroda; v drugem primeru ima domače narečje predelovati pervine narečij vsaj sorodnih sosedov.

Po vsem ima tedaj ruski jezik najboljše pogoje za slovarsko stran, naj si bodo drugi narodi slovanski še takó bogati v tem delu.

Iz vsega vidimo po našem načelu dve ugodni strani, kateri dajati prednost ruskemu jeziku pred drugimi za literaturno zedinjenje. Pervič so oblike z ozirom na vse Slovane pri učenji v sredi med oblikami drugih Slovanov, in podajajo ruskemu jeziku upanje za trajalnost njegovih oblik.

Drugič ima poleg vseh nepriličnosti ruski slovar največe upanje za obseganje vseh vednostnih pervin in za pravilno uterjevanje teh pervin.

Po takem ne ostaja drugega, kakor pogledati, kaj bi imel ruski jezik za-se še storiti, da bi zadobil ono veljavo, katera bi Slovane izpodbujala k delovanju v skupnem jeziku.

V.

Ruščino smo z jezikovih stališč in z ozirom na vse Slovane pripoznali kot sposobno za občeslovanski literaturni jezik. Za najviše načelo nam je bil pri tej odločbi jezik kot tak in pogled v njegovo naravno življenje v bodočnosti.

S tem nismo izrekali, da je v ruščini že vse doveršeno. Kakor pa sploh priznavamo vsem slovanskim jezikom samim na sebi bistveno enako zmožnost za nadaljnji razvoj, ravno tako kaže ruščina še posebe sama iz sebe moči in upanje za najmogočniši in daljši obstoj v bodočnosti. Ne ljudstvo, katero govori ruščino, nam je bilo tukaj pred očmi; ampak jezik sam, kateri ima po notranji moči razmerno največo sposobnost za skupni jezik, dajal nam je razloge za omenjeno določbo. Kljubu temu in zlasti zato pa ima ruščina še veliko nalogo za svoj poklic.

Mi v ruskem jeziku še glavnega zakona nismo zasledili vsakemu pismenemu jeziku. Dolžnost naša je bila poiskati glavno narečje vsakemu pismenemu jeziku pri primerjevanji. Pa videli smo, da ni bilo mogoče dozdanjih pismenih jezikov razviti na takó čisti podlogi. Tudi drugi slovanski jeziki se tedaj ne morejo ponašati na to stran.

Perva in največa naloga ruskemu jeziku nastane, da si svoja narečja preiskuje, in da se po svoji moči zakonito doverši po naravnih potih živega jezika.

Ruski jezik takih preiskav bolj potrebuje nego vsak drug jezik, ker ima v svoji velikanski razširjenosti toliko različnih življev v sebi, ki so nastali iz različnih naravnih pravilnosti.

Kakó bi mogla drugače ruščina predelati po analogičnih močeh ene organične celote toliko slovarskega in slovničnega gradiva, katero je vzraslo v različnih organičnih celôtah ali raznoterih ruskih narečjih!

Ruski jezik je nastal iz zgodovinskih nametkov bolj umetno brez naravne podloge nego po zakonih ruskih narečij.

Tudi po taki poti je mogoče napraviti vsaj neko stopinjo jezikove pravilnosti in doslednosti. Ali taka umetna zakonitost ni nikoli gotova, da bi je natančni psihologični ali vsaj fizijologični zakoni ne zavernili zaradi mnogih neorganičnih življev. Že naglas sam priča po svoji doslednosti ali nedoslednosti, ali je jezik vzrasel po naravnih potih. In ruščina ima za ta del potrebo še mnogega premišljevanja.

V slovarji ruščina brez strahu ostane lahko sama pri svojem, in tukaj ji je zopet potrebna zavednost o enojnih zakonih jezikovih. Zakoni pa morajo segati v vse pervine od korenike do končnice. Drugače ne pride ruščina nikdar do prave jezikove zakonitosti. Samo po enojnem glasoslovji, po enojni

slovnici doseže tak velikan, kakor je ruski jezik, potrebno mehaničnost. Samo po tej poti si vzredi pervine, ki so po zlogih in naglasih pravilne celote. Samo po tej ostri zakonitosti doseže ruščina ritem in čut, s katerim se ustavi navalom tujih življev jezikovih.

Vsestranske zakonitosti je tedaj ruskemu jeziku v pervi versti potreba.

Po uterjeni zakonitosti doseže ruščina tudi ostro logiko jezikovo.

Skupni jezik več narodov ne more terpeti v slovnici omahljivosti in brezpotrebnosti. Vsako majheno znamenje kaže v pravi slovnici svoj določeni pomen, in ostane dosledno za enake razmere v vseh verstah vsakoterih zvez. O slovarji ni pričakovati, da bi bil že popolnoma logičen. Pomen določnih znamenj se s časom uterdi. Ruščini se pa ni bati, da bi najnadrobniših razredovanj v pojmih ne mogla pokrivati z določnimi in posebnimi znamenji. Sorodnih znamenj za skupne pojme ne bo mogla pogrešati. Posebno jezik z velikimi narečji znamenja za isto reč v raznih pokrajinah porabi v pismenem jeziku, če ne za popolnoma enake, vsaj za sorodne pojme.

Pleonastičnosti ni treba v nobenem jeziku, ruščina pa najde v pokrajinah veliko pomoč za najfiniša logična razredovanja natenkih ved. Takó imenovana „synonyma“ so takemu jeziku za logično bistro razločevanje, in takó je tak jezik gledé na bogastvo popolnoma k s drugim svetovnim jezikom.

Slovarska popolnost, slovničnologična občutnost in pa vsestranska zakonitost so strani, katere so ruskemu jeziku potreba in perva dolžnost, ako hoče postati glavni jezik drugim slovanskim vejam.

Enojnost vseh zakonov jezikovih naj bo tudi ruskemu jeziku vzor!

Samo po enojnosti se okrepi in ostane ruski jezik močan. Enojnost poda ruskemu jeziku relativno popolnost.

Enojnost zakonov je jeziku ruskemu pa potrebna zaradi ruskega jezika samega.

Ruski narod je razkropljen in različen po narečjih. Samo po zakonitosti pa je mogoče naučiti se relativno naglo kakega jezika. Že za Ruse same je potreba zakonitega jezika za-

radi lažega učenja. Za druge slovanske narode pa je polajšava učenja po poti zakonitega jezika še potrebniša. Ruski jezik ima biti skupni jezik; prostovoljno si ga Slovani izberejo za takega. Vredno je tedaj, da jezik sam pokaže pervo svojo veljavo po svoji enojnosti, potem pa po isti poti polajšavo učenja vsem Slovanom.

Kdor bi menil, da enojnost ne polajšuje učenja, naj se spominja na sorodne melodije. Poslednje so vsaka za se celota, in prestop iz ene v drugo je najteži; po prestopu pa je pot mehanična; nehoté hiti melodični glas vsled mehaničnosti naprej. Taka je z zakonitim jezikom.

Ruščina pa je brez volje ali pripomoči drugih Slovanov že v sedanji dobi svetovni jezik. Tujcem tedaj notranja zakonitost ruščine še najbolje stori, in gotovo je tudi tak povod vreden, da Rusi delujejo na enojnost svojega jezika.

Čem veče vspehe pokaže ruščina na to stran, s tem večim upanjem jo bodo pripoznavali drugi Slovani, in ne bo jim težko slediti z znanjem svojega jezika, tako rekoč svoje melodije, glasovom največe in potem najvredniše sorodne melodije ruskega jezika.

VI.

Ruski jezik ima v svoji sredi sè svojimi pervinami še mnogo opravka. V glavnih potezah pa smo mu brez obotavljanja dali najsposobniše mesto za občeslovansko literaturno skupnost. Če tudi se da razgovarjati na to in ono stran še z drugih stališč, in če tudi se nam bo tu pa tam oporekalo, namera mora ostati veljavna tudi za drugačno in nadaljnje razgovarjanje.

Stališča, s katerih smo razgledovali imenitne strani, ostanejo nepremakljiva v nasledkih, tudi ko bi Slovani združili se v dve glavni skupini z dvema glavnima jezikoma.

Razgovor pa je gledé na odločbo prav potreben, ker je od odločbe odvisno nadaljnje razvijanje mlajših jezikov.

Slovenci n. pr. se približujejo Hervatom v jeziku s tem, da zlasti svoj slovar množé z raznoterimi življi hervaščine.

Recimo pa, da bi se Slovani zedinili za en sam skupni in sicer ruski književni jezik. Vsled takega sklepa bi začeli Hervati ruske življe sprejemati, Slovenci pa hervaške in po skupnem sklepu tudi ruske.

Zakaj pa bi Hervatje ruske življe sprejemali, ko jih še Slovencem izposojajo? In kedaj naj potem vzame Slovenec na posodo ruski in kedaj hervaški živelj? V kak namen sprejemlje po tem hervaške življe?

Ali ni to velika zmešnjava gledé na ravnanje z jeziki? Dalje: Ali se je hervaški jezik že uterdil, da ima v sebi ono enojnost, o kateri smo gori govorili? Slovenci se bližajo jeziku, kateri ima sam še dovolj dela z uterjevanjem. In Slovenci sami niso še svojih narečij preiskali dovolj, da bi videli, kje so preubogi.

Pa ne razpravljajmo dalje strani, katero smo ogledali samo v pojasnilo.

Nasledki našega razgovora so razvidni. Naravna pot je vsakemu slovanskemu jeziku razvijati se samemu iz sebe. Takó nastane domača celota z vrednimi močmi za nadaljnji razvoj. Sorodni ali tuji življi morajo dobivati obliko narečja, v katero se preselijo. Brezpotrebni ali lahkomiselno izposejeni življi delajo krivico močem domačega jezika.

Tudi sklep za skupni jezik se ne dotika zakonov vsakega pismenega jezika posebe. Skupni jezik ni proti jezikom posameznih vej. Analogije so v snovanji jezika enega naroda samega. Tudi tukaj je prehod od narečij do pismenega jezika; tam pa je prehod od pismenih jezikov do enega pismenega jezika. Vsako narečje živi za domače potrebe poleg pismenega jezika. Takó živé lahko pismeni postranski jeziki poleg glavnega.

Pri Slovanih bi ostali postranski jeziki kot samostalni jeziki; pri drugih narodih so postranski pismeni jeziki bolj narečja nego samostalni jeziki.

Narodi imajo svojo široko podlogo čez in čez v ljudstvu, in ljudstvo potrebuje lahko umevnega jezika, vzraslega na domačih tleh. Brez zaderžkov se tedaj lahko po sedanji poti razprostirajo domači pismeni jeziki, in toliko več domače književnosti rodijo, kolikor več neprimernega gradiva zdaj za ljudstvo tiskajo.

Spomínjajmo se k sklepu, kake strani smo tukaj naglašali. V pervem odstavku smo kazali na narečje kot temelj vsakemu pismenemu jeziku. S tem povdarkom smo kazali na teoretične in praktične nasledke pri snovanji pismenih jezikov. Mešanje raznoterosti iz raznih jezikovih celot nam ni bilo dovoljeno. Zato smo

mislili v tretjem oddelku na težave o prehodu slovanskih jezikov k enemu glavnemu. Četerta številka nam je na zadnje pokazala prednosti nekaterih jezikov. Slovanske razmere so nam pot pokazale k ruskemu jeziku; pa tudi ta mora se še vreden kazati svojega poklica, kakor smo pojasnjevali v petem oddelku. In na zadnje smo z bližnjim nam izgledom pokazali na nasledke doslednega približevanja.

Vsi ti deli so nam služili posamezni kot samostalni, in vendar je bil n. pr. pervi podloga tudi glavnemu namenu, namreč razsodbi o literaturnem približevanji.

Pri narečjih nismo mogli našetevati stališč, po katerih bi jih cenili, ker nismo imeli gradiva zato. Pismeni jeziki so nam dali enaka stališča tudi za presojevanja narečij. Nekatere strani so se nam zdele zraven ali na poti glavne namere vredne še posebnega povdarka. Razjasnjevanje o utemeljevanji pismenih jezikov nam je dalo povod za posebno metodo. Ravno takó smo posebno pokladali na serce naglas in ritem jezikov, kakor v zvezi s temperamentom. Mehaničnost jezikovo smo strinjali posebe s čutom jezikovim. Te strani niso tako lahke, pa jih ni bilo mogoče tukaj bolje razjasniti.

Vsa tukajšnja teorija ima biti tudi splošne veljave, in samo ogled slovanskih razmer nam je dal povod teorijo združiti s prakso. Vendar pa ni natančnost terpela ne na to, ne na ono stran. Nauk je jasen, njegovo korist pa smo že večkrat naglašali.

Razvoj jezikov ima tudi pri Slovanih mnogo zaderžkov. Alfabeti jih križajo, kratkovidnost in ozkoserčnost na to stran pa še bolj.

V verskih stvareh se tudi gledajo po strani, in kratkovidno prinašajo to škilavost tudi v sicer nedolžne jezike.

Po takem je edino vredno jezik obdelovati kot tak. Naravin pridelek je jezik.

Samo pametni naravoslovci in umetniki jezikovi bodo tudi pri Slovanih branili zakone jezikove in pospeševali na vsako stran njegovo naravno življenje.

Na Dunaji, po leti 1878.

France Podgornik.

Kitica.

Za kosci mladenka otavo troseč
Povila si v njedra je šobek duhtèč.

Ko v mraku popeva po bèrvi domóv
Omahne jej kita v vertenje valóv;

A zorni mladenki nikakor ni žàl,
Da kito deroči je potok odgnàl.

Na bèrvi postane, gledaje v vodó
In kiti naroča, ki plava nad njo:

„Le plavaj le plavaj po vèrhu vodé
Naj sreča pripelje te v prave roké!

Tam doli pri malnu je dragi domá,
Kedó te je pletel gotovo spozná;

Prinagne k valovom se mladi junák,
Otmè iz potoka, pripne te za trák,

In s kito mi drevi priuka na vás,
Tisòč pozdravil mi zapoje na glas!

X.

Primula.

Poletni dan na zlatih žarkih
Iskríl na svet je solnčni práh,
Po tratah se vsejál in jarkih,
Zaríl se v pèrst, zavíl se v máh.

Tam solnčne matere rojenci
Bledé zaperti v gròb temán,
Svetov nobeških izseljenci
Merjó v nesreči dan na dan.

Že zimski dan vesí nad bregom,
Čez plan besní ledén vihár
In hrib in dol ječí pod snegom, —
Gorjé ti, vboga solnčna stvar!

Kakó sirota zdaj trepeče,
Oh, da bi mogla gor nazáj, —
Če ne, — pa vsaj iz nočne ječe,
Da gleda vsaj svoj rojstni kraj!

In mati solnce, glej, prigreje,
Odpre sneženi se zapáh,
In solnčic stotisòč prismeje
Se tam, kjer merl je solnčni prah.

Oj to se v travi jasno bliska,
Po jarku vse svetló, zlató,
Stotisoč tam trobentic piska
Glasán pozdráv domú v nebó!

X.

V dan vérnih duš.

Od bóli malo ne merjem,
Ko grob njegov, otožna zrem,
In v veli travi tam klečím,
Grob bridko s solzami rosím,
Da zmóčeno je cvetje nánj —
Najrajša bi jaz legla vánj!

In borno lučico prižgem,
Molíti, oj, molíti hčem,
A volji duh se vpira vbog,
Obupa mi je plen in tog;
Promišljam in vprašujem se,
Kakó da sem na sveti še? —

Poglèd k višini dvigam svoj,
In hipno duh zvedrí se moj,

Ker milo smiha se nebó,
Čistó je, sinje in lepó,
Kot bil je zvestih svit očij,
Kakoršnih tú na zemlji nij!

Krotkejše silno je gorjé,
Ojači tožno se sercé,
Ljubezni večne čuti moč,
Ki temno v dan prominja noč:
Pomiloščena čujem zdàj
Besedo, ki mi kaže ràj!

Tešilno jo šepeče zrák,
In na gomili cvet sladák,
Vse stvarstvo vsklika jo željnó,
A vriskajoč svetló nebó:
Besedi s v i d e n j e je glas,
In v njem živím ter upam jaz!

Lujíza Pesjakova.

Triolet.

Pozabil te nikdár ne bom,
Zastonj je vse prizadevanje,
Spomin na te mi v serce vžgán je —
Pozabil te nikdár ne bom! —
Naj grem na daljno potovanje,
Naj zapustím svoj kraj, svoj dóm,
Pozabil te nikdar ne bom,
Zastonj je vse prizadevanje! —

Po svetu nosil bom gorjé,
Dokler me zemlja ne pokrije;
Zaničevan brez domačije,
Po svetu nosil bom gorjé! —
Naj tebi vedno sreča klije,
Očital ti ne bom, molčé
Po svetu nosil bom gorjé,
Dokler me zemlja ne pokrije! —

Ko bleda me objame smert,
Ozdravljene so moje rane;
Mordá ti kaka solza kane,
Ko bleda me objame smert! —
O naj te moja smert ne gane,
Saj z njo mi spet je raj odpert;
Ko bleda me objame smert,
Ozdravljene so moje rane! —

Fr. Zbašnik.

Hitra proména.

Lani:

Na brégih, kder Sava penéča
Valóve dreví,
V ljubezni goréča
Prisegla si ti:
Da bistra se vôda
Prej v strugi oberne,
Kot iskra se tvoje
Ljubezni uterne!

Letos:

Na iste posávske bregove
Zahajem zdaj sam,
Ko gledam valove,
Te v mislih imam! —
Ti silni pritóki
Življenje so moje,
Begoče njih péne
Prisége so tvoje! —

Viktor Eržén.

Potoku.

Potočec le ženi bistre valove,
Le šumi, le šumi skoz lepo dolino,
Ogledat si hiti druge svetove,
Poj pesmico milo šumeč čez skalino;
Cvetja raduj se krasnih cvetic,
Breg ki ti lepih venčajo lic.

Le vij se, le vij po dalni ravnini
Med tersjem in travniki in senožeti;
Pozdravljaj mi vse preserčno in celi selini
Povedi: Sercu moč ni dalje živeti,
Ako se z njenim strinilo ne bo,
Semkaj ki bodi zajemat vodó.

Ko serna je bila ona priskakljala
In v beli roci pèrsten verč deržaje
Ljubo mi sè svojim okom se nasmehljala.
Veselo devico takrat pozdravljaje
Tekel si potok žuboreč,
Gnal si valove svoje šumeč.

Zigravalo v tebi se solnčice zlato,
So ribice v tebi se radovale,
Na dnu se zerlo je bregovje gorato,
Skerjančeve pesni glásno odmevale;
Vsa narava se veselila,
Sreča je meni venec povila.

Cveteti začelo je meni novo življenje,
Nezmerna ljubezen pognala v opersji,
Ki mi ne vsahne, dokler tvoje žuborenje
Se čulo bo po travnikih, ob tersji.
Torej potočec teci naprej,
Svetu ljubezen to razodej!

Zdaj v tebi ne gledam več za solncem zlatim,
No za očesom device drage meni;
Med tvojim bregovjem goratim
Najlepše se mi vidi verč persteni.
V verč zajela bo tvoje vodé,
Mojo ljubezen pa v svoje sercé.

A. Sterlè.

Sonet.

Umíkajo temíne se svetlôbi,
Rodí novó nam jutro zora krasna,
Skerjanca pésen vse izbuja glasna
Kar počivalo v nočnej je milôbi.

In, veseleč se tej prelepej dobi,
Begočnost ki podaje mu jo časna,
Otrésa rôso cvet, da srebrojasna
Na zêmlje išče tléh zavèt blestôbi.

A dnovi perve brezskerbné mladósti
Človéku mínejo, in duh poterti:
„Enkràt še!“ koperní po njih dobrósti.

V ljubezni oživé željé, načerti,
Enkràt še — zadnjič vpíja vse sladkósti,
Jih síplje, kakor cvetka rôso v verti! —

X.

Medailon.

V enej odličnejih kavarn v Petrogradu sedel je necega dopoludne mlad in lep nadčastnik, pl. Brzezowski. Čital je v nekem listu; večkrat ga je odložil, skočil nemirno od mize, a zopet se vsedel in zopet ga vzel v roke. Videlo se mu je, da je zeló razburjen. A, da si mu pogledal čez rame v časnik, prepričal bi se bil, da ga ní takó vznemiril kak politični članek, kajti čital je na zadnjih straneh med „inserati“. Tim bolj čudno. Veršilo se je to dejanje kake pol ure; kar stopi drug častnik k onej mizi, pri kterej je Brzezowski sedel.

Opazivši ga, ta hitro vstane ter pozdravi: „Dobro došel, Rilijev! Kje si bil?“

„„Pri grofici Pavlovni sem bil, klicala me je danes na vse zgodaj k sebi.““

„Kako je tam?“

„„Zakaj vprašaš? Ali že kaj veš?““

„Čital sem ravnokar“.

„„Da, da, vsaj mora biti že v časnikih. Vsa obupana je nad to izgubo.““

„Je li bil medailon tako lep, tako dragocen?“

„„Tega ne vem, kakošen je bil; a njej je bil zató takó drag, ker jej je bil, kakor pravi, edini spomin na njeno prezgodaj umerlo mater.““

„In kaj je rekla, ko si bil pri njej?“

„„Tožila mi je in jokala je!““

„Grofica Pavlovna jokala? Ní li razupita za terdoserčno?“

„„Da, — in v enem oziru morda po pravici; a to je tim večje poroštvo, da jej je ta izguba prebridka!““

„In če se ne najde?“

„„Potem bode obupala.““

„Rilijev, ti bi bil pač srečen, go bi ga našel! Potem bi si nedvomno za večno zavezal njeno sèrce!“

„„Da, da, a nímam upanja; niti upanja nímam, da bi se sploh našel.““

„Rilijev!“

„„No! Ti si danes zeló čuden, kaj ti je?““

„Rilijev, jaz vem, kedo ima medailon!“

„„Brzezowski, nikar se ne šali!““ —

„Mojo besedo, Rilijev, jaz vem kedo ga ima.“

„„Nikar me ne pusti dolgo čakati, govóri, kedo ga ima!““

„Jaz ga imam, Rilijev! ali ga vidiš?“ —

Pri teh besedah izvleče iz žepa zlat medailon z enako verižico. Rilijev začudenja obmolčí, še le čez dolgo časa zamore vprašati:

„„Kako si prišel v njega last?““

„V parku, na levej strani za vodometom, tam, kjer stojijo one tri lipe, sem ga našel.“

„„Ti sam si ga našel?““

„Jaz sam, ko sem se danes na vse zgodaj tam sprehajal. Kedaj ga je ona izgubila?“

„„Včeraj popoldne, — in poslala je takoj v vse časnike naznanila. — — Ti si srečen človek, Brzezowski!““

„Me li zavidaš?“

„„Da!““

„Sedaj imaš vsaj priložnost predstaviti me svojej kraljici, jaz bi se rad z njo seznanil. Kedaj me popelješ k njej?“

„„Ob katerem času je sedaj?““

„Ura je enajst.“

„„Tedaj greva lahko precej. Odpravi se!““

Rilijev je bil med potjo zelo molčeč, cel čas je zèrl v tla, — in Brzezowski je moral vedno po dvakrat ponavljati vprašanja, tako nepazljiv je bil.

Čez kake tri četert ure se ustavi in reče: „„Tukaj sva na mesti.““

„Prav“, odgovarja Brzezowski, „pojdiva gori!“

Grofica Pavlovna ju v pervem hipu ní posebno prijazno sprejela, videlo se je, da je v skerbeh. Ko jej Rilijev razloží, s kakim namenom prideta, hipoma spremenilo je njeno lice barvo.

„Vi gospod?“ — vpraša neverjetno — „je li res?“

Brzezowski jej galantno pokloni stvar. Ona hlastno poprime, pritisne medailon na ustni in potem se radosti razjoka. Še le čez nekoliko časa se zavé.

„Vi ste Poljak, kakor kaže Vaše ime?“

„„Poljak, ekscelenca““, priterdi Brzezowski.

„Kako naj se vam primerno skažem hvaležno? — Pomagajte mi sami iz zadrege!“ —

„„Grofica, jaz sem presrečen, da me je doletela tolika čast, — večjega plačila za me ní““.

„Brzezowski, tedaj ostanite moj prijatelj!“ Pri teh besedah podá mu lepo roko. Brzezowski jej jo poljubi s primernim poklonom. Rilijevu pa je šínila nekoliko kri v glavo.

O poldne ostala sta na povabilu pri grofici.

* * *

Grofica Pavlovna je bila dama kakih 26 let, še neomožena. Pravili so, da je bila prej zaročena s mladim človekom visoke rodbine; bilo je že blizo poroke, ko se je iz neznanih skrivnih razlogov vse razderlo. Od tedaj je bila Pavlovna do možkih zelo nezaupna in hladna. Zadnje dve leti je poskušal pri njej svojo srečo naš znanec Rilijev, sedaj z večjim, sedaj z manjšim vspehom; po vsem pa vendar ní vedel, pri čem da je. Od onega dne bila sta Rilijev in Brzezowski še večkrat povabljena k grofici; a Rilijev začel je bolj in bolj spoznavati, da je vsa pazljivost Pavlovne obračala se le bolj do njegovega prijatelja; tim bolj, ko se je celo prigodilo, da ga je grofica brez njega k sebi poklicala. Brzezowski je bil pa tudi zelo nevaren ženskemu spolu. On je bil eden tistih srečnih, ki je pri vsakej ženski takoj njeno posebno lastnost spoznal in po tej se ravnal. On je vedel, kedaj in kje treba premagavati s prošnjo ali milobo, in kje z moževsko resnobo in moževskim pogumom. Ní se dalo tajiti, da je bil tudi pri grofici Pavlovni srečen. To je v Rilijevem srcu zbudilo strašno ljubosumnost. Od dne do dne začel se je bolj ogibati Brzezowskega; čedalje bolj se mu je sèrd vzbujal do njega, in če ga je srečal, pozdravil ga je le po strani. Brzezowski je vse to razumel, zato se mu je po sili nastavljal, ne, da bi ga jezil, ampak, da bi dobil priložnost z njim razgovoriti se.

Prigodilo se je, da sta se sešlá zopet v onej kavarni, kjer smo ju v začetku našli.

„Rilijev“, ga nagovori Brzezowski, „zakaj se me ogiblješ?“

Ta ga temno pogleda in povzame: „„Ali se norčuješ?““

„Rilijev, jaz vem, da ti leží nekaj na srcu, zato sem te poiskal! Govori, sedaj imaš priložnost!“

„„Je li to tvoja resnoba, da naj govorím?““

„Govori!“

„„Tedaj vedi, Brzezowski, vedi, da si tat moje sreče!““

Brzezowski se pikro nasmehne ter pristavi: „Ali bi se ne dalo temu v okom priti?“

Rilijev ga nezaupno pogleda, potem reče: „Da, temu bi se dalo v okom priti, ko bi bila tvoja volja.“

„Moja volja? Kaj naj tedaj storím?“

Rilijev povzame z mehkim glasom: „Brzezowski, ti si dober človek, stori mi to, ne pojdi več k Pavlovni!“ —

Nekoliko časa je tiho, potem Brzezowski: „Sram te bodi, Rilijev, sram te bodi, da si hočeš na takov način pridobiti žensko sèrce. Ko bi imel ti značaj možev, vedel bi se bil drugače v pričo mene pri Pavlovni in bilo bi tudi drugače. Pri Bogu, jaz nísem upotrebljeval nikdar posebnih umetnostij, da bi izpodrinil tebe iz njenega sèrca!“

„„Storil si to, ko sam nísi vedel!““

„Zakaj nísi podkupil morilca, ki bi me bil zvečer na ulici zavratno napal in umoril, ako si vedel, da ti je moja osoba na poti! — Tu imaš roko, Rilijev, mene Pavlovna ne bo več videla v svojej palači; a še enkrat ti rečem, Rilijev, sram te bodi, da si zadovoljen s tim, kar ti drugi iz milosti prepusti!“ —

„„Brzezowski!““ vsklikne ragserdèn Rilijev, „ti me zasramuješ, — Brzezowski, jaz zahtevam zadostenja!““

Brzezowski, ki je hotel že oditi, se verne. Mirno pogleda svojemu nasprotniku v obraz in mirno mu reče: „Potolaži se, Rilijev, nisem te mislil žaliti — ali — Rilijev — ti ne veš, kaj sem ti storil.“

Na to padeta drug druzemu v naročje in sè solznimi očmí se ločita.

* * *

Zastonj je Pavlovna pričakovala Brzezowskega, zastonj mu pošiljala vabila, zastonj vpraševala ga, zakaj ga ní. Njega ní bilo, niti dostojno odgovarjal jej ní. Prigodilo se je, da ga je na sprehajališči srečala. Kri jej je šinila v bleda lica, ko je videla, da se jej bliža. A zbrala je vse močí in kolikor mogoče razžaljenost pokazala v obrazu. Brzezowski se ní zmenil za tó, hladnokervno jej je salutiral in mimo šel. To je res žalilo njen ženski ponos. In ko ga je drugič srečala, hotela se je maščevati. Ošabno je dvignila glavo in skoraj zaničljivo vperla vanj pogled. A Brzezowski ní spremenil tudi sedaj lica, šel je enako hladnokervno mimo nje. Poskusila ja zopet drugič z vso milobo ženske krasote otajati led njegovega serca. Solza jej je igrala v očesu, tako britka solza, ko ga je pozdravljala; toda Brzezowski ní hotel opaziti te solze, ní

hotel razumeti hrepenenja, ki se je bliščalo v tej solzi; tudi sedaj je šel mirno in hladnokervno mimo nje. —

A v njegovem srcu ní vladal mir, v njegovem srcu je rjul hud vihar in boj; vse močí je moral zbrati, da se je premagal. Dostikrat je bil blizo, da bi ga bila omamila sladka skušnjava, vendar se je še o pravem času spomnil svoje obljube in se ojačil; — skazati se je hotel možá. —

Pavlovna pa ní bila tistih, ki jim kmalo upade pogum; kadar se je kaj doseči namenila, ní odjenjala prej, dokler je dosegla, ali pa popolnoma se prepričala o nemogočnosti stvari.

Če je Rilijeva vprašala, zakaj njegovega prijatelja več z njim ní, ta se ve da, ní mogel odkritoserčno govoriti; rekel je, da se tudi zanj več ne briga. A Pavlovna je hotela na vsaki način stvari do konca priti. Brzezowskega je čislala, visoko čislala, ali, kaj bi tajili, ljubila ga je, goreče ljubila. Tacega moža je dolgo zastonj iskala, tako ponosnega, tako neustrašenega, tako brezobzirnega. Da, njegova brezobzirnost jej je bila mnogo, mnogo ljubša, kakor prilizljivo sladkanje in molénje. Pred takim možem ponižati se ní sramota! Sklenila je obiskati ga v njegovem stanovanji.

Bilo je necega dne ob štirih popoldne, ko se je odpravila k njemu; ta čas je vedela, da je doma. Res dobila ga je pri pisanji, ko je vstopila v njegovo sobo. Pervi trenotek ostermela sta eden nad drugim; Pavlovni zastala je beseda na jeziku, temna rudečica jej je prelila lice; tudi Brzezowski je spremenil barvo, bil je ta prihod preveč nepričakovan, da bi se bil zamogel popolnoma zatajiti.

Čez nekoliko časa vendar spregovorí Pavlovna: „Gospod, ali oprostite mojo prederznost?“ —

„„Jaz nisem še nikedar imenoval človeka, ki me je s svojim prihodom počastil, prederznega““, odgovori dovolj mirno Brzezowski. Blagovolite si prostor izvoliti!““

„Veste zakaj sem prišla, gospod Brzezowski?“

„„Jaz sem pripravljen poslušati Vašo željo.““

„Gospod Brzezowski, zakaj se me ogibljete?“

„„Ogibljem! ní res, grofica!““ —

„Ní res? Zakaj ste odbili vse moje prošnje, zakaj se ní-te zmenili za vse moja vabila, če se me ne ogibljete?“

„„Imel sem vzroke, in navedel sem jih vselej v odgovoru.““

„O ti vzroki, kako so bili površni, kako je vse kaj druzega iz njih gledalo, kako malo skerbljivo so bili izmišljeni!"

„„Grofica Pavlovna, če sem se pregrešil zoper dostojnost, prosim vas odpuščenja.““

„O tem ní zdaj govorjenja! Jaz vas prosim, da mi poveste, zakaj me zaničujete! Kedaj sem vam kaj žalega storila?"

Te besede so bile neizrečeno milo izgovorjene.

Brzezowski je nekoliko omotljen ponavljal: „„Nikdar, nikdar!““

„To ní odgovor, gospod Brzezowski, jaz vas prosim, da mi odkritoserčno poveste, zakaj níste prišli k meni na tolike prošnje!"

„„Nísem smel!““ — —

„Níste smeli? Kedo vam je branil? Recite raji: ‚Nísem hotel'!" —

In Brzezowski je mehanično ponovil: „„Nísem hotel!““

Tega Pavlovna ní pričakovala. Z glasnim vsklikom in s strastjo dalje vpraša: „In ne boste tudi od zdaj za naprej še hoteli?" —

„„Grofica, potolažite se!““

„Jaz vas pa še enkrat vprašam: Ne boste tudi od zdaj za naprej še hoteli k meni priti, in tudi ne, če vam nekaj povem?!"

„„Če mi nekaj poveste?““

„Da! če vam povem, da vas ljubim, da vas ljubim iz cele duše, — iz celega serca — o!" — —

Pri tej priči se verže k njegovim nogam in onemogla se oklene njegovih kolén. Brzezowski odskoči raz svojega stola, hotel je nekaj spregovoriti, a predenj mu je prišla beseda iz ust, stopi nekdo hlastno v sobo.

Pavlovna se takoj spametva in obernivši se vsklikne: „Rilijev — pošast!"

Na to Rilijev ves razven sebe: „„Brzezowski, ti si res deržal besedo, ha! — ali ta! — Pavlovna, ali se ne sramuješ, Pavlovna?!““

„Proč od tu"! zakričí Pavlovna na vso moč kviško se spenši.

„„O vsaj grem, in k tebi me več ne bo, tega bodi preverjena. A to ti še rečem, predenj grem, Pavlovna, sramuj se, da se takó za onimi mečeš, ki te od sebe pehajo, takó, kakor kaka — vlačuga!““

„Rilijev!" zagromi Brzezowski, „Rilijev! prekliči besede, ki si jih izustil!" —

„„Nikdar!““

„Rilijev! jaz ti rečem še enkrat, prekliči besede!“

„„Nikdar!““

„Rilijev! jutri ob devetih se najdeva zunaj mesta v carjevem gozdu.“

„„Dobro! jutri ob devetih ti prestrelim tvoje persi!““ — — Izgine.

Pavlovna se verže Brzezowskemu na persi in glasno ihteč govorí: „Brzezowski, o sedaj razumem vse! o moj Brzezowski, jutri bodeš umerl, záme umerl!“ —

„„Pustite to grofica!““

„O moj Brzezowski, zakaj sem te spoznala! Jutri bodeš umerl — ali ní mogoče temu izogniti se, ali ní mogoče drugače časti zadostiti?“ —

„„Ní mogoče!““

„Ní mogoče“ — je ponovila in še en čas slonela na njegovih persih. Potem se je hipoma sklonila in s terdim glasom rekla: „Gospod Brzezowski, jutri bodo trije pogrebi!“

„„Pustite to grofica, nikarte si tega ne ženite do serca, mene ní škoda.““ —

„A jaz vam rečem, gospod Brzezowski, jutri bodo trije pogrebi. — Z Bogom!“

Bila je že pri vratih, ko jo Brzezowski na pol glasno zakliče: „„Grofica Pavlovna, en poljub v slovo!““ — —

In pala mu je zopet v naročje in glasno je jokala. Tudi njemu se je vternila solza in pala na njeno lice ter združila se tam z njenimi solzami. Stisnil jo je na svoje serce, poljubil jej vroče čelo, potem jo lahko odrinil od sebe rekoč: „Z Bogom, grofica Pavlovna!“

„„Z Bogom!““ odgovorila je ona in šla. —

* * *

Drugi dan ob določenej uri in na odločenem mestu stala sta si duelanta nasproti s samokresi v rokah. Sekundanta gledala sta na ure in točno, ko je udarilo devet, jela sta šteti: Ena, dve, trí — strel je spremljal zadnjo besedo. „Brzezowski je v persi zadet“, začuje se glas, „Rilijev je le v roko ranjen!“ — Pri tej priči se prikaže ženska podoba. Divje se verže na morišče in v strašnem kriku ponavlja: „Brzezowski v persi zadet!“ — Potem

se oberne proti Rilijevu reko: „Vzemi svoje plačilo, Rilijev, pojdi v dno pekla!“ Reksi potegne samokres iz njedrij in izstreli Rilijevu v glavo, da so takoj zverne. — Potem pade Brzezowskemu na persi, razjoka se na vso mcč in obupno kliče: „Brzezowski, o moj Brzezowski!“ in vedno zopet ponavlja: „Brzezowski, o moj Brzezowski!“ — Ko so jo hoteli okolostoječi mertvemu iz naročja iztergati, zakliče še: „Brzezowski, jaz sem ti rekla, da bodo danes trije pogrebi, — jaz grem za teboj!“ —

Na to izproži drugo cev samokresa sebi v serce in mertva se zgrudi svojemu izvoljenemu v naročje. —

Bili so tisti dan trije pogrebi! —

Fr. Zbašnik.

Hrvatski odio.

Predgovor.

Ovaj bi zabavnik imao čitatelju pružiti nekoliko crtica u svih slovjenskih jezicih; ako nam kraj svega našega nastojanja nije pošlo za rukom, da s v a k a slovjenska knjiga bude zastupana, nije naša krivnja, nego se nalazi uzrok u tom, što se zastupnici dotične narodnosti, odnosno radne sile nisu našemu pozivu odazvale. Kraj svega toga mislimo, da smo izdanjem ovoga zabavnika koli za medjusobno upoznavanje slovjenskih jezika, toli za dušernu uzajemnost svoju doprinieli. — Buduća sudbina našega zabavnika ovisiti će o tom, kako ga bude štovano občinstvo primilo; pa ako nas bude zapala ugodna zadaća, da ga godišnjakom izdajemo, tada ćemo ono, što je na njem sad manjkava, popuniti.

Putuj dakle, knjigo, popraćena našimi najtoplijimi željami u sve slovjenske kraje, po kojih se milozvučna slovjenska rieč razleže; susretala svagdje onu istu ljubav, kojom te mi u sviet popratismo!

Tartufov unuk.

Komedija u 5 èina.

Napisao K.

OSOBE.

Tartufov unuk.
Mati mu.
Zlatka, sestra mu.
Petar, gradjan, susjed Tartufov.
Marta, žena mu.
Anka, kći im.
Karlo.
Janko, gradjanin.
Niko, sin mu.
Juricka.
Dva gradjana.
Tri stranca.
Djaci.
Služavka.

Čin prvi.

Prizor prvi.

Soba kod Petra; na zidu jedna Ticijanova slika.
Petar, dva gradjana, zatiem Marta.

Petar. Vi ste ljudi valjda čuli za mog susjeda?

Oba. Jesmo, jesmo! To čitav sviet zna za tog pobožnog čovjeka.

Prvi. Pripovieda mi moja žena kako je neki dan liepo govorio pa grdi, kaže, žene i djevojke.

Petar. A pravo i ima.

Drugi. A što veli o ženah?

Prvi. Vi momci, veli, idete na večer djevojkam pa ih štipate . . . Mislite-li, da božje oko obnoć ne vidi?

Petar. Božje oko! . .

Prvi. A vi žene, vi ostavljate muževe pa idete drugima . . . Al čekajte samo, sve paklene sile kuju već nože pa će vas bosti skroz i skroz pa vam srce iz prsiju izčupat.

Drugi. Strašno, grozno . . .

Petar. Svetac, pravi svetac.

Prvi. E da! Nije to još ništa, al da vi čujete moju ženu, kad vam ta stane pripoviedat.

Petar. Više ne će s mojom Ankom nijedan mužkarac prozborit . . . Blago tebi pa imaš takovu ženu . . al moja, moja . . . živa sotona; kamo sreće, da je nemam.

Prvi. Čuo sam, kako mu je ime!

Oba. Kako? Reci za boga.

Prvi. Krasno ime . . . Mijat.

Petar. Sveti Mijat — baš na sveto Miholje.

Marta. A što ste se uzbrbljali o tom svetcu a osobito ovaj moj!

(Dva gradjanina mrko ju gledjuć izšuljaju se van).

Poludi l' žena — biesi nek ju nose —
Ta žena 'e žena — dugačke je kose
Al čovjek, čovjek — smiluj mu se bog.

Prizor drugi.

Marta, Petar, Anka, Karlo.

Anka (Karlu). Ho! sladki moj zar i ti jednom k nama?
Karlo. Navratih tek se uz put. Kako Vi?
Petar. Ja promišljam o mužu onom svetom,
A žena eto hoće da pobiesni.
Marta. Kad muž poludi žena tad pobiesni.
(Ironično). A znaš li Karlo ješte nešto nova?
Gospodina ću svoga ostaviti,
Potražit ću si drugog kavalira,
Pa da me barem svetac onaj vjenča,
U nebu ću se moći bar pohvalit.
Petar (za se). Ne napijaj mi ženo zdravica.
Anka (Karlu). Ja sanjah noćas, da sam te iztukla.
Karlo. Hahá! Sve jedno ljepše od drugoga.
Sad s bogom budte, vratit ću se skoro. (Polazi).
Anka. Al brzo dodji, čuješ brzo dodji.
Marta. Da sbilja Karlo — otac reče jutros,
Da ne ćeš dobit Anke; valjda će ju
Poklonit svetcu, da mu pete ljubi.
Karlo (tiho). A što 'e to starcu od nekoga doba?
Je l' sišo s'uma? Uviek je u crkvi,
A počešlje se ko žalostna vrba;
Ni pogledat me skoro više neće.
Marta. Zamaglio mu onaj svetac pamet,
Al kušat ćemo izprati mu mozak. (Izadju sve troje).
Petar. Taj dječko mi se već ne dopada.
Doduše obećo sam kćer mu — ali . . .
Ni čuti više a tom ne ću ništa.
Od Tureta je gori; već mi je
I kćer i ženu — oh! pokvario.
U kloštar nju ću dat, njeg izćerati
Čim u kuću mi udje, hulja pasja. (Udju Anka i Marta).
Ja ostajem pri onom što vam rekoh,
O udaji već nekate ni mislit.
Pa što li ste se izkitile tako,
Ko da su sjutra veće svatovi? —
Marta. Pa što to tebe ide što se kitim?
U svetak ne ću ići ko ciganka.

Petar. Pa ako i je svetak, navješati na se
Ne mora čovjek takovih grdoba;
Jer ne će gledat bog, je l' svila na tebi
Il skrivaju ti dronjci smrtno tielo.
Rugobu kakvu napravi od kćeri!
U kloštar snjome, nek se uči molit,
Ne — zaljubljivat kao bula turska.
Marta. Ta neka samo toliko se žestit!
Zar tako liepo tielo, pa da krpe
Po njemu vise — bila bi grehota,
I kad si liep — ne moraš grješnik biti. (Udje Tartufova mati. Marta, Anka odu.)

Prizor treći.

Petar. Uputio vas amo isti bog! (Klanja se).
Još nij me dosad usrećilo nebo
Da sveticu u kući svojoj vidim.
Mati T. Blagoslovljena budi kuća taka,
Jer vidim, da se u njoj štuje bog. —
A tko su, molim, one ženske dvie?
Petar. Kći ona mladja, ono drugo žena;
Al niesu vriedne, da ih pogledate;
Na radinost im baš ne mogu se
Potužiti — al druge stvari, druge.
Ta vi ste mislim vidjeli ih sami.
Mati T. Oh! gadne žene! . .
Petar. Da gadne! Samo misle na vanjštinu,
Za dušu pako stota im je briga.
Mati T. Oh! gadne žene! . .
Petar. Ali ja sam gospe . . . .
Mati T. Ne, nekate me tako nikad zvati,
Jer robkinja sam božja ponajniža.
Petar. Oh! sveta žena. I ja jesam takav.
Ma kudgod išo, mnîm u crkvu idem,
Ma štogod radio bog mi na pameti,
I pre neg riečcu reknem, na njeg mislim.
I štogod imam, sve od njega imam —
Al kći i žena misle posve drugče.
Mati T. Oh! gadne žene, nevriednice podle!
Al neka, neka, kaznit će ih bog,

Kad budu ošle s ovog svieta na 'naj.
Upitati će Višnji ih ovako:
Koliko na dan molitvica liepih
Na moju slavu izmolile vi ste? (Petar privuče joj se bliže, topeć se od slasti).
A duše će im drhtat kao suhi
Na grani list o vjetru studenom.

Petar. Uh! gadi mi sada već ih gledat
U kući svojoj, kukavice sinje.

Mati T. Il možda još će kaznit ih na zemlji
Previšnji, kao što je već i druge.
Moj sladki sinak (Petar klanja se do zemlje) juče mi povjedo:
U zemlji jednoj, odalekoj dosta,
Zaboravili ljudi posve boga;
Ni glad, ni kuga, niti ostale
Božije kazne niesu ništ pomogle.
Pa zato bog im kao zvjeradi
Na tielo grdan preliepio rep; (Petar se križa).
Al tako velik, vjerujte, i tvrd,
Da ne mogu se ni na zemlju sjesti,
A uzhćednu l' ga odsjeć — namah umru.
Šad pomislite svetu božju kazan!
A narod taj je hud i krvoločan,
Da svakog tudjeg čovjeka sažeže,
Koj blizu samo zemlji bi mu došo.
Al muža jednog — sljedbe Ježuitske,
Ni da je rukom samo dirnuo;
Jer ruka božja takve ljude štiti.
Moj dragi sin poznade svetca toga,
Jer jedan svet je uprav ko i drugi.

Petar. Ja ništa tako rado ne slušam,
Ko rieč svemogućoj o božjoj moći.
Nadarit barem, da me hoće bog,
Da kadkad mogu barem jednu rieč
Prosboriti sa svetim sinom vašim.
Pričinio mi Isusom se često,
Kad smierno preko crkve koraco.
Prolažati ga često vidjeh ovud,

Pa sklopih ruke, bogu hvaleći,
Da svetac takav kraj kuće mi ide.
I svedj ga motrah dok mi ne izčeznu.
Znam, jednom kiša strašno pljuštala,
A zvono uprav zvonilo je pol dne,
I uprav prodje on, gologlav posve,
A ruke sklopio, pobožno se moleć,
Ne žureći se ništa, ni ne mareć
Što kiša curi licem mu i čelom,
Pričinio se tad mi bogom pravim.

Mati T. Al da ga istom doma vidite!
Posvetio se već na zemlji reć bi:
Nit štogod jede niti pije štogod,
A samo malko u po noći spava;
Već uviek, uviek, vjerujte mi moli.
A kad ga pitam: nijesi li gladan,
I zašto uviek toliko se moliš?
Tad pogleda u nebo pa mi rekne:
Ne živi majko čovjek tek o kruhu,
Za cio sviet se čovjek mora molit,
Ne samo za se.

Petar Bože! pravi svetac.

Mati T. Pa k tomu jošte kakav li je dobar!
Od svojih usta zalogaj će dati
Prosjaku; svakog ćedna u kuhinju
I po sto metne sliepcem novčića.
Pol svoga novca siromakom dieli.
I svakog sliepca, svakog prosijaka
U svoju sobu na razgovor zove,
Popitujuć ih jesu l' skoro bili
Il možda idu baš u Jeruzolim.
Pa ako koji podje, tomu dade
Sve štogod ima, da mu put olakša.
Po tisuć puta znade ga poljubit,
Da mjesto njega ljubne stope Krsta. (Petar topi se od slasti).
Baš neki dan je zadnji dao ćilim (pokazuje u sobi na ćilime).
Jeruzolimskoj crkvici na dar.

Petar. Oj! tako nikad nikog niesam čuo
Govorit liepo od kako se rodih.

(Klekne) Pa biste l' molim tako dobri bili
Te dali vašem božanstvenom sinu
Taj sitan ćilim, da ga pošalje
U moje ime, u tu svetu zemlju.
Na koljenih vas molim, ljubim skute.
Mati T. Ta dignite se. Sve što pobožno je
U sinu mojem ima pomagača.
Siromak ima toliko posala,
Al ipak to mu briga ponajpreča.
Velite, da u vaše ime pošlje
Taj ćilim na dar svetoj onoj zemlji;
Da znate koli milo će mu biti
Kad sazna, tol' da susjed njegov gori
Za svetu vjeru — dražeg nema za njeg!
Al hoće l' bit to boži ugodniče
Po ćudi vašoj ženi pa i kćeri,
Jer niesam rada blagosov da kućni
Baš ničim smutim il poremetim.
Petar. Al molim, molim — Ah! te gadne žene . . .
Uvriedile mi sveticu u kući . . .
Al molim, molim nekate se sbunit:
Gospodar mislim ja sam u svom domu.
Mati T. Ja mislim barem . . .
Petar. Pa mogu činit što me god je volja,
I upotrebit na što me je volja,
A kamo l' ne na takve svete svrhe . . .
Mati T. Što bog je dao treba dati bogu.
Petar. Pa makar žena prigrizla si jezik,
Ne samo ovaj nego još i ovaj. (Daje joj i drugi ćilim).
Mati T. Da, malen dar je — al iz čistog srca.
Petar. Ne samo ovaj, nego još i ovaj. (Daje joj i treći).
Mati T. Oj Višnji već vam raj otvorio je,
Medj prvi svetci sjedit ćete vi;
Oj blago duši vašoj svetoj, krotkoj.
Moj sin će tisućput vas blagosovit. (Ode).
Petar. Oj sretan onaj kog on blagosovi.

Prizor četvrti.

Petar, Marta, kašnje Anka.

Marta (posprdno). No sladki moj bijaše l' u nebesih?
De rec i meni što si vid'jo tamo?

Imade l' ondje dost onakvih hulja,
Pa je l' ti težko bilo lećet gore? (Ustuboči se opaziv, da neima ćilima).
Pa dopadaju l' ćilimi se svetcem?

Petar. U kući ja sam gazda — a ti šuti.

Marta. U kući ja sam gazda — a ti šuti.

Petar. A tko sam ja?

Marta. A tko si ti — de reci?
Za kukavice kojekakve zar sam
Ja mučila se?

Petar. To su svetci, šuti.
Ne vriedjaj boga, bog ti prosti griehe.

Marta. Do sutra ako ne doneseš ih
Za ovim stolom sa mnom jesti ne ćeš.
Ta valjda će ti svetac dobrostivi
Za blagodati tolke dat što jesti!

Petar. Ta čuj! — u Jeruzolim . . .

Marta. Čuj me, čuj!
U nedjelju nek crna vrana ona
Obuče na te čistu košulju.
Izmamila je valjda dosta već ih
Od mula takovih ko što si ti!

Petar. Ta kako možeš ženo takva bit!
Da znadeš što sam svašta liepog čuo.

Marta. Ta idi do vraga i ti i lopov taj,
I kožu zar mi hoćete ogulit?

Petar. Sigurniji ti bit će put u raj . . .

Marta. Pa kad je tako — a ti hajd se seli,
Poskidaj sa se sve pa ogrli se
Sa huljom onom, pa hajd s njim u raj.

Petar. Da nije tebe tako bi i bilo. (Dodje Anka).

Marta. De vidi kćeri kakvog otca imaš;
Podavo sve je onom kusom vuku,
I nas će valjda prodat vragu tome.

Petar. Sad smutljivice šuti, sad je dosta,
To nevino mi diete kvarit ne ćeš. (Polete oboje Anci otimajuć se za nju).
Što hoćeš kćeri, vatru ili vodu?

Anka. Ta nekate zagušiti me živu.

Petar. Sad ženo, da si puštala mi dieto . . .

Marta. Sad čovječe, da pušto si mi dieto . . . (Anka u neprilici, neznajuć kome bi).
Petar. Govori čija jesi? (Udje Karlo).
Anka. Njegova sam. (Poleti Karlu).
(Karlo, Marta i Anka stoje u jednom redu, Petar je u sredini izmedj njih i vrata).
Marta. Ha! tako valja. Tko je Karlov, taj je
I moj; a ti sad sviraj dokle hoćeš.
Petar. Iz moje kuće selite se svi!
Marta. Do vrata mislim, da si bliži ti!
Karlo. Ta što je to? Ta ja sam još ko lud.
Marta. Podavo sve je onoj crnoj kugi,
Što žuljevi sam ja izradila . . .
Ni jesti nebi imo, da nij mene!
Poludio za lažisvetcem onim;
A da je pošten, ne bi žo mi bilo,
Već obješenjak, da mu para nema . .
Anka (za se). Oh! bože moj poludit ću od težka.
Petar (Marti). Razsvjetlio ti višnji duše pamet. (Udje Tartuf).

Prizor peti.

Petar, Anka, Marta, Karlo, Tartuf.

Tart. U svetosti me nadmašiste brate;
Već vani čuh o svetom duhu rieč,
A majka moja diže vas nebesom. (Krsti se svetom vodom što je kod vratih i škropi ostale; Petar ne zna gdje mu je glava).
Marta (za se). Ha! lisice al imaš sjajnu kožu!
Da niesam žena letio bi van.
Tart. Je l' ovo sin vaš — ovo vaša kći? (Primiče se Karlu — taj se odmiče).
Marta. Da ovo kći je — ovo zaručnik.
Petar. Ne, nije zaručnik, oj nije.
Tart. (neslušajuć Petra). A znadu l' što je ženitbena sveza?
Marta. Ta znadu! Baš sam učila ih sada,
Da ne daju se od nikoga varat . . .
Petar. Ušuti ženo, moj je red govorit.
Tart. (ko prije). I to je da, al nije oto prvo.
Marta. Da nikad nikom ne zamažu oči . . .
Petar. Oprostte molim . . . Ne čuje . . . Uh ženo . . .

Tart. (ko prije). I to je da — al nije oto prvo.
Marta. Da navjek budu kakvi jesu, a ne
Izvana janjci, nutri kao vrag . . (Na rieč: „vrag“ kriknu
Tart. i Petar u jedan glas).
(Za se.) Od svoje slike preplaši se djavo. (Tartuf šapće nešto s Petrom i skreće glavom).
Petar (Tartufu). Ne zamjerite zlobnoj ženi brate;
Već hajdemo o svetih stvarih sborit.
Tart. (Petru). Ta vele, da je ženu vrag stvorio.
(Na glas.) Al liepih slika imadete brate . . , (Podje gledajuć slike i to prema onoj strani, na kojoj je Anka).
Marta (za se). Ni hram Jeruzolimski nema takih!
Tart. (gledeć Anku, za se). Ljepota cura, da ju je poljubit . .
(Na glas). Gle! to je slika apoštola Petra.
Petar (za se). Vidj! kako pozna svaku sliku — svetac.
Tart. (Petru). Al hodte amo prijatelju dragi,
Da sakrijem za vaša pleća lice,
Jer kći vam je i žena smiešnih očij.
Petar (za se). Baš pravi svetac! Vidi svače srce,
Pa ne smje niti gledat grješnica. (Marta izvadi šveło, Karlo i Anka govore tiho).
Tart. (gleda preko Petrovih ramena požudno na Anku.)
(Za se). Ljepota cura, da ju je poljubit.
(Petru). A kad će brate biti svatovi?
Po odjeći bih reko — on je bogat.
Petar. Ja ne znam, da l' će ikada i biti.
Ja tražim zeta, koj bi ko ja bio,
A ovaj ne zna niti moliti.
Tart. Šta brate sladki? Ne kažite dvaput.
Oj ovako vas molim: Ne dajte je
Za bezbožnike takve — bog ih satro.
Marta (Karlu). Gospoda valjda čuju šapat s neba.
Karlo. Il možda vide Jakobove ljestve.
Tart. (za se). Ljepota cura, da ju je poljubit.
(Na glas.) Oj! jaki Bože! evo Ticijana,
Božanski bje vam brate slikar to.
Ej! da je meni takvu sliku dobit,
U Rim bih poslo ju u crkvu koju . . .
Joj! žena vaša brate danas šije! . .

Marta. Kad krast se smie, smie se i radit. (Petar i Tart. lelaju glavu; Marta, Anka, Karlo smiju se).
Petar (pokazuje na sliku). Za crkvu dajem sve — ta uzmite ju.
Marta (ustane i prieti se Petru). Usud' se jošte jednom reći to (Tart. ne čuje).
Tart. (ko prije). Ljepota cura, da ju je poljubit.
(Na glas.) Ja imam brate lice tog slikara,
Baš ljubi slikar otaj dragu svoju *)
Beatriču — ovako gledjite . . . (Poleti, ogrli Anku i poljubi ju; Anka cikne, iztrže se. Tart. pade, Petar ljubeć diže ga.)
Marta. Hohó, hohó! gospodine moj dragi,
Ta valjda ste zabunili se malko;
Ta nije nebo to, već zemlja, soba . . .
Oh! rajsko svjetlo zasjeni vam oči!
Izvolite do vrata ću vas odvest.
Petar. Joj! jeste li se udarili jako?
Tart. Oprostite mi brate, tako molim,
U kćeri vašoj sveticu sam gledo.
Petar. Oj! gdje je, da ju satrem, ubi svetca . .
Marta. Šta čovječe?
Petar. Da, da ju namah smrvim . . .
Marta. De reci jošte jednom.
Petar. Sad ušuti.
Tart. Oj nekate ni dirnut dobre kćerke.
Jer vjerujte mi brate, ja sam kriv;
Na! ubite me, al' nekate nju . . .
Oj sbogom budte božji ugodniče. (Petar ga odprati).
Marta. Zar ne ćeš sliku poniet u Rim huljo?

Prizor šesti.

Tri djaka, Karlo, Marta, Anka.

Prvi (Karlu). No hvala bogu! Tražismo te već
Po zemlji svoj, od sjevera do juga.
Drugi. Je l' bio tudi onaj hulja?
Anka. Da!
Marta. Pokazasmo mu okuda će van.
Karlo. A što ste došli, ima l' važnog posla?
Prvi. I jošte kakvog! Mrežu pletemo,
Pa da nam i ti pomogneš ju splest.

*) Poznata slika.

Karlo. A za kim će se mreža bacit?
Svi. Za njim!
Karlo. Živio! Za njim!
Marta. Pobjeda je naša!
Svi. Kad žena loži — skuhat će se kaša.
Anka. Ah! evo otca.
Karlo. Hajdmo brže van.
Petar (udje). Oj hvaljen budi Isus.
Svi (izlazeći). Dobar dan!
Marta. Ta pustite ga, nek se moli bogu,
Da uspije nam naš žudjeni plan. (Odu. Petar raširenim rukama prama nebu. Zastor pade).

Čin drugi.

Prizor prvi.

Siromašna soba kod Tartufa. Jurićka s pokrivenom košarom.

Tart. De sjedite, siromašan je stolac;
Ubožtvo vlada u svoj mojoj kući;
Al znajte, da je najbogatiji,
Tko boga radi osiromaši.
Jur. Zapisat rieči vaše ću duboko
U srce svoje i u dušu svoju.
Tart. Pa kako draga, dajte recite mi:
Koliko puta na dan molite se
I kome molite i šta to?
Jur. U jutro jedan sahat prije neg što
Zazvoni blago zvonce sa crkvice
Sa sinom, vašim đjakom, dignem se
Pa molim svedj dok zora ne svane;
Ponajpre očenaše, vjerovanja
Pa krunice, pa deset zapovjedi (Tart. zažmiriv kima glavom, tobož odobrava. Jurićka stavila je košaru ne daleko od sebe, Tart. pomiče tako svoj stolac dok ne sakrije košaru i diže rubac s košare, da vidi što je. Jurićka svega toga ne vidi).
I sve što mladu nauči me mati.
U pol dne isto tako; prije nego
Što radit počnem, prekrstim se triput.
A na veče se molim dok ne zaspim.

Tart. Ugodiliste besjedom mi vašom
Ej! kamo sreće, da je sav svieť takav,
Već zemlju bog bi pretvorio rajem.
Ko što ste dosad molite i odsad,
Jer molitva je, znajte, i pobožnost
Najveće blago i najsigurnije.
Tko viek se moli, taj je naviek bogat,
Tko ne moli se, tom nij nikad dosta.
Siromašan sam kako vidite,
Ni krajcarice reć bi skoro nemam,
Odielo mi je traljavo i staro,
Pa opet smislim, da sam najbogatij!
Za molitvu mi bog dô zadovoljstvo.
Ne nalazim na svietu veće slasti
Do kad se mogu cio danak molit.
I svakom volim kao bratu svome,
I ljubim svakog kao istog brata,
I ne molim se nikad samo za se,
Već za sviet cio — višnji bog mi svjedok!
Sirotinju mi lahko je podnašat,
Jer radi boga sirotanak jesam;
A što se čini radi boga, od tog
Na svietu nema sladjeg — ma mriet bilo!
Al da vas dugo ne zadržajem —
Vi čini mi se, došli ste u poslu?

Jur. Da došla sam vas pitat za svog sina,
Je l' poslušan i uči l' kako treba?

Tart. I poslušan i uči kako treba, (Izvadi „Notes").
Al da — jedan put trko je po noći —

Jur. Moj sin? — —

Tart. Ta da — al ne bojte se ništa.
To znadem ja pa više nitko drugi..

Jur. Oj čime ću vam na tome zahvalit!

Tart. I da — jedanput došao je pijan . . .

Jur. Moj sin? — --

Tart. Ta da — al ne bojte se ništa!
Da reknem riečcu, izćeran bi bio.
Al bože sačuvaj! — To neće bit.
Ogriešit duše ne bi time hćeo,
Pa makar odmah lišen bio časti.

Jur. Oh! čime ću vam na tome zahvalit!
Tart. Pa kako rekoh: Poslušan i uči . . .
Al da — jedanput ništa nije znao . . .
Jur. Moj sin? — —
Tart. Ta da — al ne bojte se ništa.
Jur. Oh hvala, hvala! vi ste vas božanstven,
Da nije vas već propala bi zemlja.
Zahvalit čim ću na toj vam dobroti?
Bar ovaj malen darak ne prezrite. (Pokazuje na košaru).
Tart. (Skoči). Šta, šta? To nipošto i nikada!
To uvrieda bi pravednosti bila.
Jur. Ta primite, ta malim darom otim
Okaljat nećte pravedne si duše.
Tart. Od nikog niesam nikad ništa primo,
Do l' tada kad bi tkogod hćeo crkvi
Poposlat kojoj, sitan koji novčić,
Il možd' u drugu koju božju slavu. (Jur. razvezuje rubac, Tart. požudno gviri).
Il svetici il svetcu kojem na čast.
(Za se). Izmamit lahko lude je od žene. (Jur. izvadi dukate).
(Na glas). A što su molim oti liepi stvori,
I čemu rabe ote žute stvarce?
Jur. Ta dukati su, zar ih ne poznate?
Tart. To dukati su zar? Ta gle, gle, gle!
Još vidjeo ih niesam u životu. (Uzme jednog).
Gle! ovo car je — višnjem budi hvala, (Uzme drugog).
A ovaj baš je isti ko i onaj;
Još vidjeo ih niesam u životu.
Jur. (za se). Ni dukata još ne vidje siromak . . .
Tart. Da vidi moja draga majka to, (Uzme trećeg).
Ni ona toga ne vidje još nikad!
Pa gle! i ovaj isti je ko oni,
Razaznat ne mož koji li je ljepši,
Ko da ih jedan stvorio je stvorac.
A kojoj ću ih recte crkvi poslat?
Još ne dobi nijedan hram tog dara.
A vaše ime spominjat će crkva,
Dok bitisala bude na toj zemlji;
I onaj malen dar ću, sve ću predat. (Uzme košaru i odnese ju u kut).

Sve spremit ću, da ništ se ne ošteti.
Nadariti će bog vas tisućkrato,
I sinu vašem dat će svaku sreću.

Jur. Oj! bog bi dao — to jedino želim.

Tart. A poslušan je znajte, dobro uči,
A um mu bistar kako riedko kome;
Ja svakom sgodom brinut ću se za njeg. —

Jur. Oj ja vas molim!

Tart. Ko za svoga sina.
Od svijuh mi je on ponajmiliji,
Kad govori milota ga je slušat,
A kad se moli tad je ko andjelak.

Jur. Još jednom molim, pripazite na njeg,
Oj molim vas! — Sad sbogom! (Ode).

Tart. Sbogom!

Prizor drugi.

Tart. Zlatka.

Tart. (ljubi dukate). Oj sladki moji, zlatni moji janjci!
Polako li se kupiti pastiru.
Ostali sviet vas ne zna tako čuvat,
Već ljuto baca vas iz žepa u žep,
Ni zatočišta sigurnog vam ne da;
Već svačim kalja moje sladke janjce. (Ljubi ih).
A ja u toru liepu znam vas čuvat. (Izvadi iz ormara veliku kesu dukata).
Kad bit će jedan tor i jedan pastir!
Gle! ovog sladkog od grofice dobih,
Za grofovu što dušicu se moljah . . .
Al molio sam! Proklinjo sam babu
Što nij mi više nego jednog dala! . . .
A ovog dobih od gospoje Klare,
Da laćmana joj nadjem za ženika;
A ova dva mi opet laćman dao,
Da gospi Klari kažem, da ju ljubi . . .
Al za nos dobro znao sam ih vući . . . (Čuju se koraci iz vana).
Uh! koji vrag je opet! Ne daju mi
Ni da se sladkih nagledjem janjaca . . (Udje Zlatka).
Ha! dobro, da si došla; baš te moram
Zapitati za jednu važnu stvarcu. (Zlatka gledje u dukate, tresuć glavom).

A što se hulja amo zagledala?
Zlata. I opet jednu zavaraste dušu;
Ni isti pako nije tako zloban.
Da mož'te cio sviet bi prevarili;
Ta zar vas nije sama sebe stid?
Tart. Šut lajavice! razbit ću ti glavu.
Od ubožtva ne mogu poslati te
Ni iz kuće; zaslužit ništa ne znaš,
Pa opet smiješ proti meni brbljat.
(Sladko). Al da isbilja — začuh, da si sretna.
Zlata. Ja sretna?
Tart. Začuh, da te Niko ljubi.
Zlata. Da ljubi me pa što je onda, jer
I ja njeg — —
Tart. Dosta, dosta — već je dobro!
Zapamtit ću si — Niko tebe ljubi . . .
Iz svačeg treba korist vući znati.
Zlata. Ha! vara se gospodin lažisvetac,
Kad misli mene ludom svojom držat.
Ogulio ste gospodine brate
Već cio sviet — ta evo gle ih, gle ih! (Odkrije dukate).
Tart. (ćusne ju). Bezobraznice znat ćeš tko sam ja!
Zlata. Baš hvala liepa gospodine svetče,
Za biskupa se valjda pripravljate,
Da uzaznate krizmat kako treba!
Tart. Ha! svrako, zmijo sad ćeš tekar dobit!
Ta gdje je štap, ta gdje je, da joj platim? (Traži po sobi štap).
Zlata. Medjuto ja ću nagrabiti novca.
Tart. Prokleti vraže stani, čekaj, stani! (Ganja ju dvaput oko stola, skupi novce).
Paklena zvier mi htjela poklat janjce,
Na štap ću objesit te kao zmiju. (Iztrče za njom van).

Prizor treći.

Dva gradjana, zatiem Tartuf.

Prvi. Ja strepim; ti?
Drugi. Ko da sam u nebesih . . . (Obojica se strašljivo ogledju po sobi.)
Prvi. Ko da ću doći sad pred obći sud.
Drugi. Ja ko da čujem proročanske glave.

Tart. Pomozi bog vam braćo moja draga!
Zabavljate li svetima se stvarma?
Prvi. Govorili smo dosad sve o vami,
O vašoj svetosti, pobožnosti.
Tart. Tolikog vašeg poštovanja niesam
Nevriednik nit zaslužio.
Drugi. Zaslužili ste najčastnije mjesto
Medj svimi svetci na nebu i zemlji.
Prvi. Baš rekao nam prijatelj naš Petar,
Da k njemu ste se udostoj'li doći.
I reče nam za bogom, da gorite,
Da kupite siromašne za crkve
Po koji novčić — niesmo ni mi zadnji,
Stog primite i od nas koji darak. (Daju mu novca).
Tart. (za se). Ta ti su ludji nego ja pametan.
(Na glas). U zlatnu će vas knjigu bog upisat.
(Za se). A ja u knjigu prvih ludovnjaka.
(Na glas). I ja ću za vas moliti se nebu.
Oba. Božanstva vašeg vierne sluge mi!
Drugi. Je l' opet skoro, molim, koji blagdan?
Tart. Jest! U četvrtak Spasovo je sveto,
Kad no je Isukrst i sveti bog naš
Po smrti svojoj četrdeset dana
Još probavio na toj zemlji, učeć
Sviet svoju svetu vjeru, pričajući
O sladkom raju i o strašnom paklu —
Od andjela sa zemlje bogu odnet.
Prvi (za se). Oh! pravi svetac; kako znade pričat.
Tart. U petak vam je sveti Mamerto,
Bijaše negda biskup to pobožan;
U subotu je mučenik Pankracij . . .
Sliedećeg ćedna nema većeg svetca,
U sriedu samo Ivan Nepomučki.
A zatiem jesu sveti Duhovi!
Tih svetih dana nekate propustit,
A da se nebi bogu pomolili,
Da udieli vam svoju svetu milost,
Da svuda oko njegovo vas prati;
A svakom svetcu preporučte dušu,
Jer oni stoje baš na vratih raja,

Pokraj njih duša ide na sud bogu.
Stog molite ih, da se za vas mole.
Drugi. Na usta vaša sbori isti bog;
Što rekoste nam, činit ćemo sve.
Tart. A sada sbogom! prijatelji dragi.
Al da — zamolio bih još vas nešto,
Bi l' hćeli tu mi uslugu učinit?
Oba. Što vi rečete to je nama sveto.
Tart. Oj! dobar sam, pa znajte, da se brinem
Za djake svoje ko za braću svoju;
Od svakog zla sam rada ih odvratit,
Mladjahni još su — a sviet pun je zla,
A riedko zlu tko odtrći se može . . .
Pa stoga uviek pazim i promatram,
Kud ide koji i što radi ondje;
A kod kuće se znate uviek molim,
Pa stog ne mogu svačem u trag ući,
Nit saznat gdje zlo ovom, onom prieti.
Drugi. Za djecu otac ne brine se tako!
Tart. Pa stog vas molim, da budete dobri,
Pa vidite li kojeg u sumračju,
Da za njim podjete, dakako tajno — —
Il možda kadgod ciela ih je hrpa,
Uhodite ih — bio l' dan il noć . . .
Prvi. Šta ja sveg toga znadem, bože moj!
Kad pomislim — oj! plakati bih moro.
Tart. Ah! recite mi, molim vas ko boga,
Oh! bože, bože! ne uzmi im za grieh! . .
A sviet će kazat — učitelj je kriv,
A ja ih učim kao malu djecu.
Prvi. Sa posla išo baš sam nekog dana,
Spušćavo mrak se, zvono zvonilo,
Ja skinem kapu pa se moljah bogu,
A djaci — bješe jedan ih desetak —
Na brdo popeli se pa vikahu
Iz svega grla što su igda mogli.
Tart. Oh! bože moj! uvriediše te jako,
Oprosti im jer ne znaju što čine.
Prvi. Pa zatiem s brda spuštiše se hrlo,
Sve vikajući: Živila Hrvatska!

A ja od vike niesam molit mogo,
I prokleo sam tad ih — bog mi prosti.
Tart. Oh! zašto nij ih zemlja progutala,
Kad vriedjaju mi u molitvi ljude.
Oprost' im bože, ja te za njih molim!
A i vas tako molim, prostite im!
A sad vas jošte jednom ono prosim:
Prijav'te mi kad o njih što saznate.
A sada sbogom! dragi kršćani,
Ni slušanjem si duše ne smiem griešit. (Oba odu).

Prizor četvrti.

Tart., zatiem Janko.

Tart. Al ludog bože stvorio si svieta!
Ta ne će ovca vjerovati vuku,
Ma magareću kožu navuko.
Al sviet od ovce tisuć put je ludji.
Nastvarao si bože magaraca! . .
A čemu ta je zvjerad dugouha?
Ta čemu, neg da gosi zlato vuče!
U koži svojoj treba znat se kretat,
I dobro znati prevrtati okom
I zagrljaji drugoga zaludit,
Pa tada ti si najpametniji.
Ovako treba psine ote gnjesti. (Stiska ruku).
Do krajcare oguliti ih treba,
Izčupat dušu i izkopat oči,
Da ne znaju što rade prstima.
Na majstora su baš se namjerili;
Pogodit samo treba ih u žicu —
A tad ne štedi dok ne popuca! . .
Zar da se djaka bojim? Dragosti! . .
Ta dobro znam, da ruju kao krti;
Al oči svietu prevuko sa mrenom,
Da grom je ne bi — kamo l' krt odlup'jo . . .
Al gdje je Janko — poslao sam po njeg . . .
Ha! evo ga — baš ide ravno amo,
Iz čuture mu sama mudrost viri!
Blagosovljen mi budi dragi brate!
Janko. Ja niesam vriedan . . .

Tart. Neka brate tako,
Ta svi smo braća, djeca jednog otca.
Janko. U molitvi sam možda sbunio vas.
Tart. Dovršio sam! Bogu budi hvala.
Nek božja volja na meni se vrši . . .
Još posljeduju forintu imadoh —
U crkvi bijah, sad se vratih iz nje,
Pa putem valjda netom ju izgubih.
Izmolih namah trijest očenaša.
Ma ništa danas ne imao jesti,
Na molitvu zaboraviti ne ću.
Ta sve na svietu, sve je božja volja.
Janko. Baš sada primih nešto malo novca,
U kući nemam uprav velje nužde,
Pa stoga primite taj malen dar. (Daje mu novca).
Da nesreća se vaša meni sbila,
Učinili bi vi, znam, isto meni.
Tart. Nebeska su mi mana rieči vaše;
Da nije vas sad, ja bih umriet moro
Od pustog glada — Višnjem budi hvala. (Hotomice pogazi cipele Jankove).
Oh! sladki brate ovako vas molim! (Padne pa ljubi i čisti (tobož) gdje ga je zakaljo).
Ja niesam vriedan, da vas ustnom dirnem.
Janko (ušeprtljio se). Ta nekate, ta nekate oh! brate. (Sagne se, da zaprieči Tartuta u ljubljenju, odmičuć se sve dalje; buduć da mu Tart. kruto obuhvatio noge, to pane na njeg pa se poljube licem u lice).
Tart. (za se). Šta niesi vraže glavu tu razlupo.
(Na glas). Čudesa tvori i dan danas bog,
Očutih sada njegve ruke moć,
Što uviek samo dobro s dobrim spaja.
Janko. Pričinja mi se, da poljubih boga.
Tart. (govori Janku u uho, okrećuć se, da ih nitko ne vidi.)
Da sbilja! čuo sam, da sestru moju
Vaš dragi sinak jako rado ima.
Janko. A preda me je kleknuo i strepo,
Ne mogav riečce izreći siromak . . .
Tek ustne drhtale mu, da ju ljubi. (Tart. toboz sav blažen kima glavom).

Al nigda niesmo ni spomenut smjeli
Sa svetcem takvim u rodbinu doći.
Tart. Oj! sladki brate a ja jedva čekam!
Već rekoh sestri, da oženi Niku —
Al stid me brate, nemam ni novčića.
Janko. Je l' vaša volja samo — novca bit će.
Tu peticu podajte sestri vašoj,
Da znade kako volimo joj svi.
Kad reknem sinu sada, umrieti će
Siromah od veselja! (Ode).
Tart. (za njim). Da bog da umro!
U takovu Abderu jošte nije
Nanesla kob me Gavrani ne znadu
Ti što je lija . . . Danas baš sam sretan;
Sve ide kako treba; čekaj Niko
Na Zlaticu dok sunce s' neba pade.
Ti dragi Janko skupljaj petice,
Da napunimo brže sandučić — — —
— — — — — — — —
Ta Arka, to je sbilja božica,
I živo biće rieči: nedužnosti;
Obljubiti ju ne bi škoda bilo.
Pokušat ćemo postaviti mrežu! . .
Al žene one čuvati se treba,
Jer hulja jeste nada hulje sve,
Prevejanosti svake arcidjelo!
A Karlo? Da je bogat vidjeo sam,
Al duše još ne poznam mu i srca.
On Anku ženit hoće? Ne će, ne će!
To ne da otac — sve baš kako treba.
Na moju mĕku Karla da j' navabit,
Da uzme Zlatku; ako ne će nju,
Da ovdje barem malko pomogne! (Pokazuje na novce: vadi ključe iz žepova).
I ovaj tu, i taj i taj . . . (Obtrče sve ladice, da vidi jesu l' zaključane).
Sve dobro!
A vi da nieste hulje nikom rekle! (Pokazuje na slike na zidu).
A ti ćeš dragi bit mi vjekom vjeran. (Poljubi svoj svjetlopis i ode).

Prizor peti.

Niko, Zlatka.

Niko. Odavna veće ne vidjeh te Zlatko,
Uvenula si, pô ti s lica ruj;
Ne smieši ti se ustna više sladko,
Na zenice ti čudan pao nuj —
Ta možda drugog ljubi zlato moje! . .
Zlata. Ti mene valjda sudiš po sebi.
Niko. Od poljubaca ustne mi se znoje,
Čim vidim ustne namah mi se zlî!
A ti se valjda zabrinula jako —
Koliko puta posla me u pako?
Zlata. Ja sbilja ne znam je l' to sa mnom Niko.
Niko. Ta Niko, Niko, zlatna moja diko.
Zlata. Jer vjeruj, da te ne ljubim odviše,
To rekla bih, da ne ljubiš me više.
Niko (približi joj se). Al čuj me zlatna — prvi cjelov primi,
Do sada nikom još ga niesam do.
Zlata. Od ljubavi će srce puknuti mi;
Pa koliko mi srca žar je mamen,
Da poljubiš mi jošte lice to —
Prosukljao iz grudi bi mi plamen.
Niko (opet hoće, da ju poljubi — ona izmiče).
Ta neka biti hladna kao kamen,
Za jedan cjelov još mi vrati sto! (Poljubi ju).
Zlata. Uh! al je gorak ko vragova sto!
Niko. Uh! sladja ti je ustna nego med! (Imitira ju).
Zlata (za se). Jest hulja, huncut, da mu nema para.
Pretvarah tek se, da ga izkušam,
Ej! da je žena Belzebub bi bio!
Niko. Ti sklapaš ustne a ne ima glasa;
Sa duhovi se valjda razgovaraš.
Zlata (osbiljno). Na nebo naše ljubavi se oblak
Navuko paklen, taj je oblak brat moj.
Je l' ti ga štuješ? A ja velim: lud si!
I cio sviet taj jeste jedna luda.
Ne krivi lica, znadem što govorim.
Znaj! on je zloba, da je nema veće;
I ako hoćeš zlobu, lukavost
I prvog hulju, podlost, lakomost

U živoj slici vidjet — gledji njega.
Izmamio je tvome otcu novca,
I rekao mu, dat će mene tebi;
Je l' tako? Neka vjerovati, neka!
Jer ne budete l' opametili se
I jezik će vam iztrgnut iz ustij.
On mene tebi ne da! Čuj, što kažem,
On snuje druge podle osnove,
Ti misliš, misli sviet: Siromah je!
U istinu je pak bogatiji
Neg svi vi skupa! Čuj me što ti kažem.
Ti misliš, da je pobožan, da moli;
Oj nije! — Novce mjesto toga broji.
A meni, slušaj, meni ne da jesti,
On znade tko sam ja i znade dobro,
Da znadem sve i sva, pa boji me se.
Ko pseto me na lancu drži spetu,
Da svietu tajne izreći ne mogu.
Da bozi bar u jadu mom me čuju!

Niko. Oh! grozne srdjbe to mi srce ruju.

Zlata. Al čuj! izgubit glavu ne smie čovjek.
Ne pozna sviet ga jošte — ja ga poznam:
Suprotstavi l' se tkogod malko jače,
Tad uplaši se, al se zna pritajit
Ko da ni ne zna za strah, zatiem gleda.
(Na vučju kožu lisičju obukav.)
Lukavštinom te svojom obajati,
Tol fino, čuj! da čovjek ne zna gdje je.

Niko. Šut! koraci se čuju.

Zlata (sluša). Jest, jest! On je!
Ne prepani se samo.

Niko. Ne boj se!

Prizor šesti.

Prijašnji, Tartuf.

Tart. (zapanjen trče po sobi tražeć štap).
Ho hó, ho! hó gle mudre frajlice,
Baš rad si danas štapom pit bratinstvo. (Uzme štap pa poleti
Zlati, Niko ga prieči stojeć pred njim).

Niko. Gospodin zete ček'te malko, molim.

Tart. Gospodin zet, gospodin zet — tko kaže to?
Niko. Moj otac kaže! Peticu vam dô,
Da date njoj ko zaručnici mojoj,
Al vama to ni na kraj uma ne bje.
Je l' tako Zlatko?
Zlata. Uprav tako, jest!
Tart. O guštere, o zmijo! (Poleti k njoj, Niko ne da).
Niko. Gospodin zete ček'te malko, molim.
Tart. Gospodin zete izvolite van,
Dok ja njoj najpre njenu plaću dadem. (Sve troj oko vrata; Tart. gura Niku van).
Niko. Gospodin zete ček'te malko, molim.
Tart. Gospodin zete izvolite van. (Niko stvori vrata, pusti Zlatku, zaključa opet i turi ključ u žep).
(Tartuf skrsti ruke i šeće po sobi gore-dole; isto tako Niko; svaki ima štap. Tart. glede Niku popreko).
Tart. (za se). S njim kruške brati ne bi dobro bilo.
Niko (za se). Gospodin zete, da se ogledamo.
Tart. (za se). Da nije jak, prikrenuo bih vrat mu.
Niko (za se). Gospodin zet ko da se stidi mene.
Tart. (na glas, digao oči k nebu).
Sačuvaj bože jezika me zlobnih,
Što ruju potajno pod dobrom zemljom.
Niko (za se). Al lopov sebi pjeva hvalospjev!
Tart. I znadu krti omraziti dobrog
Pred zlobnim svietom, bog im neka prosti.
Ja volim bože biti ocrnjen,
Neg da ja igda ocrnjujem druge.
I hvalim tebi, jaki bože, toli
Dobrostivoga što si stvorio me.
Kad mogu reći: Hvala tebi bože,
Da niesam ja Farizej kao oni.
Niko (za se). Gospodin zete! kušat ćemo sreću. (Na glas, vrlo prevejano, ogrli Tart.).
Amice dragi hajd pomirimo se.
Tart. (prevejano). Amice dragi, što vam pada na um,
Ja ne znam, da se igda zavadismo.
Oprostit će te prijatelju dragi:
Bi l' hćeli kazat mi — s kim imam čast?
Niko (za se). Ah! saprment, ta to je čedo pakla.

(Na glas). Ta je l' moguće prijatelju dragi?
Ta ja sam Zlatin zaručnik, sin Jankov.

Tart. Amice! vi zar Niko? Sretna mene!
Kad takvog mladca zetom zvati mogu. (Poljubi ga).

Niko (za se). Id sotono — pa paklu dah ti smrdi.
(Pričinja se). Ha! to je to! Ja gledam, je l' moguće,
Da mene dragi zet bi moj izćero' . . (Pljeska ga po ramenih).

Tart. Da znate dragi koliko vam volim!
Stog ne dam Zlatki s nikim ni govorit,
Da nebi mogli na me se potužit;
Pa kako dužnost vršim, sad ste vidli —
Gdje ono mišljah, vi ste netko drugi, —
Pa stoga molim, da mi oprostite.

Niko. Amice dragi! ta ja ne znam, da ste
Uvriedili me, vi si utvarate,
Ta vi ste dragi jako fini bili.

Tart. (za se). Ah! zlatna smijo — al ti blješti zlato.

Niko. Pa kako, što velite, kad bi moglo
Bit vjenčanje i pir? Da znate, ah!
Koliko ljubim liepu sestru vašu,
Znam, da bi rekli: odmah sutra, odmah.

Tart. (za se). Za veću ljubav više petica.
(Na glas). Što rekoh dragi: Čim uzmože prije,
Večeras još ću o tom promislit,
Pa javiti vam sutra prvom zorom.

Niko. Do vaših obećanja mnogo držim.
(Za se). Ni pišivoga boba bolje rekuć.
(Na glas). Sad budte sbogom! (Ode).

Tart. Odneo te djavo.

Prizor sedmi.

Tart. Marti mu.

Mati Tart. (Donese punu košaru, keseć se). Do zemlje vašoj mudrosti se klanjam.

Tart. Ja opet ljubim toli fine ruke. (Poljubi ju, ode vidit što je u košari).
Aj, aj, aj, aj! što takve ruke vriede!

Mati (pokazuje mu kesu s novci). Andjelče moj gle! malih andjelaka.

Tart. Ponizan klanjam se do crne zemlje.

Mati. Zatvorila sam krešteliću onu,
U podrum, neka nauči se šutit.
Tart. Aj, aj, aj, aj! Ta vi ste andjel s neba.
Mati. Da hoće bar je ne stat stoga svieta!
Tart. Baš mislim dat je jednom bogatašu,
Al samo treba jošte mreže splesti.
Mati. Nek íde k vragu, da smo jednom sami,
Procvjetat tada tek će zanat naš.
Tart. Aj, aj, aj, aj! Al to će biti slast. (Zagrle se).
Mati. Tom svietu gulit kožu, zlato krast.
(Zlatin glas čuje se iz vana:)
A ja ću svietu sve te tajne reć!
(Oboje trgnu se, po lete na vrata). Ah! kuju, kuju treba ubit već!

Treći čin.

Prizor prvi.

Isto kao u drugom činu.
Petar, Tartuf, kašnje Karlo.

Petar. Blagostivo se nebo smilovalo.
I ja se želje doželio svoje,
Da opet jednom vidjeti vas mogu.
Tart. A i ja tako. Od onoga dana,
U kući vašoj kadno vas posjetih,
U duši mi je samo vaša slika.
Petar. I ja ću dugo sjećat 'nog se dana,
I onih sladkih naših razgovora.
Tart. A kako brate, molim, vaša kćerka?
Odkako vidjeh ju, i za nju molim;
Plavokosa pa svetici je slična.
Petar. Baš hvala bogu, da je moja kći
A materi ne naliči ni trunka.
Tart. A kako Karlo, kako ženitbom? . .
Petar. Na vrbi svirala! Što rekoh jednom,
Oporeć više ne ću nipošto.
Pa još za onog dječka — sačuvaj bog!
Tart. Je l' opet kakvog zla počinio?
Al nekate ga samo strogo sudit . . .
Petar. Ja ne sudim, već velim istinu.
Tart. (tobož). Ah! liep je mladac prijatelju moj!

Oprostite mu, valjda nij baš takav.
I Anka znam, da odveće ga ljubi,
Sirotica bi umrla od tuge.

Petar. Nek umre! Da vi znate što je hulja
Govorio, bi s mjesta prokleli ga.

Tart. Oj! ne bih, ne! A što je molim reko?

Petar. Ja sbilja ne znam, bi l' vam reći smio,
Strahota čut je, kamo l' vjerovat!

Tart. (za se). Ha! ruje krt! Već znadem što je, znam.
(Na glas). Al recte, molim, recte samo brže . . .

Petar. Obećajte mi, da će te mi sve,
Što budem kazao, oprostiti.

Tart. U ime boga ja vam praštam sve.

Petar. U ime boga i ja počimam.
Govorio ja Anci svojoj jučer,
Da bude dobra kao i do sada,
Da štuje vas ko boga na nebu,
I svaku rieč vam dobro da zapamti,
Jer pravednika većeg nij na zemlji.
A na to skočí on ko biesan ris,
Nazove psetom vas i prvom huljom . . .
Ja sbilja ne znam što je sve još reko, — —
I što bi reko — —

Tart. Što ga nieste pust'li?
Nek rekne sve što na srcu mu leži.

Petar. — — A ja ga pljus! po zubih što sam mogo,
I trgnem štap i izćeram ga van,
U mojoj kući ne trebam ga više.

Tart. Oj! zašto nieste puštali ga, dragi,
Da rekne sve — ja sve mu praštam.

Petar. Tko prijatelja moga tako vriedja,
I mene vriedja. Ta prokunite ga,
Jer nije vriedan, da mu oprostite.

Tart. Oj! ja sam dobar pa mu praštam sve,
Al kako Anci bit će bez njega?

Petar. Pa kako bilo joj — da bilo. Rekoh!

Tart. Oj! sretan sam kad prijatelja imam,
Koj tako gori za bogom i vjerom. (Karlo udje).

Petar. Al evo gledj ga — psa ne mogu gledat.
Oprostite što ostavit vas moram.

Tart. Ta ne bojte se ništa, ostanite.
Karlo (za se; ogrli Tart., tetura se tobož pijan).
Da vidim kako uspjet će nam plan.
(Na glas). Amice! Al sam noćas lumpovo,
Cijele noći oka ne zaklopih! . .
Tart. (krikne). Taj ide bože i po noći! . . (Sklopi ruke).
Petar (krikne). A joj! (Poleti Karlu, koj je ogrlio Tartufa).
Sad pusti ga il' razbit ću ti glavu.
Tart. (Petru). Ta pustite ga, nije pri pameti.
Karlo. Amice! Vas je strah zar ić po noći?
Tart. (Karlu). Imate valjda puno novca dragi?
Karlo (viče). Imade novca tog — — —
Tart. (prekine ga). Ta šutite!
(Za se). Da hoće ovaj vrag me ostaviti, (Pokazuje očima na Petra).
Izmamit bi se možda štogod dalo.
Petar (za se). Baš dobro, da tog Karla znam još bolje.
(Na glas). Sad sbogom dragi, moram ić! (Ode. Prikrije rukama lice i to s one strane na kojoj je Karlo).
Tart. (za se). U pako!
(Karlu). Amice! čovjek taj dosadjuje mi
Ko mušica, ne mogu već ga gledat.
I svedj mi brblja kakov pobožan je,
I kako ljubi me ko istog boga . .
A nije vriedan, da se zove čovjek,
Od noći se je eno uplašio.
Karlo (svedjer igra pijanog).
Haha od noći! Al nas dva amice —
Sotone je li ne bojimo se.
Po noći mi smo prve junačine!
Tart. I mukte pit, i ljubit mlade žene,
I vući sviet taj za nos . . . Liepa noći!
A kada zorom ponestane mraka
Navući treba svjetliji haljetak,
Na tielo i na dušu; je li tako?
Karlo. Nas dva smo: Jedna duša, tiela dva.
Tart. (za se). Nategnut ćemo sada druge žice.
(Na glas). Amice! Začuh, da ste jako bogat.
Karlo. Ej! ima toga novca kao blata!
Tart. Ja dragi bome nemam. Igrao sam

Baš neku noć i proigro sam sve;
Amice! bi l' mi mogli što pozajmit?

Karlo. Pozajmit?! Kako možte takav bit!
Poklonit ću vam trideset stotina!
Ta ima novca toga! . .

Tart. (za se, kesi se sladko). To baš valja.

Karlo (kopa po žepu). Dok samo nadjem oj! taj vraži žep

Tart. Amice moj! igrasmo se mi „zwicka".
Nas deset. S prva bilo na novčiće,
Pa na seksere pa na forintače,
Pa na desetice . . amice čujte!

Karlo. Au, au! Ta vi ste čitav majstor dragi.

Tart. S početka ja oštruljo sto forinta;
Al ne dô mira vrag — ja hćeo još sto . . .

Karlo. Pa ostadoste stotinarku dužan . . .

Tart. Baš tako je! Ta vi ste čitav majstor! (Gleda pozudno u Karlov žep).

Karlo (za se). De gledji, gledji — ne ćeš dogledat. (Poozbilji lice).
U ovom žepu nij — al ovdje bit će. (Traži u drugom žepu).

Tart. Ej! blago meni s takvim prijateljem! (Ogrli ga).

Karlo (za se). Ej! vidjet ćemo — još se ništa ne zna.

Tart. Al k večeri ću istom psima dati,
Oštruljat ću ih sve do gole kože.

Karlo (za se). Ej! vidjet ćemo — još se ništa ne zna.
(Na glas). Ni ovdje nema! Je l' to vraži poso!
Ha! evo ih! No hvala budi bogu.

Tart. (Od milinja gladi se lievom rukom po licu:)
Oguliti ću psine sve do kože.

Karlo (za se). Ej! ko da ne znam kako ti to misliš.
(Skoči). Amice dragi! pokrali mi novce.

Tart. (za se). Oh! vrag te odno, to je sbilja grozno!
(Na glas). Sve pokrali vam, sve do krajcare?
Prokletstvo palo na taj ljudski rod.

Karlo. Oh! to je sbilja strašno prijatelju,
Da čovjek nije siguran u žepu.

Tart. Amice! palo mi je nešto na um:
Da l' znate, da vas Petar spopo za vrat,
Baš toič! . .

Karlo. Ha! jest! Lopov, lopov! (Za se). Ti si! (Šakom po Tartufu).

Tart. (za se). Hoho! Amice! to su moja ledja.
(Na glas). Pogodili ste sve na dlaku dragi.
Sa jednom rukom grlio vas, s drugom
Vas krao . .
Karlo (udara po Tart.) Lopov, obješenjak. (Za se). Ti si.
Tart. (za se, uvija se). Ta niesam ja taj, to su moja ledja.
(Na glas). Sad ja tek znadem zašto me polaža
Taj vraži čovjek, uprav svaki dan.
Već znate što — obtužite ga, ja ću,
Svjedokom bit! . .
Karlo. Ha! znat će hulja, znat će. (Udara ga).
(Dvoličnо). Sve bolje hvatam ga u svoje mreže.
Pa čujte dragi! Čovjek taj još hoće,
Da uzmem kćerku njegovu za ženu.
Tart. Ha! sad se istom vidi što on misli:
Zavirio je on u kesu vašu,
Pa kćer bi svoju za novce vam prodo.
Karlo. Al neka, neka znat će tko sam ja!
Al čujte dragi! reko bih vam nešto:
Zaljubih se u liepu sestru vašu,
Odavna već — vi znate što je bol
Ljubećeg srca, bi l' ju hćeli dat mi?
Tart. (veseo, ozbiljno). Za ženu?
Karlo. Da za ženu, jer ju ljubim.
Tart. Nek bog me čuje: Zlatica je vaša!
Karlo. Oj! sad sam sretan. Idem brže kući
Reć roditeljem.
Tart. Bog ih blagosovio! (Karlo ode; na vratih dade mu Zlatka papir).

Prizor drugi.

Tartuf, zatiem Mati mu i Zlatka.

Tart. Tuj leži oganj a tuj voda! Uzmi
Što hoćeš! moram samu sebi reć.
Sve klanja mi se! Onaj svojevoljno
O udaji sa Karla ni čut ne će,
A taj još manje uzeti ju kani.
Kud segnem rukom odsvakud je dobro.
Al ja ću kušat pružit za obojim.
Dva prijatelja, kažu, niesu vierna.

Ma ne bili — ja zato slabo marim,
Nek samo igraju mi što im sviram.
Rad kćerí će si onaj meni klanjat,
A tog ću za nos vuć rad moje sestre . . .
Od ljubavi za Ankom sbilja drhćem,
Za poljubcem ko diete žedjajući. (Zamisli se, domisli se nečemu, odobrava).
Jest, jest! Što mora bit to mora bit.

Mati (tura pred sobom Zlatku). Unutra vuc se!

Tart. Što je opet, što je?

Mati. Zar ne vidje — ta list je onom dala!
Da vrag ju sobom nosi . . .

Tart. (lagano). Ništa zato.

Zlata (laskavo). Napisala sam, da ga jako ljubim.

Mati (brže od druge strane Tart., obe su rad mu ugodit).
Prokleta zmija izdat će nas svietu.

Zlata. Poljubih mu na pragu ustnice . . .

Mati. Al ja sam danas lovak ulovila . . .

Tart. (od veselja ne zna kojoj bi odgovorio).
Na pragu . . . krasno . . . lovak ulovila — —

Zlata. A on me nježno milovo po licu.

Mati. Al takve sreće nebjah jošte nikad.

Tart. Po licu nježno . . . nikad take sreće . . .

Zlata. I rekao mi, uzet će me skoro.

Mati. Oh! da ih vidiš kakovi su liepi! (Pokazuje mu papire).

Tart. Oh! kakvi liepi . . . uzet će te skoro.

Zlata. I rekao mi, da je jako bogat.

Tart. Ah! jako bogat! . .

Mati. Kakovi su liepi! . .

Tart. Oh! da ih vidim kakovi su liepi.
(Odoše u dno pozorišta. Niema igra: Mati pokazuje Tart. prstom po papiru: neizmjerno veselje; odoše zagrljeni).

Zlata. Da znate hulje kakovi ste liepi!
I opet djelo vraže počiniste . . .
Lukavštinom sam bar izvukla se . . .
Al neka, neka! Zvoni već i vama,
Odzvoniti će čini mi se brzo.
Ta nije svakom mozak zamagljen,
Ko što gospodin brat i majka misle.
Ko ptice ćete pahvatani bit
Pod mrežom zobljuć, ko na medu muhe.

Prizor treći.

Zlatka, Niko, Karlo, Janko, Marta obucena kao služavka. Janko ju ne pozna.

Niko. Ah! što nariče moj andjelak to. (Ljubne joj ruku).
Uh! al je gorka ko vragova sto.
Zlata. Ocrnio si kao ciganin.
Niko. Po suncu trčuć za djevojčicama.
Zlata. A ja sam sretna za mnom da ne idu
Ludovi takvi, kao što si ti.
Niko. Za danas mi je dost šipaka tih!
Janko. Milota čut je kako li se vole.
Marta. (igrajuć služavku obzire se ko ludkasta po sobi. klanja se
Zlati). Na sreći čestitam vam gospodjice
Zlata (Janku). Milota čut je! Jelte? Koja korist,
Kad ne moguće saviti nam vienac,
Da okrunimo srdaca si plamen.
Janko. A zašto, molim, zašto ne moguće?
Zlata. Oj! zlim ste putem udarili otče!
Vi ono tek čitate što vidite;
Izmedj redova neviditi ništa.
Janko. Fabulirate isto što i sin mi.
Zlata. Al zlatan smiso tim je fabulam!
Niko (Karlu). Moj otac ne zna o tom jošte ništa.
Karlo. Ni ne treba mu baš ní riečce reći.
Niko. Al da mu kažemo, bi uvidjeo,
Ja mislim, bolje vražu dušu onu.
Karlo. Ja primam na se odgovornost svu.
Al Zlatku ćemo o tom obaviestit. (Okrene se Janku i Zlati.)
Tvoj otac, Niko, otet će ti Zlatku.
Janko. Ja ne znam što e to djeco, mlada krv,
Uzpaliste se kao mladi jarci,
A ne znate, da čovjek onaj obći
Sa istim bogom . . .
Marta. . . S vragom, ancikrstom! . .
Janko. Ti šuti, ti si služavka, je s' ćula!
Karlo (Janku). Oprostit ćete, pričat ću vam jednu
Prastaru priču. Imo čovjek psa;
U ruke ljubit gosu, mahat repom,
Zno psina otaj ele! baš majstorski.
I goso mislio: Baš sbilja vjeran;
Pa davao mu čak iz ruke jesti;

Kad bilo sutra — uzme pas iz zdjele,
A preksutra — iz zubi svoga gosc!
Gospodar samo računo na vjernost
I prijateljstvo milog svoga druga;
Al šarov bio mudriji od gose — —
I grabio i častio si psine,
Dok najkašnje mu ne pograbi sve,
Pa go o moj od psa si moro prosit
Komadić kruha — — Ali hoćeš da!
Moj šarov fuknu repom — sbogom diko!
Oštruljao sam tebe, sad ću druge.

Marta. Oštruljo meni ova tri ćilima.

Janko. Ta ti si crna buha, šuti kujo.
A vi ste lude svi, svi! . . Trebalo bi
Sa brezovačom pamet vam osolit.

Niko. Ja mišljah otče, da si pametniji.

Janko. Ta ti ćeš mene pameti zar učit?!

Karlo (uhvati Janka za ruku, Zlata i Niko priđu im sa)
Oprostite mi! Znate l' vi što znači
Tuj, onaj pas u prenešenom smislu?

Janko (trza se). Sotone vi ste, lopovi ste, hulje! . .
Pa što je to u prenešenom smislu?

Karlo. Da j' svetac onaj obješenjak prvi,
I da vas vara, ko crljena krpa
Na vodi žabu, dok ne uhvati vas.

Janko (Zlati). A vi zar brata svog ni ne branite?

Zlata. Ne! Znam bo, da bih griešila prot bogu,
Da s vragom plešem u istome kolu.
Ma bio on moj brat — što jest, to jest!

Marta. Ja glasujem, da mah ga objesimo!

Karlo. I ja!

Niko. I ja!

Zlata. I ja!

Janko (trza se iz njegovih ruku). O bože moj!
Poludio sam, sgnjaviše me djeca (Poleti van).

Svi (osim Marte). Poludio je, brže za njim brže! (Odu).

Marta. Il bolje rekuć: Vraća mu se pamet!
Poludio je! Ej! budale svieta!
Na lanac da vas sve povezati
I vodat vas po svietu za krajcaru — — —
Al ne bi l' bilo bolje, da pokupim
Te ćilime . . . pst! koraci se čuju.

Prizor četvrti.

Marta. Tartuf.

Tart. Hoho! A tko 'e to? A tko ste draga vi?
Ah to je sbilja liepa curičica!
Marta (ponizno ga ljubi u ruku, za se).
Da nemam kćeri, djevica bih bila! . .
(Na glas). Kod Anke ja sam služavka . .
Tart. (veseo). Zar vi!
Pa je l' vas možda amo poslala?
Marta. Pogodili ste!
Tart. Što mi kaže Anka?
Ljepotica ste vi od služkinjice. (Hoće ju poljubit — ona se izmiče).
Marta. Ja niesam nigda još poljubila.
Tart. Zar nigda još! — Oj! dedte, da vas ljubnem. (Ogrli ju — ona se iztrgne).
Marta (obziruć se, plačnim glasom).
Ah! gdje su vrata, ja ću namah pobjeć,
I reć ću Anci: hćedoste me ljubnut.
Tart. Oj! nekate, oj ne! de sjedte amo.
Pa što je, molim, dala reć mi Anka;
Odavna veće vidjeo je niesam.
Marta. Poručila vam, da vas ljubi žarko.
Tart. Zar ljubi dakle? Ja sam preveć sretan.
Marta (za se). Oj nije sreća sve — što čovjeku se
U prvi mah pričini . . . čuvaj je se!
(Na glas). I veli, da vas veće željna vidjet.
Tart. Oh! recite joj, da ću sutra doći.
Marta. Zar sutra? Kada? Recte, da joj kažem.
Tart. Od prilike pred deset sahata.
Marta (za se). U crnoj duši toj, svih sedam boja
Zrcali se — al jedna crnja druge. (Gleda neprestano ćilime).
Tart. Vi nešto ste se tamo zagledali?
Marta. U ćilime se krasne zagledah.
Baš neki dan spomenu Anka majci,
Da vidje negdje krasnih ćilima,
I da je sama željna imat kojeg,
Al nitko ne će takva štogod prodat.
Tart. Ne mogu slušat više rieči vaših.
Ugodit mislim, da ću zlatu svome —

Stog poklanjam joj sva tri. Jedan ljepši
Od drugog; ne prezre li samo dare
A s darovi i mene ujedno.

Marta (za se). Polovicu pogodio si.
(Na glas). Oh! bože! kako možte tako misliti,
Kad umire od ljubavi za vama. (Uzme ćilime).

Tart. Poručite joj tisuć pozdrava
I poljubaca; recte, da ću doći.

Marta (za se). Poručit ću, da doček bude sjajan! (Ode)

Prizor peti.

Tart. za tiem Zlatka.

Tart. Ko vedja slavan, nepredobitan!
Od same sreće pamet ću izgubit.
Tek pomislim — a ono veće vidim.
Ta Anka mene ljubi, pa još šalje
Gorućeg srca svojeg poruke mi.
Utopit ću se u tom moru slasti.
A Karlo ljubi Zlatku — ona njega,
A Karlo taj je bogat — jako bogat!
A sbilja mal' da ne raboravih. (Izvadi papire).
Ta majka, ta je meni drugi: Ja! (Čita dva lista; sve se više mrči, drhće).
Ah! joj! Ah! joj! (Pade u nesviest).

Zlata (doleti). Što j' to, što j' to? (Uzme jedan list, čita u pol glasa).
. . . . . potvrdjuje da je mati Tartufova, Karlu S.
10000 fr. pozajmila! . . .

Tart. (miče se). Ah! joj! . . Karlo je lažni bogataš . . .

Zlata (turi list u žep). Bježi brže! . .

Četvrti čin.

Prizor prvi.

Soba kod Petra. Na desnoj strani vrata pokrajne sobe, na lievoj visoki ormar.
Anka, Karlo, Petar.

Anka. Pa ti još, bože! dragi vesel toli,
Gdje meni vienac tuge vjenča čelo?

Karlo (nježno). A što je drugo žiće naše cielo,
Neg vienac jedan uzdisaja, boli?

Tko većim borbam svieta tog odoli,
Taj slavnije izvršio je djelo,
Tom potomstvo je živi spomen splelo,
Koj dulje traje nego kamen goli.
A što sam opet stao pričat tudi! . .
Oj! tebi hćele veće puknut grudi
Od ljubavi! . . . Znaj! spomenik ću tebi
Sagradit ja sred mladog srca toga.
Daj reci sad mi — je li veće spao
Taj vienac tuge sbielog čela tvoga? (Ljubi ju).

Anka (blažena). Već spada! . . (Udje Petar).
Ne, još čvršće stoji sada.

Petar. Ne ljubi Anko, već se pripravljaj
Na djelo kojem bog odredio te.

Karlo. Oj! kud će vas ta tvrdokornost dovest?

Petar. Pred lice božje — tebe na dno pakla.

Karlo. Za koji danak vidjet ćemo sve.
Al kćeri barem ne vucite sobom
U tminu; diete mora roditelj
Baš tako štovat kao ono njega.
Pa za što molim ne činite dužnost
Najsvetiju si? (Pokazuje na Anku, koja je klekla pred otca).

Petar (zatvoriv uši). Ništ ne čujem, ništ!
Omamit ćeš mi uho liepim riekom,
A zmija sikće iz njeg.

Karlo. Znam već zašto
Oduzimate danu već mi rieč.

Petar. Oprost' mu bože ne zna bo što čini.

Karlo. Da ne vodi vas to propasti vašoj,
Ja ne bih riečce reko al ni riečce — —
Zamamio vas, spleo vas je lopov — — — —

Petar. Oprost' mu bože, ne zna bo što čini.

Karlo. . . . U jake mreže, iz kojih vas težko
Izčupati je; kako l' ne vidite
Bar sada, gdje vas obješenak gnjete — —

Peter. Oprost mu bože, ne zna bo što čini.

Karlo. . . Sa gvozdenom si rukom, da vas smrvi.
Ta on je lopov, Turčin, nije svetac!
De čitajte što sestra njegva kaže. (Baci Zlatin list, što mu ga dala).

U zidu ima tajno skrovište
Sa sabljami, pištolji kao hajduk.
Petar. Ne mogu veće slušati te zmijo!
Ded recte sada gospodine dragi,
Da nieste pijan bio — znate već kad?!
Karlo. Za vaše dobro pjanim se pričinih,
I tada istom prokletnika onom (Petar se krsti).
Zavirih u dušu i srce pakleno, (Petar se krsti).
I sgrozih se nad zlobom vraga toga. (Petar se krsti).
Jer osim njega takovome zlu
Nijedan čovjek nije vrstan.
Petar. Šut!
Prelila mi je čaša; sad znam tko si.
Sotona jesi: Hvalim ti o bože!
U pravom svjetlu što mi ga pokaza.
Pa nevrjednik usudjuje se drznut
Na onog čovjeka. O! prost' mi bože
Slušajuć njega ako i ja sgrješih!
Iz kuće mi se seli, nekaljaj mi
Sa poganom si nogom mirnog praga.
(Anci). A na te bacam otčinsko prokletstvo,
U duši samo pomisliš li na njeg.
A sad se spremaj, sutra ću te odvest
U manastir. (Ode).
Anka (pade). Ah! otče, dragi otče!

Prizor drugi.

Marta, Anka, Karlo.

Marta (dotrči). A što je bože, što se opet sbilo?
Je l' opet on, umorit će mi diete.
Karlo (zamišljen šeće gore, dolje). U manastir će sutra odvest Anku.
Marta. U manastir! . .
Anka (plačuć). U manastir oh! majko.
Marta. Ta ne boj mi se diete; nije sveto
Što otac kaže; vidjet ćemo kom će
Bit gušća kaša, kome li će prisjest.
(Karlu). I ti si mi se nešto zabrinuo.
Karlo. Svojeglav kakav je, pa neka je
Odvede sutra — propali smo svi.
Anka. Ja nevina pa opet bože! kriva.

Marta. Al rekoh veće, da je ne dam ja,
Ma nebo vatru na me bljuvalo.
Pa onda dalje — al ste plitke glave!
Zar ne znaš, da je Ježuita onaj
U Anku zaljubljen? A čovjek moj
Zapitat će ga sigurno za savjet;
A on će reći: Ne! — Haha! što misliš?
Anka. Dô bog da bude tako sladka majko.
Karlo. Jest tako, jest! divota! Sve nam ide
Od sama sebe — po osnovi našoj.
Marta. Zaboravih ti nešto reći Anko:
Za koji sat će neman ona doći;
Ja rekoh, da ga ljubiš — —
Anka (uplašena). Ne ljubim! —
Karlo (miluje ju). Ta znamo mi to, slušaj samo dalje.
Marta. On sbilja misli, da ga ljubiš; ti pak
Pričinjaj se i ponašaj se, kako
Zaljubljena već mora.
Anka (drhtavim glasom). Mene strah je,
Ne mogu, ja ne znadem tog — o bože! . .
Marta. Ta što bi strah te bilo? Ja ću se
Za ormar sakrit, Karlo pako ondje! (Pokazuje na vrata pokrajne sobe).
Anka. Ja ne znam što ću počet kad on dodje,
I reć ću možda: U sobi je Karlo
A majka za ormarom! . .
Karlo. Haha, haha!
Marta. Što zapita te, to mu odgovori;
I budi stidljiva ko što i jesi.
Karlo. A on će pod tiem razumievat ljubav.
Anka. A hoću l' reć mu, da ga ne ljubim?!
Ja nevina pa opet svemu kriva! . .
Karlo. Čuj! koraci se čuju . . .
Marta. On je možda.
Anka (poleti majci). Oh! bože, kud ću ja sad! . .
Marta. Ta ne plači! (Marta podje za ormar — a Karlo u drugu sobu).

Prizor treći.

Prijašnji. Tri stranca. Jurićka.

Prvi. Oprostite nam; ne znamo bo jesmo l'
U pravoj kući.

Marta. Koga tražite?
Prvi. Uh! kako zove se! (Gleda u drugog).
Drugi. Ja ne znam!
Treći. Ni ja!
Prvi. Da bies ga odno — lopov, prevejanac,
U licu žut je, mršav, Ježuita . . .
Marta. Oj! poznamo ga dobro, ovdje je
U susjedstvu. A što vam treba on?
Karlo. Izvolte sjesti; znadem, da ste trudni.
Prvi. Pa kako možte obstat u susjedstvu
Sotone te, poznate l' vi tog hulju?
Marta. I predobro! Al svatko ga ne pozna.
A tko ste vi, i odkle ga poznate?
Drugi. Sva trojica smo posjednici, pa smo
Za dûgom došli, koga nam je dužan.
Treći. Ej luda glavo, bolje da sam mrtav!
Siromah ja naslagô dvie tri kese.
A znate, tako volim taj svoj novac —
Ne mogu izreć! Kad mi njega nije,
Da nij ni mene. Znate, ja sam s novcem
Ko malo diete, igro bih se s njime.
I volim ga — ja ne znam reći kako.
Al dodje lopov taj, pa reče: „Dragi!
Od gladi vidiš umirem, o bože!
Pomozi, daj mi sto forinti, molim!
Da kupim čizme, šešir, poderan sam —
Iz crkve iduć novce sve izgubih —
Čim ćedan prodje, vratit ću vam sve.“
Pa stao plakat, cipele mi ljubit,
I grlit me i uzdisat i strepat,
Da niesam mogo podniet, pa mu dadem
Tri sto — ej! da sam glavu tu odsjeko.
Pa da mi ga je samo sad uhvatit —
Ovako bih mu dušu iztiskô! . .
Marta (Karlu). Ni s otcem ne bi mnogo bolje bilo.
Drugi. To 'e dobro još! Al samnom što poradi!
Od žene novce sve izmamio,
Ljubakô s njom se — ne smiem ni govorit.
Al obješenjak znat će, tko sam ja.
Karlo (Anci). Da vidi otac apoštola svoga.

Prvi. A ja ću šutit, najbolje će biti;
Zažmirit moro bih bo, pa govorit.
Jurićka (dodje). Ko luda tražim ancikrsta onog.
Marta. A što je kumo draga za boga?
Jurićka. Dok ljudi oti odu, reć ću sve.
Karlo. Govorte samo, jedan svjedok više.
Jurićka. Na ulici poljubio mi kćer,
Od sina pako ukro zlatan sat . .
Rugobom bijah danas cielog svieta . .
Karlo. Ni um ne može većeg gada smislit . .
Otupit će mi sluh!
Marta (zvoni). Ha! gdje je otac! (Služavka).
Hajd! reci otcu, neka namah dodje.
Služavka. Gospodstvo njihvo nedavno je ošlo. (Ode.)
Martu. Što nies' gospodstvu rekla, da ostane! . .
Prvi. Ne zamjerite treba ić za poslom. (Odu sva trojica).
Jurićka. A nij ni meni krzmat, sbogom Anko! (Ode).
Marta. U horu ćemo svi se naći.
Anka. Sbogom! . .
Karlo. Što koji dan — to veća njegva zloba.
Marta (tiho). Ne tako jako, uplašit ćeš Anku.
Već deseta je — mora sada doći.
Anka (nehajno). Al otac nebi svemu tom vjerovo. (Izgledje na prozor).
(Čuju se koraci.)
Karlo. Jest on!
Marta. Na svoje mjesto brže!
Karlo. Idem. (Odu tiho; Marta za ormar, Karlo u pokrajnu sobu
Anka ne čuje toga, još uviek na oknu).

Prizor četvrti.

Anka, Tartuf. Na koncu Marta.

Anka (začuv škripanje vrata, trgne se). Oh! bože moj! . .
Tart. Po vašoj želji evo mene. (Anka okreće se bojazljivo po sobi).
Tart. (razgledje se). Ne, ne bojte se! Nigdje nikog nema.
Uslišilo mi nebo molitvu,
I nadjosmo se eto posve sami,
Da odkrijemo srdaca si želje.
(Za se). Sirotu strah, da ne čuje nas nitko. (Pruža joj ruku, a kad mu
ona svoje ne pruži, uzme ju sam — ona ju iztrgne)
Moj dolazak vas silno uzburkô;
Razumiem dobro ćud ljubećeg srca.

Anka (za se). Ja jošte ne znam, gdje mi 'e glava bože!
Tart. Već prvi puta, kada no vas spazih
U ovoj kući, kad no vas poljubnuh. — (Hoće da ju poljubi, ona izmakne, on ju uhvati za prste).
Potajna sila svedj me k vama goni.
Anka. Kazivo mi je često otac moj,
O krotkoj duši i pobožnosti vam,
I rekao mi, da ste živi svetac.
Tart. (za se). Uh! opet to — sirota plašljiva je.
Anka. Ja pobožna sam, štujem rieč otčevu,
I boga ljubim — — —
Tart. Znate l' liepa vi,
Što znači ljubav?
Anka. Bog je vječna ljubav! . .
Tart. (za se). Ta je l' to bože teološki izpit?!
(Na glas). A znate l' draga prvi zakon božji:
Da j' ljubav prvi čovječji zadatak
U kratkom nam životu? . . Ne možemo
Pre boga ljubiti — ne ljubeći se
Medjusobno — da l' čuste liepa moja?
Anka (hladno). Zapisat ću si to u srce svoje.
Tart. (za se). Ko kamen hladna — čudnovata ljubav.
(Na glas). Al čujte dalje mudri božji zakon:
Da j' lakše svietu vršit otu dužnost,
Naredi Višnji, da se po dvoj ljube.
Anka (za se). Moj otac grieši, kad ja ljubim Karla.
(Na glas). Moj dragi otac drugojače misli.
Tart. Vaš otac ne zna sve.
Anka (naivno). Pa reći ću mu.
Tart. Predobri bog je jošte na nebesih
Izabrao za svakog muža ženu —
Pa vas odredio je me — — —
Anka. Na svietu ima dakle tolko žena,
Koliko ljudi, je l'?
Tart. (za se). Uh! to je grozno!
Ja zidom tiem čini mi se brbljam. (Uzme ju za ruku, na glas).
Vi nieste draga shvatila mi rieči. . .
Anka. Ja sbilja niesam, ne dokazaste bo,
Što 'e ljubav?

Tart. (za se). Baš sam prava luda.
Ja amo tamo — ona jezgru hoće.
(Na glas). Što j' ljubav, pitate me? . . Ja vas ljubim! . . (Klekne, uhvati ju za obe ruke).
Anka (skoči, upre pogled u vrata, za kojimi je Karlo).
Pričin'lo mi se, ko da škripe vrata . . .
Tart. (uplašen, digne se, ode lagano do vrata i prisluškiva).
Ne! ništa nije — — varala vas mašta.
(Za se). Oh! bože moj, al plašljivo je diete — —
Il plaha je — il ne ljubi me možda? (Uzme ju opet za ruke).
Al liepe prste imadete draga.
Anka (nevino). I vaši mora, da su negda bili . . .
Tart. (za se). Sad opet tako! . . Bjahu negda liepi — —
Naučila je tek na plitkom plivat.
(Na glas). Dopustite, da poljubim vam ruku. (Hoće da poljubi — ona otme).
Anka. Ja jošte ne čuh, da se ruke ljube . . .
Oh! bože moj, ko da se miču vrata.
Tart. (sluša). Ne, ne miču se! . . Liepi l' su vam prsti,
A prsten, al je ružan, skinite ga,
Nakazuje vam ruku, evo ljepšeg. (Skine svoj prsten).
Za ovaj prst — ko da je stvoren, vidte.
Anka. Oh! ne, ja ne smiem toga primit, nikad.
Uvriedila bih otca svoga time.
Tart. Usuprot! Otcu vašem bit će drago . . .
On ljubi mene, pa će bit mu milo,
Da od mene ste darak dobila.
Anka. A što će majka reć?
Tart. Veselit će se, poznam dobro žene. (Skine njen prsten, pa joj stavi svoj).
Aj! pogledjite kako li vam stoji.
Anka. Ja niesam vriedna dara vaše ruke.
Kolika sreća! Prije niesam smjela
U lice pogledat vam to božansko . . .
Vi pako sniziste se u dobroti
I darivate mene nevriednicu.
Tart. Al nekate se tako ponizivat,
Najvriednija ste vi u srcu mojem.
Anka. Ja vikoh ljubav vraćat ljubavlju,
To nalaže nam bog i vjera naša — —

A ne znam, čim da zahvalim vam na tom.
Tart. Baš ničim! Ljubav vaša dostatna je.
Anka. Do ljubavi i hvale malo drži
Sviet danas; stog da bude svakom pravo
I račun dobar — uzmite vi moj.
Tart. (primi ga). Oj! ja sam sretan! (Čuje se škripanje).
Sbogom! moram ić. (Poljubi joj kradomice ruke.)
Marta. Al opeć će te cjelov taj lopove! . . . (Tart. sguri se i poleti brže van).

Prizor peti.

Anka. Marta. Karlo.

Anka (klekne pred Martu, skine prsten).
Oprosti majko, bacit ću ga odmah.
(Karlu). Ja moga dadoh misleći na boga,
Na ništo drugo.
Karlo. Diž se moja liepa
Junakinjo, jer pobjeda je tvoja.
Marta. A ovaj prsten bitku će odlučit.
Hod! amo Karlo, da ti reknem nešto. (Šapće mu, on odobrava).
Karlo (uzme Anku pod ruku i odu u drugu sobu).
Znaš meni reći, što je ljubav?
Anka (poljubi ga). Oj znam! . .
Marta (sama). Oh! koliko mi muža svoga žao,
Da svatko s njime kao ludom igra.
Popustljiva i slabe brave vrata
Na duši su mu, svatko nutra može.
Prot njemu nemam ništa, on je dobar;
Al proti onoj guji, što ga vara . . .
Ja ljubim svoga muža, al ga moram
Izliečit makar zlimi riečmi, činom.

Prizor šesti.

Marta, Petar, Anka.

Marta. A gdje si bio danas dragi moj?
Petar. Za poslom gospe, pune su mi ruke.
Marta. Za poslom! Ko da doma nema prečeg.
Petar. Što ima to? Žalobita si nešto.
Marta. Što ima? Bože! ko da i sam neznaš.
Od nekog doba ne mariš za kuću,

Zaboravio posve si obitelj.
Gdje meni tuj od tuge srce puca,
A ti za sve to ko da ništ ni ne znaš.
Petar. A kakvo zlo je opet? Reci brže.
Marta. O, ko da ne znaš! Pričinjaš se samo — —
A što je Anka ošla — to nij ništa! . .
Petar. A kud je, zašt je ošla, tko ju pušto? — —
Marta. U manastir — po zapoviedi tvojoj.
Petar. Oh! brže za njom!
Marta. Stignuti je ne ćeš;
Ta ti si reko, zašto sad se kaješ?
Petar. Da, ja sam reko — al jedino diete — —
O bože moj! . . . . al sada brže za njom. (Poleti na vrata —
Anka udje u putnom odielu).
Ti tudi zar — oh! sladko diete moje.
Anka. Daleko bijah, al ne mogoh dalje,
I moradoh se opet vratit amo:
Ne mogoh oć bez blagosova tvojeg.
Jer bez njeg grižnja život bi mi jela.
Marta. (za se). Naučio ju Karlo dobro nauk.
Petar. Oj sretna mene. Ja sam najsretniji,
Kad ti me slušaš štujuć moje želje. (Poljubi ju; — ustrašen.
Tvoj prst ne resi više onaj prsten! . .
A odkle taj ti, pa još tako sjajan?
Anka (obori pogled). Da nije stid me — ja bih rekla otcu.
Petar (zdvojno). Badava moja radost — je li tako?!
Da, stid te reći, kada časak prije
Pohvalio te otac. . . Opet Karlo! . .
Oh! on je oblak na mom vedrom nebu.
Anka (plačna). Ne nije on, ne griešite si duše,
Jer da je od njeg, ja bih namah rekla.
Petar. Da tko bi drugi?
Marta. Znaš ga!
Anka (baci prsten). Otče, znaš ga! . .
Petar. Ne, nije on! Ta svu ste veće zlobu
Navalili na pravednika čistog.
Al sada nasjedoste; dosta ste me
Već za nos vukle, ja ću odsad vas.
Anka. Jest otče on, u ovoj sobi dô mi, (klekne)
A moj je uzo za se; danas, ovdje.
Petar. Umukni liepa zmijo! (Ode).
Anka. On, o otče! . .

Peti čin.

Prizor prvi.

Soba kad Tartufa; u zidu tajno skrovište.

Tart. u sredini, s jedne strane Zlata, s druge Niko, do Nike Janko. Sjede.

Tart. Obećah prije Zlaticu vam dati,
Pa sretan sada vršim obećanje,
I dajem vam ju blagosovom svojim.
Zlata. Do groba ću vam zahvalna bit brate.
Janko (gledje ljutim pogledom Niku).
Da mogu sada dušu bih ti satro,
Nies' vriedan njegvog blagog pogleda.
Niko. Ta šuti otče — što ti pada na um.
(Tartufu). Moj otac zahvalan vam ljubi ruke,
Prehladjen je — pa ne može govorit.
Janko (Niki). Ta što to buncaš — Oj ne-sine hudi. . . .
Niko (Janku). Ta šuti sada, samo da ti 'e brbljat.
(Tartufu). Moj otac kaže, nikom nij volio,
Ko sada vama odkako je živ.
Tart. A ni ja nikog ko što njega sada.
Je l' bila Zlatka ikad tako sretna?
Zlata. Još nikad!
Niko. Mi smo sada djeca sreće.
Tart. A otoj sreći ja sam otac, je li?
Da, vi ste sretni! Jesam li i ja?
Ja niesam sretan; tvojoj je u vlasti
Da i ja budem.
Niko. Sve što mogu dat ću;
I zadnju srca kap za vaše dobro.
Tart. I bog bi blagosovio vas, kad bi
Učinili mi ljubav tu.
Niko. O molim! . .
Tart. Ja znadem, da ste bogat; pa bi l' hćeli
Pokloniti mi onih deset tisuć
Što majci mojoj vi pozajmiste?
Niko. O bože moj! rad te malenkosti
Toliko rieči gubit; ta pozajmiv
Već sam poklonio vam.
Tart. Ja sam sretan.

Pa stoga ćemo ugovor poderat.
(Traži po žepovih, al ne može nać, jer ga je
Zlatka uzela na koncu trećeg čina).

Niko. Ja moga s moje strane odmah derem. (Podere).

Tart. Ja ne znam, gdje je moj . .

Niko. Svejedno je;
Poderat ćete kašnje, vjerujem vam.

Janko (Niki). A koji vrag je to, ja ne znam ništa.

Niko. Ni ne treba da znaš — jer ne znaš ništa.

Janko. A kakvih deset tisuć, nije šala,
Ta to su novci, daj govori huljo! . . . (Sagne se, da uzme papir, što ga je Niko u 6 diela razdero. U isti tren sagne se i Tartuf, ugrabi i podere na sitne komadiće).

Niko (Tart.). Izkazujete otcu velu čast! . .
(Janku). Gospodin štuje vas i ne da vam,
Da tako bolestan se sagibate.

Janko (Niki). Sotona da vas oba odniela! . .
Ta zar sam ja vaš luda, zar ja niti
Govorit ne smiem?

Niko. Šuti! Zar te nij strah
Uvriedit sveteа koga toli štuješ? (Janko hoće nešto u ljutavi reć, Tart. ga preteče).

Tart. Ej! radostnu mi viest Zlatica reče
O vašem blagu; ja se niesam nado.
(Janku). Oprostite mi što sam prije držo
Toliko malo o bogatstvu vašem?

Janko. No hvala bogu! do rieči da dodjoh —
Ta ja sam sirot . . . .

Niko (Janku). Šuti! viek bi brbljo! . .
(Tartufu). Moj otac kaže, da mu još nij dosta,
A ima veće preko sto tisuća.

Janko (gurne Niku). O vještice te trgale, ti pseto,
Ni sto novčića ne imam u žepu.

Niko (Tartufu). Moj otac nema rado, kad se priča
O njegvom novcu, taji svoje blago.

Tart. A ima pravo, jer bi došle psine — —

Niko (za se). Ko što si ti — —

Tart. . . . Pa sve odvukle; poznam dobro sviet.

Janko (Niki). Ne kažeš li mi sada sve to jasno,
Uzkratit ću ti otčev blagosov.

Zlata, (koja je opazila nemir Jankov, sjedne do njega, poljubi ga u ruku). Ne pozna nebo ljepšeg para od nas,
Siroti jesmo — al smo ipak sretni.

Janko (pane mu kamen sa srca).
Koliko ću te milovati kćeri.

Tart. Blagosivljem vas djeco moja! nek vas
Sa vječnom svojom svezom nebo sveže. (Odu).

Prizor drugi.

Tartuf, zatiem Petar.

Tart. Sto tisuća! U jednoj polovici
Tog srca gori blagi plamen sreće,
U drugoj gori osveta! — Ha! tu je! (Petar dolje).
Vas brate veće dugo nebje ovdje.

Petar. Posala imah svakojakvih važnih,
Pa morah odić za koj dan odavde.

Tart. I vaša sreća! .

Petar (začudjen). Moja sreća? Zašto?

Tart. Znam, da ste mehka srca, puklo bi vam,
Da bjaste doma.

Petar (uplašen). Što je dragi bože?

Tart. Ja ne znam, bi l' vam reko! Dobro reć ću;
Zna cio grad — pa čuli bi i kašnje.

Petar. O meni cio grad? — o bože moj!

Tart. Da, cio grad! Sramota, da nij veće.
Da niesam vidio, vjerovao ne bih.

Petar. Govorite mi dok sam jošte živ.

Tart. Govorio bih — ali tolik zločin
Tim jezikom mi izreći je težko.
Sad istom, dragi, vjerujem vam ono
O Karlu onom što mi rekoste.

Petar. I opet on — izrecte molim brže,
Da čujem sve — pa da ga idem ubit.

Tart. (šapće). On ne misli na vašu kćer, već čujte!
Na ženu vašu; zasto sam ih same
Ljubačuć — — dalje ne smiem ni govorit.

Petar. Oh! da sam zno, na putu bih se satro!

Tart. Al vaša žena brate — što mislite!
Da l' ikad ste se tomu nadali?
Stog ne vjerujte lažnoj ženi nikad,

Jer to su ose — al jezika mednog.
Petar. Pred očima mi sada istom puca . . .
Oh! kako li ću doći do kuće?
Tart. (zlobno). Umotajte i glavu si i oči,
Začepte uši, da ništ ne čujete! . .
Petar. Oj molite se, do kuće da dodjem! (Ode).
Tart. Al samo ženi ne vjerujte ništa! (Ode).

Prizor treći.

Zlata za vjenčanje obučena. Anka, Karlo.

Anka. Ta skoro ne bih poznala te sada.
De stani, da ti kosu namjestim.
A što ti srce drhće tako, liepa?
Zlata. To samo ja znam — drugom reći ne znam.
Ta znat ćeš sama za koj dan, kad budem
Ja tebe tako kitila, oj vjeruj.
Anka. A hoćeš ići na vjenčanje plačuć?
Zlata. Ha! plačuć. Bože! ala si mi čudna.
Po svjetini ću gledat prkosno,
I šibat pogledima mužka lica,
Da svi se redom u me zaljube.
A Niko moj da bude ljubomoran
Već prve noći . .
Anka. Ja ne mogu tako! (Udje Karlo).
De, vidi Zlatku kakova je liepa.
Karlo (šaljivo). Da tebe nij tu — opasno bi bilo! . .
(Zlati). O! ljubim ruke milostivoj gospi.
Zlata. Prenaglili ste jako, još te niesam.
Karlo. Ta jedan sat još jeste ko nijedan.
Zlata. Al ja u crkvi mogu Niki reci:
Ja ne ću tebe, ljubim Karla — —
Karlo. Ja bih
Pak reko: Ne ću tebe — ljubim Anku.
Anka (poljubi ga). Za moje srce te su šale gorke.
Karlo. Al sad na poso, kanimo se igre.
(Anci). Gospodin otac s nova biesni na me;
Spotvorio me opet onaj djavo,
Nateretiv mi zločin na dušu,
Kog samo on je izmisliti kadar.
Al sve će dobro biti; sad će doći

Gospodin otac amo, a za njime
Po dogovoru — ona stranca tri.
Zlata. A gdje je Niko — hajdmo ga potražit. (Odu).

Prizor četvrti.

Tartuf (sam). Strahota po me — vjerovo je ženi!
Da nije žena, sviet bi bio moj!
Iz njegvih ustij niesam ništ još čuo,
Al govori se! Da, i oni psi su
Nadošli, da im vratim — sutra, čekte!
Potamnjuje mi za čas zviezda sreće!
Al samo treba znati duhnut, pa će
Razsvjetliti se opet! Stranaca
Da nije samo onih, — a sa Petrom
Lagašan bi mi poso bio. Nije
Moguće, da bi mene, njegva žena
Iz njegvog srca iztrgnuti mogla.
Da nije Anka? On ju odveć ljubi.
Al radte što vas volja, cielom svietu
Navješćujem ja samac boj — — — (Vani se čuje buka; on misleć, da su stranci, pobježe u potajna vrata u zidu).

Prizor peti.

Petar, Tartuf.

Petar. Oh! ne ima ga! Reko bih mu sve.
On ni sam ne zna, što se sbiva s njime.
Na svietu tome laž i kleveta je
Još gušća nego drač, što sveg se hvata —
I pravednika i najgoreg hulje.
Ja ne znam, gdje mi 'e glava; svatko
Nateže ju na svoju stranu, ko da
I nije za me stvorena . . . . . O Bože! (Spazi na stolu Ančin prsten).
Ah! je l' moguće, bože — Ančin — — prsten. — —
Tart. (Koj je mislio, da je taj govor proti njemu naperen, izadje sa užetom i navali na Petra).
Ha! tu si! . . Došo vrag po svoje; čekaj!
Izplatit ću te, kako treba, huljo. (Sruši ga pa ga veže).
Petar. Oh! dragi brate, zar me ne poznate?
Tart. Ha! znam te dobro — znat ćeš i ti mene. (Udari ga nogom).

Petar. Al ja sam došo — — —
Tart. Znam po što si došo! . .
Il mene slušat — il ne živjet duže!
Petar. Ja štujem vas još više nego boga,
I dodjoh vas upitati za savjet,
Bi l' ženu ubio, il . . .
Tart. (za se). Bože! Što?
Zar niesam dobro shvatio mu rieči?
Petar. Jer opet na vas baci jedan zločin,
Kog vaša duša ni zamislit ne će.
Tart. Ah! tako zar — — Al sad je kasno, kasno. (Hoće da ga digne).

Prizor šesti.

Prijašnji. Tri stranca. Marta. Anka. Karlo, Janko, Zlata, Niko, Mati Tartufova.

Prvi. Hoho! Ubojstvo! (Sgrabi Tartufa).
Anka (poleti Petru). Otče, dragi otče!
Marta. A što je to — — hajdučka špilja. — Svetac. . .
Oboružan sa puškami i užem! . .
Karlo (ironično). Ulovismo ga — ali ništa za to . .
„Ta sve je božja volja, božja volja!"
Tart. (zavezan). Oprost im bože — ne znaju što čine!
Marta (u istom tonu). Oprost mu bože! zaljubljen je čovjek,
Pa ne zna ni što čini — božja volja!
Anka (držeć Petrovu ruku). Boli l' vas otče? Jako vas je stego!
Petar. Oh! jako boli, srce ko i duša,
I glava puca mi od težkog jada.
Marta (poljubi ga u čelo). Da, jer se iz nje onaj hajduk seli . . .
A sad mi reci, jesi l' opet naš?
Petar. Da vaš sam, vaš! Izvedite me van,
Da očima ga svojim ne gledam. (Karlo i Anka vode ga).
Oh! djeco moja, bog vas blagosovio! (Sve troje odu, Karlo se namah vrati).
Prvi (Tart.). Poznate l' mene dragi gospode?
Tart. Oprost im bože! ne znaju što čine.
Karlo. Zar prijatelj vas vaš ni ne poznade?
Treći. A znate l' mene dragi gospode?
I moje sladke novce, što si mi ih
Na putu ukro? Sdrobit ću te sada.
Tart. Ja ništa ne znam — — baš sam molio se — —
Oprost im bože! ne znaju što čine.

Drugi. A znaš li moju ženu, moje novce?
Karlo (šapće Tartufu). „I mukte pit — i ljubit mlade žene!"
Prvi. Sa sjekirom ću sada sve razlupat
I odniet sve.
Tart. (poleti k ormaru). Oj! nekate oh! bože!
Moj zet će dat vam, štogod hoćete.
Treći. Sa zetom ništa nemamo, već s tobom.
Tart. Ja ništa nemam do li kože gole. (Poleti opet k ormaru)
Marta. I kožu bi ti trebalo ogulit. (Tart. spozna joj glas, ona mu šapće).
„Al vi ste sbilja liepa služkinjica".
Prvi. Il dajte ključe, il ću sve razciepat.
Tart. Moj zet će dat vam, štogod hoćete.
Karlo. Ha! evo zeta, vidjet ćemo sad! (Niko i Zlatka sa vjenčanja; vani svatovska buka).
Tart. Oj spasite me brže dragi moji!
Niko (osvetljivo) Ha! tuj ste vi!
Tart. (za se). Oh! bože — pa zar svi! . . (Udje Mati Tartufova; razgledav što je i kako je, hoće da pobjegne. Karlo ju spazi).
Karlo. Zatvorit ćemo sve! Baš šteta,
Što ne imamo k slavi toj ćilima!
Drugi (Niki). Izvolite nam dug platiti vi,
Jer inače ga puštat ne ćemo.
Niko. Ja gospodo vam niesam ništa dužan,
A niesam niti nigdje obvezan,
Da vraćam tudje dugove.
Karlo, Marta. Jest tako!
Prvi (Tart.). A ti sad plaćaj, il u zatvor stobom.
Niko. Ja imam nešto zetu mom pročitat.
Svi. Ded čujmo! . . Što to?
Niko (izvadi papir). Stante, sad će bit.

Prije tri godine dodje ovamo čovjek neki koga mi sad pred sobom gledamo . . . Na čelu mu se moglo čitat, da je podmuklicna, ne-čovjek. Prilizavao se svakom; netko mu pokazao vrata, a nekog je on zaludio, vuka za nos gradeći se svetcem, i ogulio siromaka do gole kože.

Dovuko se hulja i gospodinu Petru, dovuko se i mom otcu — i zavrtio im glavom. I uništio bi ih, da mu je pošlo za rukom.

Svojoj sestri, mojoj ženi, nije dao ni jesti; gonio ju, da je jedva živa ostala.

U zanatu pomagala mu mati.

(Svi gledju na nju, ona se zavukla u ugao).

Lopov lažju izmamljivao od ljudi novca, uništio u mnogoj kući obiteljski mir i život, spotvarao jednoga pred drugim; lopov hotio za se imat Anku, kćer gospodina Petra.

Skrajnje je vrieme bilo, da mu se stane na kraj, i pošlo je hvala bogu za rukom.

Ljubio sam ja Zlatku — ona mene: ljubio je Karlo Anku — ona njega! Al badava! . . Sve naše želje razbile se o toj pećini.

Poslužimo se varkom.

Karlo — bogataš — dade meni 10.000; ja ih uzajmim Tartufovoj majci, a Karlo, tobožnji siromak, pozajmi ih opet od nje.

(Tart. zadrhće na te rieči; Janko, koj je dosad sve to niemo buljio, krsti se!)

I tako je uspjelo!

Ja sam gospodine zete siromak, i nekate se od mene novčiću jednom nadat . . . Al sam sretan . . . Karlo ostaje stari bogataš, i ako bog da, nasmijat će se i njemu bog ženitbe. (Udju Petar i Anka svečano obučeni).

Komediju hajdmo veselo dovršit,
Jer već je u njoj polak tragedije.

(Karlo uzme Anku pod ruku, Niko Zlatu. Odu).

Treći. A mi ćemo si sami krojit pravo.

(Dočim zastor pada čuje se Tartufov glas):

„Plači Izraele — Jeruzolim je pao!“

Da tebe nije . . .

Spjevao C.

Okružuje me trnje golo . . .
Ja ne znam, odkle još sam živ:
Toliko me je već izbolo!
Ta što sam zemlji otoj kriv?!
Ko jetra onom — tako meni
Zarašćuju strahotni mlazi; —
Al jedva da su zacieljeni,
Već iznova ih kljuju vrazi.

Da tebe nije, davno bi me
Već nadhrvale muke te,
Al uviek napried! bodris ti me,
Da svladam boli, jade sve . . .
I svladav sve, da preporodjen
Na tvoja krila mogu doći;
I odtad tvojom rukom vodjen,
U suncu živim tvojih očij.

Tko?

Tko li će te zagrljivat,
Oko pasa ruku vît?
Tko li ustne te cjelivat,
Tko na grudih tih počivat —
Čija li ćeš dušo bit?

Tko će biti sretan tako —
Uzmogne te svojom zvat?
Kom ćeš, kad ga skrši pakô,
Kom ćeš, kada bude plako,
S oka suze otirat?

Kom ćeš ljubit oči snene?
Nad kîm će ti duša bdît?
Kom ćeš sklopit mrtve zene,
Shranit kosti umorene —
Tko će otaj sretnik bit?

L.

СРПСКИ ДЕО.

Предговор.

Ова књига ваља да пружи читаоцу књижевне покушаје из свих словенских језика. Да нам намера није баш пошпунце за руком пошла, криво је, што не могосмо придобити за суделаче заступнике свију словенских племена. Свакако се надамо, да ћемо овим издањем припомоћи распростирању упознавања словенских језика а подржати душевно јединство и узајемност међу Словенима.

Буде ли ова наша књига, са овим смером, нашла одзива, биће нам можда могуће претворити је у годишњицу, ше попуниши њезине садање недосташке.

Пођи дакле, мила књиго наша, жеље нам ше праше на све стране, где се по пространим крајевима словенских племена разлеже словенска реч!

Нека ше свуда приме са оном радошћу и љубављу, којом те ми ево у свет пуспсмо!

Котва.

Страшно ли је море, живот овог света,
Да нам није котва љубве загрљај!
Та шта ли је човек, мирис слаба цвета;
Вихар . . . и тек шану вечни опроштај!
Док снева на јави, ето му је мета,
А кад се пробуди тамне ока сјај,
И све што је снев'о у уздах се с мота,
И то му је тачка на концу живота!

Страшно ли је море, живот овог света,
Мућевитим бичем, кад га шине бог!
Та шта ли је живот — струница запета
На ломним гуслама слабог тела твог!
И тако се гуди, ал' у мало лета —
Нема више чара гудала витог,
Препукла је струна, издахнуше гласи,
Е то су ти бо̑ни, последњи уздаси!

Котва нам је љубав, нежно чедо раја,
Стожер наше наде, жеља наших цвет!
Смиono чедашце мога замишљаја,
На њени си недри угледало свет!
Та ја сам те трго њој из загрљаја,
А твој опет њојзи тебе води лет?!
На мајчини груди слатко ли се дрема,
Аој, моја мајко, тебе више нема!

Та нема га више мека крила твога,
Умире у мени рајски осећај!
Не, ево где сјаје по сред срца мога,
Бисер моје душе а твој завештај.

Коснула се љубав срца млађаног
Одјекнуло срце, јек му је овај:
Нека пламти љубав, нек' душа ми сама
Тони се у миљу љубавних песама!

Зрачак врела сунца кроз срце ми мину,
Удари на љубав у срдашцу мом',
Алем моје душе у мени просину
Те сад ево трепти бојом шареном!
Сиротанче јадно од срца се вину,
Дал' ће наћи срца на свету овом'?
Зинул' и на тебе црне злобе хајке,
Ни бриге те чедо, ти још имаш мајке!

Страшно ли је море, живот овог света,
Да нам није котва, љубве загрљај!
Та шта ли је човек, мирис слаба цвета,
Вихар и тек шану вечни опроштај!
Па у ког' су будни нежна срца гласи —
Е то му је мајчин понајлепши дар:
Нек пропоје песмом љубавнога чара,
Па у пусти груди срца ће да ствара.

Јован Симеоновић Чокић.

Сиротица.

(Попут Змај- Ј. Јовановићеве баладе: „Једна мајка“.)

Рани мајка до три сина,
Трн мелема туге своје;
Тепа л' једном: „Мој животе!“
Двојици ће: „Очи моје!

Синови ће у старости,
Да јој буду одмор, рана,
Да јој славом име диче,
Сладе муке горких дана.

Међу браћом мезимица,
Старе мајке мила ћерка;
Милују је браћа силно,
Јер је мајци тешитељка.

Ал деспота, милионе
Скиптром својим који дави,
Осетно, да му пада
Моћ и углед у држави.

„Побеснила стока моја,
Узаврела крв је дражи“.
Па по земљи војску купи,
А душмана и сам тражи.

Кога мати одранила,
Сад обести служит' мора;
А што мука зарадила,
На обест се страћит мора.

И старици глас допао:
„Твога сина царе треба“. —
Уздрхтала стара мати,
А сме л' рећи, да га не да?

Други глас јој за тим стиже:
„Цар и другог сина ште“. —
Врисну стара, ал' испраћа
И другога на бојште.

Кад и трећи глас јој дође:
„И последњег дај нам сина;“
И он оде — с њим и душа
Одлетила материна.

Победу је душман одн'о,
А у земљи пустош оста:
Сиротиња леба нема,
Ни силником није доста.

Ратни трошак платит' треба,
И сваки га сносит мора,
На и она без никога,
Без браће и добротвора.

Зарадити није могла,
Продали јој кућу с главе.
„На куда ћу сиротица?"
„Свет је широк на све стране".

И на гроб је мајци пала,
На рукама обадвема,
Грли земљу, грли крста —
Ал гроб ладан, земља нема.

И по гробљу јадна лута
Око сјајних споменика,
Кроз плач врисне по сто пута:
„Има л' гдегод осветника".

„Има, има. Ево мене!"
Богаташ јој одговара,
А на њему блешти злато
Од раскошних адиђара.

Одаја је дивна, сјајна,
По њој свила и кадива;
У тој сад је сиротица,
Ал је нујна, жалостива.

Отворише с' врата тијо,
А господар кроз њих шета:
„Добро вече, цуро моја!
Сад си моја, цуро лепа".

На је за струк танан хвата,
Она само сузе рони . . .
Многа већ се суза стврдла,
Што пролише милиони.

П. Ј. Марковић.

Слика

из живота српског народа.

I.

— Поштен је човек био . . . бог да му души опрости!

— Он једини још у селу, што не даде синовима, да се поделе.

— Да, да. Уби нас та деоба. Та ето, тек што добисмо своје право, поделисмо се сви, гдегод који. На осиромашисмо, пропадосмо.*)

— Шта вреди паметна глава и мудра реч! Тако ти је он умео, да заглади, па завије све са иле миле, канда је учио бог зна какве школе.

— Адакако! . . . Сад још и немамо мало у нашем селу од старих људи. Додуше и ми млоги памтимо стара добра времена; ал тек ил не умемо, као што су радили наши стари, ил су настала друга времена.

Тако су се разговарали сељаци, идући за сандуком, у ком су на црним носилима носила четири човека у средњим годинама покојника, на кога се тај разговор односио. Сандук је обојадисан црвеном бојом, а преко њега превучен шарен ћилим.

За сандуком се слегло света више него обично. На људима мрки гуњци до испод колена, око џепа шпарани белом и врвеном чојом; сиве плундре пошироке; а око листова црвени обојци омотани, машћу намазаним, кајишима, којима су уједно привезани и шиљкасти опанци у неких црвени, у других намашћени као и кајиши; — сви су гологлави, као што приличи за погребом; а сваки се поштапа подугачким штапом. Жене повезане чистим повезачама: обучене у ћуркове, ма да је лето; и у њих опанци, ал преко плаветних чарапа; у рукама им шарена марама, у којој је по нека умотала какав зелен стручак босиљка, чубра или митвице; — и њихов се разговор врзе око покојника, па дакако да и од њих има свака лепу реч за њега.

*) Док до пре неколико година владаше војнички закон по неким српским покрајинама у Аустро-Угарској, одржао се и баш законима одржавао патријарх словенски живот у породици.

Благо оном, који је тако проживео свој век, да му се за сандуком и над гробом може с мирном савешћу каст и која добра!

Тако је ишао спровод мирно и лагано . . . напред црквени барјак и крст, који ће се закопати чело покојникова гроба, да му се бар за неко време сазна места: где му почивају кости: за њима ђаци, појајући нескладно као и обично песму самртницу; за овима чирани и рипиде, што их носе, у беле стихаре обучена деца, радујући се, да ће сваки добити пешкир, што се лепрша према ветрићу, привезан за чирак или рипиду: после деце иде поп обучен у ћрну, белим первазом опшивену, одежду: а поред њега учитељ, носећи требник у руци; најпосле сандук: за сандуком два повисока млада човека, два покојникова сина: и онда остали пратиоци.

До гробља су трипут стајали, да се учини почаст покојнику и очита молебствије за спас душе му. А звона с куле пратила су их час мумлањем час не хармоничним поткуцавањем.

Дођоше и до вечне куће, што ископаше ашовима и мотикама два човека, надајући се, ако не, да ће и њима једном ко год ту љубав учинити, ал зацело доброј напојници и даћи за покој души покојниковој.

Отпеваше му и последњу песму надгробну. Положише га и у гроб. И поп захвати мотиком прегрш земље, те је просу по сандуку . . . . ваљда не зна ни сам, колико их је за свог дугог века опојао! За њим и скоро сви то исто урадише. И већ тутњи сандук под грудвама што их она двојица својим мотикама трпају у гроб, да га зароне и узвисе над њим надгробну унку.

По стоти — стоти пут, рећи ће стари поп-Сима, онима, што стоје око њега над гробом:

— Ето вам, христијани, шта човеку треба! Хват земље у дубљину, хват у ширину четири даске . . . и ништа више. Све, што собом понесе на онај свет, од свега, што је за свог века грабио или другом коме покљањао . . . само две скрштене руке. „Једино јест на потребу," вели наш преблаги спаситељ, приуготовљавати се добрим делима за царство небесно и оставити за собом лепо име . . . и ништа више.

Сад му пређе Јован, најстарији син покојников.

— Господине попо, изволевајте нашој соври сада, да се прихватимо за спас душе којим залогајем и гутљајем.

— Е, синко, и треба . . . и треба. Одговори стари поп-Сима, скидајући одежду са себе, па је предаде свом црквењаку, да однесе у цркву, . . . као да би овај могао пропустити, те не оде и сам на дању, да се, што казао Јован, „прихвати за спас душе којим залогајем и гутљајем“. — Његова је душа заслужила од вас много. Говори опет попа. — Ви сте његови синови. Он је текао и радио, дабоме, што кажу, и дан и ноћ. А за кога? Све за вас, синко, за вас; јер ви сте његови синови.

Јован убриса широким рукавом своје кошуље зној с чела и с лица, а у том протре и очи, па обори главу земљи и тешко уздану.

— Е, синко, шта ћемо? Нико као бог. Мрети се мора . . . један пре, други после . . . тек сви ћемо. А он је стар човек био, дабоме, што кажу, преживио. На боље, што је он вас заменуо. На млађима свет остаје. — Тим речима узе поп-Сима да теши Јована.

И одоше сви на дâњу.

Код покојникове се куће већ било слегло доста света. Ту су сви цигани, што их је у селу и око села, из свију черага . . .

Ајд нек они наздрављају у покој душе мртвима а за здравље живима . . . биће ту на послетку можда и: „Млогаја љета“. Од нас је доста, да речемо покојнику:

— Лака ти црна земља, деда-Софроније!

II.

У општинској се писарници држи недељна сесија. Е па није чудо, да се око општинске куће искупило више света него иначе. На није ни то чудо, да се подигла граја и галама. Ал је то необично, што је ларма највећа долазила из оне куће до општинске, елем из куће покојног деда-Совре.

— За што се твоја жена направила неком госпојом у кући? — Чује се мушки рапав глас:

— Попела ми се већ као ешкуција (ексекуција) на душу, па чантра, чантра као нека свекрва. Зацигољи опет женски глас: Је ли она одранила и однеговала моју децу, да их туче и злоставн као маћија? А? . . . Та ваљда није! Није боме!

Јес' чуо, Дамјане, подсеци-дер ти твојој жени мало језик. На то ће други мушки глас тише. — Ако си човек, покажи се на њој: а немој буцати то на мене, то на моју жену.

Сад се указа, као ражљућена Тетида, на вратима друга жена. Засукала рукаве, преденула предње крајеве своје горње сукње остраг, а недра раздрљила. Подбочила обе руке на кукове, па изгледа као пупаво ферт. Све вришти од пакости.

Неко испред општинске куће, кад види њу, како се спрема да чита буквицу, рече, као да чита »битија света«, . . . рече гласно:

— »Битија чтеније . . . Тако глаголет господ«

На то се и озбиљнији старији људи не могоше уздржати од смеја.

И сад се отвори »чтеније« с две стране тако ентузиастично, да су у томе највише аснили скупљени, јер су имали неко време, чему да се смеју, што се можда нису надали: а особе, које су активно суделовале у том призору, поцрвениле, па се поднапириле од тешке вике.

У једној партаји је био син покојног деда-Совре, Јован, на његовој страни жена му, Давина, она што је направила од себе ферт; а у другој Јованова сна, Сока, и као секундант муж јој, Дамјан, јованов млађи брат.

Давина потрча на шор, да зар цео свет чује њеног гласа. Ал је Јован угура унутра и ућутка.

Не потраја дуго, па се опет зачуше изнутра женски, не баш најпријатнији гласови, из којих се могли похватати неки пикакљиви изрази; а на ове су старији људи озбиљно мрдали главом и ћутећки боцкали пред собом земљу својим дугачким штаповима. Омладина пак избацивала је своје примедбе, што су врло одговарале ствари, на које се односиле.

За тим се опет зачу мушки глас, рекао бих, нека ужасна псовка; онда ударци, као кад би когод замлатао батином по плоту; па врисак, па клетва.

Не потраја опет дуго, а врата се од авлије отзорише: и на сокак истрча Давина сва рашчерупана, грувајући се у прси и страшно наричући. Шта је управо викала, тешко је било разумети; само се могао разабрати рефрен, кога је дакако више пути спомињала:

— Уби ме злотвор . . . зло му чело главе!

И оде. Сигурно мајци на тужбу.

— Тако ти и треба! — Приметиће из публике. — Да је бар чешће!

А онај, што је споменуо „битија чтеније“, запоја:

— Амин!

— Гледајте, људи, ако бога знате, шта се то ради у совриној кући. Ej кукавац, сад да устане, па да отвори очи! — Рећи ће неко.

Други на то:

— На ново би умрьо.

— Би за јамачно.

— Гле, како се проуљише та два момка! Ту ти се из дана у дан парби и гложи као међу циганима на вашару.

— Па што се не поделе?

— Би они радо. Ал ево не дају поглавари више ником читавог места за кућиште.

— И право је. Шта ће и то да каже? Запремисмо деобом толике ледине. Сви ти, што су се изделили, изделили се од обести, што им је бајаги тесно, да живе под једним кровом. Заузеше нам толико пашњака, а себи нису ништа ваљдили, већ се упропашћују, да им се за неколико година не ће знати темеља. А на послетку не ћемо имати где напасти своју марву.

— Доћи ће време, да ћемо морати везивати и свиње и свако марвиње украј друма, као што приповедају, да је у Италији, који су били тамо у војни. Кажу, тамо нема млого пашњака, него морају људи, да праве од својих њива ледине.

— Како смо потерали, биће нам и горе.

— Дабогда, да нам и устреба пашњака!

III.

Елем, као што видите, није прошла ни година дана, како умре деда-Совра, а његови синови, два рођена брата, не могу да се слажу под једним кровом, већ се прљу и гложе као два крвника.

Колико им је већ стари поп-Сима говорио и световао, да се кане ината — ајак!

А то вам је баш добричина од чељадета, тај стари поп-Сима! Не ће он изостати од даће, свечара, задушница, и таких прилика ни по што. Увредио би само своје парохијане, јер су свикли већ сви, да се шињме куцну и чују његову ду-

гачку и пирову здравицу. Кад се једанпут не би коме одазвао на позив, одмах би питали: „А што нема нашег појке?“ . . . „Ди је наш појка?“ . . . „Појка се наш ваљда расрдио на нас“ Или тако штогод. На то не може да му поднесе образ.

Хе, па тако се и хвале његови парохијани њиме. Кад кажу сељани на прилику из суседног села:

— Како ваш попа?

А ови ће:

— Боме лепо и поштено!

На то опет они:

— А наш, браћо, овај нови, што смо га изабрали о оном лане . . . хе, док га нисмо изабрали, обећавао нам, што кажу, златне куле: а сад баш није све по ономе. Кад носимо о Ђурђеву или о „Духовима литију на њиве, а он, ди види у авлији свезано јагње, ту ће и сврнути: иначе ником. Није од оних старих . . .

Поп-Симу и не зову друкче њега: „Наш појка“.

О Крстову дне светио он водицу по селу, па, дабоме, дошао и у кућу Јовану и Дамјану.

Очитао и отпојао све, што треба, па ће онда узети их обојицу преда се. Док је био покојни Совра жив, у тој је кући поп-Сима на овај дан увек ручавао, да не би морао ићи својој кући, те губио времена, а село велико, па га није тако лако обићи, јер ту водицу треба у свакој кући осветити.

— Јеси ме чуо, Јоване и ти Дамјане, и ти Давина и Соко! Шта је вама? Која вас невоља гони, да се вавек инатите? Знате л' ви, да од ината нема горег заната? Ко је крив?

Сви ћуте. Оборили главе пр.ьој земьи, па крију очи као змија ноге.

— А попа опет:

— Ко је крив?

Давина се узврпољила, па не може срцу да одоле, то што на срцу то и на језику:

— Ова, ова. (Пружа прстом на Дамјанову Соку.) . . . . Она је крива.

— Ћути! Дрекну на њу Дамјан. — Зар то није срамота пред попиним часним лицем и седом брадом? . . . . Господине попо, да прости ваше светло лице, жене су криве. —

После неколико дана отиде Јова код поп-Симе. Пољуби га у руку:

— Шта ћу, господине, да радим, . . . ако бога знате?

— А које добро, Јоване?

— Није то добро, већ зло и у зао час. Овако се живити не може. Поно, огрешићу се, загмерићу се и богу, а осрамотити пред светом. Учинићу, бојим се, какво зло, па ће бити од туда покор.

— То није добро, синко.

— Та далеко је то од добра. Ено се јуче потукоше њих две. Да нисам ја наишао, било би русваја. Тих речи, тог језика . . . сачувај, боже!

— Није вајде, Јоване. Том се злу мора стати на пут.

— Мора, јер ће бити белаја.

— Мани се, брајко, тога. Ви сте своји, браћа сте. Шта би рекао свет? . . . Него кад већ није на ино, поделите се. Од два зла бирај уђе.

— Па, велите, баш да се поделимо?

— Да шта знаш?

— Ал пропашћемо и један и други.

— Не морате. Бог вас је створио здраве и јаке. Не пропада човек, који нема ни кучета ни мачета, само кад има златне руке. У се и у своје кљусе, синко. Радити се мора, те мора. Треба хтети и умети, па ћеш и имати. Него чим устанеш, воде на лице, а памет у главу, па се не бој никога до бога.

IV.

И поделише се.

Дамјан је изашао из очинске куће. Подигао нову на другој половини истога места, на ком је и она. Добио од свега полу. Што се не могло поделити, морало се рушити или продати, па исплатити у новцу.

Јован, који је остао на старој кући, морао је од свог дела продати неко јутро земље, па исплатити брату његов део, што га је овај имао добити од кућне зграде, јер није хтео допустити, да се кућа руши, те дели цигља по цигља, греда по греда, дрво по дрво, као што се урадило са житницом, наштто Дамјан није хтео друкче да престане.

„Дамјан опет, да би могао себи подићи кућу, морао је продати од своје земље и стоке, те набавити новаца.

Е сад ћете помислити, срца су им на мери, сваки је задовољан, бар не ће радити један другом о глави.

Ал ћете сигурно знати ону жалосну српску узречицу; ако не знате, да вам кажем. Каже: „Ко ти је ископао око?“... „Брат“. . . . „Зато је тако дубоко.“

Па ни ова два брата нису се смирила. Не ће један другом рећи ни: „Помозбог“.

А сачувај те бог зла суседа, па особито зла брата!

Монтекићи и Капулетови нису се умели већма мрзити.

Пређе л' пиле у авлију једног од њих двојице, ту је готова свађа. Прескочили кер коме плот, тај ће арлучићи и пијучући одшантуцати на пребијеној нози натраг.

Једаред ће се потући дамјанове гуске с јовановима. Јованов гусак растера дамјанов чопор. А дамјанов синчић довати цигљицу, те се хитну њом за победиоцем непријатељем. На то се јованов опет синчић залети на онога, па га пошну прутићем преко главе А онога стаде лелек. Е дабоме, да су услед тога изашле им матере на мегдан, просипљући читаве серије речи, какве не могу доћи на хартију . . .

Кад су земљу делили, Јован је хтео да се тако подели, да нигде не остане један до другога. А Дамјан је опет повикао на то, као да би онај, сва боља места да присвоји себи, а њему даде прљушу и мочар. Тако су остали и на њивама суседима . . . Еле и ту зло и наопако! . . .

Све како тако, ал у нечему се нису могли сложити. Ево шта је то било.

Покојни деда-Совра био удеоничар у задрузи за међусобно потпомагање и штедњу, била је пре две три године подигнута у оближњој варошици. Уписао се тамо поглавито тога ради, да има одакле подићи коју крајцару, кад му догоре до ноката. Ал за живота свога није допао био те нужде. Него се потписао другом неком за јемца. Кад је умрьо и синови му се поделили, одустане дужник, за кога је он јемчио од отплаћивања. И паде дакле платка на првог јемца. Друштво хоће да се наплати од његове сермије. Ал, као што рекох, синови, наследници деда-соврине сермије се поделили.

Јован пристаје да плати, јер зна, да мора; ал хоће, као што је и право, да и Дамјан сноси терет на полу, као што се деда-Совра потписао био као старешина кућне задруге.

Дамјан о томе не ће ништа да зна.

Готова парница!

Адвокати играју у животу српског народа врло велику улогу. Никога не мрзи наш народ тако јако, као њих; ал опет нико му више не треба као они. За најмању готово маленкост тражи сељак њихову помоћ, а ову скупо плаћа. Адвокати опет слабо разбирају у свом послу на патриотизам; они се држе оне себичне девизе: „Ако смо ми род, нису нам кесе ни помозбог . . . Треба то боме живити.“ А неразборити сељак грби и издире, па ће дати и кошуљу с леђа, да добије „право“ . . . . Парница је зао друг! Не пита: „Можеш ли ти, пријатељу, измоћи моје ситне трошкове, и ако нису баш увек посве нужни:“ — већ све већма чупа своју тичицу. Па није чудо, кад парничар оголићи, а овамо је добио своје право.

Е тако се заподену парница и међу Јованом и Дамјаном. И један и други носи, што кажу, и шаком и капом сваки свом адвокату или суду, да „подмаже“. На на послетку паде терет на обојицу . . . обојица су морала платити. Већ су се истропили, терајући процес: сад им се продаде готово већи део непокретности, да се намири ваљевина.

Готова пропаст!

И сад им је опет крив дужник, за кога је њихов отац јамчио . . . . .

Ал што да вам отежем на дугачко и на широко?

Пропали су обојица до таке спротиње, да се једва лебом зарањују.

И таких жалосних, ал истинитих случајева бива, тако рећи, из дана у дан; а то је само једна слика из живота српског народа.

Паја Ј. Марковић.

Један листак из српске приповедачке књижевности.

О српској читалачкој публици не може се говорити све до славног Доситија Обрадовића. Тек је Доситије својим делима, а нарочито баснама пробудио у публици вољу на читање, а тиме највише допринео ширењу српске књиге. Дотле се бавише књигом само поједини, али је сад прихвати сам

народ, који наслађавајући се књигом Доситијевом, поче увиђати потребу српске књиге и корист, коју је она пружала српскоме народу и његовом подмлатку. Доситије је успео, да створи читалачку публику у Срба, које тиме, што је почео писати народним језиком, које што је знао згодном и разумљивом поуком да изазове интерес публике. Тако је Доситије, који је „прекинуо све везе са старим правцем црквене просвете и књижевности“ и пошао правцем народне књижевности, уједно и творац читалачке публике у Срба, што је уједно и доказ, да је то одиста био једини пут којим је ваљало поћи, да се српска књижевност развије према живој потреби народа.

Толике популарности не имађаше ни један од Доситијевих последника, и ако су им се имена проносила са једнога краја Србства на други. Појезију Мушицкову и Милутиновићеву читали су само такозвани виши слојеви, али шира публика слабо их је разумевала, и ако им је познавала имена и славила их као песнике српске.

Језик и појезија ових двају иначе заслужних и даровтих песника, не одговараху простој природи народној, којој беху стране оде Лукијанове, а неразумљива истина бурна и необуздана, али баш за то нејасна и тавна појезија Симина. Разуме се, да уз то чиста појезија није могла створити велику читалачку публику, или је одржати, и да је ову цељ могла постићи само приповетка, која ће у лакој и разумљивој прози, пружити публици забаве и поуке, и бирајући предмете, изазвати њезино интересовање. Први дакле, који је ово схватио и на томе основу почео радити, био је Милован Видаковић, отац српског романа и српске приповетке. После Доситија он је својим романима највише допринео к стварању читалачке публике у Срба, и по томе к ширењу српске књиге. Стојан Новаковић каже: „Кад не гледамо књижевност саму по себи и по развитку њезину, него по упливу који је на народ чинила, онда је после Доситија између првих имена име Милована Видаковића. Његови романи ево већ пола века прво су чим толики Срби почеше читати књиге, и они ако и јесу данас и због времена самог слаби у критичкој цени својој, никада им се не ће моћи потрти голема заслуга у књижевности, да су раширили и покрај Доситија и народних песама створили српску читалачку публику“.

Милована Видаковића можемо дакле сматрати као творца српске приповедачке књижевности, која је од тога доба све то већма се развијала у своју корист, а у новије доба стекла гласа, који јој осигурава једно од најодличнијих места у српској књижевности.

Но и ако Видаковићу признајемо велике заслуге око стварања читалачке публике, и ако га славимо као творца српског романа и српске приповетке, то га ипак не можемо уврстити међу приповедачке класике, ни по језику, којим је писао, ни по предметима, што их је бирао за своје романе. И ако су предмети његових романа за оно доба интересовали публику, у које још не беше развијен укус, то им је вредност незнатна према захтевима, што се данас стављају приповедачу, и према потребама, што их осећа и сама читалачка публика.

Богобој Атанацковић наставио је рад Видаковићев у напреднијем правцу, и писао је романе и новеле, који по предмету, форми и језику означују напредак и уједно прелазак од Видаковића на новију приповедачку школу, која је највише допринела развитку наше приповедачке књижевности. Новија струја, која се опажа од 1848 год. на овамо, а која је овладала свим гранама културног и књижевног живота нашега народа, није остала без утицаја и на ову врсту књижевности. Много је к томе допринело и то, што се наши млади књижевници почеше боље упознавати са производима напредне приповедачке књижевности у других, нарочито западних народа. Схвативши новији и напреднији правац, они почеше у том правцу писати. Они унесоше у нашу приповедачку прозу ону лепоту и живост, коју наш народ до тада није познавао, они нам показаше у приповетци живот и обичаје нашега народа, они нам га приказаше какав је и какав је био, они нам почеше причати шта народ мисли и осећа, шта ради и за чим тежи, једном речи, они пођоше бољим правцем, који нас забавља но у исто доба учи да себе упознамо. Они знадоше својим полетом, правцем и језиком у један мах задобити за се читалачку публику и у српској књижевности основати нов период — приповедачког класицизма. Понајважнији претставници ове школе јесу: Јаша Игњатовић, Милорад Шапчанин, Бура Јакшић и Стјепан Митров Љубиша. Њихове приче имају трајне вредности, и служиће ваздан као образац потоњим приповедачима.

Но и ако су приповедачи, које мало час поменусмо, радили на једноме основу, тек је за то опет сваки од њих оригиналан у своме, тако да се сваки од њих може сматрати као претставник онога жанра, у ком је писао, Јаша Игњатовић и Ђура Јакшић, и ако нису толико пазили на форму, тек су необични и оригинални. Јаша Игњатовић црта нам верно народ и друштвени му живот, како у прошлости, тако у садашњости. Он нам прича све како је некада било, „во времја оно“, за које наши стари веле, да је било боље и јевтиније а људи веселији и срећнији, он нам прича и о данашњем друштву, а износи нам у овим причана разне карактере, који су тако рећи претставници неке извесне врсте људи у српскоме друштву. Игњатовић нам прича све како је што видео и доживео, и он је у томе описивању реалиста: његове су фигуре из живота, чини ти се да си их већ једном видео, да си им се смејао, да си их сажаљевао, да си шњима туговао и веселио се, сваћо и љубио се. Таквих људи, таквих случајева и догађаја, какве ћеш наћи у Јашиним причама, било је и биће увек. И то је баш доказ да је Игњатовић црпио из живота, да је цртао само оно, што је видео и сам искусио. И у томе је поглавато снага и величина Игњатовићева. Здрави хумор овога приповедача, његова досетљивост и реалистика у причању, живо нас потсећају на чувеног инглеског романописца Боца - Дикенса, који је у инглеској новелистици најуважнији претставник овога жанра. Много што у Јаше сећа на Боца, и ако га није никада читао па ни у руке узео.

Ђура Јакшић лепо прича. Но он је више песник него приповедач. Он нам најрадије описује сељачки живот, описује нам српског ратара у његовом раду и борби. Јакшић је тенденциозан, дигод може он брани паћеника, а шиба и жигоше тлачноце. Он брани и заштићује страдаоца, а строго осуђује сваку неправду и сваки неморал. Тешко ономе, коме Јакшић суди, јер га не опра више ни Сава ни Дунав. То му је тенденција. Иначе као песник са бурном фантазијом и одвише живим бојама описује и слика, те ти се чини да је прелепо, ако је што лепо, а ужасно и страшно ако је што зло. Ја би га назвао Рембрантом међу приповедачима. Као што рекох, он је више песник и сликар, него што је приповедач. Отуда и долази, да је најјачи тамо, где описује пределе — и где нам слика дивоту раћајућег се сунца и страхоту буре. Ове су му

слике ванредне, оне су женијалне. Тај дар сликања у приповетци и силан језик, којим неограничено влада, чине, да је Бура Јакшић претставник особитог неког жанра у приповетци, који се не да прецизно означити, али свакако потиче из богате поетске природе песникове.

Милорад П. Шапчанин влада језиком и формом, и кад приповеда чисто као да везе. Он прича мирно и елегантно, он је прави салонски приповедач. Његове су приче дотеране и углађене, садржина им је одабрана, а језик му је тако лак и сладак да ти их је милина читати.

Стјепан Митров Љубиша почео је писати под старост. По томе је дакле најмлађи новелиста, јер су сви ови приповедачи, што смо их мало час споменули, далеко пре њега почели причати и писати.

И опет је Љубиша међу њима најоригиналнији!

Како то, да је Љубиша својим причама на мах привукао на се пажњу књижевника, а у публици изазвао опште интересовање и дивљење?

Како то, да се без критике и препоруке почеше читати и хвалити? За што је Љубиша најоригиналнији међу нашим приповедачима?

Приповедачи, о којима сам мало час говорио, описиваху живот и обичаје српскога народа у нашим крајевима. И ако се у тога народа одржала српска свест, тек се је преобразио, живећи међу страним елементима и под околностима, које су по одржање и развитак народних особина врло неповољне. И тако је многе од својих особина изгубио, а попримао је многе туђинштине, било у језику, било у обичајима. На против онај део нашега народа могао се одржати онакав какав је био, и развијати своје народне особине, који није био толико изложен, те да би га могли преобразити страни утицаји, а који је, тражећи заклона од турске навале, напустио своју стару домовину и прибегао љутим кршевима црногорским и херцеговачким, да се ту бори до последње капи крви! Ево како нам Петар Петровић Његуш карактерише судбину његову:

„Што утече испод сабље турске,
„Што на вјеру праву не похули,
„Што се не хће у ланце везати,
„То се збјежа у ове планине,

„Да гинемо и крв приливамо,
„Да јуначки аманет чувамо,
„Дивно име и свету слободу!

Овде у кршевима живео је српски народ у вечитој борби са душманом. Ова борба лишавала га је сваке угодности, и он је према томе удесио живот, друштво и државу. Тако је постала српска Шпарта, на коју не могаше с поља утицати нико. Тако је овај народ сачувао свој језик и своје обичаје, и развијао своје народне особине.

Ово је дакле врело за упознавање нашега народа и његових особина. Само је овде Вук могао купити народне умотворине и дати нам у руке народну књигу, каквом се и највећи и најнапреднији народи подичити не могу; само је Ловћен могао бити српски Парнас, где су српске виле овенчале најсрпскијег песника владику Његуша; само се на овој светој земљи могао родити најоригиналнији српски приповедач Стјепан М. Љубиша!

Је ли онда чудо, што је Љубиша у први мах пробудио наше интересовање за приче, које нам казују о том јуначком народу, које нам причају о његовој прошлости, о његовим обичајима, о његовим врлинама и манама, о беспримерном јунаштву и о мудрости његовој на дому и збору, о љубави и освети; даље о земљи, у којој овај народ живи, о кршевима и врлетима и о сваковрсним дивотама његзине природе, и кад у својим причама најживљијим бојама слика ту непрекидну борбу тога народа за своју слободу, и кад нам износи карактере и догађаје, који нас живо потсећају на омирово доба.

Да, о томе прича Љубиша.

Па како он то све казује! Он нам о томе прича у најдивнијој и најчистијој српској прози. Језик му је леп и сладак, а стил му је китњаст и пун необичних фигура и сравнења. И ако у њега има речи и израза више локалног, него ли општег значаја, то се његове приче опет могу сматрати као нови и богати извор, из којега ће да црпе наши филолози. Но о томе не ћу овде да говорим, јер то спада на другу страну.

Његове приче сведоче с једне стране, да је Љубиша скроз познавао народ и народни језик, а с друге стране, да му нису били непознати ни естетички закони и појмови, и да се у томе угледао на стране, а нарочито на италијанске писце. Само тако се може појмити, да Љубишине приче заслу-

жују наше признање како по језику и правцу, тако и по форми. С извесне стране пребацивало се Љубиши, да није био научен и по томе да није умео савладати форму, и ако му је проза иначе примерна. Но овде ћу одмах да приметим, да му то пребацују они, који хоће да сведу књижевни значај Љубишиних прича, и који су покушавали да прикажу Љубишу не толико као приповедача, него само као проста скупљача. Но ко зна, како су постале Љубишине приче, тај никако не ће поверовати онима, што тако говоре.

Довољно је да човек само прочита Љубишине приче, па да се увери, да то није рад само једног скупљача него баш књижевника, који је знао материјал употребити и вешто га дотерати. Ко каже да је Љубиша занемарио форму, или да није био ни толико научен, а да би знао шта је форма, тај и нехотице признаје да нити је читао, нити разумео Љубишине приче. Ако је у Љубише који израз био такав, да му може бити из естетичких обзира није било места, то су на другу страну опет обзири на језик приволели писца, да ову или ону реч употреби, да нам овај или онај догађај опише, како би све то сачувао од заборава. У главноме пак Љубиша је пазио и на форму, те се баш у томе разликује рад Љубишин од рада каквога скупљача. И ако је н. пр. Вук Врчевић себи стекао грдне заслуге око скупљања народних умотворина, то се тек не може његов рад сравнити са радом Љубишиним, који је баш као оригиналан приповедач дошао на глас. Но може бити да његове приче немају савршени тип романа, у колико у њима нема заплета, него се догађаји причају онако, као што су текли, ал то све још није доказ да Љубиша није савладао форму, него шта више, да је баш као добар приповедач схватио и разумео, шта је прича и приповетка, и у чему се она разликује од романа. Но и да је све тако, опет би остао Љубиша први српски прозајиста, као год што је Његуш први српски песник, и ако „Горски Вијенац“ не одговара појмовима, што га имамо о драми. Љубиша је до душе тражио алемкамен у ризници народних умотворина, али нашав га, он га је као прави вештак оштрио и дотеривао. Има у раду Љубишину много чега, по чему ћеш познати брижљиву руку вешта и образована приповедача.

Не знам чему више да се надивим у Љубишиним причама: или здравој језгри њиховој, или здравом народном ху-

мору, којим су зачињене, или оним ванредним сравњењима и сликама, што те управ задивљују, или оним правим народним моралом, који је основ и тенденција причама његовим. Слог му је кратак и језгровит, свака реч има своје одређено место и извесни свој значај. Ту нема ни једне залишне речи, ни једне сувишне реченице. Описивао људе или догађаје, зграде или пределе, лепоте или страхоте природине, он све описује тако лепо а кратко, да би му могао речи с места у камен резати. А при том пази и на маленкости, његово око допире свуда, па чак и тамо где „буба по Боци снује своју богату свилену прељу". О њој вели у своме опису Боке: „Помили почетком травња, прве омарине пролетње, пак четрдесницом настане и нестане. Излеже се црв као мрав, настане као гусјеница, завије се у кожурицу, излети лептир, пак умре на пријечац по што попрши сјеме да учува траг".

У попу Андровићу а у III. глави на стр. 173 прича о узроку, с којег се побише два надлужанина Вукац и син Шћепца, те Вукац убије пушком на мртво сина Шћепчева, па вели: „Кад удари летња суша, а жито се у трави увија и вене, свак граби да своју земљу слатком водом натопи. Ова је вода љети танка, пак јој је свака кâп драга за очи. Неко хоће да окреће млинска кола, неко да ваља сукно и бијели платно, неко да му скисне лан и конопље, неко да пије и поји, напокон већина да натопи сухе земље. Око ње се подноници земаља и стајанци млинâ и ступâ преотимљу и свађају".

Но сада ћу да наведем и неколико већих примера, који ће потврдити моје речи. Тако се може опроштајни говор Стевана Штиљановића у Скочићевојци уврстити међу најлепше производе српске народне прозе. Стеван Штиљановић, кнез паштровски а потоњи деспота српски, прашта се с Паштровићима јер хоће да их остави и да пође у свет док је млађи, да види како је осталој српској браћи по Херцеговини, Хрватској и Срему. Ево тога говора од речи до речи:

„Браћо Паштровићи! Минуло о петровудне шест љета од кад ме изабрасте кнезом и главом ове племените општине, а то не по каквој мојој особитој врлини, већ с тога што ми је на кућу ред пао, и што сте мислили да наличем оцу; душа му царевала гђе Божић и Велики дан. Кад сам навршио треће годиште службе, ја сам вас молио, да ме мјењате по старостављику, но ви моју молбу не прнмисте, а ја се покорих на-

родној жељи. Нијесам био срећан за ово вријеме свог главарства у ничем осим у вашој почасти и послуху. У осталом, бог је хтио кушати нашу кршћанску стрпељивост глађу, болијешћу и ратовима. Колико је нас мање него ли лани? Но сад кад је богу хвала лакше господовати и слушати, кад су се род у земљама, здравље у чељади а мир у суседству повратили, док сам млађи и јачи, хоћу да вас на кратко вријеме оставим, да се мало са свјетом упознам, да видим како је осталој нашој браћи по Херцеговини, Хрватској и Сријему. Ако вам наступе доба ратна, те будем још у животу, ево ме опет међу вас, да их дијелимо заједно. Остављам вам своју успомену. Браните је од потворе. Чувајте обичај и народност као очију зеницу. Настати ће времена тамна и крвава, да ће се многи одрицати мајчина млијека. Благо оному, који у таквом метежу не изгуби свијест свога племена и величанство свог имена. Будите дужду привржени, једно за то, што још он једини може вас спасти о турскога бича, друго, што за сада нема бољега. Највише пазите да судите пуку неумитно, и да се не натијецате ко ће кому бити виши господар, но узданији брат. Ако будете овако радили, проће зло турско, а ви ћете остати!“

Ово је ремек говора. Може ли се лепше карактерисати Стеван Штиљановић, него што га карактерише Љубиша у овом говору, у ком се огледају све врлине владаочеве, који отступа с места на које га је поставило повереље народа, и полази у далеки свет. Но ево још згоднијег примера, из ког ће читаоци увидети не само богатство језика и лепоту стила, него и онај здрави народни морал, који мало час означисмо као главну тенденцију Љубишиних прича.

У попу Андровићу има једна епизода, које сам се мало час дотакнуо, када сам оно навео узрок са којега се посвадише два надлужана, Вукац и син Шћепца. По тадашњим законима прекине суд убијци пљеме на кући, стави му земље под кров, а њега са женом и шесторо нејаке дечице протера у Турску. Једно вече седи Вукац брижан и сетан крај скадарског језера, мислећи о томе како ће да зарани жену и децу, који му гладују. У то приступи к њему један Арбанас, који га по налогу Махмуда Бушатлије, паше од Скадра, позиваше или да убије попа Андровића, па да буде награђен, или да се мора селити из цареве земље. Јадни и гладни Вукац одбије

ову гнусну понуду, на што му Арбанас учини другу понуду, а то, да буде калауз пашиној војсци, те да ова прегази и попали Пиштровиће.

„Проћи се да те је анатема“ одговори Вук, крстећи се, „ја бих воли испустити душу на коцу триновоме, него се назвати брацким издајником“.

„А што жалиш проклету земљу, која те је расинила“, надостави Арбанас.

А Вука попану сузе и рече уздишући: „Није она проклета, но честита и по сто пута благословена. Волио бих у њој гладовати на врх Почмина, на оној голој стијени, него да ме султан постави овде везиром. Љубим је као двије очи у глави, као оно гладно пет синова, као оба брата од мајке. На њу сам пао челом из материне утробе, ту ми се расклопише трепавице, ту сам најприје чуо мили звук материна језика, провео младост, припасао оружје, окућио се. На њој ми је гробље прадједовско, на њој моје племе од Косова клица. Кад промислим да сам по њој у дјетинству чувао јагањце и пландовао под њезиним дубравама, гледао зору где онако ведро свиће, кад ме је онај зрак јутрњи и вечерњи обидовао а појили они хладни извори, кад ми на ум пану народне светковине, брацка дика и јуначки понос, помамно бих се да сам хљебом сит. А ти си дошао силан и обијесан да ме вријеђаш и наведаш да продам образ, једино добро које ми је преостало! Проћи се, ја те кумим од неба до земље, да ми не преврн, да не изгинем до краја“.

Може ли бити чега лепшег и узвишенијег, него што је ова апологија отаџбини, што је држи прогнаник, чија жена и деца од глади умиру. А још нас већма изненађује друга појава у истој приповетци, која нам показује, не само колико је дубоко засађен морал у овоме народу, него шта више, колико је овај иначе осветљиви народ кадар да прашта и да заборавља кад му срце узбудиш.

Вукац, видећи да не може даље тако срамотно живети, прода џевердар буд за што, те купи својима да се заране, докле не изврши што је наумио. Тада настане судњи дан. Пред зору дође на кућни праг Шћепчев, чијег је сина уморио. Омотан у струци легне колико је год дуг и широк пред врата из којих ће изаћи Шћепац. Тиме се Вукац преда Шћепцу на милост и немилост, а овај га је могао у освету убити. Жена

Шћепчева упозна Вукца те отрчи мужу и стаде му говорити: „Дижи се, ето ти синовљи крволок лежи пред вратима, уби га сјекиром као вепра“. Шћепац скочи с постеље, обује се, припаше оружје, пође даље и отвори врата. И открије човека и упозна крвника. Дохвати га за руку, подигне у дубак и изведе на под. Шћепац принесе ракије и врућа хљеба, те га позове да пођу на народни збор. Кад народ угледа два крвника, где за једно иду, свако се обесили и зачуди, а Шћепац народу: „Нашао сам крвника јутрос ђе лежи на кућни праг. Дошао је да га убијем, распас и у струци омотан, а ја га ево доведох овде, да вам објавим како му опраштам синовљу главу, а примам га за кума“.

Која ли разлика између осветљивог Коријолана, који се здружио са непријатељима само за то, што му је част повређена, и овога јадника, кога је отаџбина лишила и имена и части, а који понуду, да калауза непријатељској војсци, одбија са глорификацијом отаџбине. Шта је према њему онај велики Валенштајн, којега је први немачки песник опевао, а који се спрема да уговара с непријатељем што му је повређена част. Дионис, сиракуски тиран у Шилеровој балади, који прашта противнику, побеђен оним великим моралом побратимске љубави и оданости, нишчезава испред слике старога Шћепца, коме се ражала, виђећи на свом кућнем прагу синовљевог убицу као — покајника! Ово је тријумф оног истог моралног начела, што побеђује, кад оно мајка Јевросима светује рођеног сина, да пресуди:

„Нит по бабу ни по стричевићу,
„Већ по правди бога истинога!“

На и сам је поп Андровић, кога приповедач назива новим Обилићем, узор српског карактера, који у очи опасности светује народ да буде мудар и опрезан, и да иде мудро, а да не гине лудо. На то му неке старешине, (које, и ако су га поштовале, тек су их смеле лажи Андровићевих противника) примете, да се проноси глас као да им је старешина у споразуму с Турцима. На то их поп Андровић умоли, да чине онако, као што им је саветовао, а сам оде Махмуду Бушатлији, паши скадарском, који се враћао с војском преко Паштровића у Скадар и потегне нањ пушку да га убије. Но пушка издаде, а поп Андровић испусти душу под ударцима турских јатагана као — нови Милош Обилић.

Овакових слика душевне величине и морала има у Љубише много и премлого: једна је слика лепша од друге.

А како нам прича о љубави?

Има ли лепше слике, него што је слика његове Скочићевојке, има ли нежније и дивније љубави од љубави Гордине. Као што се у песми карактерише узвишена, божанствена љубав Омера и Мејриме, коју је Лаза Костић у свом интересантном предавању „о женским карактерима у српској народној поезији“ ставио над Шекспировим „Ромеом и Јулијом“, тако нам и Љубиша у својој Горди црта узвишену, њежну, чисто етеричну љубав ове Црногорке.

Ево таки су вам Љубишини јунаци и јунакиње, тако мисле и осећају, зборе и раде, љубе и мрзе. А кроза све то провлачи се тенденција писчева, да, као што сам вели у предговору к „приповијестима“: „чува неколико знаменитијих догађаја своје отаџбине и да опише начин живљења, мишљења, разговора, напокон врлине и пороке својијех земљака, пак све то да преда потомству онако, како их је чуо и упамтио од старијих људи, јер је видио, да се свакдан те ствари преображују и гину све што је напреднији дотицај и поплавица туђинства“.

А све то зачиња писац шалом и хумором. Шала је нуждан зачин, а потиче из природе самога народа, а по томе и самога писца. У најжалоснијим, да речемо у најтрагичнијим моментима, тек се који од његових јунака нашали: али та шала тако је природна а опет смишљена, да ни мало не квари озбиљност момента. Ово ме потсећа на Шекспира, тог највећег песника и психолога. У Шекспира је шала природан и нуждан зачин, као што је и у Љубишиним причама: а то опет сведочи да је Љубиша добар психолог, и да је скроз познавао природу човекову.

Па каква је тек шала у Љубише!

Прича „крађа и прекрађа звона“ је ремек народне шале и хумора.

Украду Љешњани Поборцима звоно св. Јована поборскога, јер имађаху лепу цркву, али не имађаху звоно. А како не хтедоше трошити, досете се некој врло практичној финансијској операцији, на којој би им могао завидети млоги црквени тутор, т. ј. на кратко, они реше да украду звоно. На овај за-

кључак приволео их је говор Шуље, који беше познат са своје необичне мудрости. „Ето нам зја црква гологлава“, рече Шуљо, „као невјеста без вијенца, новци, не помажу, а у томе приморју цркава и звона као малога боба. Него хајте да свучемо светога Јована, а да оћенемо ову старицу св. Петку (и њиова црква беше посвећена св. Петки) пак сва та грехота о мојој души. „Да ти нијесу свеци као ми саможиви и ћуди лакоме, да не би богати нага одио. Кад радим за славу божју, ту ми нема ни гријеха ни чуда. А лако ћемо обисти; ако се да звоно смаћи са цркве, није чисто жао светоме Јовану дати звоно светој Петки. Ако пак звоно на нашој цркви не заниjеми ни промијени глас, није жао ни светој Петки примити дар.“ И тако скупштина, слажући се са овим назором Шуљиним, прими предлог да се звоно украде, те да се дигне на цркву св. Петке. По што Љешњани овај заклучак „извршe“, стадоше Поборци о томе већати, да ли да се иде на суд на Цетиње, или да се звоно прекраде, те да се опет стави на цркву св. Јована. Било је разних мишлења, али већина реши да је боље, да се звоно прекраде, јер: „шта ће суд с лупежима?“ „А да ми даду Љешњани“, тако говораше општински барјактар, „и триста звона и чапру дуката, док не дође оно наше звоно, чини ми се да сам без носа“. На томе се месту одабере девет друга, по стасу и по годинама, цвијет поборске омладине, отворе цркву, целивају иконе, исповједају се водицом причесте, пак сваки расположи својијем имetком, као да ће збиља мријети“. При растанку закуну се на часни крст, да ће донети звоно светога Јована или листом изгинути“. Тако пођоше и незвани Љешњанина у госте, те у ноћ скину звоно и однесу у Поборе св. Јовану. Али од тога доба непрестано страже звоно, како га неби Љешњани и по други пут однели; „јер ко што чини, то и дочека“.

Ово је без сумње једна од најсавршенијих и најлепших шаљивих прича Љубишиних, пуна досетака и смешних сцена, а језик је одабран као у попа Андровића.

Но као да је ипак најинтересантнији мали Кањош Македоновић, дични Пантровић, што је убио фурланску људину, што је загрозила дужду млетачкоме. Овај се Фурлан утаборио на једном острву на сред Млетака, те ти пите од дужда и сената престо крилатога лава и дуждеву кћер, или

да му дође на мегдан или да му пошље заменика. Но млетачка господа, на грдну срамоту, не имађаху никога да пошљу као заменика дужду. Тако они умоле Паштровиће да им пошљу дужду заменика, а Паштровићи пошљу Кањоша Мацедоновића за којега приповедач каже, „да је човјек ниска струка али жив и чеперан, да би се на игли вртио". Дође Кањош тројици у Мљетке, а они њему: „Ми се надали да ће нам доћи бољи и виши јунак, него си ти", а Кањош да пукне од једа те рече: „Моја господо! Бољи и виши пођоше бољијем и вишијема, а ја једва вас допадох". Тако он њима врати жао за срамоту. Кањош изиђе пред Фурлана и убије га, а Млечани поздраве га као свога избавитеља. Кањош стајаше у цркви крај дужда и тројице. Дужде му захвали и отвори му благо св. Марка, да узме колико му је воља. Погледа Кањош благо, извади из тобоца дукат те га баци у ризницу а рече: „да се из ове шкриње диже а не меће, то би благо брзо нестало". На то му дужде понуди кћер за жену, на што он дужду: „Благодарим на такову племениту понуду. У нашој је опћини обичај непрекидни, да се свак жени у свом јату, и тако чувамо поштење нашијем сестрама". На што хоћеш викну господа, а мали Кањош одговори: „ништа друго, већ да нам не узимате царине ни мрнарâ, да стојите поштено на погодби коју смо утврдили при предаји, и за боље јамство да се зове именом нашега народа она обала у Млецима при мору гдје се искрцава наша трговина. Другога дара нити тражим, нити примам".

И у овој причи има пуно живих слика и сцена, а нарочито помињем скупштину паштровску, извештај Кањошев о млетачкој господи и дочеку његову у двору дуждеву. Оваких ситуација и шала имаде још у већој мери у причањима Вука Дојчевића!

Само ми ваља потсетити на причу: „Ако лаже коза, не лаже рог" и „Свуда пођи, дома дођи" у којима Вук Дојчевић уз дуге зимње вечери своме господару прича, шта је све доживео, када је са Иван-бегом путовао по свету. У причи „Гори је невјерник, него ли кривоклетник" прича се како је нека светица залудила свет, као да тобож ништа не једе и не пије, те јој људи носише дарове у злату и сребру. Ни поп ни владика не могаху стати на пут том лудилу, те се досети Вук Дојчевић да светицу обелодани. Он јој тобож до-

несе од владике поздрав и навору, чему се она опирaше, велећи, да ће умрети ако навору окуси. Једва је приволу да поједе навору, коју је Вук замешао „млијечеровијем млијеком“ и „отровнијем прашком“. Тек она изједе а оно је спопаде мука те ти она поче да повраћа и да баца све што је мало пре крадимице јела: „зеље, сланину, бумбаре и пендевиње; а удари мирис од вина као да си бачву отворио. Кад виђе пук бљувотину од непробављеног јела, развара се и скочи на Таду да је удави, а свак хоће да му се поврати, што је у завјет дао“. Тако се издаде лажљива светица. Колико је ова прича пуна тенденције, толико је шаљива и занимљива она, у којој се прича како је једна пиперска баба дошла неком даскалу, који је писао (сликао) свете прилике на липовијем даскама и народу их продавао, да у њега купи икону светог Николе зимњега. Но наш даскале не имајући готове прилике какву је баба желила, узме прву бољу, која му беше при руци, те испише на њој орловијем пером: „Свети Николаје, архиепископ и мириликиски чудотворац“, а баба му плати десет млетачких перпера. Кад, ал баби код куће рекоше, да тај свети отац Николаје личи светом Стевану, а она да се помами. Те отуда заплет, који се у причи опширно описује, а који се свршује пресудом судије, који осуди даскала да напише баби другу икону у име св. Николе по навади и црквеноме калупу (што му је лакше но да паре врати), и да је лишен неких права, што их је до тада уживао. „Каква јеђа, таква међа.

Причања Вука Дојчевића су низ мањих прича, у којима се потанко излаже и описује живот и обичаји народа. У приповијестима морао је Љубиша да пази на форму те није смео у приповетку да уплеће оно, што тамо не спада и што не одговара мотиву дотичне приповетке. Но што није смео чинити приповедач Љубиша у својим приповијестима, то је могао чинити у својим „Причањама“ ђаволасти Вук Дојчевић, та персонификација Љубишиних прича. У „причањима“ нарочито је Љубиша гледао на језик и на облике народне. Он је у њима потанко описао знаменитије људе и догађаје, земље и пределе, а све у народном духу и са извесном тенденцијом. Колико је Љубиша „Причањима Вука Дојчевића“ користио језику, о томе сведочи Стојан Новаковић, који у своме писму председнику „југославенске академије знаности и умјетности“, дру Рачком, а говорећи о изворима, ко-

јима би се ваљало послужити при даљем издавању „Даничићева рјечника српскога или хрватскога језика", спомиње и препоручује „причања Вука Дојчевића". А колико Љубишу у томе цене и сами Хрвати, који му иначе из политичких обзира не беху наклоњени, то нека сведочи некролог што га је донео загребачки „Vienac". Љубиша је хтео да напише 100 причања, али му намеру осујети прерана смрт његова. Написао је само 37 причања, а спремао је материјал за велики роман, што га је црпио из црногорске повеснице. У том роману хтео је да опише „Црногорско бадње вече", ту црногорску „вартоломејску ноћ", коју је Владика у Горском Вијенцу овековечио. У њему је хтео Љубиша да нам прикаже тадашње културно стање српскога народа и његове односаје према Венецији, Аустрији, Русији и Турској, хтео је да опише патње и страдања нашега народа, које су тада достигле кулминацију те тако изазвале — „црногорско бадње вече.

Смрћу Љубишином претрпила је српска књижевност велики пораз, јер је изгубила у њему једног од највреднијих раденика, који би заиста обогатио српску књигу производима свога ума и труда. Но и ово што је написао за тако кратко време, од толике је вредности по српску књижевност, да му је осигурано одлично место међу првацима књижевницима не само у српству него и на читавом словенском југу. Његове су приче епохалне, јер не само, да се њима могу послужити филолози, него ће се њима користовати и они, који се баве културном историјом нашега народа. А сви, који су његове приче прочитали и проучили, сложиће се у томе, да Љубиша одиста заслужује име првог прозајисте и да га можемо уврстити међу најбоље и наоригиналније српске приповедаче. Он је са својим причама дигао себи споменик тврђи од камена. Како оно рече Лаза Костић? „Ако је ико, то си ти мога' испустити душу у вјери, да ће ти је народ прихватити у твојој књизи, те ћеш ти живјети њоме у народу, докле је траје.

Тодор Стефановић Виловски.

БЪЛГАРСКИЙ ОТДѢЛЪ.

Прѣдговоръ.

Съ тази книга мислѣхме да подадемъ на читатели-тѣ литературни членове на всички-тѣ Славянски язици. А гдѣ-то неможахме да осѫществимъ нашъто желаніе-то си, длъжни сме да кажемъ, е крива невъзможность-та да привлечемъ прѣдставители отъ всички-тѣ Славянски племена за да вематъ участіе въ това дѣло. Ній са надяваме че, съ издаваніе-то на „Славянскій Алманахъ“, съдѣйствоваме за запознаваніе-то на Славянски-тѣ язици и за утвърдяваніе-то на душевно-то съединеніе и взаимно дѣйствіе на Славяни-тѣ. Ако ли книга-та ни са удостои съ добъръ пріемъ, то занапрѣдъ ще можемъ да я премѣнимъ на всякогодишно изданіе и да допълнимъ сегашній-тъ недостатъкъ.

Иди, мила Славянска книго, и пѫтувай по всички-тѣ страни, въ кои-то подъ широко-распространени-тѣ вѣтви на Славянскій родъ са чуе Славянскій гласъ! Дано са посрѣщнешъ съ такъвъ привѣтъ, съ каква-то та любовь проваждаме.

I.

Съ Богомъ!

Съ Богомъ брате, съ Богомъ,
Че Турчинъ ма кара
Въ земя чужда,
Ма принужда,
Кат' овца въ кошара.

Укованъ и стѣгнатъ
Катъ злодѣй ма хваща,
Да гладувамъ,
Да жьдувамъ,
Въ Азія ма праща.

Неотkраднълъ нищо,
Нит' убіецъ станълъ.
Сам' възджхнахъ
И пошьпнахъ:
Родъ-тъ ни е паднълъ!

Пожелахъ да сбудя
Народъ-тъ си милій,
Да неможе
Да наложе,
Врагъ хомотъ си гнилій;

Сждба ми недаде
Планъ-тъ си да свърша,
Нъ азъ паднахъ
И робъ станахъ,
За жалъ, като мърша.

Хвърленъ ще да бжда
Въ земя пуста, чужда,
Отъ нашъ-тъ врагъ,
Немилъ, недрагъ,
И въ галѣма нужда,

Подъ строги стражари
Ще да бжда бѣденъ,
Ще гнія тамъ,
Въ нѣмота самъ,
И въ затворъ-тъ леденъ!

Народній-тъ милъ гласъ
Нѣма вечъ да чувамъ.
Ахъ все странно
Непрѣстанно,
За родъ ще бълнувамъ!

На чужда-та земя
Тѣло ми ще стане
Пепелъ и прахъ,
Тамъ сиромахъ
Животъ ще прѣстане! . .

II.

Тъмничари.

Ей прѣмилій ти мѣсичко
Що грѣешъ надъ нази,
Невидишъ ли що са сега
Въ отечество гази?

Мислятъ ли тамъ и за клѣти
Тъмничари бѣдни,
Кои само за милости
Сж сега тѣ вредни?

Помнятъ ли ни въвъ Българско
Наше драго, мило,

Кое-то са избавлява
От Султанство гнило?

Кажете ни свѣтли звѣзди
Що блѣщите горѣ,
Да ли мислятъ и за нази
Въвъ наше-то дворе?

Хладній вѣтре, милій вѣтре,
Що отъ къмъ насъ вѣешъ
И Балкански-тѣ лѣсове
Хладишъ и люлѣешъ;

Неможе ли ти да зачуйшъ
Дал' въ наша-та пазва,
Има нѣкой за добро ни
Нѣщо да приказва?

Явете ни, молимъ ви са,
Ще ли дни-тѣ черни
Да прѣстанатъ. И ще ли ни
Свобода-та зѣрни:

Ще ли уже желѣза-та,
Студени-тѣ гривни,
Тѣзи мжки, този товаръ,
Ще ли да са дигни?

Ще ли скоро да заздравятъ
люти-тѣ ни рани,
И начало на новъ животъ
Ще ли да ни хвани?

Или ние ще изгніемъ
Въ тъмници-тѣ хладни,
Въ отчаяне оставени —
Ахъ и още гладни? . .

III.

Въ тъменъ облакъ.

Въ тъменъ, грозенъ облакъ, са прѣмрачи
Красна-та денница,
И несвѣти, увн прѣкри свой зракъ
Въвъ пуста тъмница!

Ай за жалость лютій-тъ тиранинъ
Съсъ стрѣла утровна
Нарани, мѣжду крѣхки-тѣ ребра,
Другарка миловна!

Прѣдрага моя, пьрвій майскій день,
Ти умрѣ ужасно,
Ахъ, врагъ-тъ зарови въвъ гробъ студенъ
Тѣло ти прѣкрасно!

Ти са избави, да, невидѣ нищо
Що менѣ застигна,
Ти затвори бистри-тѣ си очи
Наведнъждъ прѣмигна;

Сълзи-тѣ ти скоро прѣсъхнаха,
Нъ азъ що дочѣкахъ?
Съ кърваво, за тебъ ранено сърдце,
Жалостно заплакахъ . . .

Ахъ неможа сълзи си да скрія,
Печаль да избѣгна,
Ахъ неможа рана да изцѣра
Спокойно да легна!

Само тогасъ болки ще прѣстанатъ,
Иначе неможатъ,
Кога-то тамъ въ гробъ-тъ гдѣ-то лежишъ
И менѣ положатъ! . .

IV.

Недей вече.

Недей вече жално рева
Милій нашъ Балканъ,
Че защо-то славній владарь —
Свобода е, каза, твой дарь
И ставашъ стопанъ!

Недей вече жално рева
Милій нашъ Балканъ,
Че защо-то твой-тъ юнакъ
Са изъ гробъ-тъ въздигна пакъ,
И ставашъ стопанъ!

Недей вече жално рева
Милій нашъ Балканъ,
Че львъ-тъ взе пакъ да живѣй
И на тебѣ вечъ да са вѣй
И ставашъ стопанъ!

Недей вече жално рева
Милій нашъ Балканъ,
Че защо-то нащо тѣгло
Поулекна, нее тъй зло,
И ставашъ стопанъ!

Недей вече жално рева
Милій нашъ Балканъ,
Че защо-то мръсній Урукъ
На, захвана да пада тукъ,
И ставашъ стопанъ!

Недей вече жално рева
Милій нашъ Балканъ,
Че за животъ става ревнивъ
На, до вчера, твой-тъ лѣсъ дивъ,
И ставашъ стопанъ!

Недей вече жално рева
Милій нашъ Балканъ,
Че защо-то вечъ си зеленъ
И у вченъ пролѣтенъ день,
И ставашъ стопанъ!

Недей вече жално рева
Милій нашъ Балканъ,
Че тръне-то ще е далечъ
И почена на роза вечъ
Ти да си стопанъ!

Недей вече жално рева
Милій нашъ Балканъ,
Че бухалъ-тъ не ще живѣй
А славѣй-тъ почна да пѣй,
И ставашъ стопанъ!

V.

Въ тъмна нощь.

Въ тъмна нощь, въвъ лошъ часъ,
На свѣтъ са роднхъ,
Ахъ бѣденъ, съ таенъ гласъ,
Животъ придобихъ!

Тогава бѣше ввредъ
На Българскій склонъ
Все мъгла. И азъ клѣтъ
На мракъ бѣхъ поклонъ;

Тогава околъ менъ
Съ остъръ ятаганъ,
Дьржеше нашій день
Строгій „ураганъ“.

Черъ бѣше пьрвій часъ
Въ кой-то свѣтъ видѣхъ,

И тѣжки отъ тогасъ
Мжки прѣтърпѣхъ!

Духъ-тъ ми все са кри
Въвъ тихъ, гробъ студенъ,
Ще не ще, тамъ да спи
Безъ да види день;

Звѣзда-та ми безъ мощь
Въ нѣмота сѣдѣ,
Тиха нощь, добра нощь,
Ей тя невидѣ!

Съсъ природній си гласъ
Пѣсень незапѣхъ:
„Жалостно е за насъ“
Отъ сърдце ревѣхъ;

Все въ сълзи и въвъ кръвь
Виждахъ нашъ народъ,
На робство че е пръвъ
И чужди имотъ!

Не сега не щж вечъ
Сухъ, робски животъ,
Тиранство е далечъ
И не сьмъ илотъ;

Неискамъ въ буренъ мракъ
Ази да умра,
А силенъ и юнакъ,
И въ свѣтла зора!

VI.

Любезній друже!

Любезній друже, честитъ си че умрѣ
И стана жертва за свободенъ животъ,
Безцѣнно нѣщо тукъ, на този свѣтъ,
Кое-то заслужва награда навредъ,
И дава смьртнику най-легкій кивотъ!

Кога-то завърнѣ въ наща родина,
И славно загърмѣ нашій-тъ собратъ,
Повстана съ орѫже срѣщу лютій врагъ,
Време е, каза ти, да падне до кракъ,
И нещѣ да бѫдешъ кат' други Сократъ;

Упоенъ отъ любовь за родно добро,
Потърчѣ нанапрѣдъ за да го слѣдишъ,
Да измійшъ юнашки съ огънь и съсъ кръвь
Прадѣдній-тъ грѣхъ. „Да, и ти бѣше пръвъ
Гдѣ-т' нещѣ съ надѣжди само да лѣжишъ.

Топовній ѣкъ и громъ не та оплаши,
Нъ повечъ придоби дързость и сърдце,
Кат' прѣзрѣ да си членъ на мирній-тъ кржгъ
Пожела и стана на „дружина“ другъ,
Нъ закри вечно ахъ, свое-то лице!

Твой примѣръ юначе прѣдъ нази сѣди
И гласи: „на виждте, за туй бѣхъ роденъ,
Да слѣдвамъ и до смърть най-добра-та часть,
Коя-то събори тиранска-та власть
И даде да свѣтне у насъ ясенъ день!“

VII.

Кой би казалъ.

Кой би казалъ, драга розо,
Че ще да повѣхнешъ,
И че така прѣди време
И ти ще да крѣхнешъ!

Невѣрвахъ че прѣставашъ
Да са зеленѣешъ,
И че безъ цвѣтъ въ пролѣть-та си
Ще да са люлѣешъ.

Или видѣ че нѣма кой
Вечъ да та полива,

Сутринь-вечерь да та чисти
И да та зарива?

Или позна че нѣма кой
Цвѣта ти да бере,
Да го боде на гърди си
Гдѣ-т' сърдце трепере?

Че нѣма вечъ да го свива
На красни бугете,
Да го дава на драгій си
Съ радость въвъ ржцѣ-тѣ?

Вѣхни, чернѣй, драга розо,
Въ моя-та градина,
Нека двама станемъ на прахъ
Въ тъсъ черна година!

VIII.

Сънь.

„Какъ жално са прѣклонило
Всѣко сътворене,
О, какъ смутно са склонило
Чѣка провидѣне!

Гъста мъгла векъ покрива
И нощь прѣдвѣщава,
Страшно бура-та завива,
Трепетъ обѣщава!

Черни облаци прѣкриха
Съ тъмнина прѣзрѣна,
И безъ милость промѣниха
Рай-тъ. Адъ почена;

Силенъ трѣсъкъ, ахъ, запука
И взе да наказва
Всичко наредъ съсъ сполука,
И нищо неспазва;

За все драго околъ менѣ
Надѣжда отнѣма,
Ай, все живо ще извѣхне,
Не, спасене нѣма!

И извикамъ прѣотчаянъ
Умирамъ горкана,
Нъ са сбуждамъ и замаянъ
Виждамъ: страхъ прѣстана!

IX.

Отлѣтѣте.

Отлѣтѣте далекъ отъ насъ
Гарвани и врани,
Неграчете жъдно, грозно,
Надъ твари продрани!

Оставете нащи братя
Въ покой, прахъ да станатъ,
Некъсайте мѣса-та имъ,
Болки некъ прѣстанатъ;

Нека нащи майки черно
Отъ глави откріятъ,
И некъ, бѣдни, кървави си
Сълзи да отріятъ;

И спокойно да заровятъ,
Свой-тѣ мили жъртви,
Както трѣба. А ви виждте
Други сгодни мъртви!

Отлѣтѣте въ пусти гори
Гарвани и врани,
Неграчете жъдно, грозно
Надъ твари продрани!

X.

Ето и на истокъ.

Ето и на истокъ,
Тамо на Балкана,
Въ Славянскій край,
Въ природній рай,
Накъ животъ захвана!

И надъ тая земя
Сълнце-то просвѣтна,
И мѣсецъ май
Ще тамъ да трай,
Пустиня процвѣтна!

Да, суха-та липа
Наново израстна,
И прѣсенъ цвѣтъ,
За Славскій свѣтъ,
Става китка красна;

Бѣлій, червенъ шипокъ
Взе да са развива,
И миризъ милъ
Надъ дивъ осилъ,
Виждте какъ надвива!

За Славянска слава
Робскій плачъ прѣстава,
А славѣй пѣй,
И зефиръ вѣй,
Българинъ повстава;

Клѣтій тезъ Славянинъ
Изъ затворъ излѣзва,
Съсъ братски гласъ
Вижда благъ часъ,
Въ човѣшкій кржгъ влѣзва;

За Ясенювъ вѣнецъ
Съсъ воля сьгражда
Надналій дворъ,
О, нѣма моръ —
Свобода са ражда!

В. Хр Радославовъ.

Неволно пѫтуване.

I.

Блѣстяща-та зорница са вече упѫтваше кѫмъ природно-начьртания си пѫть, като прибързваше да скрие свои-тѣ електрическо-златни лучи задъ щитъ тъ на Западъ. въ лице-то на огромно-висока-та скала, за да избѣгне отъ владѣтель-тъ на свѣтлина-та. Нощна-та тишина още владѣеше въ пѫлнота-та си, само сутрѣнний вѣтрецъ я безпокоеше съ своя нѣженъ дискантъ, подпомаганъ отъ алтово-то шумтение на малка-та нъ бистра рѣчица. Въ туй врѣме зачу са тихо штапкание отъ горна-та часть на градъ-тъ: бѣше то Стоянъ, кой-то, уморенъ отъ цѣлонощно-то стражарување, са завращаше въ скромна-та си кѫщичка за да си отпочине. Драга-та му сѫпруга, Еленка, заедно съ свои-тѣ дѣца, са намираше още въ сладость-та на сънь-тъ кога-то той бутва порта-та, де-бешкомъ възлиза стълба-та и влиза въ стая-та.

„Ахъ, колко сладко спатъ мои-тѣ ангели! наредени едно до друго като рибички, налѣгали отъ двѣ-тѣ страни на майка си, като малки пиленца при крила-та на квачка-та! . . . . сумтатъ си спокойно! . . . . а туй мое малко .Летенце колко то си е красно, още по-красно го правятъ заклопени-тѣ му очички, черни-тѣ му тънко-извити вѣждички, ружови-тѣ му устица . . . . . живо исписано шестокрилато ангелче!“ каза въ себе си Стоянъ съ усмихнато лице. .Легкичко са приближи до ухо-то на Еленка, и й пошѫпна: „Еленке! дойдохъ си. Ще лѣгна да си поспа оттатакъ въ друга-та стая, нъ внимавай да бѫде тихо, догдѣ стана.“

„Добрѣ, негрижи са“, отговориха устни-тѣ й и заклопиха са отъ ново клѣпки-тѣ й.

Не са мина много, откакъ Стоянъ са бѣ прѣнесълъ въ область-та на нечувствителния сънь и въздухъ-тъ затреперя,

страшния Крушовъ гръмъ са разлѣ по цѣло-то пространство, послѣдваха го веднага други, трети, четвърти и пр. тжи, щото градъ-тъ са обжрна на втора Помпея и очакваше отъ часъ на часъ нещастие-то си отъ кратеръ-тъ на искуственний Везувий; мжгновенно улици-тѣ са пошжлниха отъ уплашено-то население; птици-тѣ отъ различенъ родъ са разхвжркаха изъ въздухъ-тъ и тжрсяха спасение-то си въ отвори-тѣ на естественна-та синосоидова крѣпость, а бѣдна-та Еленка, замаяна, тича насамъ, тича натамъ по скромничкия дворъ, повиква туи, повиква онуи отъ дѣчица-та си, чупи ржцѣ, почесва са начесто отъ притѣснение, като са нерѣшаваше да събуди драгия си сжпругъ, кой-то едвамъ що бѣше заспалъ!

„Не! трѣбва да го събуда", каза тя, „тоя гръмъ непрѣдвѣстява добро." Възлѣзе горѣ, скржцнаха са врата-та и, по-легко и отъ муха-та, приближи са до постелка-та му.

„Стоенчо!" пошжпва, като го побутва тжи нѣжно, тжи легко, щото будния человѣкъ едвамъ би усѣтилъ. „Стоенчо!" повтаря тя, „я стани да отидешъ въ назаръ-тъ да видишъ що са тамъ чини: струва ми са, че пакъ има нѣкакво смжщение; не чувашъ ли гърмежъ-тъ?"

„Да", отговори тъмно Стоянъ, като отвори тѣжко клепачи-тѣ си и, безъ да губи врѣме, става, облича са взема кремени-тѣ пищови, забадва ги на поясъ-тъ си и тржгва. „Хж!" проговори, като са вржцна назадъ, „дай ми тамъ отъ полица-та текъ-тъ, моя Архангелъ хранитель, и наостренния ножъ; може би да са случи да са опитатъ надъ башибозушка-та глава колко вѣрно умѣятъ да ми служатъ. А ти, моя мила, имай виижги дѣтца-та около себе си за въ всѣкакъвъ случай и ма чакай тукъ, догдѣ дойдж".

II.

Малко слѣдъ заминуване-то на Стояна, неспокойна-та Еленка излѣзе на улица-та, гдѣто са чуваха жални викове, за да са научи какъвъ е тоя гърмежъ. Съ отваряние-то на порта-та съглѣжда купъ народъ, прѣблѣднялъ, прѣжжлтялъ, като восжкъ, всякой говори, никой неслуша вавилония, като въ Турска баня, дѣца реватъ, пищатъ . . . . . „глѣдайте, глѣдайте!" извиква една бабичка, коя то само внимаваше на смжтения народъ и уплашено са разглѣдваше по вжрхове-тѣ на ближна-та скала, като че ли очакваше оттамъ опасность-та си,

„глѣдайте, какъвъ черенъ димъ са издига задъ Турска-та махала „Дикисанъ“, разширява са бързо и . . . . . ето че са приближава и къмъ насъ! Туй не е добъръ знакъ! Бѣгайте, да бѣгаме! Отидоха горки-тѣ мъже!“ плесна съ двѣ-тѣ си ржцѣ и прихана джука-та си. „Тѣ нещо могатъ да додатъ и да ни извѣстатъ. Туй неприлича на непріятелско нападение! Слушала съмъ отъ дѣда си, че земя-та са пука и засипва всичко, що са намѣри наоколо, съ огънь. Твърдѣ прилича туй на таквосъ нѣщо!“

„Не“, отговори едно младо разумно дѣвойче, съ златосребърни расперени коси порамена-та, изъ коралови-тѣ си устни, „подобно нѣщо е невъзможно у насъ, то е свойственно само на волканически-тѣ страни. Туй, прочее, е непріятелско нападение! тоя димъ е излѣзалъ и излиза отъ пещера-та на Крупово-то искуство, подъ команда-та на Бертхолдъ Шварцовия прахъ; ето! неусѣщате ли, че захвана да мирише на задушливия сиперъ? — Хж! я слушайте я! . . . . . какъ захвана наблизу да са плющи! то произлиза отъ растопено-то смьртоносно олово, кое-то като прѣлѣтява отъ цѣви-тѣ на Мартини, лѣпи са тамъ отсрѣща на скала-та. А какво би станало, ако всичкия тоя растопенъ жаръ са лѣпеше на человѣческо то тѣло?“

„Олеле! Страшно!“ викаха много гласове, като покриха лице-то съ ржцѣ-тѣ си и захванаха да са пржскатъ по кжщята си.

Дѣйствително плющение-то до толкова бѣше са умножило, щото само нѣколко часа бѣше нуждно на Хасанови-тѣ хорди да прѣобжрнатъ тоя природенъ гранитъ въ оловяна стѣна.

Еленка, слисана, остана като здървена при рогъ-тъ на улица-та, глѣдаше насамъ, глѣдаше натамъ, като пололуда и несъзнателно изговаряше: „ами мой Стоянъ, ами мой Стоенчо, кждѣ е, кждѣ остана, какво направи?

III.

Стоянъ догдѣто да пристигне до скромни-тѣ, набързо направени, позиции на „Червенъ-брѣгъ“, лѣтящи-тѣ Черкези расперихa свои-тѣ орлови крила и зинаха чрѣзъ гжрла-та на Мартини, като че ли искаха на веднажъ да погълнатъ наши-тѣ, кои-то, въ туй врѣмя зашанчени тукъ, крияха отстжпа-

ние-то на казаци-тѣ съ два-та горски топа; застоя са минутно подъ поли-тѣ на тоя брѣгъ и ето, че захванаха наши-тѣ кракъ за кракъ да отстѫпятъ кѫмъ срѣдни-тѣ Турски гробища. Черкези-тѣ на сбуни като че никняха! Като вижда, че и тукъ защита та е невъзможна прѣдъ кубическа та неприятелска сила, хваща си джо-то на гащи-тѣ и съ гигантски крачки са опѫтва дома си.

Прѣзъ мостъ-тъ, кой-то съединява два-та населени брѣгове на р. Осѫмъ, бѣше му невъзможно да прѣмине, защото бѣше заприщенъ отъ селяни-тѣ на близосѣдни-тѣ Ловчански села, кои-то бѣгаха отъ дивий Турскій ножъ; принуденъ бѣше да прѣгази рѣка-та. Безъ да дава внимание на измокруване-то си, прѣцопа я на́двѣ на́три и криволичаше вече изъ криви-тѣ тѣсни улици тѫй бѫрзо, щото, при всички-тѣ смѫщения и викове отъ попѫлнения по улици-тѣ народъ, невиждаше и нечуваше нищо. Слѣдъ нѣколко минути пристигва до улица-та си, дѣто заварва бѣдна-та си полузумѣла сѫпруга, коя-то, като го съглѣдва, растреперено са хвѫрля на шия-та му и извиква: „Стоенчо, драгий Стоенчо! казвай! що е, опасно ли е?“

Всички-тѣ присѫтствующи, на кои-то изпѫкнали-тѣ очи бѣха обѫрнали поглѣди-тѣ си кѫмъ Стояна, като че ли отъ него очакваха спасение-то си, повториха Еленкини-тѣ думи съ по-голѣмъ крясъкъ.

„Чакайте малко! . . . . . немога да си съвзема душата! . . . . . силно-то биение на сърдце-то ми ма безпокои! . . . . . Голѣма опасность! Спартански бой са разви долу въ Срѣдни-тѣ гробища! Казаци-тѣ отстѫпиха. Наши-тѣ продължаватъ да са държатъ; надгробни-тѣ Турски плочи сѫ тѣхни-тѣ щитове; тѣ имъ служатъ както стари-тѣ Термопили. Нъ тукъ непомага никакво Темистоклово юначество, никаква Аристидова дързость прѣдъ огромно-то количество диви Черкески хорди! струва са да никнатъ, като гѫби въ росни-тѣ Майски дни. Само като извикатъ по двѣ несвѫрзани думи, всичко става на прахъ и пепель. Боя са да не стане градеца ни втора Милтияда! Бѣгайте да избавимъ поне души-тѣ си!“

Догдѣто треперящи-тѣ Стоянови устни изрѣкоха послѣдни-тѣ думи, всички-тѣ са растичаха . . . . . .

„въ Черква!“ викаха едни;

„кѫмъ Монастиръ-тъ!“ викаха други;

„въ гора-та!“ викаха трети, а Стоянъ улови уплашената си съпруга за ржка-та и прѣлѣтѣ къмъ дома си.

Тукъ заварва всички-тѣ си родини и дѣца готови за бѣгъ, като приготвили и цѣла стива съ вързаници да носатъ съ себе си.

„Иванке, Марийке и всички, вземайте дѣтца-та на хайде да бѣгаме!“ извиква Стоянъ.

„Тейко! ами вързаници-тѣ?“

„На страна!“

„„Да заключимъ къща-та“ казва Еленка, „за да и необератъ.“

„Тейко! ами какъ ще напустнемъ толкова сахани, черги и . . . . . ?“

„Не ми споменувайте! извиква сърдито Стоянъ. „Оставете всичко па хайде!“ Навежда са, взема всички-тѣ вързаници една по една и ги нахвърли въ готварница-та.

IV.

Отдѣли са добрия къщовникъ отъ бащино-то си огнище — отъ стария си домецъ, като проканаха отъ двѣтѣ слънца на лице-то му нѣколко едри горѣщи сълзи! притѣснение-то, жалость-та му изобразяваше само-то лице; множество студени капки потъ покриха високо-то му чело, очи-тѣ му приняха кървавъ видъ, морски вълни, произведени отъ тая неочаквана горчива скърбъ, прѣгълташе отъ часъ на часъ и, упоенъ отъ разни-тѣ мисли и въображения, кои-то твърдѣ бързо са прѣвъртяваха прѣзъ колело-то на умъ-тъ му, крачеше съ исполински крачки къмъ пѫть тъ ушъ на спасение-то. Доста голѣмичка-та му наброй фамилия го слѣдваше, безъ всякакви напомняния, само сегасъ тогасъ са чуваше растрепериия гласъ на бѣдна-та му съпруга: „хайде, мама, хайде, потичквайте да излеземъ по-скоро отъ градъ-тъ, че инакъ ще ни застигнатъ Турци-тѣ па ще ни заколятъ! вървете само скупомъ за да са неизгубите изъ множество-то.“

Излизаха вече отвънъ градъ-тъ, когато Черкези-тѣ са появиха на върхъ-тъ на Чилинска стѣна и почнаха да поздравяватъ долу населенне-то съ безбройно количество смъртоносни шикалки, съ кое-то прѣсѣкоха правия му пѫть; принудено бѣше да обърне своя-та надѣжда къмъ посока-та на Сливѣкъ. Тукъ зрѣлище-то бѣше още по-грозно, по-тра-

гическо: отъ Чилинска стѣна хвѫрчаха надолу глави, да, и цѣли трупове са разбиваха долу у огромни-тѣ балвани! Свирение-то на пикалки-тѣ изобразяваше нечуенъ искуственъ концертъ: четвьртини, осмини, шестьнадесетини, често и цѣли ноти свѫрщваха роля-та си на сцѣна-та на человѣческото тѣло! „охъ, умрѣхъ, свѫрщихъ, убиха ма, помогнете ми“, отчаяни пѫшкания, украсѣваха тая сцѣна.

Стоянъ, заедно съ фамилия-та си, са кръстосваше насамъ натамъ изъ навалица-та, като глѣдаше само да избѣгне смьртоносния ударъ, кой-то всѣка минута го грозеше. Като са приближи до малка-та долинка на прѣдния-та ископана, а сега запустѣла, вада, извика: „Хѫ! тичайте тукъ; тая долинка ще ни позапази малко . . . . . .“

„Охъ майчице!“ изрева диво единъ младъ момъкъ, нѣколко крачки прѣдъ Стояна, надъ едвамъ застрѣлена-та си майка и хопъ на гѫрбъ-тъ си да я носи.

„Тѣжко е побратиме!“ извика му Стоянъ, „остави мьртвия лешъ да си почива, а ти бѣгай догдѣ е врѣме!“

Обѫрна са младия момъкъ изведнажъ назадъ, погледна Стояна, клюмна глава, сложи драга-та си майка полегка на земя-та, цѣлувна я умилно, възздѫхна силно, порони сѫлзи надъ чело-то ѝ, поизглѣда я на послѣденъ пѫть и упѫти са пакъ напрѣдъ.

Стоянъ съ единия си зеть — Михалъ, минуваше вече „Дужския потѣнота-та си, а Мачинския по блатливость-та си пѫть на „Трай-Дянка“. „Охъ, затѫнахъ!“ извика Стоянъ, „изздѫрпай ма зетко че . . . . . хѫ! остана ми пантофъ-тъ въ тиня-та. Станахъ вождѣ калъ!“ оглѣдва са и, поглѣдва назадъ. „Ахъ! . . . . . Еленке! гдѣ останаха дѣтцата? какъ тѫй ги изгуби, или Турския курщумъ прѣкѫсна нѣкждѣ сили-тѣ имъ?“

Еленка, съ растреперени нозѣ, едвамъ пристѫпаше. Жалость-та и страхъ-тъ бѣха отнѣли всички-тѣ ѝ сили.

„И азъ сама незнамъ“, каза тя съ половина душа, „мислѣхъ, че идатъ подирѣ ми, нъ кога са обѫрнахъ, кого да вида? хора много, разтичали са, като скакалци, всѣкой тѫрси спасение-то си. Позастанахъ да са разглѣдамъ нъ. . . . . “, закапаха порой сѫлзи отъ очи-тѣ ѝ и прѣкѫсна са говоръ-тъ ѝ минутно. Стоянъ, уковань въ ужасъ, съ растворени уста, съ испѫкнали очи, като че ли искатъ да стрѣлатъ, съ опнати

на долу ржцѣ и растворени прьсти, стоеше, прѣобѫрнатъ на камакъ, и слушаше съ внимание притурени-тѣ нещастия, кои-то растреперения гласъ на нещастна-та майка едвамъ изричаше чрѣзъ вчезнали-тѣ са челюсти.

„Нъ множество-то“, продължи тя, „туй множество народъ, кое-то верѣдъ задушливия димъ са мерджѣеше, поставяше отъ часъ на часъ завѣса прѣдъ очи-тѣ ми, и азъ неможѣхъ да вида никого отъ наши-тѣ. Видѣхъ само, недалеко отъ мене, какъ единъ срѣденъ человѣчецъ слагаше жално въ обятия-та на черна-та земя свое-то, убито въ прѣгръдки-тѣ му, дѣтенце. Уплашена да не сполѣтя и моя .Летка сѫща-та сѫдба, побързахъ да Ви застигна.“

Въ сѫщия мигъ ужасенъ викъ, който заглушаваше цѣла-та вавилония, привлече поглѣдъ-тъ на Еленка.

„Ейле!“ извика тя, „я виждъ Стоене какъ оня Черкезинъ е пропустналъ конь-тъ си изъ тѣсна-та пѫтечка на Чилинска стѣна! маха изъ маса-та съ блѣскава-та си сабя и прави хорски-тѣ глави да хвѫрчатъ около му като пчели!..... Кѫмъ насъ тегли!..... Бѣгай Стоене и ти зетко, а азъ полегка-легка ще Ви слѣдвамъ!“

Хукнаха двама-та мѫже на бѣгъ изъ криволици-тѣ на каманакъ тъ, като невиждаха вече земя подъ себе си. Като излѣзоха на поляна-та, позапрѣ ги любопитство-то за да видатъ дали сѫ избѣгнали. Потъ, като порой обливаше лица-та имъ, сърдца-та имъ бияха, като солдатско тремпе, нозѣ-тѣ имъ, ослабнали, прѣгѫваха вече свои-тѣ стави прѣзъ колѣна-та, кога-то зачуха тупотъ-тъ конский и гласъ-тъ на страхъ-тъ: „Черкезъ, черкезъ“. Сега сила-та имъ са утрои, но помощьта бѣше малка, защото настанали бѣха равна поляна, конский приятель, а тѣхна загуба.

Приближаваше са вече исправения на конь-тъ рицаръ, облѣченъ съ дълга хѫбяна антирия, окичена на гѫрди-тѣ съ нѣколко калѫпи за фишеци, отпрѣдъ на крьстъ-тъ повѣсенъ двойностъръ мечь, на рамо Мартинка пушка, въ дѣсна ржка обнажена сабя, готова да отнѣме глави-тѣ на двама-та наши бѣгающи, а въ лѣва-та кормило-то на хвѫркатия конь, когато „хопъ!“ прѣдъ него са потѫркулява зеть-тъ Михалъ и завзема револверъ-тъ на око-то си. Догдѣ-то юзда-та да въспрѣ физическа-та сила на конь-тъ и блѣстяща-та като огѫнь сабя да изгуби една-та личность отъ сцена-та на позо-

рище-то, „намъ!“ една рана отъ револверъ-тъ на зеть-тъ и „хунъ“ прѣкачури са Черкезинъ-тъ отъ конь-тъ си долу.

Догдѣ-то да са съвземе да повика тесть-тъ си, гърмежъ-тъ накара Стояна да са спрѣ, кой-то като видѣ потжрколения Черкезинъ, вжрна са.

„Тжй за тебе!“ извика най-сѣтнѣ радостно Михалъ. „Глѣдай тестио какъ прострѣхъ наша-та смьрть прѣдъ нозѣтѣ си! я виждъ отъ злоба какъвъ са е испилъ проклетия разбойникъ, очи-тѣ му влѣтѣли, ябалки-тѣ подъ очи-тѣ му са избочили, като планини, между носъ-тъ и брада-та са проджнила цѣла долина, а на брада-та му останали само нѣколко косама! Земи прочее ти мечь-тъ и пушка-та му, а азъ сабя-та му и да го оставимъ на Промитейова-та сждба.“

V.

Минува Еленка покрай тѣло-то на Черкезина, изглѣдва го съ удоволствие и ..... „дано ти куче бждеше онзи, който щѣше да истржгне душа-та ми! Ахъ, какъ захвана сърдце-то ми да усѣща радость, като че ми прѣдизвѣстява нѣщо добро!“ говори Еленка на себе си и продължава пжть-тъ си съ пжлна надѣжда, че ще застигне живи и здрави другари-тѣ си. Излиза вече надъ стѣна-та срѣщу чифликъ-тъ и са разглѣдва. „Ха! ония сж . . . . тѣ сж! хайде мама да слѣземъ полегничка изъ тая стѣна пакъ ще си починемъ, като пристигнемъ тейка ти: ето го хе! гдѣ ни чака“, говореше тя на малка-та си „летка.

Минуваха подъ поли-тѣ на стѣна-та, покрай брѣгъ-тъ на рѣка-та и са приближаваха вече кжмъ Стояна, кой-то ги чакаше край ливада-та.

„Побжрзай Еленке побжрзай“, извиква полѣгка Стоянъ на приближающа-та са нещастница, „ето тука сме, още живи; стопихме пити-тѣ на онзи изедникъ, испратихме го да свѣтува въ рай-тъ си. Ето тукъ наблизичко подъ тая малка горица има една пещерка, крита отъ една гжста тухичка; въ нея ще са скриемъ, догдѣ-то угасне день-тъ, та че каквото Богъ даде“.

„Охъ! добрѣ че Ви видѣхъ, инакъ бѣхъ изгубена!“ проговори Еленка. „Вече сили-тѣ ми са прѣсичаха, кога-то видѣхъ прострѣно-то, облѣно въ кръвь, злодѣйско тѣло; черния му хайдушкий пирчимъ покриваше грозно-то му почернѣло лице; то като че ми нови сили достави, та са довлѣкохъ дотукъ“.

„Хайде сега да негубимъ врѣме, да са въскачимъ на посочено-то намъ отъ Бога мѣсто“ каза Стоянъ и тръгнаха.

VI.

Въ три четире-метрова дължина, полуелипсовита пещерка, покрита въ една страна съ зеления мѫхъ, въ друга — попзмокрена отъ студени-тѣ капки, кои-то постоянно са прѣцѣждаха прѣзъ стѣни-тѣ и, постлана съ едно множество козени черни маслинки, заназена прѣдъ слънчеви-тѣ лучи отъ навѫсения гранитовъ вѣнецъ и отъ гѫста-та люлякова туха, наклѣкали рѣдомъ, облегнати у задни-тѣ стѣни на студена-та скала, нѣколко нещастници жени, коя съ нѣкое по-възрастничко дѣтенце при себе, коя съ малко отроче въ ржцѣ, а нѣкоя пжкъ съ скрьстени ржцѣ, изглѣдва като че са окайва, за гдѣто не е загинала заедно съ своя сѫпругъ, съ свои-тѣ мили рожби или съ свои-тѣ братя и сестри. Отчаянно, тжи, бѣха замислени, кога-то наши-тѣ пжтници единъ по единъ са испрѣчиха прѣдъ очи-тѣ имъ. Поусмихнаха са, като ги видѣха, и пророниха сѫлзи, кой знае дали отъ радость или веднага си напомниха за свои-тѣ!

„Ехъ, мили сестри!“ проговори Еленка умилно кѫмъ всички-тѣ, „дочакахме най-сѣтнѣ и тукъ да са видимъ!“

„Нека Богъ обраща на добро,“ проговори Стоянъ тьмно.

VII.

Еленка сѣднала бѣше отъ една-та страна на рѣдъ-тъ близу до мѫжъ-тъ си, отчаянно подпрѣла натегнала-та си глава на двѣ-тѣ свои трѣперящи ржцѣ! отъ очи-тѣ ѝ, облѣни въ кръвь, отчасъ начасъ падаха по нѣколко едри сѫлзи, като блѣстящи метеори въ въздухъ-тъ подиръ горѣщо врѣме! хвѫрлена бѣше въ лабиринтъ мисли една отъ друга поскърбни. Да, начесто хвѫрляше умиленъ поглѣдъ кѫмъ единичка-та си избавена рожба, коя-то бѣше сѣднала току до колѣно то ѝ, дълбоко изохкваше и я целувняше. Малко-то туй дѣтенце, слисано, несмѣеше да си отвори ружови-тѣ устица, сътворени тжи, като да сѫ готови да са засмѣятъ, за да проговори на нажалена-та си майчица, или да я попроси за комаче хлѣбецъ, както то обикновенно правяше; само я глѣдаше невинно въ сами-тѣ очи съ свои-тѣ малки чернушки, като че ли искаше съ туй да ѝ намали тѣгость-та; напротивъ

то още повече раздразняваше наранено-то й сърдце, като й напомняше за останали-тѣ си изгубени сестрички.

Стоянъ, полулѣгналъ на страна-та си, съ подслонена на дѣсна-та си ржка глава, обжрналъ погледи-тѣ си кжмъ красния природенъ изгледъ, като положилъ Черкезка-та пушка отпредѣ си на стража. „Догдѣ-то тжи са разглѣдваше, като си напомняше за свои тѣ сѣчасти градини, мѣрна му са нѣщо предъ очи-тѣ, тамъ долу въ вжрбалакъ-тъ при брѣгъ-тъ на рѣка-та. Вни силно зракъ-тъ си кжмъ тая страна, като са мжчаше да открие що е.

„Ейле! человѣкъ . . . . . Българинъ . . . . . нашенецъ . . . . . съ дълга черна дрѣха, прѣпасанъ съ синъ шалъ, дълги черни коси покриватъ рамене-тѣ му, гологлавъ, бѣдния, уплашенъ силно, узира са насамъ натамъ! . . . . . “ пошжпна Стоянъ. Всички-тѣ обжрнаха вниманне-то си надолу, нъ не съглѣдваха още нищо. Стоянъ немахваше очи-тѣ си . . . . . „Хж!“ повтори, „това е попъ-тъ! . . . . . нашия попъ, ще го повикамъ. Попе!“ извиква съ легкъ гласъ. Попъ-тъ на часъ-тъ са обжрна и съглѣда Стояна. Стоянъ махна съ ржка и . . . . . попътъ прѣпжлзя кжмъ него.

„Сиромахъ попе, какво си испатихме!“

„Мжлчи сега“, пошжпна свѣщенникъ-тъ, „защо-то, като бѣхъ долу подъ яръ-тъ, съглѣдахъ двама Черкези съ единъ конь, че идяха насамъ и ще минатъ прѣзъ тоя пжть.“ Всички-тѣ съ растворени уста бѣха наднели ухо-то си по близу кжмъ свѣщенникъ-тъ да слушатъ. „Ако да небѣше ми са обадилъ щѣхъ да загина, пакъ можѣхте и Вни да пострадате“, продължи свѣщенникъ-тъ. „Дай и менѣ едно отъ оржжия-та си и да са приготвимъ за въ всѣкакъвъ случай. Ако би да ни нападнатъ, съ едно пушкание ще ги свалимъ, нъ ако ни невидатъ и си заминатъ, ще си мжлчимъ, защо-то инакъ би било за насъ опасно: отодѣве, като бѣхъ долу, зачухъ надъ насъ въ лозя-та крѣсъкъ; съ изгърмѣвание-то може тамшни-тѣ мжчители да чуятъ, да са притичатъ отъ тамъ тукъ и, конецъ съ насъ.“

„Да . . . . . ето зададоха са!“ каза Михалъ, кой-то неодмѣщаше погледи-тѣ си отъ оная страна, кжмъ кой-то бѣше свѣщенникъ-тъ посочилъ.

Настана мъртва тишина. Всѣкой са сви кжмъ земя-та и, въ единъ мигъ, са прѣобжрнаха на статуи. Стоянъ, свѣ-

щенникъ-тъ и Михалъ, Стояновия зетъ, взеха близу до очитѣ си оржжия-та и очакваха случайтъ.

Двама-та черкези са спрѣха долу на пжть-тъ, тъкмо въ права линия съ пещера-та.

„Дали не ще има тукъ нѣкждѣ скрити нѣкои гяури за да наостримъ ножове-тѣ?“ проговори единиятъ изъ басовии си гласъ.

„Невѣрвамъ“, каза другия, като посви рамо-то си, „защото тѣ бѣгаха повечето кжмъ оная страна, тамъ кжмъ лози-та.“

„Като е тжй тукъ нѣмаме работа“, каза първия.

Размѣтаха пешови-тѣ на дълги-тѣ си антирии и заминаха.

„Изминаха!..... слава Богу! И тукъ Господь ни запази.“ пошжпна свѣщенникъ-тъ. Всички-тѣ въ единъ мигъ, като подъ команда, издигнаха глави-тѣ си, тъмни-тѣ имъ лица промѣниха краски-тѣ си, като изобразяваха благодарность и задоволствие.

VIII.

Слънце-то бѣше вече изминало полуденникъ-тъ си и са упжтваше кжмъ Западъ за да угасн по-скоро день-тъ и да даде сгодно врѣме на наши-тѣ страдалци за избѣгване. Гърмежъ-тъ отъ часъ на часъ прѣставаше, догдѣ най-сѣтнѣ умлжкна съвсѣмъ. Малки-тѣ пѣващи птиченца захванаха да разливатъ сладкия свой соловий гласъ изъ въздухъ-тъ. Най-сѣтнѣ мракъ-тъ пристжпваше кжмъ прагъ-тъ на нощь-та, като бѣше готовъ да изригне изъ Драконови-тѣ си уста тъмния облакъ и да покрие цѣла-та околность.

Тукъ тамъ захванаха да трѣптатъ по небосклонъ-тъ огненни-тѣ звѣзди; блѣстяща-та Венера са горделиво переше, като церица, съ Клеопатрина-та си хубость; нъ нито тя, нито нейни-тѣ другарки бѣха въ състояние, чрѣзъ своя-та свѣтлина, да издадатъ наши тѣ страдалци на Турския сатжръ.

За щастие, неприятель-тъ на подобни случаи и на злодѣйци-тѣ — мѣсецъ-тъ, трѣбваше да изгрѣе кждѣ разсжмване.

Настана напжлно нощна-та тишина. Не са чуваше нищо повече, освѣнъ тукъ тамъ жално-то завивание на псета-та, кои-то, подплашени отъ силния гърмежъ, бѣха изгубили свои-тѣ господари и са скитаха по лозя-та.

„Врѣме е вече да напустнемъ туй наше приврѣменно прибѣжище, да му поблагодаримъ и да тръгнемъ“, каза Стоянъ.

„Да, нетрѣбва бавение“, отговори свѣщенникъ-тъ.

Прѣкрьстиха са, както обикновенно правятъ православни-тѣ при почванне-то на нѣкоя работа, и единъ поединъ, слизаха отъ малка-та скаличка. Биенне-то на сърдце-то имъ са удвои. Като овчаръ овце-тѣ, Стоянъ, съ обнажена сабя намѣсто гавалъ и съ пушка Черкезска намѣсто кривакъ, ги поведе напрѣдъ, а подирѣ имъ вървеше свѣщенникъ-тъ и Михалъ.

По-тихо и отъ змия-та, пропълзѣха безопасна-та ливада и кривнаха прѣзъ мамулакъ-тъ за да слѣзнатъ въ Сливѣшката околность.

„Стойте!„ пошепна Стоянъ, „тукъ наблизу при колибата са блѣщукатъ искри отъ огънь ..... Слушайте, какъвъ подземенъ женски врѣсъкъ са чува! Да кривнимъ прѣзъ кайрякъ-тъ за да не испаднемъ на нѣкои Хасановци. Вървете подирѣ ми!“

„Охъ! умразенъ пѫть!“ промърмора Свѣщенникъ-тъ, „нозѣ-тѣ ми са попълниха съ бодила отъ диво-то трънье! А тия малки бодливи камачета още повече ма безпокоятъ, като че ли на ножове стѫпамъ“.

Горки-тѣ жени и дѣтца несмѣяха да проговоратъ, като са бояха да не стане канарския имъ дискантъ причина на издайство; само слѣдваха водачи-тѣ си, като една понакуцва, друга свива рамо, третя отъ часъ на часъ поповдигва нога, чумари са, а четвърта по прѣхапва начесто джюка. Да, отъ часъ на часъ чуваха са силни вѫтрѣшни, нъ безгласни пѫшкания, като кога вървяха по желѣзни-тѣ нагорѣщени инквизиторски плочи. И наистина прѣвързани-тѣ имъ отъ черния мракъ очи ги караха да стѫпятъ на най-бодливи-тѣ трънье, на най-изострени-тѣ отъ природа-та камачета.

„Охъ, мамо, убодохъ са! немога вече да вървя!“ проговори по едно врѣме малко-то Еленкино ангелче.

„Още малко, мама, пакъ ще си починемъ; ела да та поноса“ и хопъ на гърбъ-тъ си.

Слѣзоха вече изъ първия върхъ, нъ тъй като вървѣха безъ пѫтица, испрѣчваше са отпрѣдѣ имъ другъ, подобенъ тѣмъ на върхъ-тъ „Монтъ-Бланкъ, прѣзъ кого-то трѣбваше

непрѣменно да минатъ, защо-то само прѣзъ него можаха да влѣзатъ въ страна-та на приятелски-тѣ сили.

Изливаше са отъ лица-та имъ цѣли порои горѣщъ потъ; облѣкла-та имъ бѣха измокрени, като извадено отъ рѣка-та пране; сили-тѣ имъ са свлѣваха, колене-тѣ имъ захванаха начесто да са посрѣщатъ, уста-та и ноздри-тѣ ставаха недостатъчни за доставяние чистъ въздухъ на дихателния имъ органъ . . . . . Най-сѣтнѣ излѣзоха на върхъ-тъ.

„Тукъ ще починемъ малко“ каза Стоянъ.

„Да“ отговориха всички-тѣ съ единъ гласъ.

Тѣлесни-тѣ имъ сили бѣха до толкова изчерпени отъ бодливия Алпски пѫтъ, щото въ единъ мигъ, слѣдъ изричание-то на послѣдно-то „да“, като подъ военна команда, прѣгѫнаха стави-тѣ на колибающи-тѣ си вече нозѣ и сѣдѣща-та кость са намѣри прикована у върхъ-тъ на тая гола могила.

„О, колко е приятна почивка-та!“ проговориха всички-тѣ, като отъ едни уста.

Наредили са бѣха, както съзвѣздие-то „Ковачка“, кое то въ туй врѣме наведено стоеше надъ тѣхъ. Хладния вѣтрецъ пронизваше повърхность-та на тая могила; само нѣколко минути му бѣха достатъчни за да направи наши-тѣ скостени! Дѣйствително като че са намираха на Балкански върхъ „Мара-Гедикъ.“

„И тъй, да вървимъ“, каза Стоянъ слѣдъ едно малко отдъхване, „защото студений вѣтръ твърдѣ лесно може да посѣе нѣкого отъ насъ тукъ.“

„Не“, казаха повечето гласове, „ако щемъ са и узъби, не са помѣщаме, догдѣто си не поночинемъ добрѣ; неусѣщаме нозѣ-тѣ си вече, трънатъ, като че ли са бити съ цѣли снопове пръчки.“

„Най-сѣтнѣ нека бѫде по волята Ви“, каза Стоянъ и пооблѣгна са на лакать-тъ си.

IX.

Въ нѣколко минути бѣха задрѣмали всички-тѣ. Еленка са държеше още, нъ и тя слѣдъ малко затвори клѣпки, глава-та ѝ падна на гърди-тѣ: бѣше прострѣла вдървени-тѣ си нозѣ, а съ ржцѣ-тѣ си са бѣше облѣгнала на лопатки-тѣ си . . . . . „Хъ! черни дяволи“, захвана да бълнува, „вий змѣйове! искате да вземете и послѣдно-то ми утѣшение! не-

стигнаха Ви толкова мои жертви! недавамъ си .Летето! Хайде, махвайте са отъ тукъ! Ахъ! . . . . . отзѣ му проклетия главичка-та, нанза му трупъ-тъ на бодило-то си!" извика и скочи на крака, като посѣгаше съ двѣ-тѣ си ржцѣ, нъ веднага съвзѣ са и, прѣдъ очи-тѣ и, блѣснало лице-то на сиѣца-та и .Летка, здрава, тжркулната като пжнче и тихо сумти изъ малко-то си после.

„О, Боже! какъвъ страшенъ сънь!" проговори въ себе си. „„Да ли е туи съньъ? . . . . . „Да, съньъ е. Не вида ли, че е цѣло и здраво?"

Тжркаше очи-тѣ си и са протѣгаше, като трескавъ на слънце.

„Охъ! болатъ ма мѣса-та! види са, че съмъ настинала! А кое ли е врѣме?" казваше си тя. „Трѣбва да са е прѣполовила нощь-та. „Да, щѣхъ да ги събуда. Ехъ, какъ хубаво, какъ сладко спатъ!" Изглѣдва всички-тѣ рѣдомъ. „Дохожда и до Стояна. „Я! я какъ са е свилъ, като котка; той е настиналъ. Трѣбва да го повикамъ, сжщо и други-тѣ; стига имъ толкова почивка. Стоенчо, попе, Михале и вий другарки! ставайте че ще настините! Хайде да вжрвимъ!"

Ставатъ единъ по единъ, тжркатъ очи-тѣ си, прозяватъ са, потржсватъ са, като коне въ мжгляво врѣме, протѣгатъ са насамъ натамъ . . . . . „Охъ! риза-та ми са обжрнала на джска, замржзнала, като прѣзъ Голѣмъ-Сечка", проговори една.

„Мене пжкъ всички-тѣ дрѣхи", обажда са друга.

„Азъ пжкъ съмъ са цѣла скоковадила", обажда са третя.

„Хайдете да вжрвимъ да са разгорѣщимъ", казва Стоянъ.

„Да, нъ съ кои ли нозѣ?" обаждатъ са нѣколко и ставатъ, като са подпиратъ съ ржцѣ-тѣ си у земя-та.

„Кое ли е врѣме?"

„Ковачка-та отишла да почива, несжществува вече на небосклона, трѣбва да е минало срѣдъ нощь."

„Готови ли сте?"

„„Да." Разговаряха са наши-тѣ пжтници помежду си.

Потеглиха всички-тѣ по върха на могила-та, като жерави прѣзъ Есенни-тѣ мѣсеци. Стоянъ вжрвеше напрѣдъ и, съ опулени очи, само са разглѣдваше, като да го нѣщо безпокоеше, или като че бѣше забжркалъ пжть-тъ.

X.

Небосклонъ-тъ отъ Източна-та страна постепенно и постепенно са обливаше въ кръвъ, като че ли нѣкое тлѣящо тѣло са разпламтяваше предизвѣстяваше то изгрѣването-то на мѣсецъ-тъ, кой-то влачаше подиръ си и зарань-та. Наши-тѣ пѫтници слизаха изъ могила-та съ голѣма тишина, само тѫркание-то на нозѣ-тѣ имъ у висока-та трѣва безпокоеше отъ часъ на часъ спящи-тѣ пѫлзящи животни: начесто изпумуляваше отпредъ имъ нѣкоя костена жаба, нѣкой гущеръ, или нѣкоя дѫлга змия правяше неправилни криви линии, като раздѣляше висока-та трѣва както гигантския китъ морски-тѣ вѫлни; туй мъртво желѣзо сѣпваше отъ часъ на часъ сърцето на наши-тѣ.

Настанаха градини. Тукъ чести-тѣ дървета прѣоблѣчени въ страхъ-тъ прѣдставляваха са прѣдъ очи-тѣ на наши-тѣ въ человѣци — да, непиятели: кракъ за кракъ пристѫпваха, като напѫваха до праскание струни-тѣ на зракъ-тъ.

„Попе! знаешъ ли кждѣ сме? Азъ не са сѣщамъ на коя страна са намираме“, пошѫпна Стоянъ.

„Мѣсто-то ми е непознато. Виждамъ, че вѫрвимъ между двѣ рѫтлини и нищо повече“, отговори свѣщенникъ-тъ. „Струва ми са, че сме са твѫрдѣ отдалечили отъ пѫть-тъ си: искамъ да мисла, че сме близу до „Краницъ.“ Както и да е, да вѫрвимъ напрѣдъ, пакъ дѣто отидемъ.“

Мѣсечина-та захващаше по-начесто да са испречва прѣдъ очи-тѣ имъ, като да искаше, или да имъ служи вмѣсто фенеръ, или пѫкъ да ги прѣдаде на Мохамедови-тѣ хорди . . . . .

„Стоене!“ пошѫпна Свѣщенникъ-тъ, „глѣдай тамъ горѣ на пѫть-тъ ни какво е! . . . . . человѣкъ правъ ми са струва, Черкезинъ . . . . прѣпасанъ прѣзъ крьстъ-тъ съ сабя . . . . . да, калпакъ-тъ му сѫщия. Глѣдай какъ ясно го фотографира мѣсечина-та!“ впива си по-силно очи-тѣ, „и носъ-тъ му са познава, чело планина, брада-върхъ! Какво мислишъ? що да правимъ? — Другъ пѫть, освѣнъ тоя, нѣма. Ха? . . . . . “

„Струва ми са, че страхъ-тъ прѣправя дърво-то на Черкезинъ, както мъртви-тѣ тѣла на вампири“, каза Стоянъ. „За да са увѣримъ, да припѫлзи нѣкой отъ насъ по-наблизу до него, а други-тѣ да стоятъ тукъ.

„Да“, отговори свѣщенникъ-тъ, „азъ ще отида, а ти остани при жени-тѣ тукъ.“

„Нъ внимавай да та неугади нито муха-та.“

Догдѣто Стоянъ изрѣче послѣдни-тѣ думи, Свѣщенникъ-тъ са отдалѣчи, като излѣгко шлапкаше по росна-та трѣва. Малко понататъкъ той са прѣправи въ четвероногъ, расперени-тѣ му черни коси са лѫщѣха по рамена-та му отъ зари-тѣ на мѣсецъ-тъ, като левска грива, а черна-та му сантинова антирия са бѣше провиснала въ нозѣ-тѣ, като руно-то на Африканска мечка. Пѫлзение-то бѣше романтическо. Колкото повече са приближяваше, толкова по-бистри ставаха огледала-та на очи-тѣ му.

Най-сѣтнѣ испречва са прѣдъ него, намѣсто Черкезинъ, единъ старъ джбъ, обрѣзанъ, види са отъ нѣкой овчаръ за шума-та, а отъ нѣкой дърваръ за дърва-та.

„Ехъ, колко е лѫжливо человѣческо-то око!“ каза въ себе си като взема пакъ человѣческо-то си положение. „Догдѣто да са увѣра щѣха да ми са пукнатъ гѫрди-тѣ! Да побързамъ да успокоя Стояна и дружина-та.“

XI.

Безпокойствие-то на Стояна са усилваше. Съ крьстосани нозѣ сѣдѣше на росна-та трѣва близу до едно сливово дърво и, съ отворени уста, немахваше очи отъ страна-та кѫмъ която Свѣщенникъ-тъ бѣ заминалъ: отъ часъ на часъ изохкваше, усѣщаше чудесно напѫване въ гѫрди-тѣ си; движеше са, като параходъ вередъ морски-тѣ вѫлни, въ лабиринтъ мисли . . . . .

„Попъ-тъ са забави!“ изговори тѫжно. „Станало е пакъ . . . . . да, ето зададе са нѣкой оттогѣ! Това е той! Вѫрви си свободно, както далъ Господь!“ бърже промѫрмора, като го оглѣдваше по-внимателно.

„Ха, ха!“ усмива са Свѣщенникъ-тъ, като са приближава, „стария джбъ да направя на Черкезинъ! Хубава работа! Страхъ-тъ да ма докара до туй положение! Нищо. Всичко-то е, че изпосъдрахъ кожа-та на ржцѣ-тѣ си.“ Оглѣдва си окървавени-тѣ ржцѣ. „Лошо нѣщо е да бѫде человѣкъ четвероногъ! Нъ . . . . . хайде!“

Красна-та заранна планета са задаваше отъ Истокъ и прѣдвѣстяваше день-тъ: електрически-тѣ и лучи са пръскаха по цѣла-та околность и по блѣдни-тѣ лица на наши-тѣ пѫтници, които тъкмо срѣщу нея бѣха обѫрнати. Не са мина

много откакъ видѣха Свѣщениковия Черкезинъ — стария дѫбъ, испрече са прѣдъ очи тѣ имъ жива стѣна, огроменъ лѣсъ; гѫсти-тѣ клонове на стари-тѣ черни дѫбове, на бѣли-тѣ брѣсове и липи и на искривени-тѣ габѫри сключваха върхове-тѣ си, като съ туй поставяха черна завѣса прѣдъ лицето на едвамъ изникнала-та зоринца. Наши-тѣ принудени бѣха да прѣминатъ и тоя черенъ облакъ. Изгубиха и най-малка-та свѣтлинка. Врѣме-то бѣше тѫй тихо, щото и шумка та на чувствителна-та треперика оставаше въ недвижимость. Хванати единъ у другъ, водими отъ Стояна, а той отъ прострѣна-та си напрѣдъ ржка, вѫрвѣха твѫрдѣ легко, щото освѣнъ дишание-то имъ не са чуваше нищо друго; тукъ очи-тѣ имъ бѣха безполезни. Но едно врѣме зачуваше са далечно лаяние на псета . . . . . .

„Позапрете са малко!“ каза Стоянъ, като са обѫрна кѫмъ тѣхъ, нъ невиждаше никого „спрѣте са да видимъ какъвъ е тоя гласъ. Струва ми са, че кучета лаятъ.“

„Да, наистина“, каза свѣщенникъ-тъ, „мисла че тукъ наблизу ще има нѣкое село, или пѫкъ нѣкой пчелникъ.“

„А кое ли ще е туй село?“ нетърпеливо попита Еленка.

„Да вѫрвимъ кѫмъ тая посока, отгдѣто са чува гласъ-тъ та щѣмъ видѣ“, каза Стоянъ.

„Ами ако ненадѣйно влѣземъ въ нѣкое Турско село?“ проговори една отъ други-тѣ жени.

Зари-тѣ на день-тъ захванаха да са пронизватъ прѣзъ шупли-тѣ на тъмния клончевъ облакъ и наши-тѣ почнаха да са виждатъ единъ другъ. Колко-то повече са приближаваха кѫмъ краятъ на гора-та толкова повече са усилваше свѣтлина-та. Най-сѣтнѣ день-тъ облада цѣла-та околность и тѣ са намираха отвънъ гора-та.

„Попе!“ усмихнато каза Стоянъ, „това не е ли Горно-Павликяни?“

„Да, безъ сѫмнѣние“, отговори Свѣщенникъ-тъ. „Че пѫкъ сме са лутали напраздно цѣла нощь!“

„Нима само два часа и половина сме са отдалѣчили отъ градъ-тъ“? приложи Михалъ.

„Извѣстно“, каза Стоянъ. „Хайде да отидемъ тамъ въ нѣкоя кѫщица да похапнемъ малко млѣко съ просеникъ.“

Приближаваха първи-тѣ плетове на село-то. Лаяние-то на кучета-та са усилваше. Нѣколко голѣми кучета, като

въпци, спущаха са противъ наши-тѣ пѫтници, като бѣха извадили остри-тѣ си, като мечь, зѫби за да ги разкѫсатъ . . . . .

„Како!“ извиква Стоянъ, като са приближава кѫмъ плетъ-тъ на една, на земя-та поставена и съ слама покрита, кѫщица. „Како!“ повтаря той, „нѣма ли никой въ тая кѫща?“

Почаква малко, повиква още нѣколко пѫти, нъ никой са необади.

„Може би да нѣма никой“, каза Еленка.

„Възможно ли е, когато куминь-тъ са пуши?“

„Да замина̀мъ на друга кѫща“, каза Свѣщенникъ-тъ.

Оттѣглюваха са всички-тѣ скупомъ, като са прѣдназваха, съ единъ истѫргнатъ отъ плетъ-тъ колъ, отъ кучета-та, които, като мѣтаха лесницини-тѣ си рунтави опашки, вѫртѣха са около имъ и съ раздрани гѫрла лаяха. Въ пѫть-тъ случайно срѣщатъ единъ бѣлобрадъ старецъ, облѣченъ въ бѣли, хѫбяни дрѣхи, подпирающиць са съ хубава бѣла огладена сопа; подъ кѫси-тѣ му до лакъть-тъ отъ хѫбичка-та ржкави са подаваха други по-широки, бѣли като снѣгъ и въ краятъ нашарани съ разни, повечето коралови, краски . . . . . „Да, за щастие“, каза Стоянъ, „тоя старецъ ще ни покаже нѣкоя, за малка почивка само, кѫща. „Дѣдо!“ обѫрна са кѫмъ старецъ-тъ, „защо изъ село-то Ви днесъ са не виждатъ хора? Да не бѫдатъ отишле толкова рано на работа?“

„Не, дѣдова-та, нъ отзаранъ наранина са пръсна слухъ, че Турци-тѣ идатъ, та повечето избѣгаха, кой какъ завѫрна, кѫмъ Севлиево.“

„Ами неможемъ ли посѣдна въ нѣкоя кѫщица тадѣва за да позахлѣбимъ стомахъ-тъ? Отъ вчера сутринь не сме туряли нито хапка въ уста.“

„Нещемъ, нещемъ!“ нетѫрпеливо извикаха всички-тѣ жени. „Нещемъ да са възпираме тукъ! едвамъ сме поизбѣгнали, не са излагаме вече на опасность!“

„Ехъ, дѣдовата, и азъ тѫй бихъ рекълъ! по-добрѣ е да са невъзпирате тукъ.“

XII.

Златни-тѣ лучи на слънце-то бѣха завладѣли всичко-то видѣщо пространство, и най-малки-тѣ трѣвички, като са мѫчаха да имъ изсмучатъ и послѣдни-тѣ разхладителни заранни росни капчици; да, прѣсичаха са тѣ въ високи-тѣ скали, като

морски вълни въ крайбрѣжни-тѣ балвани; въ тия скали, между които въ тия минути, вчерашния день, останаха много невинни души да почиватъ вѣчно. Въ туй врѣме зачу са подземенъ гръмъ откъмъ страна-та на градъ-тъ: славния Руски Генералъ Скобелевъ бѣше прилѣтѣлъ съ свои-тѣ соколи за да помогне на свои-тѣ по кръвь братя; тоя гръмъ силно подѣйствова на наши-тѣ пѫтници, като усилваше крачки-тѣ имъ. Колко-то поскоро вървѣха, толкова повече са усилваше слънчевия жаръ и толкова по-утѣгчителни ставаха минути-тѣ за пѫтуване. По Севлиевско-то шосе срѣщаха и застигаха пъстрило народъ: Русси (казаци и пѣхотни), селяни, съ широки черни и бѣли шалвари и граждани отъ пострадалия градъ. Безъ внимание на всичко, дойдоха до послѣдна-та могила, отгдѣто са виждаше расположения на поле-то градъ Севлиево; блѣснаха са, прѣдъ очи-тѣ на наши-тѣ, най-напрѣдъ Турски-тѣ джамии; нова-та черква одразяваше всяка свѣтлость: чупяха са тукъ слънчеви-тѣ лучи, като правяха второ слънце; бѣли-тѣ съ варъ полѣпени кѫщи правяха отдалечъ вѣликолепенъ градъ-тъ. Тукъ слѣдъ като поотпочинаха, продължиха пѫть-тъ си.

Вечь, вечь наближаваха първи-тѣ кѫщи на градъ-тъ, а Еленкино-то лице ставаше отъ блѣдно по-блѣдно; усѣщаше силно тупание въ лѣва-та страна на гѫрди-тѣ си, като кога ще са изджнатъ; вниваше кѫмъ една страна очи-тѣ си . . . . . „Ахъ! извиква силно, като въ сѫщия мигъ лице-то и пламна въ огънь, „Маринка и Иванка! . . . . и Василка! . . . . . тѣ сѫ!“

„Гдѣ сѫ? . . . Да, тѣ сѫ!“ извика Стоянъ сепнѫто.

Еленка са затича и, петь крачки далечъ отъ намѣрениятѣ си рожби, които още я несъглѣдваха, извика съ всичка-та си сила: „Маринке! . . . . . “ небѣше вече въ състояние горка-та майка да продума ни дума, язикъ-тъ й отъ радость са завързва, отъ очи-тѣ й са пророниха порой сълзи, растреперенитѣ й рѫцѣ са мѣтнаха на джщеркини-тѣ и вратове и въздухъ-тъ екна отъ сладки-тѣ майчини и джщеркини цѣлувки. Пристигна и Стоянъ съ всичка-та си друга дружина. Сега настана най-радостна-та минута, която никъкъ не бѣше възможно да са изрази, освѣнъ чрѣзъ размѣняване-то на сърдечни-тѣ цѣлувки.

Д. К. Вачовъ

Подписчики. — Predplatitelji.

РОССІЯ.

Варшава: Учебная дирекція
Дерптъ: Бѣлиловскій Цез.
Ружевскій А.
Свеаборгъ: Бялоцкій А. Г., полковникъ.
Латернеръ С. О., полковникъ.
Мавринъ М. А., подполковникъ.
Свеаборгъ: Писаревскій Н. И. инженеръ надполк.
Чернокнижниковъ К., инженеръ штабсъ капитанъ.
Станція московско-курской желѣзной дороги:
Меньщиковъ А. Н.
Сухое: Волланъ Гр. А.

АВСТРІЯ. — AVSTRIJA.

Галичина.

Бартне: Хилякъ В., парохъ.
Божикова: Стеткевичъ И.
Выссова: Саламонъ В., деканъ.
Гарменце: Ванно И., ц. к. ф. стр. надзиратель.
Гошовъ: Мацѣевскій М.
Дороженецъ: Андрійчукъ Е.
Завадка: Ничай М.
Зарѣче: Волошинъ, парохъ.
Зелена: Воеводка Д., парохъ
Краковъ: Грушкевичъ, уч. г.
Ланчинъ: Радикевичъ, пар.
Львовъ: Будина В.
Будина И.
Громницкий И., пр. г.
Львовъ: Марковъ О. А.
„Просвѣта“ общество.
Щербанъ А. Н.
Щербанъ Евгенія.
Надворна: Мандычевскій ак.
Оставъ: Гадинскій, парохъ.
Глинскій, завѣдатель.
Гелия: Менціжскій А.
Пніове: Ганкевичъ, парохъ.
Перемышль: Гумецкій К. И. сем. восп.
Рѣчка: Сабатъ А. И., свящ.
Санокъ: Dr. Fr. Lipež. c. k. polk. zdravn.
Сливница: Добранскій В. Ф. душпастырь.

Синтынъ: Гладуловичъ А.
Станиславов: Желехівський, проф. гимн.
Климъ Д.

Тлумачекъ: Сабатъ, деканъ.
Чагрів: Цегликівський, учит.
Огоновскій И., к. фил.

Буковина.

Черновци: Калитовскій Ф., ц. к. суд. ад.
Кумановскій И., студ. фил.

Čechy.

Černý Kostelec: Říha. Frant.
Dražkovice: Jirek Jan.
Humpolec: Valeský R.
Chrudím: Jedlička, O., dr., kand. adv.
Klimeš Jos., měšťan.
Leiser Alois, lékárník.
Novák Jos.
Pippich Kar., dr., k. adv.
Roth Kar., dr., advokat.
Sobek Frant., profesor.
Sýkora Jos., dr., advokat
Vaníček A., inženýr.
Všetečka Em., správce lihovaru.
Weselý Rud., účetní cukrovaru.
Wiesner Frt., továrník.
Woprsálek Jan, dr., k. adv.
Zapotil J., ředitel cukrovaru.
Jičín: Veselý Fr., stud.
Košice-Malešov: Klus F.
Ledeč: Holinka F., učitel.
Litoměřice: Seyvalter, Fr., boh. Zuklin. buhosl.
Manětín: Macha J., okr. tajemn.
Plzeň: Schiebl J., knih. (3 ex.)
Praha: Butnický Ladislav, fil.
Čepulić Kosta, právník.
Dolanský L.
Matić Mašo, caud. prot.
Мицовъ Теодоръ, мк.
Paroubek Nor. Otokar.
Piškulić Pavel Ant. Ivan.
Polívka Jiří, filolog.
Sl. „Slavia", lit. řečn. spol.
Vlček J.
Wenzel Jos., fil.
Úřetice: Wyskočil Čen., statkář.
Vopařany: Hrubant Jos.
Hrubant Ant.
Šibalova Kateřina.

Morava.

Bedřichovo: Kocian Jos., coop.
Brno: Pražák A., dr., advokat.
Kroměříž: Bakalář J. st. VII. g.
Kroměříž: Kopřiva A. st. VII. g.
Přerov: „Čtenářský spolek".

Slezsko.

Pustějov: Vašek Ferdinand, učitel.

Uhorsko.

Banovce: Šebo Fr., A.
Škvarenina Joz.
Banská Bystrica: Bothár M., ml.
Štollmann Lud., kováč.
Beckov: Bórik K., notár.
Medniansky M., r. kat. far.
Duna Földvár: Muriň Mat.
Gombáš: Okál Ján, ml. notár.
Hradok Lip: Hucik Ján.
Hrachovo: Markovič P., ev. far.
Istebnô: Laco Ján, far. ev. a.
Jasenová: Zoch Pav., far. ev. a.
Kubín Dol.: Bencúr Ján.
Bencúr Joz.
Bruck K., kupec.
Bulla F.
Hammerschmid Mdr.
Klopstok Mdr.
Kohúth Kyr.
Králik A.
Kreva Joz.
Murčić An.
Nádaši A., pravotár. (2 ex.)
Novák Sám., ev. senior.
Országh Pavla.
Országh Pavol.
Radlinský Ig.
Tomala Gust.
Kubín V.: Kmeť Mat.
Kubínyi Flor.
Kulpín: Stolárik Vil., učitel.
Leštiny: Škripeň Ján, far. ev.
Lip. Sv. Mikuláš: Baltík B. ev. s.
Kállay Adolf, pravotár.
Kovalevský M., ml. ev. far.
Ruppeldt Karol, učitel.
Ružiak Ján, pravotár.
Trnovský Karol, kupec.
Uram Rehor, učitel.
L'uboreč: Gömöri Andr., ev. far.
Malicky: Feja Dionys, pravát.
Malé Stankovce: Križan, ev. far.
Maškova: Banšell Kol., ev. far.
Myjava: Jurenka Ján.
Nad'lak: Adamkovič Ján, učitel.
Boor, ev. kaplán.
Hrdlička, ev. faráv.
Lehotský Belo, pravotár.
Námestovo: Hištek Žofia.
Necpaly: Polerecký Andrej, kap.
N.-Mesto n. V.: Hosenberg K., st.
Hrušovský Štef., pravotár.
Kulišek Miloslav, „
Párnica: Tréger Jozef, učitel.
Pešť: Slovenský spolok.
Petrovec: Mrva Juraj, ev. farár.
Pezinek: Jamnický Peter, prav.
Prešporok: Ballo M., ev. bohosl.
Bernáth Alex., „ „
Borsuk Pavol, štud.
Brečka Ján, právnik.
Cimrák Ján, štud.
Fiala Lud., právnik.
Gallay Bohumil, právnik.
Kováč Dan., ev. bohosl.
Križan Ján, bohoslovec.
Križan Karol, štud.
Krno Cyril, štud.
Kuchta Sámuel, štud.
Kutlík Ján, ev. bohosl.
Laciak Michal, ev. bohosl.
Lopušný Ján, právnik.
Mikulík Milosl., „
Mudroň Michal, Dr. práv.
Nehyba Lud.
Nemčík Jozefína.
Protič Jovan, právnik.
Reuss Emil, štud.

Semian Lud., štud.
Slabey Matej. štud.
Štúr Anton, ev. bohosl.
Tesák Rudolf, štud.
Wenich Karol, štud.
Púchov: Hajiček Lud., pravotár.
Pukanec: Schwarz Ján.
Ružobreh: Fábry Jozef.
Houdek Jozef.
Makovický J. D., farár.
Makovický Peter.
Sarvaš: Langhoffer A., štud.
Segedin: Зубановић И.
Sielnica lipt.: Salva Karol, uč.
Slovany: Polóny Jozef.
Sotina: Suša Joz., zpr.
Strahová dol.: Benedikty J., uč.
Suča dolnia: Kluch Ján, kapl.
Sučany: Hodža Ján, ev. kaplan.
Lenčo Ján, medik.
Olezy Vitazoslav, medik.
Stiavník: Ballay Štefan.
Tisovník: Laciak Milina.
Trnovec: Laco Ján, uč.
Trstená: Bulla Peter, pravotár.
Halaša Michal.
Gyurcsák Ján, pravotár.
Kavuľák Andrej.
Várzély Ján, sudca.
Turč. Sv. Martin: Milec J., kup.
Pietor Ambro, redaktor.
Šimko Miloš, právnik.
Vanovič Ján.
Vrbovce: Sloboda Pavol, ev. far.
Záturčie: Burian Ján, učitel.

Koroško.

Celovec: Lutman M., duhoven.
Repić O., dijak.
Vidović J., dijak.
Glinje: Sablačan M.

Kranjsko.

Černi verh: Kuralt J., coop.
Černomelj: Haring Zofija.
Kupljen A., c. k. notar.
Škerlj J., c. k. sodn. prist.
Harije: Skerjanec J., duhovnik.
Kerčko: Jugović A., posestnik.
Koceli K., dr., odvetnik.
Pfeifer J., posestnik.
Štajer F., koncip.
Koprivnik: Jančigar K., župnik.
Kostanjevica: Kuralt J., c. k. s. pr.
Kranj: Zupan T., profesor.
Ljubljana: Bleiweis J., dr.
Fajgelj, ur. banke „Slavije".
Hribar J.
Koblar A., sem. duh.
Levec J., učitelj.
Martinec A., ur. pri dež. s.
Merčun R., sem. duh.
Olc V., ur. pri banki „Slav."
Pirec E., zast. ban. Azienda
Praedica J., prof.
Robič L., dež. posl.
Žlogar A., kaplan.
Žvab L., učitelj.
Učiteljski pripravniki IV. te čaja: Erblich R.
Lavrenčič V.
Pintar J.
Vagaja Lj.
Osmošolci: Avsenik J.
Bežek V.
Fertin O.
Kalan A.

Lončar J.
Lubej F.
Majar F.
Miklavčič D.
Pintar M.
Polak J.
Pretnar M.
Rahne J.
Rihar F.
Svetič F.
Šiška J.
Štritov A.
Valpetič J.
Sedmošolci: Dolenec F.
Golf L.
Hudnik M.
Kušar F.
Pokorn R.
Pirec A.
Šušteršič A.
Ulrih V.
Šestošolci: Adamič H.
Bulovec M.
Erzar M.
Klemenčič M.
Marouth J.
Novák J.
Petrič A.
Podobnik R.
Pogačnik J.
Ponebšek J.
Steržinar J.
Šinkovec J.
Vidmar J.
Vilfan J.
Zobec A.
Petošolci: Homan V.
Samotorčan J.
Šušteršič F.
Tomšič J.

Realci: Detelja D.
Fasan R.
Flerè J.
Guzelj M.
Kleinmayr M. pl.
Maloverh M.
Oblak Z.
Slapničar M.
Smukavec M.
Bogoslovci: Belec J.
Hudovernik Lj.
Jenko Lj.
Majar G.
Zorec F.
„Knjižnica“ ljublj. bogosl.
Litija: Svetec L., c. k. notar.
Loka: Arko, dr. zdravnik.
Bernard D., učitelj.
Franc R., davk. pr.
Gaber A., posestnik.
Pilpah F., pl. c. kr. štotn.
Sušnik A., terg. pom.
Metlika: Aleš A., dekan.
Dovgan F., župnik.
Furlan F., posestnik.
Gangl L., posestnik.
Jančar F., duhovnik.
Kapeller J., duh. oskerbn.
Koren J., duh. pomočnik.
Navratil A., zasebnik.
Ogrinc V., c. k. okr. sodnik.
Pfefferer D., c. kr. s. prist.
Poklukar J., duh. pomočn.
Potočnik O., pravnik.
Röthel M, c. kr. s. pristav.
Schweiger F., duh. pom.
Vilman G., duh. pomočnik.
Wacha F., lekar.
Novomesto: „Čitalnica.“
Nachtigall R., profesor.

Škofic F., dr., c. kr. s. pr.
Gimnazijci: Clarici D.
Hudaklin F.
Mrak M.
Nemanič J.
Strel J.
Šašelj J.
Terbuhović E.
Pečine: Mrak J., župan.
Planina: Rihar A., kaplan.
Predtvor: Cirman A., učitelj.
Radoljca: Kosmač M.
Razderto: Kavčič H.
Selo pri Ljubljani: Jelovšek G.
Sora: Verhovnik J., kaplan.
Sv. Peter: Korošec J.
Sv. Rupert: Bercar J.
Stergar F., tergovec.
Sv. Vid pri Ljubljani: Marešič F., duh. pomočnik.
Sv. Vid pri Zatičini: Podboj J., duhovnik.
Velika dolina: Dolinar M.
Verhnika: Sercjak J.
Vrabče: Zarnik J., učitelj.

Primorsko.

Ajdovščina: Gabrovščik S., duh.
Valog D.
Banjšice: Žnidarčič A., vikarij.
Bergud: Mazek J.
Bilje: Pečenko A.
Šavnik A.
Bovec: Kobal P., dekan.
Sorč A., c. kr. poštar.
Gernjan: Podkrajšek, nadz. ž. p.
Gorica: Bogoslovci:
Grškovič A.
Gregorčič S.,
Kodrič F.
Kranjec J., dijak.
Leban A., učitelj.
Koper: Kleinmayr J. pl., prof.
Log: Strukelj M., vikarij.
Lokavec: Kerkoč S., duhovnik.
Rebek Fr.
Volkov J., učitelj.
Obloke: Dugalin J., vikarij.
Mirno: Gerbec J.
Pevačina: Byra M., сл. попъ.
Podmelec: Bratina A., kaplan.
Rihenberk: Gregorčič S., kaplan.
Rižana: Sancin J., duhovnik.
Terst: Mubej J., c. kr. pom. k. pr.
Tmaj: Zupan J., kaplan.
Villa Vicentina: Furlani J.
Volče: Miklavčič J., pošt. odpr.

Štajarsko.

Brežice: Josek L., c. kr. okr. glav.
Kaukowsky, c. kr. okr. kom.
Kaučič R., c. kr. knjigov.
Mikuš F., dekan.
Novotny E., c. kr. sodnik.
Razlag R., dr. odvetnik.
Srebre G., dr. odvetnik.
Šlamberger A., koncipijent.
Šnideršič J., lekarnik.
Taušek J., koncipijent.
Veršec M., uradnik.
Zarnik J., koncipijent.
Celje: Osmošolci: Grušovnik.
Kolšek J.
Napotnik F.
Preskar J.

Sever M.
Sedmošolci: Fon J.
Kovačič J.
Matek D.
Mikuš Z.
Rančigaj T.
Svet J.
Šestošolec: Korbar M.
Petošolec: Podgoršek F.
Gradec: Валко А., техник.
Кулешић К., канд. проф.
Mudrovčić J., pravnik.
Pajk J., profesor.
Knjižn. družtva „Triglava".
Arch J., tehnik.
Bedjanič D., phil.
Brunet F., cand. phil.
Globočnik R., pravnik.
Jurtela F., pravnik.
Kokalj M., pravnik.
Krísper V., pravnik.
Lendovšek J., phil.
Milher G., pravnik.
Milone J., tehnik.
Pintar S., phil.
Požar L., phil.
Šega D., phil.
Šetinc, pravnik.
Šušteršič, tehnik.
Šuta, gimnazijec.
Hvaletinci: Hlešič J., posestnik.
Konjice: Nemanič, dr., c. kr. s. pr.
Laški terg: Böheim J., kaplan.
Elsbacher A., tergovec.
Heber F., kaplan.
Orožen F., cand. prof.
Špindler R., uradnik.
Žuža A., dekan.
Ljubno: Turkuš T., profesor.
Ljutomer: Reich A., c k. davk. pr.
Lemberh: Praprotnik F., učitelj.
Maribor: Osmošolci: Babnik.
Dečko J.
Kukovič B.
Pučko O.
Sedmošolci: Mahorko F.
Murko M.
Ploj O.
Šestošolci: Bezjak J.
Brinšek E.
Ogrizek J.
Repič F.
Šegulja.
Petošolci: Bezjak B.
Keček H.
Kolárič J.
Perc F.
Rožman F.
Bogoslovci: Aškert A.
Hrastel F.
Kozinc J.
Rom O.
Osenjak M., duhovnik.
Skuhala J., prof. bogosl.
Vrančič T., uč. pripravnik.
Špindler T. i
Žalar J., naredn. 47. pešp.
Motnik: Križnik G.
Ormuž: Geršak J., dr. c. kr. notar.
Verbnjak M.
Ptuj: Lendovšek M., vikar.
Prus S., kaplan.
Šoštanj: Fekonja A., kaplan.
Videm: Gomilšek J., žel. uradn.
Ripšl D., župnik.
Vuhred: Mraz T., župnik.
Zidan most: Potočin A., posestn.

Hrvatska, Slavonija i Dalmacija.

Brod: Procháska L., pivar.
Čagjavica: Balokovič B., učitelj.
Gruž: Ukmar A., c. kr. pom. k. pr.
Karlovac: Pfeifer G., tranjevac.
Steklasa J., profesor.
Osiek: Bajić J., četveroškolac.
Ettel J., osmoškolac.
Salopek V., pl. petoškolac,
Stanić J., šestoskolac.
Zoch Branislav, dr.
Samobor: Laborec A., kapelan.
Rumpler Franja, učiteljka.
Valpovo: Barč B., trgovac.
Haisler G., duh. pom.
Till G., pisar.
Župić J., vlast. protust.
Varaždin: Agjić N., osmoškolac.
Bosnić A., sedmoškolac.
Francelj O., um. real. učitelj.
Hegedić V., osmoškolac.
Fusić F. „
Köröskényi D., „
Prigl J., „
Sabo F., „
Stražimir M., petoškolac.
„Neven" knjiž. djačko druž.
Zagreb: Buljan M., klerik
Mlakar J., „
Potločnik A., „
Schaschel J., „
Macek F.
Vamberger M., phil.
Županja: Benaković J., kr. poštar. (8 otisaka).

Bosna i Hercegovina.

Sarajevo: Napotnik M., drd. th. voj. duhovn.
Buna kraj Mostara: Jakovčić, vojak.

Nemečka Avstrija.

Innsbruck: Féuš F., drd. th.
Kucen F., bogoslovec.
Klosterneuburg Peterlin A., prof.
Wolkersdorf: Plantan J., konc.
Bbna. — *Vídeň.* — *Viedeň.* — *Dunaj.* — *Beč.* — ***Бечъ:***
Bač R., cand. phil.
Borsík A., kupec.
Cigale M., c. kr. uradnik.
Čapek A., drd. phil.
Deržavni zbor (25 exempl.)
Francisci M., medik.
Garay Š., klerik.
Karlin J., cand. prof.
Kreuh R. stud. phil.
Крижановскій Ф., др.
Lehofský J., drd. med.
Pogačnik J., dr. odvetnik.
Římský L., drd. med.
Rožar J., cand. prof.
Rubinstein G., knjig. (3 ex.)
Skalský G., ev. bohosl.
Stefanović-Now. Dragoila.
Sterniša F., c. k. uradnik.
Stodola J., obchodník.
Стояновъ Д. А., фотогр.
Стояновъ Б. Д., реал.
Стояновъ Т. Д., реал.
Стратимировић Бор., жл.
Šimko Sámuel, kupec.
Štengelj J.

Шухевич И (2 екс.)
Tóth J., klerik.
Изъ „Основы“:
Абрамсонъ Л., Ф., студ.
Бѣрецкій Л.
Гранатъ Елис., ст. мед.
Ковшевичъ О., ст. мед.
Окуневскій Т., jur.
Нелехъ О., студ.
Порайко И.
Скобельскій В., студ.
Штрузеръ, др.
Янкевичъ В.
З „Січи“: Волощак, др.
Дяків Н., урядник (2 екс.)
Кураз Н.
Мазікевич О., канд. фил.
Мох Ј., медик.
Недільский, канд. ф. (2).
Озаркевич Л., правн.
Окуньевский Я., мед.
Яюс М., дрд. мед.
Z akademického spolku:
Auředníček E., právník.
Bílka P., ředitel (5 ex.)
Brož F., medik.
Budík H., phil.
Fechtner E. phil.
Fejta M., kand. prof.
Klineberger Th., právník.
Hubík Š., právník.
Kabrhel G., medik.
Kasal J., technik.
Kaška K., právník.
Kohout H, phil.
Kozánek K., právník.
Kubín S., phil.
Kubín V., kand. prof.
Landsfeld, phil.
Mašek A., medik.
Navrátil K., phil.
Neudert J., phil.
Novotný F., technik.
Pik A., technik.
Pořízka T.
Patočka F., agronom.
Pražák J., právník.
Procházka, uč. oficial.
Ramanovský, phil.
Rybyšár J., právník.
Sion F., phil.
Sokolář F., právník.
Steklý V., technik.
Steyskal J.
Šabata L., medik.
Šebek R., právník
Švec J., právník.
Tuček.
Vobejda.
Volenec K., právník.
Winkler milos. br.
Zapletal J., phil.
Zelený V., phil.
Zelníček R.
Ze Slovanské Besedy:
Commersi A., inženýr.
Hedánek J., lékárník.
Kalandra J., ředitel.
Komínek A., obchodník
Mezník J., admin.
Novotný J., kněhved.
Otta M., inženýr.
Rybíčka A., dv. sekr.
Šara V., úředník.
Švanda St., úředník.
Ze slov. zpěv. spolku:
Drozda J. V., dr. med.
Firbas F., odgojitelj.
Jahoda K., pošt. oficial.
Korbelář J , úředník.

Lenoch J., dr. adv.
Mlčoch J., úřednik.
Ptačovský F., prof.
Ržibek, uradnik.
Sežun Ž., uradnik.
Цѣпановскій Е., урядн.
Z „Tatranu“: Budavári A.
Daxner J., technik.
Holeczy P., drd. med.
Hroboň J., ev. bohosl.
Lang J., medik.
Langhoffer K., ev. bohosl.
Markovič J., medik.
Mišša Dr., phil.
Ondruš J., medik.
Pálka E., medik.
Slávik J., ev. bohosl.
Šimko L., medik.
Iz „Slovenije“: Bežek R. ph.
Bric S., pravnik.
Bučar Lj., pravnik.
Cvetnič L., pošt. ur.
Gabrijelčič M, pravnik.
Gregorčič G., pravnik.
Gregorčič J., pravnik.
Habè J., učitelj.
Homann F., tehnik.
Hudovernik A., pravnik.
Jager E., tehnik.
Jurtéla A., pravnik.
Kladva J., phil
Klein A., pravnik.
Kobler F., pravnik.
Kopač A., phil.
Kos Fr., cand. phil.
Kos J., phil.
Krušič V., phil.
Lah E., phil.
Laharner A., cand. phil.
Lapajne S., cand. jur.
Lenarčič A., pravnik.
Mohar J., phil.
Mašek J., pravnik.
Mulley K., pravnik.
Nemanič pravnik.
Novak J., phil.
Orožen M., pravnik.
Pavlič A., tehnik.
Rebek A., pravnik.
Rihar J., pravnik.
Rizzoli E., pravnik.
Rola O., pravnik.
Rozman L., pravnik.
Rozina A., pravnik.
Rozina V., pravnik.
Rudesch S., uradnik.
Schweiger F., pravnik.
Semen A., pravnik.
Simčič J., pravnik.
Škofič J., pravnik.
Šolar J., pravnik.
Šorn J., phil.
Šubic J., phil.
Švaršnik A., phil.
Tavčar V., phil.
Tertnik J., phil.
Uršič F., phil.
Vohl J., pravnik.
Volčič E., pravnik.
Vrečko J., phil.
Zamida B., pravnik.
Zavadlal M., phil.
Zor J., pravnik.
Iz slovenskega literarnega družtva:
Hubad J., cand. prof.
Mikuž A., phil.
Suhač M., phil.
Štrekelj K., phil.
Terstenjak A., cand. phil.

БЪЛГАРІЯ.

Изъ Ловичь: (10 екс.)
Плѣвень: Крачуновъ И.
Пеювъ А.
Бачваровъ П. въ Пардюбицѣ.
Илиевъ И. Т. въ Пардюбицѣ.
Юруковъ В. С. „ „
Юруковъ Г. Н. „ Кенегрецѣ.

Německá.

Bautzen: Tschunka Georg.
Berlin: Kačer K., vyšší učitel.
Leipzig: Novák S. P., ev. boh.
Leipzig: Шевнинъ С., ст. фил.
Papitz: Jórdan H., kantor.

Важнѣйшія поправки. — Hlavní opravy.

Страница	18	строка	2	съ горы	вмѣсто	благородны	читай	благодарны.
„	23	„	9	„ „	„	гнойноса	„	гнойныя.
„	41	„	18	„ „	„	тхетворныхъ	„	тлетворныхъ.
„	43	„	4	„ низу	„	притгу	„	притчу.
„	63	„	10	„ „	„	лимѣрія	„	лицемѣрія.
Сторона	67	стих	6	з доли	місто	пеперек	„	поперек.
„	74	„	16	з гори	„	бувалицахъ	„	бувалицах.
„	116	„	1	„	„	хлѣбом	„	хлібом.
Str.	122	řádek	12	zdola	místo	lidstvo	„	lidstva.
„	136	„	16	shora	„	sputivši	„	spustivši.
„	164	„	13	zdola	„	gvozdje	„	grozdje.
„	205	riadok	13	od vrchu	„	snehá	„	suchá.
„	210	versta	1	„ zgorej	mesto	dijak.	„	dijakom.
„	251	„	3	„ „	„	šobek	„	šopek.
„	251	„	2	„ zdolej	„	nobeških	„	nebeških.
„	255	„	13	„ zgorej	„	bodi	„	hodi.
„	257	„	9	„ zdolej	„	go	„	ko.
„	260	„	18	„ zgorej	„	ragserdèn	„	raz-erdèn.
„	291	redak	13	sgora	mjesto	stvori	„	otvori.
„	291	„	16	„	„	glede	„	gledje.
„	297	„	5	sdola	„	sa	„	za.
„	300	„	8	sgora	„	go o	„	goso.
„	320	„	3	„	„	bodris	„	bodriš.

Славянскія азбуки. — Slavjanske azbuke.

Русская	*Мало-руська*	*Polska*	*Česká*	*Slovenská*	*Slovenska*	*Hrvatska*	*Сриска*	*Българска*
А а	А а	A a	A a	A a	A a	A a	А а	А а
Б б	Б б	B b	B b	B b	B b	B b	Б б	Б б
В в	В в	W w	V v	V v	V v	V v	В в	В г
Г г	Г г (ґ[1])	G g (H h[2])	G g (H h)	G g (H h)	G g	G g	Г г	Г г
Д д	Д д	D d	D d	D d	D d	D d	Д д	Д д
[Дж дж]	[Дж дж]	[Dž dž]	[Dž dž]	[Dž dž]	[Dž dž]	[Dž dz]	Џ џ	[Дж дж]
[Дзь дзь]	[Дзь Дзь]	[Dź dź]	D' ď (Dj dj)	D' ď (Dj dj)	Dž dž (Dj dj)	Dj dj	Ђ ђ	[Дзь дзь]
Е е	Е е	[Je je]	[Je je]	[Je je]	[Je je]	(Je je)	[Je je]	Е е
[Ен ен]	[Ен ен]	Ę ę[3])	[En en]	[En en]	[En en]	[En en]	[Ен ен]	[Ен ен]
Ё ё	Іо іо (Йо йо)	[Jo jo]	[Jo jo]	[Jo jo]	[Jo jo]	[Jo jo]	[Jo jo]	[Ьо ьо]
Ж ж	Ж ж	Ż ż	Ž ž	Ž ž	Ž ž	Ž ž	Ж ж	Ж ж
З з	З з	Z z	Z z	Z z	Z z	Z z	З з	З з
[Зь зь]	[Зь зь]	Ź ź	[Zj zj]	[Zj zj]	[Zj zj]	[Zj zj]	[Зj зj]	[Зь зь]
И и	И и (І і)	Y y (Ė ė)	[Ji ji]	[Ji ji]	[Ji ji]	[Ji ji]	[Ji ji]	И и
Й й	Й й	J j	J j	J j	J j	J j	J j	Й й
І і	І і	I i	I i	I i	I i	I i	И и	І і
К к	К к	K k	K k	K k	K k	K k	К к	К к
Л л	Л л	L l	L l	L l	L l	L l	Л л	Л л
(Ль ль)	(Ль ль)	Ł ł	[Lj lj]	Ľ ľ	[Lj lj]	Lj lj	(Ль љ)	(Ль ль)
М м	М м	M m	M m	M m	M m	M m	М м	М м
Н и	Н и	N n	N n	N n	N n	N n	Н и	Н и
(Нь нь)	(Нь нь)	Ń ń	Ň ň	Ň ň	[Nj nj]	[Nj nj]	(Нь њ)	(Нь нь)
О о	О о	O o	O o	O o	O o	O o	О о	О о
[Он он]	[Он он]	(Ą ą[4])	[On on]	[On on]	[On on]	[On on]	[Он он]	[Он он]

И и	И и	P p	P p	P p	P p	P p	И и	И и
Р р	Р р	R r	R r	R r	R r	R r	Р р	Р р
[Рж рж]	[Рж рж]	Rz Rz	Ř ř	[Rž rž]	[Rž rž]	[Rž rž]	[Рж рж]	[Рж рж]
С с	С с	S s	S s	S s	S s	S s	С с	С с
[Сь сь]	(Сь сь)	Ś ś	[Sj sj]	[Sj sj]	[Sj sj]	[Sj sj]	[Cj cj]	[Сь сь]
Т т	Т т	T t	T t	T t	T t	T t	Т т	Т т
У у	У у	U u (Ó ó)	U u (Ú ú, ů)	U u ú	U u	U u	У у	У у
Ф ф	Ф ф	F f	F f	F f	F f	F f	Ф ф	Ф ф
Х х	Х х	Ch ch	Ch ch (H h)	Ch ch (H h)	H h	H h	Х х	Х х
Ц ц	Ц ц	Ć c	C c	C c	C c	C c	Ц ц	Ц ц
(Ць ць)	(Ць ць)	Ć ć	(Cj cj)	(Cj cj)	(Cj cj)	(Cj cj)	(Цj цj)	(Ць ць)
Ч ч	Ч ч	Cz cz	Č č	Č č	Č č	Č č	Ч ч	Ч ч
(Чь чь)	(Чь чь)	(Czj Czj)	Ť ť (Tj tj)	Ť ť (Tj tj)	Č č (Tj tj)	Ć ć	Ћ ћ	(Чь чь)
Ш ш	Ш ш	Sz sz	Š š	Š š	Š š	Š š	Ш ш	Ш ш
Щ щ	Щ щ	[Szcz szcz]	[Šč šč]	[Šč šč]	Šč šč	[Šč šč]	[Шч шч]	Щ щ
Ъ ъ [5])	(Ъ ъ [5])							Ъ ъ [6])
Ы ы	И и	Y y	Y y	Y y	(I î [7])	(I î [7])	(И и)	Ы ы
Ь ь	Ь ь	(ʻ)	(ʻ [7])	(ʻ [7])	(J j)	(J j)	(Ь ь)	Ь ь [8])
Ѣ ѣ	Е е	[Je je]	(Ě ě)	[Je je]	[Je je]	[Je je]	[Je je]	Ѣ ѣ [9])
Э э	Є є	E e	E e	E e	E e	E e	E e	Є є
Ю ю	Ю ю	[Ju ju]	[Ju ju]	[Ju ju]	[Ju ju]	[Ju ju]	[Jy jy]	Ю ю
Я я	Я я	[Ja ja]	[Ja ja]	[Ja ja]	[Ja ja]	[Ja ja]	[Ja ja]	Я я
Ѳ ѳ	(Т т)	(F f)	F f (Th th)	F f (Th th)	(F f)	(F f)	(Ф ф)	Ѳ ѳ
Ѵ ѵ	(И и)	(Y y)	I i (V v)	I i (V v)	I i (V v)	I i	И и (В в)	
[Кс кс]	[Кс кс]	X x	X x	X x	[Ks ks]	[Ks ks]	[Кс кс]	[Кс кс]
								Ж ж [10])
								І Ж і ж [11])
				Ä ä [12])				

[1]) Латинські „G g“ выражає малоруський язык знаком „Г г“ — „H h“ знаком „Г г“.

[2]) Głoski „G g“ — „H h“ co do brzmienia z językiem łacińskim zgodne.

[3]) ę, samogłoska nosowa co do dźwięku podobna staroſławiańskiemu ѧ. francuskiemu „en“.

[4]) ą = staroſław. ѫ = franc. „on“.

[5]) ъ = знакъ твердый; в правописи фонетичній лишає ся.

[6]) ь въ срѣда-та на речи-тѣ ся изговаря като ѣ, на край-тъ е безгласенъ.

[7]) ы izgovarja se podobno nemečkemu ü.

[8]) ь въ срѣда-та на речи-тѣ ся изговаря като ѣ, а кога-то ся намѣрва на край-тъ на думи-тѣ, нема гласъ, само че омѣгчава съгласна-та предъ нею стоящa буква

[9]) ѣ ся изговаря като я и ie.

[10]) ѫ ся изговаря като тъмно, гърленно а.

[11]) ѩ ся изговаря като і и ѫ.

[12]) ä vyslovuje sa jako ea skráteno povedanô.

R. P. Konjiški.

Tisk Mechitharistů [V. Heinricha] ve Vídni.

PG 520 S5
Slavianskii al'manakh
Slavianskii al'manakh

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 14 23 01 001 1